

ЭНДРЮ БАЛЬФУР

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

УДАР ШПАГИ

ЭНДРЮ БАЛЬФУР

Рисунки
Н. Парашюнова,

Москва
•МАХАОН•
2001

УДК 82/89
ББК 84(7Сое)
Б21

Художник Павел Парамонов

© Л. Ненадкевич, перевод, 2001
© Компания «Махаон», 2001

ISBN 5-88215-824-9

ГЛАВА 1

Об обстоятельствах моего рождения, роста и воспитания

Мне, Джереми Клефану, самому кажется странным, что в столь почтенном возрасте, которого милосердный Господь позволил мне достичь — а Он свидетель, что годы мои немалые, — я взялся изложить на бумаге все те удивительные путешествия и не менее удивительные приключения, которые выпали на мою долю.

Я шотландец до мозга костей — пожалуй, даже глубже, с вашего позволения, — и поэтому не могу писать по-английски с такой легкостью, как мастер Вильям Шекспир, знаменитый, как утверждают, своим изящным изысканным слогом. Я вынужден писать так, как умею, но, поскольку события в этой книге касаются в большей степени англичан, не говоря уже об испанцах, да еще может статься, что ее прочтут в Англии — ибо на моей памяти случались вещи и более странные, — наш школьный учитель пообещал мне исправить то, что будет нуждаться в исправлении, потому что имеются люди, которые не смыслят, какова из себя *хадди*, не знают, что такое *яммер*, и никогда не слышали об *уинне* или *макле**, а также и о многих других добрых словах на шотландском наречии.

Ни для кого не является секретом, что дети растут и, более того, что рост их происходит более в длину, чем в ширину, однако в силу тех или иных причин со мной это происходило иначе, и я, не очень усердно вытягиваясь в высоту, рос больше в ширину, пока к тому времени, когда настала пора мне идти в школу, я не стал, как утверждали все, самым необычным смертным в Керктауне. Я, конечно, не верил им, ибо в Керктауне встречались люди и куда более странного телосложения, но в глубине души с тревогой подозревал, что они говорят правду. Много раз я засыпал со слезами на глазах, ду-

---

* *Haddie* — пикша (рыба); *yammer* — жалобное стелание, плач; *wheen, muckle* — морские клетневочные узлы (шотл.).

мая о том, почему на мою долю выпало такое наказание, хотя впоследствии у меня было немало случаев благодарить судьбу за то, что в детстве я не вырос в длину. Тем не менее, хоть ширина моего тела равнялась высоте, а может быть, даже превосходила ее, я не хотел бы представить дело так, будто я был каким-то уродом, искалеченным непропорциональным ростом. Нет, тело мое выглядело вполне нормально, а лицом я, слава Богу, был даже привлекательнее многих своих сверстников.

У меня не была искривлена спина, плечи не горбились, как у некоторых, и хотя руки мои доставали до колен, так что из того — лучше быть длинным хоть в некоторых частях тела, чем коротким во всех.

Не удивительно, что после моего появления в школе мне была дана кличка «Коротышка», которая настолько прилипла ко мне, что не отстала и по сей день: менять ее не было причин, поскольку Провидение не меняло меня самого.

Мой отец был пылким последователем великого Нокса* — чей дом я имел счастье видеть собственными глазами, — а Реформатор всегда учил, что лучшим способом борьбы со злом является наставление людей на праведный путь, что особенно касается юношества.

Таким образом случилось, что Хол Клефан, который, по правде сказать, в молодости был изрядным шалопаем, в зрелом возрасте приоб-

---

* Нокс, Джон (1514—1572) — пропагандист кальвинизма в Шотландии, основатель пресвитерианской церкви, противник шотландской королевы-католички Марии Стюарт.

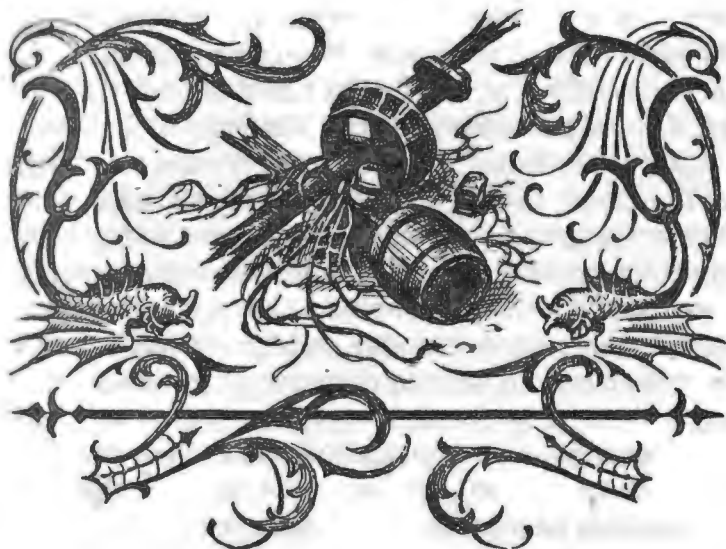

щился к мирной, оседлой жизни школьного учителя, ибо он был не без образования и отлично знал, как вкладывать его в умы и души малолетних лоботрясов.

Сначала немногие посещали его школу, но вскоре слава о ней распространилась до самого Сент-Эндрю на востоке и Данфермлайна на западе, и мальчишки, бывало, брели пешком по двенадцать и более долгих миль, чтобы послушать в приходской школе проповеди Хола Клефана из Керктауна.

По мере того как с годами я становился взрослее, хоть и не очень прибавив в росте, я пристрастился к чтению книг, и весь Керктаун уже видел во мне достойную смену моему отцу, так что если меня не окликали просто Джереми Коротышка, то порой величали даже «Маленький Учитель». И хотя — прошу заметить! — я всегда был скромным в своих мыслях и поступках, я чувствовал по этому поводу немалую гордость и не искал для себя ничего лучшего, чем учить в будущем уму разуму подрастающее поколение.

Однако, как вы, возможно, уже догадались, судьба распорядилась иначе, и я сейчас приступаю к изложению событий, которые вынудили меня отправиться странствовать по земле, не говоря уже о морях, и в первую очередь о странном человеке, жившем на берегу.

ГЛАВА 2

О странном человеке, поселившемся на берегу

Если я не корпел над Вергилием, Гомером или сочинениями Тита Ливия, то, будучи ущемленным в росте, занимался тем, чтобы всеми доступными мне способами укрепить силу и ловкость тела, данного мне от природы. С этой целью я часами упражнялся, подтягиваясь и кувыркаясь на ветке дерева, или ходил на веслах чуть ли не до середины Ферта*, несмотря на то что наличие подозрительных судов и

---

* Ферт-оф-Форт — залив Северного моря у восточного побережья Шотландии.

английских кораблей-шпионов* в этих водах делали небезопасными прогулки далеко от берега; иногда я искал среди камней птичьих яйца или пытался подстрелить баклана или поморника из пистолета, который я стащил из ящика отцовского стола. Но больше всего, однако, я любил раздеться догола и погрузиться в прозрачную зеленоватую бездну, резвясь от души среди морских волн, омывающих скалистый берег, в результате чего я почти превратился в рыбу, научившись прыгать, нырять и кувыркаться в воде — я утверждаю это, несмотря на свою скромность, — с поразительной ловкостью.

К сожалению, мне не с кем было делить эти скромные радости, потому что другие мальчишки сторонились меня, сколько я ни пытался присоединиться к их играм и развлечениям. Они меня побаивались, и некоторые даже распускали слухи, будто у меня дурной глаз. В конце концов я их невзлюбил и с горечью в сердце продолжал бродить без цели в одиночестве, с грустью размышляя о своей печальной судьбе и укрепляя силу рук к тому времени, когда мне придется наказывать розгами их нерадивых детей.

Так было и в тот день поздней осенью, когда я отправился гулять вдоль побережья, хоть и не должен был бы этого делать, ибо в признаках приближавшегося шторма не было недостатка.

---

* Шотландия объединилась с Англией личной унией лишь с утверждением на английском престоле шотландской династии Стюартов (1603 г.). До этого Шотландия была независимым государством, которое Англия безуспешно пыталась покорить.

Ранним утром небо над Фертом было совершенно чистым, и Львиный холм, возвышавшийся неподалеку от города Эдинбурга, виднелся так отчетливо, словно находился всего в нескольких милях, а здание городской ратуши в Берике виднелось еще четче.

Тучи начали накапливаться по мере того, как разгорался день, и ветер, налетая сначала короткими шквалистыми порывами с дождем, постепенно набирал силу и спустя час после начала моей прогулки заревел на берегу в полный голос, свистя и завывая в верхушках деревьев, срывая мертвые листья и кружа их перед собой.

Я брел все дальше, совершенно равнодушный ко всему этому, пока не оказался милях в восьми от Керктауна, в месте диком и безлюдном, где вся прибрежная полоса была усеяна скалистыми рифами, уходящими далеко в море, мрачными и зловещими. Не успел я подумать об укрытии, ибо мелкий морозящий дождь становился все сильнее и холоднее, как вдруг с залива донесся грохот пушечного выстрела, а за ним и второй. Я устремил взгляд в сторону моря и напряг зрение, чтобы преодолеть сгустившийся сумрак, но ничего не увидел. Я уже повернул было к лесу, когда краем глаза уловил вдалеке сверкнувший огонь, за которым снова последовал унылый гром выстрела.

В тот же момент туман немного рассеялся, и передо мной, едва в двухстах ярдах от границы рифов, появился большой корабль с двумя стройными мачтами, прямыми парусами и высоко задранной вверх кормой, беспомощно

ныряющий и пляшущий среди свирепых седых волн разбушевавшегося моря.

Пока я с удивлением разглядывал его, до меня через водное пространство долетел отчаянный крик, и корабль тяжело развернулся лагом к волне, так что мне стали видны жерла орудий, зловеще скалившиеся из его раскрытых портов; желтая полоса, проходившая вдоль его корпуса и плоские полотнища парусов, прижатых ветром к мачтам. Корабль раскачивало и трясло, как собака трясет крысу; затем наконец медленно, повинаясь рулю, его нос повернул в сторону от меня, паруса заполоскали и наполнились ветром. Но тут вместе с дождем и туманом, закрывшим от меня судно, налетел очередной яростный порыв ветра; я замер в ожидании, оцепенев от ужаса, ибо еще до того, как туман сомкнулся вокруг корабля, я заметил, что нос его опять скатился под ветер, и понял, что, если шквал продолжится еще несколько секунд, его вынесет на рифы.

Ветер утих, но только на какой-то момент, словно для того, чтобы вернуться с новой силой и яростью, и тут до моих ушей донесся звук, заставивший меня броситься, карабкаясь и цепляясь пальцами за неровную поверхность мокрого камня, на длинную скалистую косу, протянувшуюся между огромными, седыми, покрытыми пеной волнами далеко в море. Это был дикий крик ужаса, истощный вопль и стенания гибнущих душ, заглушивший вой и рев шторма и грохот и плеск валов, разбивающихся о заросшие водорослями прибрежные утесы.

Я карабкался все дальше, промокнув до нитки и затаив дыхание, но едва успел продвинуться вперед ярдов на пятьдесят, как услышал громкий удар, треск, скрежет рвущейся обшивки и еще один отчаянный вопль, после чего наступило молчание, если не считать голосов ветра и волн и испуганных криков морских птиц, носившихся в воздухе, точно листья, сорванные бурей.

Я скорчился с подветренной стороны утеса, потому что прилив почти достиг своего апогея и вода залила косу, разделив ее на две половины, так что я должен был вплавь преодолеть эту преграду, если хотел продвигаться дальше.

Я действительно намеревался продолжать свой путь, ибо меня охватила необычная тревога; дождавшись, когда дыхание мое вернется в норму, я выглянул из-за укрытия и увидел страшное свидетельство гибельной работы рифов, ветра и волн.

Искореженные обломки кораблекрушения с болтающимися на них обрывками перепутанных снастей кружили в яростных водоворотах между рифами; огромные валы, подхватив их на свои вспененные вершины, несли их с собой к берегу и, отхлынув назад, уносили снова в открытое море, где они исчезали в густом тумане, опустившемся над водой.

Я наблюдал, как обломки то появлялись, то исчезали из моего поля зрения; в основном это были части палубных надстроек и рангоута с остатками опутывавшего их такелажа, но спустя некоторое время, тяжело взлетая на волнах и снова погружаясь, из тумана выплыла мачта

с обломком реи, крестообразно прикрепленной к ней. Злые бешеные волны, обдавая ее потоками пены, гнали ее перед собой, набрасываясь на нее, словно цепные псы на пьяного бродягу, появившегося посреди деревенской улицы.

Я уже совсем было сравнил ее в своем воображении с Джорди Рамсэем с полупинтой «Королевского» внутри, которого волокут домой достойные представители ночной стражи в Керктауне, когда сердце мое внезапно подпрыгнуло, так как я мог поклясться, что заметил нечто, шевелящееся на мачте. Приставив ладони рупором ко рту, я что было сил окликнул этот движущийся предмет и замер в ожидании.

Я не ошибся. Темная фигура, вцепившаяся в крестообразный обломок реи, шевельнулась снова и взмахнула рукой в воздухе, но в тот же миг мачта взметнулась на налетевшей волне и, перевернувшись, тяжело рухнула вниз, так что мне показалось, хотя нас и отделяло не менее семидесяти ярдов, будто я расслышал плеск и журчание поглотившей ее воды.

Когда мачта вынырнула снова, темная фигура, цеплявшаяся за рею, исчезла, но рядом с мачтой появилась черная точка, в которой я распознал голову человека.

Я видел, что у пловца было теперь мало шансов снова ухватиться за спасительную мачту; более того, если Провидение сблизит их между собой, то массивное тяжелое бревно может попросту раскрыть несчастному череп и отправить его на дно. Поэтому я, будучи возбужден-

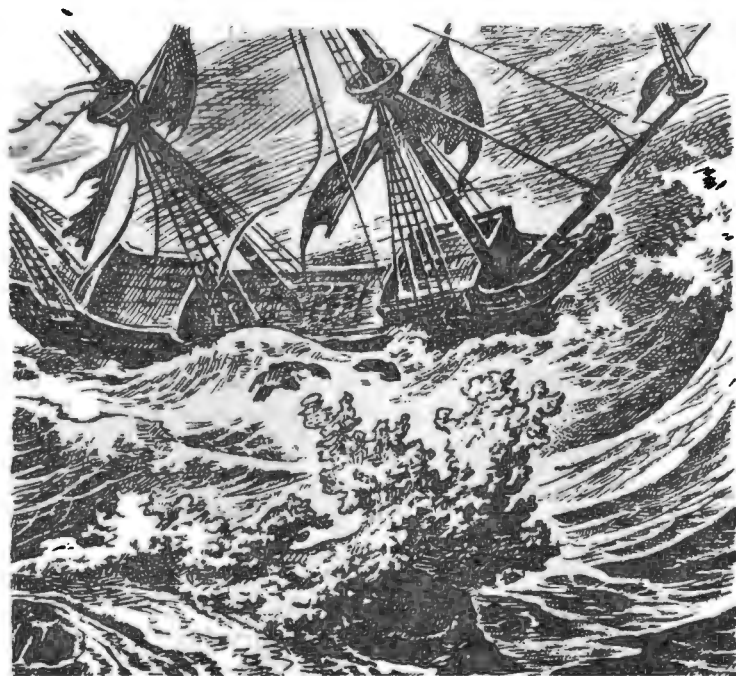
ным и слегка не в себе от горьких мыслей, сделал то, для чего в любое другое время у меня попросту не хватило бы духу: я сбросил с себя свою куртку и тяжелые башмаки и прыгнул в воду, стараясь выбрать место, свободное от водорослей и обломков.

Очевидно, я родился в рубашке; но, если бы я представлял себе хоть десятую часть исполинской мощи разъяренной стихии, я бы подумал дважды, прежде чем решиться на борьбу с ней. Тем не менее, очутившись в ее среде, я не собирался идти на попятную, и думаю, что мой короткий рост впервые в жизни оказал мне услугу, поскольку представлял меньшую длину для приложения силы волн.

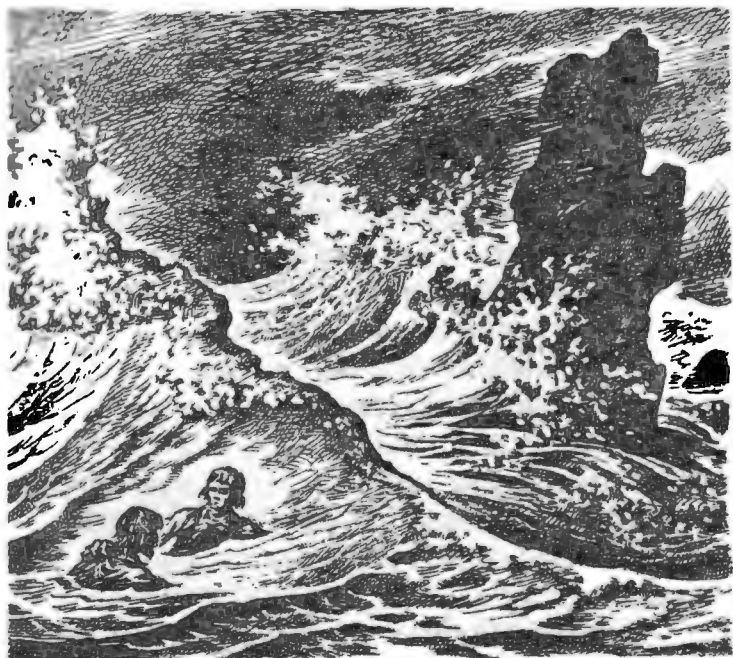
Моим намерением было помочь утопающему — будучи предоставлен самому себе, он, несомненно, должен был утонуть — добраться до узкой полосы спокойной воды, заливавшей косу, и вытащить его на твердую землю. Однако с первой же минуты я натолкнулся на серьезные трудности. Прежде всего обнаружить утопающего, находясь в воде, оказалось не так-то просто, потому что я мог заметить его голову среди волн только тогда, когда волна меня самого поднимала на свой гребень, а это происходило не часто, так как я предпочитал, как правило, нырять сквозь основание водяной стены, находя такой способ более удобным и привычным для себя.

В конце концов, наполовину захлебнувшийся и оглохший от грохота валов, разбивавшихся о рифы, я приблизился к пловцу и обнаружил, что это мужчина, да к тому же еще и старик.

Он едва удерживался на плаву, лежа на спине, так что я постарался постепенно подплыть к нему сзади. Он сильно вздрогнул, когда я схватил его за плечо, но я крикнул ему в ухо, что спасу его, если он не станет брыкаться; он не произнес ни слова, но остался лежать спокойно, отфыркиваясь и отплевываясь от заливавшей его лицо воды и судорожно хватая воздух широко раскрытым ртом. И тут я понял, каким болваном я был, рассчитывая на свои силы, и что со спасением у меня ничего не получится, потому что я не в состоянии был выгрести с буксируемым мной человеком к спасительной косе, а огромные волны сносили нас вместе с обломками корабле-

крушения в сторону берега, все ближе к опасным рифам.

«Две жизни взамен одной», — промелькнуло у меня в голове, и я подумал, найдется ли на свете хоть одна живая душа, которую огорчит гибель Джереми Коротышки. Придя к убеждению, что не найдется ни одной, я твердо решил с Божьей помощью никому и не давать повода для подобных огорчений, а посему собрался с духом и силами для борьбы с яростным прибоем у рифов, куда нас несло волнами. Вскоре мы очутились среди них, хоть для меня это время показалось вечностью, ибо тело спасенного мной человека с каждым мгновением становилось все тяжелее, а дышать становилось все

труднее, и еще труднее становилось удерживаться на поверхности.

Но я рожден был не для того, чтобы утонуть — во всяком случае не в этот раз, — и, когда рев прибоя между рифами стал грохотать в непосредственной близости от моих ушей, я, к своей неопишуемой радости, заметил справа от себя место, где сплошная линия кипящей пены прерывалась участком спокойной воды. Очевидно, здесь между скалами находился свободный проток, хотя чем он заканчивался — песчаной отмелью или острыми камнями — я не имел ни малейшего представления; я знал только, что достигнуть протока я обязан, если не хочу, чтобы меня измолотило вдребезги о рифы. Энергично вступая в схватку с водяными громадами, барахтаясь и отбиваясь изо всех сил от ярости окружавших меня, покрытых белой пеной бурунов, я обнаружил, что приблизился наконец к вожаделенному проходу между камнями и что волнами и течением нас быстро несет туда.

В памяти моей запечатлелись черные мокрые стены утесов по обеим сторонам, когда нас втащило в проток на гребне высокой волны, и затем все закружилось в водовороте; что-то ударило меня по голове, и больше я ничего не помню.

Когда сознание вернулось ко мне, уже стемнело. Я чувствовал головокружение, тошноту и противную слабость во всем теле, но главное — то, что я лежу на берегу под нависшей скалой, а неподалеку от меня на

земле сидит мужчина и усердно трет какой-то предмет, находящийся у него в руках. Мужчина повернулся, встал и подошел ко мне поближе; я сразу узнал его: это был человек, цеплявшийся за мачту, а занят он был тем, что тщательно полировал пригоршней мокрого песка блестящий клинок длинной рапиры. Я не имел ни малейшего представления о том, что произошло, и поэтому попытался спросить у него, но — как он впоследствии рассказывал мне — первыми моими словами, обращенными к нему, были:

— Кто я?

Я даже припоминаю, как меня удивили его слова, произнесенные в ответ с каким-то странным, необычным акцентом:

— Бог знает, кто вы, ибо ни в небесах над головой, ни на земле под ногами, ни даже в водах подземных пещер мне не приходилось встречать ничего подобного; мне известно только, что плаваете вы как рыба и обладаете черепом эфиопа, иначе уже давно были бы покойником, да и я, к слову сказать, тоже.

Тут я ему улыбнулся, потому что наряду со странной манерой разговаривать, о чем я уже упоминал, у него была еще смешная привычка задирать плечи и разводить руками; но вместе с улыбкой на меня навалилась тяжелая, одуряющая слабость, очертания фигуры незнакомца расплылись перед моими глазами, и я заснул.

Когда я проснулся вторично, солнце стояло уже высоко в небе и все признаки вчерашней сумятицы исчезли, за исключением тя-

желых валов прибоя, медленно накатывавших на берег, да обломков дерева и прочих следов кораблекрушения, то тут, то там видневшихся на скалах.

Неподалеку от меня весело потрескивал маленький костер, и спасшийся мужчина, сидя перед ним по-турецки, скрестив ноги, что-то варил на огне, о чем мне сообщили мои зрение и обоняние. Я почувствовал себя лучше и повернулся на бок; мужчина, услышав шорох, тут же обернулся, кивнул и улыбнулся мне.

— А, mon ami*, — сказал он, — вы соизволили проснуться. Поистине, могу поклясться, что спали вы сном праведника! Но лежите спокойно и не шевелитесь: скоро я приготовлю для вас кое-что подкрепляющее.

Я был не прочь последовать его совету, ибо голова у меня все еще болела — да и не удивительно, принимая во внимание зияющую рану на затылке с присохшими к ней волосами.

Теперь мне представлялась лучшая возможность разглядеть своего визави и создать о нем впечатление, поскольку если ему не приходилось видеть никого, подобного мне, то и я до сих пор не видел никого, подобного ему, так как чужие в Керктауне были большой редкостью.

Это был старый человек — во всяком случае, в моем представлении, — с седой головой, хотя в его черных усах и остроконечной бородке поблескивали лишь отдельные светлые прядки.

---

* Мой друг (франц.).

Волосы его были коротко подстрижены «ежиком», и лицо носило на себе следы интенсивного загара. У него были карие глаза и орлиный нос с горбинкой; рта я не разглядел под усами, но пришел к убеждению, что он должен быть большим и с тонкими губами. Что касается остального, то на нем был жилет, украшенный на груди кружевами, а рубаша, бывшая некогда белоснежной, теперь утратила свой цвет, хотя мужчина, очевидно, успел ее высушить, пока я спал.

На ногах у незнакомца были широкие, отделанные шелком бриджи поверх рейтузов более темного оттенка, туго и в то же время довольно элегантно облегавших его бедра, немного, правда, излишне тонковатые. Он и сам был скорее тощ, чем худощав, но жилист и крепок и, будучи роста выше среднего, вовсе не выглядел долговязым.

Больше всего меня поразило то, что он не расставался со своей шпагой, которую носил у бедра, прикрепленную к ремню, опоясывающему его туловище.

Я продолжал наблюдать за ним, когда он поднялся.

— Ух! — поежившись, сказал он. — Холодно, несмотря на солнце! Сможешь встать, как ты думаешь?

Я попытался и убедился, что могу стоять и передвигаться довольно свободно, тем более что одежда, успевшая высохнуть на мне, не причиняла мне особых неудобств.

Незнакомец пристально разглядывал мою приземистую фигуру, и я расслышал, как он

пробормотал про себя: «*Mon Dieu!*» — из чего я вывел заключение, что он француз, и не стал в связи с этим относиться к нему с большей симпатией, поскольку многие из них явились сюда во времена королевы** и, как мне было известно, неплохо прижились на нашей земле.

Тем не менее промыв рану на голове и умывшись у крохотного ручейка, струившегося вдоль каменного утеса и исчезавшего в прибрежном песке, я оставил эти мысли, заинтересовавшись более тем, что варилось в котелке: это была солидная порция солонины из выброшенного на берег бочонка, и я энергично накинулся на еду, так как меня самого пожирал нестерпимый голод.

— *Mon Dieu!* — снова услышал я его слова, когда покончил с трапезой, и на сей раз я заинтересовался, что он имеет в виду.

— Н-ну... — проговорил он, некоторое время внимательно приглядываясь ко мне. — Твой собственный отец не мог бы назвать тебя великаном, однако ты за один присест сумел проглотить столько еды, сколько я не съел бы и за три дня!

— У каждого свой вкус, — отпарировал я. — Кто знает, если бы вы ели побольше, то и ноги у вас были бы потолще!

С минуту он сердито смотрел на меня, затем разразился громким хохотом.

---

* Боже мой! (франц.)

** Мария Стюарт (1542—1587) — королева Шотландии с 1561 по 1567 г., бежавшая в Англию, где была по приказу Елизаветы I заключена в тюрьму и впоследствии казнена.

— Я протыкал людей насквозь и за меньшее! — сказал он. — Однако нам нельзя ссориться: ведь если я и спас тебя прошлой ночью, то не сумел бы добраться до берега без твоей помощи. Скажи хоть, как твое имя?

— Меня зовут Джереми Клефан, — ответил я, — и родом я из Керктауна.

— Кирктавна? — переспросил он, забавно исковеркав название поселка. — И где же это?

— На побережье, милях в восьми к западу отсюда, — удовлетворил я его любопытство.

— На каком побережье?

— Файфа.

— Diable! — воскликнул он. — Значит, мы на северном берегу этого проклятого Ферта! Вот тебе и мудрость *mesье le capitaine!* — и он сел на камень, погрузившись в глубокое раздумье.

— А могу ли я узнать, сэр, кто вы такой? — осмелился я спросить его. — И как назывался корабль, погибший здесь вчера вечером?

— Конечно можешь, — сказал он, подкручивая ус и насмешливо поглядывая на меня. — Я французский дворянин, и корабль прибыл из той же благословенной страны.

Мне стало ясно, что он не очень расположен к откровенности, но тем не менее я задал еще один вопрос:

— Как же мне обращаться к вам, однако?

— Обращаться ко мне! — воскликнул он. — По имени конечно!

— И как же оно звучит?

— Де Кьюзак — *mesье де Кьюзак*, — с поклоном представился он, — к вашим услугам!

Что-то в его глазах предостерегло меня от дальнейших расспросов, и, пока я сидел, глядя на него, мне пришло на ум, что сегодня школьный день, и если я не потороплюсь, то меня ждет крепкая выволочка от отца; поэтому я вскочил и затянул свой поясной ремень.

— Куда это вы? — спросил француз.

— Мне надо идти в школу, — ответил я.

— В школу? — удивился он. — Зачем вам здесь школа? Разве ваш Кирктавн — большой город?

— Нет, — ответил я, — это всего лишь деревня.

— Ну-ну, — проворчал он. — Не удивительно, что священникам так туго пришлось в этой стране. Adieu, мой мальчик, и спасибо тебе за твой вчерашний мужественный поступок!

— А разве вы не пойдете со мной? — спросил я его.

— В Кирктавн?

— Да.

— Ma foi! Разумеется, нет, — ответил странный француз. — Если место мне приходится по душе, то я в нем остаюсь. Только вот что, дружок: не говори никому о том, что здесь случилось, и приходи сюда завтра утром.

— Но меня ведь спросят, где я пропадал всю ночь и чем занимался, и если я не отвечу, то меня высекут!

Он засмеялся.

— Подозреваю, тебя это не так уж и беспокоит! — сказал он. — Тем более что ты, кажет-

---

* Несомненно, конечно! (франц.)

ся, вовсе не чужд маленькой лжи! Adieu, и до новой встречи!

Я повернулся и пошел прочь, немного озадаченный, ибо, честное слово, он говорил чистую правду!

ГЛАВА 3

О голом купальщике и о следах костра

На следующее утро, подождав, пока отец, нагрузившись книгами и прочими принадлежностями, отправится к школьному зданию на холме, я достал пистолет — или, как его называли в то время, самопал, — почистил его, сунул себе за пояс и, захватив кое-чего из еды и некоторый запас пороха и пуль, пустился по дороге, ведущей вдоль побережья на восток. Впрочем, дорогой едва ли можно было назвать узкую тропу, то вьющуюся между скал, то бегущую по краю крутых обрывов, поросших вереском, дикой рябиной, березняком и непролазными цепкими кустами колючего дрока; поэтому прошло больше двух часов, прежде чем

дорога свернула вниз, к заливу, на берегу которого я оставил француза.

Я заметил его еще на полпути, спускаясь по крутой тропинке, но с трудом узнал в нем моего прежнего знакомца. На нем была широкополая шляпа с длинным пером, с плеч свисал пурпурный бархатный плащ, а рубаша его была новая и чистая.

Должен сказать, что я не с первого взгляда обнаружил все перемены в костюме француза, поскольку в тот момент, когда я его увидел, он стоял, низко склонившись над темным предметом, который лежал на песке у самого края воды. Подойдя поближе, я понял, что то был труп — жестоко избитое и страшно изуродованное мертвое тело моряка, — о чем свидетельствовали его одежда и серебряный свисток, прикрепленный к кожаному ремешку, свисавшему с его мускулистой шеи.

Француз заметил мое приближение и молча кивнул, когда я встал рядом с ним.

— Это один из младших офицеров нашего злополучного судна, — сказал он, обращаясь ко мне. — Достойный человек, вне всякого сомнения, и единственный, кого до сих пор выбросило на берег.

— В таком случае нам бы надо его похоронить, — сказал я.

— Разумеется, — ответил француз, — но сначала мы возьмем у него то, в чем он больше не нуждается. — И он снял кожаный ремешок со свистком с шеи утопленника. — Должен с прискорбием заметить, *mon ami*, карманы его пусты, так что мы можем похо-

ронить его прямо сейчас, Господь да упокоит его душу!

Мне не очень понравилось то, что француз обыскивал мертвеца, а еще меньше его надгробная молитва, поэтому я ничего не сказал и лишь помог ему вырыть заостренным колом неглубокую могилу в песке, куда мы и положили утопленника. Погребение отняло у нас немного времени, после чего месье де Кьюзак, как он называл себя, достал из внутреннего кармана плаща трубку и табак, уселся на корточки, прислонившись спиной к прибрежной скале, и с наслаждением закурил. Я во все глаза с интересом наблюдал за ним, потому что в те дни мало кто употреблял проклятое зелье и мне до сих пор пришлось видеть лишь троих, занимавшихся этим делом, причем трубку курил только один из них.

Кое-кто может возразить, что в ту пору табак вообще не употреблялся, ссылаясь на сэра Уолтера Рейли* и его подвиги, но я советую вам спросить у них, жили ли они в те времена, о которых я пишу, и если они ответят отрицательно — что, несомненно, придется сделать большинству, — то прислоните указательный палец к носу таким манером, как я подскажу вам в дальнейшем, и уверяю вас, они замолкнут и не станут соваться больше в мою историю.

---

* Рейли, Уолтер (1552—1618) — английский мореплаватель, пират, поэт, драматург, историк, один из руководителей разгрома испанской «Непобедимой армады». Фаворит королевы Елизаветы I.

— Тебя удивляет, мой друг, — обратился ко мне наконец де Кьюзак, — где я взял эти нарядные тряпки и трубку с табаком?

Я кивнул утвердительно.

— Если ты заглянешь вон за ту скалу, — продолжал он, — то увидишь там сундук, выброшенный волнами на берег прошлой ночью; возможно, ты подберешь в нем кое-что себе по вкусу. По-моему, остроконечный колпак из фламандского сукна будет тебе очень к лицу, а там как раз такой есть.

— Мне не нужны вещи покойников, месье де Кьюзак, — возразил я.

— Прости, Господи, этого безрассудного мальчишку! Но, если я не ошибаюсь, — хитро прищурился он, — в том же сундуке мне попала на глаза очень неплохая рапира, сундук достаточно длинный и вместительный...

Однако я не расслышал конца его фразы, потому что был уже на полпути к скале, напутствуемый громким насмешливым хохотом француза.

Я обнаружил шпагу среди целого вороха одежды, которой был набит объемистый сундук, — длинный обоюдоострый клинок, утончающийся на конце и с рукояткой в виде креста. Я схватил шпагу и вернулся вместе с ней к французу.

— Сейчас ты похож на заправского рубаку, мастер Клефан, — заметил де Кьюзак. — С пистолетом за поясом, с рапирой в руках — ну просто настоящий воин!

Я понимал, что он всего лишь насмехается надо мной, но притворился, будто принимаю его слова всерьез.

— Возможно, и так, — сказал я, — но что толку от шпаги, если не знаешь, как ею пользоваться?

— Верно, о Солон*, — сказал он. — Верно, но заметь себе, мастер Клефан, — никому еще до сих пор не приходилось жалеть о том, что он оказал услугу де Кьюзаку! Поэтому, если ты будешь сохранять в секрете мое присутствие здесь, я научу тебя владеть шпагой, а может быть, и кое-чему еще, ибо, поверь мне, я не последний в искусстве фехтования, в чем уже многие успели убедиться!

— Если вы ответите мне на один вопрос, — сказал я, — то я стану делать все, что вы скажете.

— И что же это за вопрос?

— Вы не явились сюда с намерением причинить зло этой стране или населяющим ее людям?

— Храни тебя Небо, mon garçon!** — возразил он. — Я не трону ни стебелька травы у первой, ни волоска на голове у вторых. Я здесь исключительно по личному делу, и только.

— Честное слово? — спросил я.

— Честное слово, мастер Клефан, — ответил он, вынув трубку изо рта и торжественно кланяясь.

— В таком случае, — сказал я, — мы могли бы начать прямо сейчас!

— Mon Dieu! — воскликнул он. — И ты не дашь мне даже выкурить трубку до конца?

---

* Солон (635—599 до н. э.) — афинский архонт, один из семи древнегреческих мудрецов.

** Мой мальчик (франц.).

Можешь мне поверить: ты будешь сыт по горло этими шпагами, если доживешь до моих лет! Кстати, ты благородного происхождения?

— Мой дядя — сэр Роджер Клефан из Коннела, — ответил я, — и если бы не заговор, в котором участвовал мой дед, то отца сейчас бы звали сэром Холлом Клефаном, а меня сэром Джереми. Но дед был объявлен вне закона и потерял свои земли и титул, а моему отцу наплевать и на то и на другое.

— А кто твой отец?

— Школьный учитель.

— Mon Dieu! — комично всплеснул он руками. — Станный вы народ, шотландцы! Но поскольку я выкурил трубку, сэр Джереми, то начнем наш первый урок, потому что, как видишь, я тоже превратился в учителя!

— Минуточку, сэр! — прервал я его.

— В чем дело?

— Я бы не хотел, чтобы меня так называли, месье!

— О, прошу прощения, мастер Клефан! — ответил он, снова сгибаясь в изящном поклоне. — Я буду это иметь в виду; а теперь становись здесь и скрести свою шпагу с моей... Правильно! Ноги слегка согни в коленях, правую вперед... Корпус держи прямо, плечи развернуты... Молодец!

Вот так я получил свой первый урок в искусстве владения шпагой.

— Из тебя получится отличный фехтовальщик, — сказал француз, когда мы закончили, — ибо, клянусь святым Антонием, у тебя необычайно длинный выпад и быстрые ноги. Будь ты

хотя бы на фут-повыше, я бы поостерегся встретиться с тобой в поединке месяца через два!

Я был весьма польщен этой похвалой и поблагодарил его за урок, после чего он рассказал мне много историй о войнах, о королях, о чужих странах, и я слушал его до тех пор, пока не почувствовал отвращение при мысли о предстоящей мне скучной и однообразной жизни школьного учителя в Керктауне. Пожалуй, мне лучше было уйти, и я сказал об этом французу; он спросил меня почему и, когда услышал мой ответ, присвистнул и пожал плечами.

— Я начинаю думать, мастер Клефан, — сказал он, — что в твоём толстом черепе действительно имеются мозги!

Я распрощался с ним и отправился восвояси, погруженный в размышления, так как в течение последних двух часов мне дважды намекнули о том, что у меня имеются мозги. Признаться, я начал было даже подумывать, не скрывается ли в этом утверждении некая доля правды. Француз окликнул меня и поинтересовался, что я намерен делать со шпагой.

— У меня есть для нее укромное местечко, — отозвался я, и он больше ничего не сказал, но, достав свою трубку, снова уселся под скалой. Таким он и запомнился мне в тот день напоследок: тонкая голубоватая струйка дыма из трубки и одинокая фигура, сидящая на берегу, подтянув острые колени к подбородку и устремив неподвижный взгляд через широкое водное пространство Ферта.

Боюсь утомить вас описанием того, как я каждое утро встречался со странным человеком

на берегу. Время от времени я приносил для него еду, помогал ему в рыбной ловле и в строительстве грубой, примитивной хижины под прибрежным утесом, а также в погребении еще десяти мертвых тел, выброшенных на берег, каждое из которых он подвергал тщательному обследованию, всякий раз оставаясь явно разочарованным достигнутыми результатами. Казалось, будто он разыскивает какого-то особого мертвеца и никак не может найти; меня разбирало любопытство, не это ли обстоятельство удерживает его на берегу, и я подумал, что борода его станет такой же белой, как и голова, прежде чем он дождетя своего утопленника.

Тем не менее он, по всей видимости, был вполне доволен своей жизнью и даже пребывал в отличном расположении духа, давая мне уроки фехтования, хваля меня за успехи и громко ругая, когда я пропускал укол или не успевал парировать выпад.

Мне следовало предварить свое повествование сообщением о том, что он весьма искусно прикрепил по пуговице на концах наших шпаг во избежание опасности для нас обоих, иначе в процессе обучения я был бы раз десять убит, хотя по истечении двух недель я уже довольно уверенно держал в руках рапиру и изучил немало всевозможных приемов.

Я упомянул, что не хочу утомлять вас описанием скучных подробностей происходившего; достаточно сказать, что прошел месяц, наступил второй, и я опять вернулся в школу, но на сей раз не как школьник, а как младший учитель, так и не проникнув ни на йоту в тай-

ну загадочного француза, если не считать выброшенного волной на берег обломка доски, на котором можно было прочесть выведенное желтой краской слово «Niveau»*, — очевидно, название погибшего корабля.

Хотя школьные дела и отнимали у меня немало времени, я всегда находил возможность навеститься к своему знакомцу вечером, перед наступлением темноты; отец не возражал против моих прогулок и только спрашивал, много ли я нашел птичьих яиц и неужели я все их съел.

Как ни странно, но, получив на то законное право, я утратил всякое желание подвергать мальчишек порке или другим телесным наказаниям, сумев и без этого прибрать их к рукам после того, как изрядно поколотил самого сильного из них, посмевшего подвергнуть сомнению мой авторитет.

Отец не переставал удивляться мне и постоянно недоуменно качал головой, но, я думаю, болезнь, которая впоследствии унесла его в мир иной, уже в то время поразила его, ибо он часами сидел неподвижно, молча уставясь в пространство перед собой, позабыв даже о кружке с теплым грогом, стоящей у его локтя.

Меня очень печалило все это, но я был бессилен что-либо предпринять, потому что всякий раз, когда я спрашивал, чем я могу ему помочь, он в ярости набрасывался на меня и прогонял прочь.

Поэтому мне ничего не оставалось, как втайне от отца послать за его сестрой, моей теткой,

---

* «Сова» (франц.).

которая имела на него влияние, так что у меня немного отлегло от сердца и я стал более спокоен за его судьбу.

Прошло уже два месяца с тех пор, как «Нивон» — если таким было название судна — потерпел кораблекрушение у берегов нашего залива, и зима уже настойчиво вступала в свои права; поэтому я не удивился, когда де Кьюзак однажды заявил мне, что собирается уходить. Вместе с тем у меня возникли сомнения, была ли зима единственной причиной его ухода, поскольку к тому времени произошли два события, которые навели меня на определенные размышления.

Одним погожим днем, придя к французу раньше обычного, я не нашел его на берегу и удивился, куда он мог подеваться, пока наконец не обнаружил его на самой дальней оконечности того длинного рифа, о котором я уже упоминал.

В этом не было ничего удивительного, поскольку здесь отлично клевали тресковая молодь и прочая мелкая рыбешка; странным было то, что, несмотря на резкий порывистый восточный ветер, задувавший над Фертом, француз был совершенно гол.

Я заметил, как он вздрогнул, когда я окликнул его, и помахал мне рукой, предлагая подождать его на берегу.

Я наблюдал за ним, пока он одевался и ловко, перепрыгивая с камня на камень, пробирался назад вдоль рифа; если он и был сердит на меня, то не показал этого ни словом, ни жестом.

— А, mon ami, — сказал он. — Знай я, что так холодно, ни за что не стал бы купаться! Море здесь куда холоднее, чем во Франции.

— Само собой разумеется, — сухо ответил я, так как видел, что он мне лжет: кому могло прийти в голову купаться в такой день, когда ветер пронизывал человека до мозга костей? К тому же француз не отличался, по моим наблюдениям, особой любовью к морским купаниям и даже для умывания предварительно согрел воду в котелке над костром.

Более того: кто, отправляясь принимать морские ванны, вытирается льняной сорочкой или бархатным плащом, не захватив с собой для этой цели ничего более подходящего?

Француз заметил мой насмешливо-скептический взгляд и внезапно вспыхнул, побагровев от неистового гнева.

— Mon Dieu! — воскликнул он. — Ты, кажется, подозреваешь меня во лжи? Ну-ка, обнажайте шпагу, сударь, и я научу вас с большим почтением относиться к моим словам!

Видя, что он не намерен шутить, я выхватил шпагу и встал в позицию, решив придерживаться оборонительной тактики, потому что со всеми своими чудачествами и несмотря на то что он был явный папист мне нравился этот странный француз, живший отшельником на берегу. Он яростно набросился на меня, и мне пришлось бы туго, если бы я не обладал некоторыми преимуществами, поскольку на концах наших шпаг не было больше предохранительных пуговиц. Во-первых, он нападал, а я защищался; во-вторых, он был разъярен, а я спо-

коен; в-третьих, он явно недооценивал моих физических качеств, не подозревая, что я каждую свободную минуту использую для атлетических упражнений. К тому же он был учителем, а я учеником, и мне очень не хотелось ударить лицом в грязь перед ним во время столь серьезного экзамена. Поэтому я был очень внимателен и старался четко выполнять все положенные приемы защиты; мне удалось успешно парировать несколько довольно опасных выпадов, и наконец, уловив подходящий момент, я ловким поворотом кисти — хитрый прием, которому он сам меня и научил, — вышиб из его руки шпагу, которая отлетела в сторону шагов на двадцать.

Гнев его мгновенно улетучился, и он рассмеялся, хоть и немного грустно.

— Этого следовало ожидать, — проговорил он. — Старому петуху пора на насест! — И когда я посмотрел на него, я увидел в его глазах слезы.

— Ну что вы, месье де Кьюзак, — сказал я. — Это всего лишь случайность — мне просто повезло!

— Ты очень добрый, mon garçon, — ответил француз, — но я способен распознать собственное поражение. За два месяца ты превзошел своего учителя. Что ж, такова судьба: мне больше учить тебя нечему.

Тем не менее после этого случая мы продолжали упражняться ежедневно, потому что в деревне вспыхнула эпидемия простуды и школа была временно закрыта. Итак, мы проводили время как обычно до тех пор, пока не произошло второе событие, о котором я упоминал, и случилось это следующим образом.

Кажется, я уже говорил, что узкую полоску песчаного берега, где мы построили хижину и похоронили погибших моряков, от остального побережья отделяла стена высоких утесов, скалистым мысом вдаваясь далеко в море, хоть и не так далеко, как та цепочка рифов, у которых потерпело кораблекрушение судно француза. Однажды, когда мы ловили рыбу с рифа и радовались удачному клеву морских петухов и подкаменной трески, де Кьюзак внезапно вскочил на ноги, выпустив из рук леску, которая неизбежно пропала бы, не подхвати я ее вовремя, потому что на крючке у нее билась рыба. Прикрыв глаза ладонью, он пристально всматривался в скалистую стену, достигавшую восьми футов у края воды и постепенно повышавшуюся до двадцати футов в том месте, где она соединялась с береговыми утесами.

— Взгляни-ка, Джереми, — сказал он, — у тебя глаза помоложе моих, видишь ли ты что-нибудь вон там, над каменной стеной?

Я посмотрел в указанном направлении и заметил на фоне чистого неба тонкую струйку дыма, поднимающуюся из-за вершины ближайшего утеса прямо вверх, поскольку день был безветренный.

— Вижу дым, — сказал я.

— А что это означает?

— Костер, разумеется!

— Mon Dieu! — пробормотал он.

Наступила долгая пауза, во время которой мы оба молча следили за голубоватым дымком, расплывавшимся в прозрачном воздухе.

— Как удалось кому-то перебраться через стену незаметным? — спросил он наконец. — Можно ли вскарабкаться по скалам на ту сторону?

— Нет, — ответил я. — Даже кошка здесь не проберется. Единственная дорога туда — вверх по тропе, по той, что я спустился вниз, а потом через лес до самой кромки обрыва на той стороне.

— Твой пистолет заряжен? — спросил француз.

— Нет, — ответил я.

— Так заряди его!

Я повиновался, и он молча повернулся и быстро зашагал в сторону тропы. Подъем был и без того довольно труден, а тут еще пришлось продираться сквозь густые заросли колючего терновника, так что, прежде чем мы достигли скалистого обрыва на противоположной стороне каменной стены, наши руки были исцарапаны и кровоточили, а одежда порвана во многих местах.

— Теперь гляди в оба, — сказал де Кьюзак, когда я лег на живот и высунулся из-за края обрыва. — Старайся не шуметь да не свались в пропасть, чего доброго!

В следующий момент я уже перегнулся вниз, пристально всматриваясь в песок и камни далеко внизу.

— Ничего не видно, — доложил я, — ни дыма, ни костра и ни единой живой души!

— Что? — прошептал де Кьюзак и улегся рядом со мной. — Эх, Джереми! — сказал он. — Глаза у тебя есть, да только пользоваться ими

ты не умеешь! Видишь вон тот плоский серый камень?

Я кивнул.

— А на нем что ты видишь?

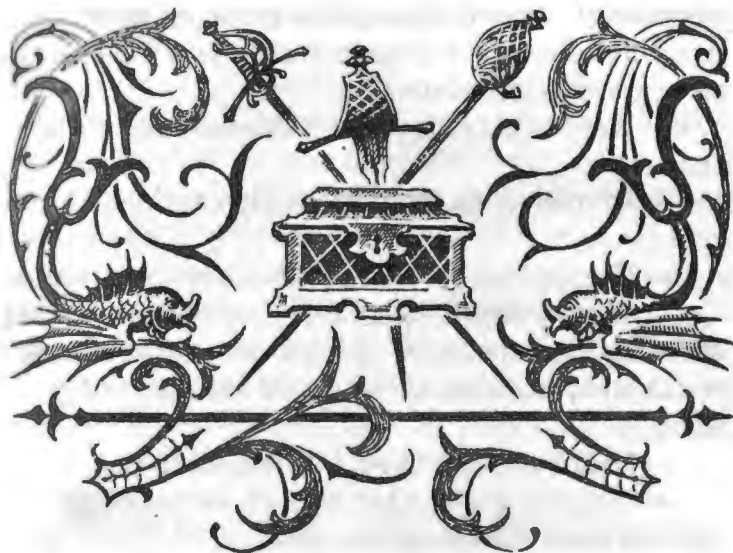
— Ничего, — ответил я, — кроме черного пятна.

— Вот именно, и это черное пятно — явный след от костра. Здесь часто горел огонь, Джереми, а огонь не разжигается сам по себе. Однако вернемся к заливу, а то меня все это начинает не на шутку тревожить.

Когда мы возвратились в хижину на берегу, он долго сидел неподвижно, время от времени бормоча что-то себе под нос; наконец он сказал, обернувшись ко мне:

— Тебе уже пора идти, Джереми, но сначала оставь мне свой пистолет: он может мне пригодиться.

Пистолет был мне ни к чему — я уже давно заметил, что подстрелить чайку или баклана значительно легче из обыкновенной рогатки, чем из этого неуклюжего самопала, — и я с готовностью оставил его французу. Распрощавшись с ним, я медленно побрел домой, размышляя над странными событиями и над тем, что ожидает нас в грядущем.

ГЛАВА 4

**О втором незнакомце, о коричневой
шкатулке и о помешательстве,
охватившем весь Керктаун**

На следующий день после вышеупомянутых приключений де Кьюзак и сообщил мне, что собирается покинуть наши края; он казался озабоченным и встревоженным. Я был очень огорчен, услышав о его намерении, поскольку понятия не имел, чем буду занимать свое свободное время без него; похоже, он догадался о моем самочувствии, так как неожиданно проговорил:

— Жаль, что я не могу взять тебя с собой, Джереми: ведь до сих пор мне так и не удалось превзойти тебя в том хитром повороте кистью,

которому я сам тебя научил! Кораблекрушение нарушило все мои планы, и теперь я вынужден скитаться в одиночку.

— Как же вы собираетесь скитаться? — спросил я.

— Diable! — сказал он. — Это вопрос вопросов!

— И куда же вы пойдете? — не отставал я.

— Будь у меня крылья, — ответил он, — я бы взял курс на Лейт*, но поскольку крыльев у меня нет, то мне абсолютно все равно, куда идти.

— Ничего подобного, — возразил я.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, пристально взглянув на меня.

— А то, что я могу взять у старого Эйба-лодочника быстроходный парусный ял, пригнать его сюда, взять вас на борт и сплавить в Лейт, и никто даже не догадается!

— Ты можешь достать лодку? — удивился он.

— Разумеется: я часто ходил на ней под парусом.

Он немного подумал, нетерпеливо притоптывая сапогом по песку.

— Это самый лучший вариант, — сказал он наконец. — Сколько времени тебе понадобится, чтобы приплыть сюда на лодке?

— Часа три, не меньше, — ответил я. — Но разве вы решили уйти уже сегодня?

— Чем раньше, тем лучше, Джереми, — сказал он. — Отправляйся за ялом; я буду ждать

---

* Портовый пригород Эдинбурга.

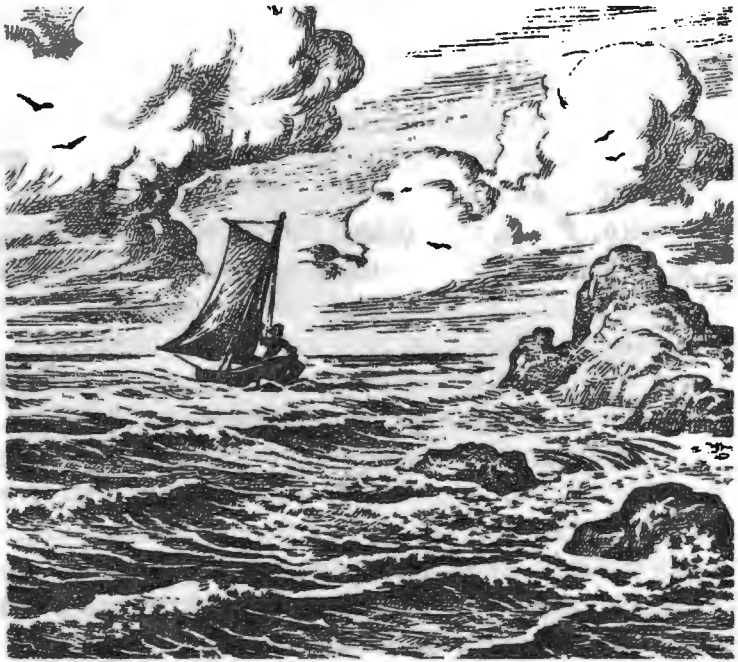
тебя здесь. День сегодня тихий, погожий, и ветер нам благоприятствует.

Я поспешил домой и вскоре без труда договорился о лодке со старым Эйбом: мне кажется, он относился ко мне благосклонно, потому что сам тоже был коренастым и низкорослым, вроде меня. Ял представлял собой юркое маленькое суденышко с неполной палубой, и, когда я вышел за пределы гавани, он живо побежал по волнам, так что у меня было время подумать, сидя на корме и держа в одной руке гладкую рукоятку румпеля, а другой управляя парусом.

Я размышлял о происшествиях последних двух месяцев, ломая себе голову над тем, что удерживало де Кьюзака на берегу столь долгое время. Едва ли он надеялся отыскать среди погибших какого-то особого мертвеца, потому что последнего утопленника выбросило на берег месяц тому назад, а остальная команда к этому времени давно уже превратилась в пищу для рыб и никогда больше не предстанет перед глазами простого смертного, во всяком случае, до дня Страшного суда. Может быть, на борту судна находилось сокровище, ведь де Кьюзак явно искал что-то в море в тот ветреный день, когда я застал его голым на рифе? Такое предположение было вполне правдоподобным, как, впрочем, и множество других, и поэтому я продолжал теряться в догадках. К тому же кругом ходили слухи о многочисленных заговорах, ибо королева Мэри* находилась в английской тюрьме, а мы в Керктауне были не так уж изолиро-

---

* Мария Стюарт.

ваны от мира, чтобы не знать о том, что творилось в Англии.

В конце концов я пришел к выводу, что какие бы причины ни вынуждали де Кьюзака жить на берегу, поблизости от места гибели судна, не менее веские причины заставляли его сохранять свое присутствие здесь в тайне, в чем меня убедило вчерашнее событие, а также беспокойство француза при виде следов чужого костра. Это ли послужило поводом для его поспешного решения покинуть здешние места, или он уже отыскал то, ради чего оставался здесь так долго?

Посвежевший бриз вернул меня к действительности, и мне пришлось все свое внимание

и сноровку приложить к управлению ялом, то и дело норовившим увильнуть под ветер, так что я вынужден был постоянно держаться поближе к берегу. Поэтому прошло не менее четырех часов с момента нашего расставания с де Кьюзаком, прежде чем передо мной открылись наконец очертания знакомого берега.

Однако не успел я обогнуть крайнюю оконечность рифа, как до моих ушей донесся резкий звук пушечного выстрела. Я быстро взглянул на берег и с трудом удержался от восклицания, так как там, где я оставил одного человека, теперь оказалось двое.

Одним из них был де Кьюзак, а вторым — я заметил это даже отсюда, из лодки, — значи-

тельно более крупный мужчина, оба стояли друг против друга со шпагами в руках, а между ними на песке лежал какой-то небольшой коричневый предмет.

«Должно быть, де Кьюзак выстрелил из самопала и промахнулся», — подумал я и в диком волнении повернул нос яла к берегу, ловя парусом малейшее дуновение ветра, чтобы поскорее добраться до цели.

Я молча следил за дерущимися, затаив дыхание, но ни один из них меня не заметил, поскольку все их внимание было занято нанесением и парированием ударов; шпаги их с невероятной быстротой мелькали в воздухе, а гибкие фигуры то сходились, то расходились, словно в каком-то странном и нелепом танце.

Берег становился все ближе и ближе, пока я не начал уже различать на нем некоторые детали. Так я заметил, что крупный мужчина был ранен в щеку — очевидно, пулей из пистолета — и что темный предмет между бойцами представлял собой небольшой сундучок или шкатулку. «Успею ли я?» — единственная мысль билась у меня в голове по мере того, как вода журчала и плескалась под килем яла и дорожка белой пены ровной полосой тянулась за его кормой.

До меня уже доносилось позвякивание стали — клик-клик, — но я все еще оставался незамеченным. Я молчал, стиснув зубы, изо всех сил удерживая рвущийся у меня из груди крик, боясь, как бы случайным возгласом не отвлечь внимание дуэлянтов.

Де Кьюзак явно теснил своего более крупного соперника и один раз, сделав ловкий финт, едва не проткнул незнакомца насквозь; однако тот успел вовремя уклониться и остался невредимым.

И тут я увидел, как незнакомец носком сапога толкнул сундучок под ноги де Кьюзаку; тот запнулся и, потеряв равновесие, сделал несколько неверных шагов; в мгновение ока незнакомец набросился на него.

Я на секунду зажмурился, потому что еще ни разу не видел, как убивают человека. Когда я открыл глаза, де Кьюзак лежал, неподвижно растянувшись на берегу, а его убийца хладнокровно вытирал клинок о пурпурный плащ француза, валявшийся рядом на песке.

Покончив с этим делом, он случайно оглянулся и увидел меня. Лицо его побледнело от неожиданности и страха, и он, подхватив сундучок, со всех ног бросился бежать, достигнув подножия каменной стены как раз в тот момент, когда днище лодки заскрежетало по прибрежной гальке.

«Ну погоди, пес: сейчас я до тебя доберусь!» — подумал я, выскакивая на берег с обнаженной рапирой в руке, предоставив ял собственной судьбе и пробегая мимо неподвижного тела де Кьюзака. Но, несмотря на то что я мчался со всей скоростью, на которую способны были мои ноги, незнакомец скрылся в густой поросли у основания скал, и, когда я добежал до нее, его уже и след простыл.

Я поспешно нырнул в кустарник, однако все мои попытки настичь незнакомца оказались

тщетными. Напрасно я искал его повсюду, царапая лицо и руки о колючие ветки, заглядывая за каждый куст, исследуя концом рапиры любую подозрительную щель в скале, — незнакомец как сквозь землю провалился.

— Да это, очевидно, сам дьявол!.. — пробормотал я в суеверном ужасе и осенил бы себя крестным знамением, будь я папистом, но поскольку я таковым не являлся, то просто стоял, оторопело уставясь на гладкую поверхность каменной стены, поглотившей негодая.

Тут я вспомнил, что если один из дуэлянтов бежал, то де Кьюзак остался и, возможно, нуждается в моей помощи; я быстро вернулся к нему, но с первого взгляда убедился в том, что помощь ему больше уже не понадобится. Француз был мертв: шпага убийцы насквозь пронзила его сердце, и тонкая струйка крови все еще продолжала вытекать из уголка его губ, окрашивая в ярко-алый цвет его темную бородку.

Я стоял над мертвым телом, оцепенев от горя и ужаса, и затем — я не стыжусь признаться в этом — разрыдался, как малый ребенок.

И ничего удивительного. У меня не было друзей, а этого человека я знал два месяца, и он был по-своему добр ко мне и многому меня научил. Я был еще очень молод, и тяжкая горечь утраты не стала еще для меня привычной.

Однако я быстро утер слезы и, следуя его собственным принципам, обыскал покойника, но не нашел ничего, кроме золотого медальона

со светлым локоном внутри и серебряного свистка, снятого им с мертвого моряка.

Они и сейчас лежат передо мной, когда я пишу эти строки, и даже теперь я с грустью вспоминаю о странном человеке, который умер, унеся с собой свою тайну. Я сделал для него все, что мог. Я похоронил француза возле его маленькой хижины, положив рядом с ним его шпагу, и, засыпая могилу песком, бормотал: «Господь да упокоит его душу», — так как знал, что ему бы это понравилось, хотя все молитвы — пустой звук, ибо, по моему разумению, уж коли человек мертв, то он мертв окончательно и одному Всевышнему дано судить о нем по его делам, добрым или злым.

Когда над могилой образовался песчаный холмик, я взгромоздил на него тяжелый сундук с одеждой и, подобрав лежавший на земле пистолет, снова зарядил его. Затем я вернулся к зарослям кустарника, но, как ни старался, не нашел и следа того, кого искал: незнакомец словно растворился в воздухе. И тем не менее я дал себе клятву, что, если встречу его на том или на этом свете, у него будут основания запомнить Джереми Коротышку и человека, которого он так подло заколол на берегу Файфа.

Отказавшись наконец от бесплодных поисков убийцы де Кьюзака — ведь незнакомец был не кем иным, как убийцей, — я покинул опустевшую хижину француза и его одинокую могилу и, не взяв с собой ничего, кроме пистоле-

та и рапиры, вернулся на борт яла, который все это время с полощущимся парусом качался на волне, скрипя килем по прибрежному песку.

Я оттолкнул лодку от берега и бросил последний взгляд на место, где провел столько приятных, хоть и необычных дней, пытаюсь проглотить тугой комок, подкативший к моему горлу и мешавший дышать. За всю обратную дорогу я сделал всего одну остановку, чтобы спрятать в укромном месте свою рапиру, ибо никто в Керктауне до сих пор не видел меня со шпагой и не знал о моем умении ею пользоваться.

Старый Эйб ожидал меня у лодочного причала, но у меня не было настроения болтать с ним, и я медленно побрел домой, чувствуя себя странно повзрослевшим оттого, что видел, как погиб человек, и размышляя, тот ли я Джереми, который покинул Керктаун всего несколько часов тому назад. Ночью, когда стемнело, я вернулся за шпагой, достал ее и с тех пор держал постоянно при себе. Я возвратился к прежней жизни и продолжал свои физические упражнения, втайне от других наращивая силу и ловкость, занимаясь резьбой по дереву и обучением в школе, где, как ни странно, мальчишки очень меня полюбили и в большинстве своем учились охотно и добросовестно.

Хоть я и мало общался со своими сверстниками и редко беседовал с ними, от моего внимания не ускользало все то, что происходило в Керктауне. И в один прекрасный солнечный

день, предвещавший скорую весну, я обнаружил, что многие, если не все, деревенские парни внезапно помешались — да, именно так я расценивал это — из-за девицы, недавно появившейся в Керктауне, или, чтобы быть более точным, в его окрестностях. Девицу звали госпожой Марджори Бетьюн, и она была единственной дочкой старого Эндрю Бетьюна, владельца поместья Крукнесс, который в молодости вынужден был бежать из страны и до сих пор жил в Швейцарии, где, как поговаривали, женился и где похоронил свою жену. Теперь, на старости лет, он решил вернуться домой, чтобы умереть на своей земле. Говорили также, что, когда он обнаружил, в каком состоянии находится его имение, он крепко выругался, поскольку землями Крукнесса пользовался всяк кому не лень. Ежегодно на одном из его лугов, носившем название «Зеленый дол», устраивались деревенские спортивные состязания, танцы и гулянья, запретить которые было некому, так что луг вскоре превратился в плотно утрамбованную площадку без единой травинки на ней. Заборы и изгороди были повалены, поля заросли кустарником, голубятня разграблена, о чем мне было известно лучше, чем другим, а плодовые деревья, или то, что от них осталось, одичали и захирели.

Вскоре, однако, каждый житель Керктауна понял, что всему этому произволу пришел конец, так как дом был приведен в порядок, изгороди восстановлены, а границы имения были обозначены щитами с надписями, которые,

впрочем, не каждый умел прочесть, угрожающими всякому, посмевавшему нарушить территорию частного земельного владения. Сам старый Бетьюн осел в своем поместье и занялся разведением скота, выращиванием зерна и живых изгородей; о случае, связанном с этим самым скотом, я расскажу немного позже. Итак, как я уже говорил, одним прекрасным предвесенним утром я в одиночестве — поскольку отец опять почувствовал себя плохо — вышел из дома с книжками под мышкой, направляясь вверх по холму к зданию школы, и встретил по пути Дика Рамсэя, владевшего тремя рыбацкими лодками; несмотря на юный возраст, он неплохо преуспевал и считался солидным человеком.

— Отличный денек! — сказал я, пробегая мимо, так как немного опаздывал.

— Угу, — прогнусавил он, страдая дефектом речи, вероятно из-за особенностей строения зубов, и затем крикнул мне вслед: — Эй, Джереми, погоди! Постой, Джереми!

Я сделал вид, будто не слышу, и продолжал торопливо идти своим путем.

— Мастер Клефан! — закричал он громче, но я не остановился. — Учитель! — заорал он во весь голос, так что я поневоле обернулся и спросил, что ему нужно.

— Слышал новость? — осклабился он, продемонстрировав в улыбке все свои кривые зубы.

— Какую новость? — поинтересовался я.

— Эндрю Бетьюн вернулся в Крукнесс.

— Ну и черт с ним, — отрезал я, потому что школьный колокол уже перестал звонить. —

И ты меня остановил только для того, чтобы сообщить об этом?

— Не-е, учитель, — лукаво подмигнул он, — но его дочка приехала вместе с ним!

— И что же тут особенного? — удивился я.

— Ничего я тебе больше не скажу! — обиделся он на мою резкость.

— И слава Богу! — бросил я и заторопился дальше, но прежде, чем я добрался до школы, мне навстречу попался не кто иной, как Дик Ханيمان, мой старый школьный одноклассник, я с ним не раз дрался и задавал ему изрядную трепку, но теперь он стал человеком с весом и положением в обществе, о чем он неизменно давал понять всякий раз, когда навещал родные пенаты.

— А, учитель! — сказал он. — Как жизнь проходит?

— Если ты о времени, — ответил я, — то, с моей точки зрения, слишком быстро.

— Ты прав, учитель, — согласился он, — ты чертовски прав; но слышал ли ты новость?

— Про Эндрю Бетьюна? — спросил я.

— Нет-нет!

— А о ком же тогда?

— О его дочери.

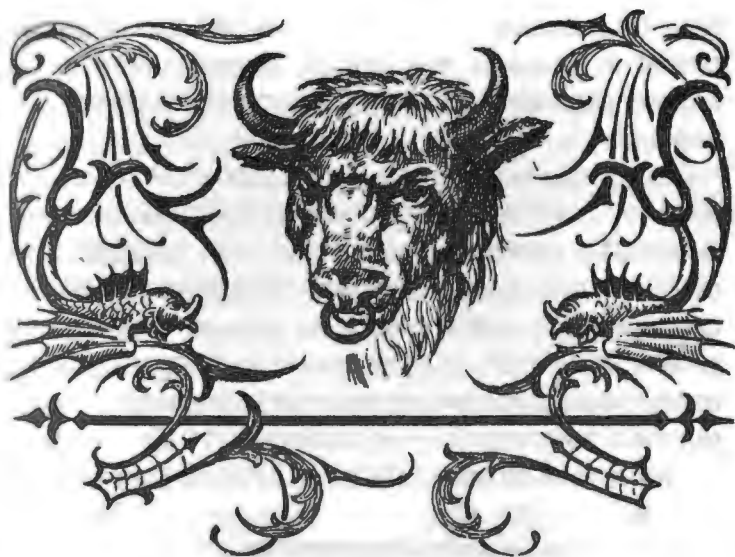
— Черт побери его дочку! — взорвался я.

— Надеюсь, этого не случится, — возразил он, — потому что я сам имею на нее определенные виды. Она прелестнейшая из всех девиц, на которых мне когда-либо случалось остановить свой взгляд, а я, честно признаться, — тут он хвастливо закрутил с полдюжины редких во-

лосков, произраставших у него под носом, — видел их немало в Эдинбурге!

— Неважно, кто ее возьмет — ты или дьявол, — отпарировал я, — потому что, кажется, мне не будет покоя от нее, пока один из вас не уберет ее из Керктауна!

С этими словами я поспешил на урок, оставив его в замешательстве глядеть мне вслед.

ГЛАВА 5

О девице Марджори и о нападении дикого стада

Все эти дни я пребывал в чрезвычайно дурном расположении духа: здоровье отца так и не улучшалось, и спустя некоторое время школьная жизнь стала казаться мне скучной и однообразной, потому что отнимала у меня много сил, и лишь очень немногим школярам мне удалось привить любовь к классике. Я все больше и больше возвращался мыслями в прежние дни, вспоминая де Кьюзака и его истории, задумываясь над тем, увижу ли я когда-нибудь те чудеса, о которых он говорил мне, ибо хотя старому Эйбу случалось придумывать и более замысловатые байки, однако он не умел рассказывать их

так, как это делал француз, — забавно задирая плечи и разводя руками, со своей неизменной насмешливой улыбочкой, которой мне так доставало.

Случилось однажды, что, проведя полдня в школе, я воспользовался прекрасной погодой и решил немного прогуляться, думая, как обычно, о де Кьюзаке и его загадочной судьбе; по рассеянности я надел на голову одну из отцовских шляп — солидный головной убор с широкими полями, истинное вместилище мудрости и познаний, — и заметил это только после того, как отошел на порядочное расстояние от школы.

Обнаружив свою оплошность, я не очень расстроился: меня мало заботило, в каком виде я могу предстать перед скучающими прохожими, хоть вид у меня, должно быть, был весьма любопытный — этаким низкорослый широкополый гриб на ножках.

Я продолжал свой путь, не замечая из-за полей шляпы, куда несут меня ноги, да не особенно об этом и задумываясь, пока не очутился, пройдя через разрыв в живой изгороди, посреди лужайки, поросшей короткой травой и круто поднимавшейся вверх, к гребню водораздела, закрывавшего от меня дальнейший вид.

Насколько мне помнилось, я никогда еще не бывал здесь, и не имел понятия, где я нахожусь, но, обнаружив спокойное и тихое местечко по своему вкусу, я стал медленно прогуливаться вдоль густой и высокой зеленой изгороди, пока, завернув за выступающий куст, не наткнулся на пожилого джентльмена и девушку, занятых

серьезной беседой. Мне сразу пришло в голову, что это, должно быть, Эндрю Бетьюн и его дочь, и я недолго оставался в сомнении, ибо, как только старик увидел меня, он поднял свою палку и яростно набросился на неожиданного гостя.

— Вы что, сударь, — закричал он, — читать не умеете, что ли? Какого черта вам здесь надо? Марджори, быстро позови людей: мы отведем этого мальчишку в дом, где, клянусь честью, я сумею научить его уважать чужую собственность!

Я поморщился, когда он назвал меня мальчишкой, потому что успел уже отрастить усы не хуже, чем у де Кьюзака. Что касается девушки, то она просто глядела на меня, не делая попыток куда-то бежать, и я быстро придумал способ, как обмануть старика, по своей глупости совсем упустив из вида, что он полжизни провел за границей.

Поэтому я просто пожал плечами и недоуменно посмотрел на него.

— Ты слышишь меня? — закричал он.

— *Ma foi*, — сказал я.

— Что ты сказал? — завопил он, потрясая палкой.

— *Mon Dieu!* — ответил я.

Старик в изумлении уставился на меня и затем произнес что-то, чего я не понял.

— *Ah, mon garçon*, — сказал я, как обычно говаривал де Кьюзак. В ответ на это он впал в неистовую ярость, затопал ногами и принялся звать своих людей, пока девушка не положила руку ему на плечо.

— Не думаю, что он француз, отец, — спокойно сказала она. — У него для этого слишком честное лицо.

Услышав такое, я забыл обо всем, восприняв ее слова как неуважение к памяти де Кьюзака.

— А у француза разве не может быть честного лица? — горячо возразил я. — Я знал одного, и он был честным и хорошим человеком!

Старик вздрогнул, услышав мою речь, и, насупившись, взглянул на меня из-под кустистых бровей.

— Он был вашим другом? — спросила девушка.

— Да, — пробормотал я, — но он умер.

— Сожалею, что я заговорила об этом, — мягко сказала она, — но мы тоже знали многих и очень пострадали от них.

До сих пор я почти не обращал внимания на нее, но, когда она так любезно обратилась ко мне со словами извинения, я поднял на нее глаза и сразу понял, почему помешательство поразило парней Керктауна.

Она была, пожалуй, ниже среднего роста, но держала себя так и обладала такой стройной фигуркой, что казалась значительно выше. На ней было простое синее платье, отделанное серебром, и свободный капюшон из той же ткани покрывал ее голову, но не мог удержать на месте выбивавшиеся из-под него вьющиеся локоны каштановых волос, которыми играл шаловливый ветерок.

Шею девушки окружало белоснежное жабо из какого-то мягкого материала, и ее малень-

кий подбородок с очаровательной ямочкой посередине покоился на нем с такой грациозной элегантностью, что от этого прелестного зрелища просто глаз невозможно было оторвать. У нее было овальное лицо, матово-белое, но без пресловутой болезненной бледности, способное наливаясь краской, в чем я вскоре убедился, глаза ее, большие и темные, прикрывали густые длинные ресницы, нос был прямой и превосходной формы, а рот не очень большой, но и не слишком маленький. Здесь я, пожалуй, остановлюсь, так как не обладаю способностью достаточно красноречиво описывать женскую красоту; повторю лишь, что я понял, почему все парни в Керктауне сошли с ума, и больше не удивлялся этому. Когда я заметил, как опустились ее ресницы и румянец смущения выступил на ее щеках, я сообразил, что слишком долго смотрю на нее, и просто сказал:

— Благодарю вас...

— А я буду вам благодарен, сэр, — вновь забушевал ее отец, каким-то чудом молчавший в то время, когда она говорила, — я буду вам благодарен, если вы тотчас же отправитесь с нами и дадите мне полный отчет о себе, так как если я не желаю видеть чужих людей на своей земле, то тем более не потерплю и карликов!

У меня руки зачесались от желания поквитаться с ним, но девушка всего лишь сказала с упреком:

— Отец!..

Старик замолк, и на лице его отразился стыд, который он, несомненно, должен был чувствовать. Но его крики навлекли на нас

неожиданную угрозу, потому что когда в ответ на негромкий возглас госпожи Марджори мы обернулись и посмотрели на гребень невысокого продолговатого холма, то увидели на его вершине стадо пасущихся на свободе диких коров, возглавляемых огромным быком палевой масти; страшилище рыло землю копытом, фыркая и принюхиваясь к воздуху, и, когда мы взглянули на него, угрожающе заревело.

Ему ответили остальные, и в следующую минуту стадо пришло в движение и начало медленно спускаться к нам в долину.

— Скорее, скорее! — закричала девушка. — Мы должны успеть добежать до ворот!

— А это далеко? — спросил я, прикидывая размеры живой изгороди, состоявшей из кустов колючего терновника, которые достигали здесь не менее шести футов в высоту и столько же в ширину.

— Ярдов сто отсюда!

«Господи, спаси нас», — подумал я, но не сказал ничего, потому что мы втроем уже дружно пустились бежать к воротам что есть мочи.

Животные, заметив нашу попытку спастись, чрезвычайно обрадовались неожиданному развлечению — или, во всяком случае, мне так показалось, — поскольку, пригнув головы к земле, с шумом и громом копыт бросились за нами вдогонку.

Вскоре я понял, что у нас нет никаких шансов обогнать стадо, и вторично за сегодняшний день придумал способ, как выйти из положения. На сей раз я был обязан этим старому Эйбу,

который рассказывал мне, как поступают испанские крестьяне, если на них нападает скот на пастбище. Я закричал, чтобы старый джентльмен и девушка продолжали бежать к воротам, и возблагодарил Всевышнего за то, что случайно захватил отцовскую шляпу; после этого я отбежал в сторону, чтобы встретить стадо на полдороге от холма. Оглянувшись, я убедился в реальной возможности спасения для Эндрю Бетьюна и его дочери, если мне удастся остановить животных. Поэтому, когда стадо находилось менее чем в сотне ярдов, приближаясь ко мне на полном ходу, я повернулся к животным спиной и, сняв с головы отцовскую шляпу, согнулся в пояснице так, что стал смотреть на них промеж широко расставленных ног.

Это были жуткие мгновения, когда я, стоя в подобной позе, наблюдал за живой лавиной с рогами и копытами, с шумом и грохотом несущейся на меня во всю прыть; стараясь по мере сил сохранить присутствие духа, я замахал шляпой и закричал, завопил и завизжал как сумасшедший.

Стадо продолжало приближаться и было уже ярдах в тридцати от меня, когда его огромный белый предводитель уперся передними ногами в землю и замер на месте, дрожа и фыркая от страха, удивляясь, вне всякого сомнения, что это за странная штука возникла внезапно перед ним. Остальные животные последовали его примеру и затем, к моим несказанным радости и облегчению, задрав хвосты, помчались обратно вверх по склону холма, подгоняемые моими криками и улюлюканьем.

Затем, не дожидаясь, пока они придут в себя, я побежал в противоположную сторону, к зарослям живой изгороди, так как боялся, что не успею достичь ворот, за которыми уже скрылись старик с дочерью. И действительно, вскоре стадо снова пустилось за мной вдогонку, и я понял, что сейчас начнется состязание не на жизнь, а на смерть, хоть я и считался неплохим бегуном, а дорога шла вниз под уклон.

Свой единственный шанс я видел в прыжке через изгородь; правда, я сомневался, хватит ли у меня для этого сил, но тут передо мной возник небольшой пригорок, с которого можно было попытаться перемахнуть через колючие кусты терновника, и я, затаив дыхание, помчался к нему, чувствуя тревожный холодок между лопатками.

Стадо было от меня на расстоянии вытянутой руки, когда я достиг пригорка и, не останавливаясь ни на мгновение, с разбегу прыгнул вперед и вверх, собрав воедино весь остаток сил.

Какое счастье! Проклятые коровы достигли изгороди одновременно со мной, с той лишь разницей, что они уперлись в нее лбами, тогда как я свалился на нее сверху, поскольку она была чересчур широка даже для самого рекордного прыжка.

В густом кустарнике было полно колючек, и довольно длинных, но мне было не до них: главное, я был в безопасности! С трудом выкарабкавшись из колючих зарослей, я кое-как спустился на землю, весь исцарапанный, рас-

трепанный и без шляпы. Не успел я прийти в себя, отдуваясь и озираясь по сторонам, как ко мне подбежал старый джентльмен и, схватив обе мои руки в свои, принялся трясти их бесчисленное количество раз.

Госпожа Марджори, следовавшая за ним, остановилась, глядя на меня со странным выражением в своих темных глазах, приоткрыв пунцовые губы, и — клянусь! — на сей раз в ее лице было достаточно краски. Когда старый джентльмен покончил с моими руками, он схватил меня за плечо.

— Простите ли вы меня? — спросил он.

— Мне нечего прощать, — сухо возразил я. — Земля ваша, и я не имел права нарушать ее границы, хоть и совершил это не по злему умыслу, а по рассеянности.

— Ни слова больше, ни слова! — закричал он, заметно взволнованный. — Эндрю Бетьюн, возможно, груб и суров, но он никогда не забывает услугу, а из всех оказанных мне услуг эта — величайшая! А теперь прошу вас, сэр, оказать нам честь и отобедать с нами, хоть время уже довольно позднее!

— Весьма вам признателен, — ответил я, — но позвольте мне сначала вернуться за отцовской шляпой, которую я обронил: отец очень ее любит.

— Но ведь она осталась на лугу, — с испугом сказала девушка.

— Без сомнения, — согласился я. — Однако коровы давно уже, наверное, скрылись за холмом, поскольку колючки терновника вряд ли пришлись им по вкусу!

Оба рассмеялись, после чего я перелез через ворота и без всяких приключений отыскал отцовскую шляпу.

— А теперь, сэра, — сказал старый джентльмен, — могу я узнать, кому мы обязаны своим спасением?

— Меня зовут Джереми Клефан, — представился я.

— Клефан? — переспросил он. — Вы случайно не родственник сэра Роджера Клефана из Коннела?

— Он мой дядя, хотя я его ни разу в жизни не видел.

— Возможно ли это? Возможно ли... — пробормотал старик. — Вы ведь совсем... — он смущенно замолк.

— Совсем не такой, как он, хотели вы сказать? — продолжил я, ибо мой дядя, по слухам, был шести футов ростом. — Да, вы правы: совсем не такой!

По всей видимости, горечь, прозвучавшая в моих словах, заставила девушку вмешаться:

— Это нисколько не умаляет ваших достоинств, сэра!

— Верно, верно, — подхватил старый джентльмен. — Древняя поговорка гласит: «Самая ценная поклажа бывает в маленьком узелке», и сегодня, я полагаю, мы убедились в справедливости сказанного!

Я поклонился, как это сделал бы де Кьюзак, но заметил, что мой изящный поклон заставил госпожу Марджори улыбнуться, и покраснел от смущения.

— Но, черт побери, если вы племянник сэра Роджера, — продолжал сэр Эндрю Бетьюн, — то вы должны быть внуком сэра Дика, бешеного Дика Клефана, моего старого друга и вождя, — и чтоб мне лопнуть, если вы не похожи на него лицом, хоть и не фигурой! Вашу руку, сэр Джереми, вашу руку!

— Я всего лишь мастер Клефан, — возразил я.

— Черт возьми! — закричал старик. — Для меня вы — сэр Джереми Клефан, но что вы делаете здесь, в Керктауне?

— Замещаю своего отца.

— Неужели старого Хола, «реформатора», как мы всегда называли его?

— Совершенно верно.

— И в чем же вы его замещаете?

— Я учитель в Керктауне.

В ответ на мои слова он захохотал и продолжал смеяться до тех пор, пока лицо его не побагровело.

— Господи помилуй! — приговаривал он сквозь смех. — Кто бы мог подумать: я угрожал палкой Клефану, да еще и учителю в одном лице! Ты слышишь, Марджори, слышишь, моя девочка? — И он только смеялся и качал головой всю дорогу, пока мы не подошли к дому — солидному каменному строению, скрывавшемуся в тени многочисленных деревьев.

Не хочу утомлять вас описанием того, как я обедал, какие незнакомые блюда я перепробовал — а старый владелец усадьбы любил хорошо поесть и знал в этом толк, — какие истории он мне поведал о том, как он с моим дедом участвовал в том роковом заговоре, который

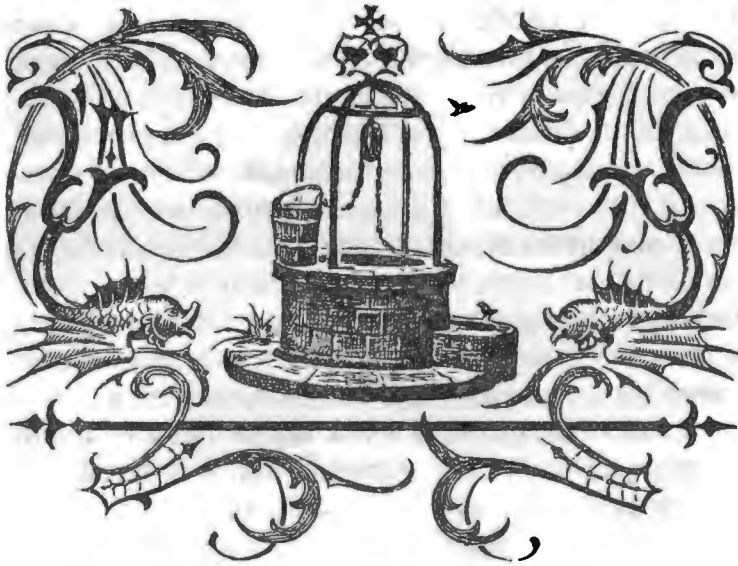
заставил его вместе со своими сторонниками покинуть Шотландию; о своей жизни за границей и о службе во Франции, поскольку он сражался на стороне гугенотов, не очень щедро, однако, насколько мне удалось понять, оценивших его заслуги.

Достаточно сказать, что я сидел, глядя на него во все глаза, но еще более на его дочь, которая всякий раз отвечала мне улыбкой, хоть больше и не краснела, что во мне почему-то вызывало сожаление. Прежде чем сообразить, что я делаю, я уже взял на себя обязанность в свободное время заняться с нею изучением классики и в ответ получил флягу редкого вина для моего бедного отца с обещанием повторить подобный дар неоднократно; затем, чувствуя легкое головокружение, я распрощался со своими любезными хозяевами и отправился во свояси. Тем не менее, хотя до Керктауна было не так уж далеко, добрался до дома я, насколько мне помнится, не скоро.

И вновь во мне возник интерес к жизни, ибо с течением времени я понял, что всеобщее помешательство поразило также и меня. Тщетно я пытался отогнать мысли о госпоже Марджори — она всякий раз возвращалась ко мне в моих мечтах.

И она была добра ко мне, более мила и любезна, чем кто-либо другой, и как-то случилось так, что я поведал ей о всех своих делах и надеждах, кроме тех, которые касались француза и второго мужчины на берегу; я слушал, как она поет военные песни гугенотов или любовные итальянские канцонетты, не понимая ни

слова и не особенно об этом заботясь, однако возвращался домой со звонкой мелодией в ушах и тупой тяжестью на сердце. И хотя я не отдавал себе в этом отчета и мало задумывался над этим, но именно здесь зарождались предвестники того, что меня ожидало, того, что пробуждало во мне надежды и заставляло сердце биться даже сильнее, чем тогда, когда я был свидетелем поединка на берегу или следил из-под расставленных ног за неотвратимым приближением дикого стада, и в то же время того — таковы неисповедимые пути Провидения! — что вынудило меня стать отверженным скитальцем среди чужих людей в чужих странах.

ГЛАВА 6

О том, что я увидел в колодце

Однажды в теплый погожий денек, устав от деяний Гектора и стенаний Приама*, мы с госпожой Марджори отправились вместе к расположенному неподалеку волшебному колодцу, способному, согласно поверьям, предсказывать судьбу всякому, кто заглянет в него.

— Как интересно! — без усталости щебетала она, улыбаясь мне. — Может статься, он покажет вам будущую миссис Клефан? Загляните в него, мастер Джереми, а потом расскажите мне, прежде чем настанет мой черед!

---

* Гектор — один из главных героев «Илиады», погибший в единоборстве с Ахиллом; Приам — последний царь Трои, отец Гектора.

Приступ помешательства навалился на меня с новой силой, и, сам того не сознавая, я открыл перед ней свое сердце.

— Видит Бог, госпожа Марджори, — сказал я, — у меня единственная избранница: я либо женюсь на ней, либо вовсе ни на ком!

Мои слова заставили ее слегка вздрогнуть и побледнеть; тем не менее она быстро взяла себя в руки, улыбнулась и насмешливо проговорила:

— В таком случае мы можем проверить, говорит ли колодец правду, — не так ли, мастер Джереми?

— Мне все равно, что скажет колодец, — пылко возразил я. — Главное, что скажете вы, госпожа Марджори. С тех пор как я вас увидел, я не могу думать и заботиться ни о ком, кроме вас. Я готов оставить школу, я готов работать, я готов сделать все, что угодно, ради вас, я готов ждать, только не говорите мне «нет»! — умолял я. — Ибо — клянусь вам — пусть я невзрачен на вид, я готов умереть за вас; и еще, Марджори... — я запнулся.

Я замолк, потому что она слегка засмеялась и, схватив меня за руку, потащила к краю колодца, который представлял собой небольшой круглый водоем, питаемый чистой и прозрачной родниковой водой. Она не произнесла ни слова, но только молча указала вниз. Я посмотрел в воду, как в зеркало, и тут я увидел, что она имела в виду.

Я увидел себя — низкорослого и приземистого, с диким выражением на лице — и рядом с собой ее — лишь самую чуточку повыше меня ростом, но стройную и грациозную, как

молодая пальма, которую я однажды видел на картинке; ее чистое и светлое лицо озарила улыбка — ироническая улыбка, объяснившая мне все. С минуту я стоял, глядя на столь разительный контраст, и затем со сдавленным криком, как смертельно раненный олень, бросился сломя голову бежать от нее, от колодца, от ее насмешливого взгляда в густые заросли кустарника — и ее звонкий серебристый смех несся мне вдогонку, добавляя новые мучения к моим страданиям и отчаянию.

Боже, каким дураком, каким слепым дураком я был, поверив, будто ее улыбки и любезное обращение означают нечто большее, чем простая игра ради препровождения времени, когда она забавлялась, позволяя мне обманывать себя и заставляя меня поверить в то, что я ей не совсем безразличен!

Больше не будет школы в Керктауне, и коротышка-учитель больше не будет учить в ней деревенских недорослей греческому и латыни — поклялся я себе. А раз так, то и делать мне здесь больше нечего. Ничто не удерживало меня теперь в том месте, где мои надежды потерпели столь сокрушительную катастрофу. Сердце мое разрывалось при мысли об отце, хоть он никогда не проявлял слишком теплых родительских чувств по отношению ко мне; но я знал, что его сестра, моя тетка, ненавидевшая все живое, кроме себя самой и своего брата, присмотрит за ним и не станет особенно тосковать по мне. Поэтому я дождался сумерек, положил в котомку немного еды, сунул за пояс пистолет и шпагу, захватил с собой все свои наличные деньги — насколько

ко мне помнится, это была единственная серебряная монета — и, понадежнее запахнув свой добрый плащ из плотной шерстяной ткани, потихоньку выскользнул в ночную мглу, ни с кем не попрощавшись, но с горькой тяжестью на душе. Повернувшись лицом к востоку, я отправился на поиски того, что приготовила для меня судьба, двигаясь по направлению к Королевской переправе через Ферт, расположенной в самом узком месте залива. Я шел всю ночь, так как не хотел, чтобы кто-нибудь догадался, куда я исчез. Это был долгий путь; впрочем, его облегчало то, что дорога шла вдоль береговой линии, и, когда забрезжил рассвет и на востоке показались первые проблески утренней зари, я уже стоял на вершине холма, по склону которого узкая тропинка вела вниз, к маленькой деревушке у переправы.

Ничто в такую рань не подавало еще каких-либо признаков жизни; я позавтракал тем, что захватил с собой в котомке, после чего, спустившись к берегу и отыскав удобную щель среди скал, завернулся в плащ и позабыл о своем одиночестве и о сердечной боли, предавшись сладким объятиям Морфея*.

Проснулся я от толчка, потому что какой-то человек грубо тряс меня за плечо.

— Ты на переправу, парень? — спросил он.

— Да, — ответил я, моргая и протирая глаза от остатков сна.

— Так поторопись, приятель, поторопись, иначе паром сейчас отойдет!

---

* Морфей — древнегреческий бог сновидений.

Я вскочил на ноги, помчался к паромному причалу, уплатил за переезд и ступил на борт одномачтового парома, причем лодочник, как мне показалось, взглянул на меня с недоумением и любопытством. В следующую минуту швартов был отдан, парус поднят, и мы вышли в залив; течение подхватило нас и понесло на восток от скалы Инчгарви, где оно было наиболее сильным, а глубины наиболее значительными. Кроме меня на борту находились еще два пассажира, два ранних путешественника вместе с лошадьми; оба весело смеялись и оживленно переговаривались, что меня сильно раздражало, поскольку я пребывал в крайне угнетенном настроении.

— Черт бы побрал эту переправу! — сказал один. — Если бы не она, нам не пришлось бы коротать ночь в гнусном постоялом дворе, рассаднике блох!

— Конечно, — согласился второй, — но чего же ты хочешь? Не будь здешней узости, пришлось бы предпринять долгое и утомительное морское путешествие, если, конечно, ты не предпочел бы переправиться через реку у Стирлинга, что добавило бы двадцать с лишним миль к нашему пути. А что бы ты еще мог предложить?

— Бог знает! — ответил первый из собеседников. — Не могут они разве протянуть канат от этой скалы на другой берег и переправлять людей в корзинах?

— Ты совсем рехнулся! Почему же тогда не построить мост, если уж на то пошло?

— По-моему, это ты рехнулся! Какой мост? Может, лучше прицепить людям крылья и на-

учить их летать? Двойной канат на вращающемся барабане — вот что здесь нужно!

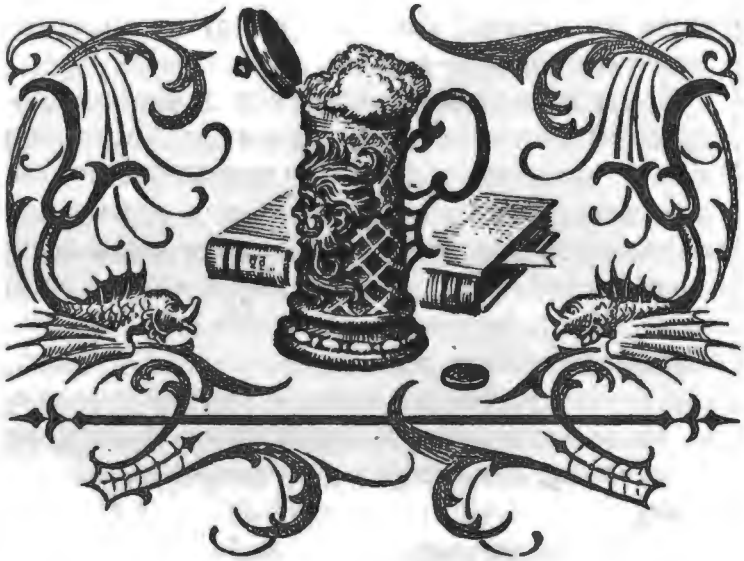
Паромщик усмехнулся, а оба спорщика продолжали дискутировать по поводу моста или каната, пока мы не достигли противоположного берега. Что касается меня, то я удивлялся их недомыслию, так как знал, что даже древние римляне не могли перекинуть канат в этом месте, не говоря уже о мосте. «*Ma foi*», как сказал бы де Кьюзак.

Я ступил на берег и впервые очутился на земле, не относящейся к территории Файфа, но присутствие духа в какой-то степени вернулось ко мне, ибо утренний воздух был свеж и легкий морской ветерок обвевал побережье. Поэтому я с более легким сердцем повернул на восток и направился к столице*, находившейся, как мне было известно, в девяти милях от Южной переправы.

Обеспечив себе пристанище на ночь и подкрепившись скромной трапезой, состоявшей из молока и овсяных лепешек, я вышел на улицу, и если у меня и возникли опасения, что кто-то здесь может меня узнать, то я зря тревожился, ибо каждый житель города, казалось, был занят своими собственными заботами и никому не было никакого дела до Джереми Клефана.

---

* Эдинбург — столица Шотландии.

ГЛАВА 7

О драке в таверне

Не прожил я в Эдинбурге и недели, как заметил, что деньги мои исчезают с такой катастрофической быстротой, что если меня не устраивает перспектива голодной смерти, то я должен чем-нибудь заняться, дабы заработать себе на пищу и кров. Вскоре, однако, я убедился в наличии в этом вопросе определенных трудностей, поскольку я не знал никакого ремесла и мне здесь некому было помочь. Сперва я подумал было взять себе французское имя и начать давать уроки фехтования, но потом вспомнил мою последнюю попытку выдать себя за француза и, хотя знал пару-другую французских слов, отверг этот план. Таким образом, в конце

концов я снова вернулся к учительству, несмотря на то, что для такого занятия здесь было мало перспектив. Я оставил таверну и снял крохотную комнатку под самой крышей дома в Лакенбутсе, где повесил вывеску, которую сам с немалым усердием и старанием написал на доске и украсил замысловатым резным орнаментом:

«Здесь Мастер Клефан обучает классической литературе, как греческой, так и латинской, поэзии и прозе».

Затем я занял место у окна и принялся ждать, наблюдая, как мой запас пенсов с каждым днем все скудеет и скудеет. Помню, на третий день после появления вывески я сидел, отчаявшийся и страшно голодный, ибо гордость не позволяла мне просить милостыню, невзирая на то что я вот уже два дня ничего не ел, кроме тарелки овсяной каши, которую из жалости принесла мне моя старая хозяйка, и размышлял над тем, что бы такое еще продать. О том, чтобы расстаться со шпагой, не могло быть и речи — здесь я был абсолютно тверд и непреклонен, — ходить без сапог и с непокрытой головой я тоже не мог; оставался, таким образом, один самопал. Это было довольно примитивное оружие, особенно по сравнению с современными изящными кавалерийскими пистолетами, но в то время оно представляло собой определенную ценность, и я знал, что на вырученную за него сумму мне удалось бы просуществовать несколько дней. Однако стоило мне об этом подумать, как я тут же вспомнил, что самопал — единственная вещь, оставшаяся мне на память

об отце, и все мое естество тут же восстало против идеи превратить ее в деньги. Взамен я принялся шарить по карманам в надежде отыскать в них завалывшуюся монету и обнаружил, что всей моей наличности едва ли хватит лишь на кружку пива; тем не менее голод грыз мои внутренности с такой яростью, как никогда прежде, а я не смел просить займы у своей квартирной хозяйки из боязни, что она вышвырнет меня на улицу.

Пока я сидел, уставясь на сиротливо лежавшую на столе одинокую монету, мне пришла в голову мысль отправиться в гавань, где я мог бы попытаться найти работу, так как умел обращаться с парусами и веслами, да и силенкой меня Бог не обидел; однако в глубине души я понимал, что это не было единственным поводом для моего решения: просто мне захотелось еще раз обернуться и посмотреть через Ферт в ту сторону, где был расположен Керктаун и где... — но при мысли о женщине, которая так жестоко насмеялась надо мной, я крепко сжал зубы и постарался выбросить из головы все воспоминания о прошлом.

Нацепить пояс со шпагой было недолгим делом, и вскоре я уже шагал по Эдинбургу — самый нищий из всех искателей приключений в городе. Пояс перетягивал мою талию так туго, что я едва не задыхался: я вспомнил историю старого Эйба о том, как он несколько дней провел в море, цепляясь за перевернутую лодку, и как туго затянутый ремень служил единственным успокаивающим и облегчающим средством для его пустого желудка.

Я расспросил дорогу до Лейта и нашел ее удобной и живописной, обсаженной высоким и густым кустарником, который в ночное время, вне всякого сомнения, служил отличным укрытием для грабителей и бандитов; впрочем, никто меня не тронул, ибо стоял яркий полдень, и я добрался до порта примерно за час. Городок был небольшой и довольно опрятный, но чрезвычайно оживленный и суетливый, знаменитый своими сукновальными и бумагоделательными мельницами. Имелась здесь и обширная корабельная верфь, а также отличный причал из тесаного камня, где грузились и разгружались с полдюжины судов, в то время как три или четыре стояли на якорях на рейде, ожидая своей очереди. Я устал с дороги и очень хотел пить, так как день был жаркий; поэтому я, махнув на все рукой, решил истратить свою последнюю монету на кружку пива и стал искать таверну, где бы мог немного отдохнуть.

Подобных заведений вокруг было немало, но выбор мой остановился на одном, где на вывеске был изображен большой желтый корабль и красовалась надпись: «Деревянная Рука» — по прозвищу доблестного сквайра Ларго, как я понял, — а корабль должен был изображать не что иное, как его знаменитый желтый фрегат: ведь во всем Файфе не нашлось бы и одного жителя, кто не знал бы о его славных делах*. Я вошел в низкую дверь и, сев за стол в темном

---

* Речь идет о знаменитом шотландском мореплавателе Эндрю Вуде (*wood* — дерево, деревянный).

углу, где мог наблюдать за улицей из раскрытого окна, потребовал пива с таким видом, будто привык выпивать по двадцать кружек в день. Когда служанка поставила передо мной на стол заказанное пиво, я не стал торопиться его пить, но продолжал молча сидеть, осматривая зал таверны, в которой я очутился.

Если бы старый сэр Эндрю увидел ее, он наверняка приказал бы свистать всех наверх, чтобы очистить палубу и привести в порядок помещение, одновременно изругав на чем свет стоит хозяина, неопрятного типа с хмурым лицом и трехдневной щетиной на подбородке.

Я подозвал его к себе, поскольку зал был пуст, и не без задней мысли спросил, много ли у него постояльцев. «Если он решит, что я собираюсь у него остановиться, — подумал я, — то он позволит мне подольше посидеть здесь, в углу...» Я очень устал, ослабел, и меня сильно клонило ко сну.

— Нет, сэр, — ответил трактирщик, — у нас нет никого, кроме одного французского драчуна и забияки; по правде сказать, он и разогнал всех моих постояльцев... Однако, — поспешно добавил он, видя, что выпустил кота из мешка, — вас-то он, конечно, не испугает, сэр!

— Пусть только попробует! Но что такого он натворил?

— Да он готов завести склоку с призраком собственного отца, — пожал плечами трактирщик, — и постоянно хвастает своим умением обращаться со шпагой. И в самом деле: он уже

ранил двух человек и отвадил всех моих постоянных клиентов!

— Так почему же вы не возьмете его за шиворот и не вышвырнете отсюда? — поинтересовался я.

— Я уже подумываю об этом, — ответил он, почесывая подбородок, — и, наверное, так и придется сделать... Впрочем, вот и он сам. Легко на помине! — И с испуганным видом — что было лучшим ответом на мои вопросы, чем все его слова, — трактирщик поспешил убраться, а до меня донеслись тяжелые шаги человека, спускавшегося вниз по лестнице, каждая ступенька которой громко скрипела, словно возмущалась, выражая свою боль и негодование.

Спустя мгновение дверь в зал с грохотом распахнулась, и вошел мужчина. Это был плотный кряжистый здоровяк, крикливо одетый по последней моде, с огромной чашкой на эфесе длинной рапиры, волочившейся следом за ним по полу. Он носил высокие кавалерийские сапоги со шпорами и производил больше шума, чем отряд конных гвардейцев, проходя к массивному столу в центре зала и усаживаясь на дубовый табурет.

— Эй, aubergiste!* — закричал он. — Где тебя черти носят? Иди сюда, дурак! — И он с важным видом закурил топорщащиеся концы своих длинных усов, которые вместе с клочком редких черных волос на подбородке

---

* Трактирщик (франц.).

составляли единственное украшение его лица, отвратительного как смертный грех, со щеками, свисавшими над тяжелой челюстью, точно у мастифа, и носившими на себе с полдюжины шрамов — следов от прежних драк и сражений.

Хозяин приблизился к нему, улыбаясь настолько приветливо, насколько допускала его внешность.

— Разве я не заказывал флягу вина и чего-нибудь перекусить к этому часу? — прорычал здоровяк, наклонясь над столом и уставив свой взор на несчастного владельца «Деревянной Руки».

— Н-нет, сэр, — промямлил последний. — Вы, очевидно, ошиблись...

— Хо-хо! Ошибся — вот как? Я, Жоффруа де Папильон, — ошибся? Не думаю, *maitre aubergiste*, нет, не думаю! — И с этими словами француз развернул бедного трактирщика и мощным пинком в зад отправил того через весь зал выполнять заказ, одновременно свалив табурет, который покатился в сторону входной двери.

Мне не было никакого дела до всего происходящего, но меня приводили в ярость манеры этого напыщенного хвастуна и то, как он хозяйничает здесь, в шотландской таверне; тем не менее я не выдал себя ни одним жестом, а он меня не заметил, потому что, как я уже сказал, я сидел в темном углу, а он вплотную занялся вином и блюдами с мясом и пирожными, принесенными ему услужливым трактирщиком. Пока я молча разглядывал

скандального француза, мучительно вспоминая, где я мог видеть подобного ему типа, тень, упавшая от окна, заставила меня обернуться, и я увидел проходивших мимо таверны молодого человека и пожилую даму. Оба остановились у той же двери, куда я сам недавно вошел, и принялись беседовать между собой. Несмотря на надвинутый на голову капюшон дамы, я заметил под ним ее прекрасное, благородное лицо, обрамленное аккуратными прядками серебристых волос. Молодой человек кивнул, в чем-то соглашаясь со своей спутницей, и вошел в дверь один, оставив даму ожидать снаружи. Я с удовольствием наблюдал его грациозную уверенную походку, его стройную фигуру, его умение с достоинством держать себя — и вдруг он споткнулся об упавший табурет и свалился на стол с такой силой, что расплескал вино прямо на колени французу.

— Умоляю простить меня, — сказал молодой человек с любезной улыбкой, вновь обретая устойчивость. — Всему виною этот табурет, — и он поднял его с пола. — Хозяин, новую флягу вина для этого джентльмена!

— Всему виной табурет, вот как? — с проклятием ощерился француз. — Всему виной твои неуклюжие ноги, бездельник! Diable! Не хватало еще, чтобы я позволил какому-то безумному шотландскому молокососу портить мой костюм!

Юноша вспыхнул и покраснел до корней волос.

— Зачем же так грубо? — сказал он. — Я попросил у вас извинения, и возместил пролитое вино, и, если вы настаиваете, могу купить вам новые штаны!

В ответ на его слова француз отшвырнул свой стул и с перекошенным от злости лицом медленно поднялся во весь рост из-за стола.

— Сказать такое мне, щенок? — прорычал он. — Мне, Гаю де Папильону, который может дважды купить тебя со всеми потрохами? Diable! Ответ на это может быть только один! — и он, перегнувшись, отвесил парню звонкую оплеуху.

Юноша оторопело уставился на него.

— Ну что? — сказал грубиян. — Съел? Да ты, я вижу, трус с куриной душонкой! Ха-ха! Тебе следует дать пинка под зад, чем я только что наградил твоего храброго приятеля, aubergiste!

— Я не трус, — возразил юноша, медленно извлекая шпагу из бархатных ножен, — но со мною мать, и я...

— Мать! — издевательски протянул француз. — Что ж, я полагаю, у большинства людей есть мать, хоть я и знавал кое-кого, кто не мог похвастать наличием отца! — Он насмешливо осклабился: — Ты случайно не из их числа?

— Боже мой! — ахнул юноша, побледнев от негодования. — Ты мне заплатишь за это, грязная скотина!

До сих пор я с любопытством молча наблюдал за развитием ссоры, но, когда увидел, что негодяй собирается хладнокровно убить несчаст-

тного мальчика, я поднялся и, покинув свой угол, вышел им навстречу.

Француз обернулся и увидел меня.

— Э, да что это? — воскликнул он. — Краб, настоящий краб, клянусь моими подвязками!

— Если я и краб, — спокойно ответил я ему, — то из тех, что умеют кусаться. Однако, сэр, — продолжал я, обращаясь к юноше, — вам не следует драться с этим человеком: он известный дуэлянт и он убьет вас.

— Мне все равно, — горячо возразил мальчик. — Он оскорбил меня и мою овдовевшую мать. Я буду драться с ним, даже если мне и придется погибнуть!

— Нет-нет, — запротестовал я, — подумайте о своей матери, друг мой; если хотите, я готов драться за вас!

Юноша в растерянности замолк, но презрительный смешок грубияна заставил его решиться.

— Благодарю вас, сэр, — холодно ответил он, — но я сам могу о себе позаботиться.

Видя бесплодность дальнейших уговоров, я отступил в сторожу, следя за тем, чтобы игра была честной, ибо я не доверял этому французу. Шпаги их скрестились, и бедный мальчик, без сомнения, делал все, на что был способен, но после нескольких выпадов гнусный негодяй обманным жестом отвлек внимание юноши и, прежде чем я успел этому помешать, как намеревался с самого начала, насквозь пронзил его грудь с такой бешеной силой, что с трудом выдернул шпагу из раны.

Оружие выпало из безжизненных пальцев юноши, и он рухнул навзничь, заливая кровью

грязные доски пола таверны. Трактирщик и я в ужасе глядели на него, но, прежде чем я успел обернуться к де Папильону, наружная дверь снова отворилась, и на пороге появилась старая дама, которую я видел из окна таверны.

— Ральф, — сказала она, — нам пора идти, если ты уже закончил... — и тут ее взгляд упал на темную неподвижную массу на полу. С криком, который много ночей спустя все еще продолжал звучать у меня в ушах, она бросилась к трупу и упала рядом с ним на колени, пачкая в крови белоснежные кружева своих манжет.

— Ральф, Ральф! — громко причитала она. — Сын мой, мальчик мой, ответь мне! Ты ведь не умер, верно? Боже великий! Он ведь не умер, не правда ли? Этого не может быть! Я же была с ним всего минуту тому назад! Ральф, Ральф, что с тобой?

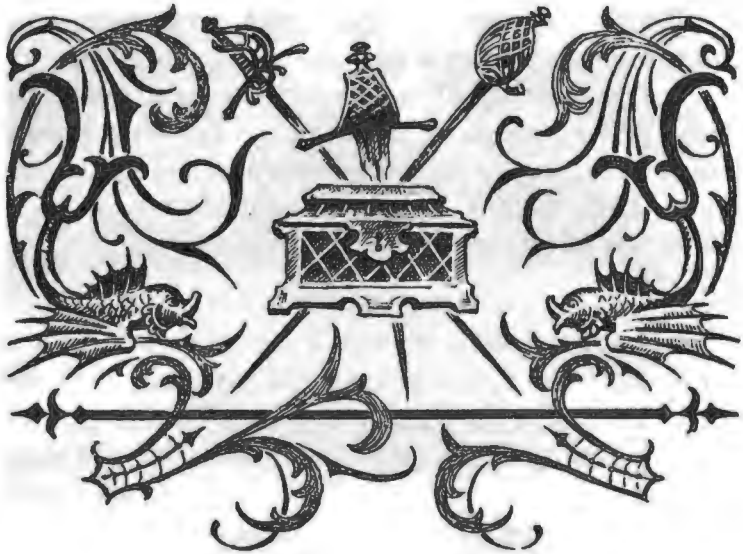
Она убрала вьющиеся белокурые волосы, упавшие ему на лоб, и дико уставилась на его бледное мертвое лицо. И тут она, как мне показалось, впервые увидела кровь у себя на руках, потому что лицо ее внезапно окаменело и в глазах появилось выражение, от которого мне стало не по себе.

Я посмотрел на француза: он стоял, со скупящим видом наблюдая эту душераздирающую сцену, небрежно покусывая кончик своего длинного уса. И в то же мгновение меня словно осенило: я заметил у него на щеке длинный белый шрам от пулевого ранения и узнал в нем человека, убившего де Кьюзака.

К этому времени старая дама, пошатываясь, поднялась с колен и наконец увидела меня.

— Ты, негодяй! — закричала она, сверкая бешеной яростью во взгляде. — Ты убил моего мальчика, моего единственного сына, а я вдова!

— Нет, мадам, — мягко возразил я, — но я намерен наказать того, кто сделал это!

ГЛАВА 8

О смерти де Папильона и о находке сундучка

Безутешная мать глядела на меня так, словно мои слова с трудом доходили до нее, и затем, когда я указал на француза, повернулась и увидела убийцу своего сына. Прежде чем я смог воспротивиться, она прыгнула на него и вцепилась ногтями в лицо негодяя. Здоровенный верзила тщетно пытался освободиться, и я, боясь, как бы он не отправил мать вслед за сыном, оттащил старую даму в сторону и поручил трактирщику присмотреть за ней. Когда до меня донеслись ее рыдания, я понял, что заботиться о ее безопасности больше нет необходимости, и обратил свое

внимание на бретёра*. Тот уже покидал комнату, но я догнал его, схватил за плечо и повернул лицом к себе. Затем я обнажил рапиру и встал в позицию.

— К вашим услугам, сэръ, — сказал я.

— В чем дело? — насупился он. — У меня нет причин ссориться с вами, красавчик!

— Зато у меня есть, — настойчиво возразил я, потому что кровь ударила мне в голову и ярость затуманила глаза.

— И по какому поводу? — поинтересовался он.

— Вы погубили этого несчастного мальчика!

— Погубил? — пожал он плечами. — Что за дурацкое слово, коротышка! Я убил его в честном поединке.

— Вы убили его так же подло, как и того человека на берегу Файфа! — выкрикнул я.

Он уставился на меня, и лицо его потемнело.

— Ты говоришь загадками, недомерок! — прохрипел он. Я ничего не ответил, но сжал кулак и с такой силой ударил его по лицу, что он едва удержался на ногах, сплевывая на пол кровь вместе с выбитым зубом.

— Mon Dieu! — в бешенстве заревел он, но тут же взял себя в руки и произнес: — Минутку, сударь, но если вы не благородного происхождения, то я просто задушу вас как собаку, потому что не намерен пользоваться шпагой, чтобы проучить *canaille***.

---

* Бретёр — забияка, дуэлянт, зачинщик ссор.

** Простолоудин, плебей, представитель черни (франц.).

— Не беспокойтесь, — с той же холодной пренебрежительностью ответил я. — Мой дядя — сэр Роджер Клефан из Коннела.

— Вот как? — насмешливо процедил он. — Неужели? В таком случае его племянник сейчас умрет!

— Может, так, а может, и нет, — возразил я. — Но, когда я покончу с вами, на свете одним негодяем и убийцей станет меньше! И заметьте, сегодня между нами нет коричневого сундучка!

И тут он бросился на меня.

Даже сейчас, когда я вспоминаю эту драку в маленькой таверне, лучи солнца, проникающие сквозь пыльные окна и падающие на расprostертое тело мертвого мальчика на запятнанном кровью полу, убитую горем мать и перепуганного трактирщика, разлитое вино и разбросанные остатки пищи, продолговатый шрам от пули на щеке француза, — даже сейчас, повторяю, — я чувствую, как кровь быстрее струится в моих старых жилах, и я сжимаю свои костлявые кулаки и стискиваю еще оставшиеся зубы, ибо из всех поединков, в которых я принимал участие — а таковых было немало! — этот был самым тяжелым и яростным.

В полном безмолвии, нарушаемом только звоном клинков, скрипом половиц да изредка грохотом падающего стула, подвернувшегося нам под ноги, мы кружили друг перед другом, как хищные звери, нападали и защищались, наносили удары и парировали их, делали ложные выпады и уклонялись от истинных,

непрестанно следя за каждым движением соперника, — и я не могу припомнить каких-либо других звуков, кроме тяжелого дыхания де Пильона и жужжания мух на оконном стекле.

И тем не менее я чувствовал, что в конце концов убью его — ведь разве де Кьюзак не одерживал над ним верх, пока тот не толкнул сундучок ему под ноги? — но мне и в голову не могло прийти, каким странным образом закончится наша схватка. Француз был чрезвычайно ловок и увертлив, несмотря на свою грузную фигуру, и я долгое время не мог его зацепить, хоть он уже задел меня дважды — в шею и руку; наконец я проколол ему предплечье, и он поморщился и выругался сквозь зубы, но продолжал сражаться.

Как я ни старался закончить поединок, мне никак не удавалось преодолеть его защиту; я чувствовал, что недоедание дает себя знать, и понимал, что слабею. Он тоже понимал это, о чем свидетельствовал зловещий блеск его черных выпученных глаз, которые, казалось, отделились от его лица и плавали передо мной в пространстве, пристально следя за каждым моим промахом. Однажды он чуть было не проткнул меня насквозь, воспользовавшись значительной ошибкой, и губы его скривились в презрительной усмешке. Я понял, что мой единственный шанс заключается в особом приеме, которому научил меня де Кьюзак, — ловком повороте кисти, — но не представлял себе, как я в таком случае смогу убить безоружного человека, и поэтому исход поединка стал мне казаться сомнительным.

И все же лучше было добиться передышки, чем погибнуть из-за случайной оплошности, подумал я и, когда он снова атаковал меня, удачно применил прием де Кьюзака, но одновременно с тем, как его рапира отлетела в сторону, моя тоже выскользнула из ослабевших пальцев, и обе брэнча покатались по полу. Мы замерли на мгновение, растерянно уставясь друг на друга, и затем француз, отскочив для разбега назад, низко пригнул голову и яростно бросился на меня, точно баран, собирающийся бодаться. Попади он в меня, некому было бы писать эти строки; однако судьба распорядилась иначе. Постоянные атлетические упражнения выработали во мне достаточно четкую реакцию, и в ответ на его бросок я выставил вперед колено, которое пришлось ему прямо в подбородок; резко повернувшись, я изо всех сил ударил его кулаком по затылку. Послышался тупой звук, точно разбился глиняный горшок с водой, и француз свалился, как бык на бойне, оглушенный ударом обуха по голове; перевернувшись навзничь, он пару раз судорожно дернул ногами, после чего вытянулся и замер неподвижно. Он представлял собой жуткое зрелище, лежа на полу с разбитым лицом, струйками крови из носа, стекавшими вдоль его отвислых щек, с глазами, выпученными сильнее, чем когда бы то ни было или, если уж на то пошло, чем это вообще было возможно без опасения, что они совсем выскочат из орбит. Трактирщик оставил несчастную старую даму подле ее мальчика, где она сидела, глядя его лицо и тихо плача, и склонился над французом,

чтобы убедиться, нельзя ли ему помочь. Однако я знал, что это бесполезно, о чем и сказал трактирщику, ибо почувствовал, как череп бретёра раскололся, словно спелая тыква, во время удара, от которого у меня совершенно онемела рука — от кисти до самого плечевого сустава.

Я подобрал с пола рапиру и, поручив перепуганному трактирщику присмотреть за мертвецом, вышел, прихрамывая, из комнаты, но не в ту дверь, в которую вошел, а решив положить конец загадке коричневого сундучка, скользнул в проход, где впервые увидел де Папильона. Тихонько притворив за собой дверь, я очутился в узком коридорчике, ведущем во внутренние помещения таверны; отсюда же крутая лестница поднималась наверх, на второй этаж. Взбираясь по скрипучим ступенькам, я, помню, чувствовал себя отвратительно: меня шатало, и колени мои тряслись, поскольку до сих пор мне ни разу не приходилось убивать человека, да к тому же голова француза оказалась не из мягких*.

Поднявшись по ступенькам, я оказался на лестничной площадке, куда выходили две двери. Прислушавшись у одной и не услышав ничего, я толкнул дверь и вошел в комнату покойного, о чем можно было судить по огромной шляпе с плюмажем и серебряной пряжкой на тулье и кинжалу в ножнах с замысловатой резьбой на рукоятке, лежавшему на столе. Комната была маленькая, хорошо освещенная че-

---

* Игра слов: *soft head* (*soft* — мягкий, *head* — голова) означает по-английски «дурачок, придурковатый, слабоумный».

рез фонарь в потолке, но в ней не было и следа того, что я искал, а мне следовало поторапливаться, если я не хотел быть застигнутым в чужой комнате, да еще принадлежавшей человеку, убитому мной.

Повсюду искал я небольшой сундучок или шкатулку — под кроватью, под матрацем, под шляпой с плюмажем, в каждом углу, на двух балках, проходивших по потолку, — но нигде ничего не мог найти.

До меня донеслись голоса людей, собравшихся у дверей таверны; дольше оставаться здесь мне было нельзя, я осторожно, на цыпочках, направился к двери, чтобы незаметно выскользнуть из комнаты, но тут мой сапог зацепился за какой-то выступ, и я с грохотом растянулся на полу. Проклиная свое невезение и боясь, как бы шум не привлек к себе ненужное внимание, я поднялся на ноги и увидел торчавший из половицы толстый гвоздь, послуживший причиной моего падения. В следующее мгновение я чуть не закричал от радости, поскольку половица с гвоздем свободно двигалась, и я понял, что нашел тайник де Папильона. Выворотить доску оказалось делом нескольких секунд, и под ней, как я и предполагал, в уютной ямке, точно яйцо малиновки в гнезде, покоилась небольшая шкатулка. Отерев ее от пыли, я вернул половицу на место и, не забыв прихватить с собой кинжал, поскольку, по моему разумению, он вполне мог пригодиться мне в будущем, украдкой спустился вниз. Пряча шкатулку под одеждой, я выскользнул через заднюю дверь на улицу, не встретив никого по пути.

Возвращение назад, в мою крохотную комнату в Лакенбутсе, отняло у меня немного времени, ибо я не намерен был долго прохлаждаться в Лейте, так как перспектива поздней прогулки по пустынной дороге, заросшей густым кустарником, вовсе мне не улыбалась. Очутившись снова в своем старом жилище, я плотно прикрыл дверь и, позаботившись о том, чтобы никто не смог подглядеть за мной через окно с улицы, поставил шкатулку на стол и попытался ее открыть. Шкатулка была заперта, но это было не таким уж серьезным препятствием, и вскоре ее содержимое открылось моим глазам. Под крышкой шкатулки находилась связка бумаг, немного попорченных морской водой и местами обесцвеченных, завернутых в квадратный кусок красного шелка, запечатанный большой желтой восковой печатью, сломанной пополам.

Под бумагами лежал небольшой холщовый мешочек, и когда я осторожно поднял его, то почувствовал, как мое настроение тоже поднялось: по весу мешочка и на ощупь можно было определить, что в нем находятся деньги, и немалые. Я тут же развязал мешочек и высыпал на стол целый водопад золотых и серебряных монет, с веселым звоном раскатившихся по столешнице, норовя свалиться через край на пол. Подцепив пригоршню монет, я обнаружил, что большинство из них французские — кроны и ливры*, если память мне не изменяет, — и лишь

---

* К р о н а — золотая монета Франции в XIV—XVII вв.; л и в р — денежная единица Франции до введения франка в 1799 г.

немного шотландских мерков* или пенни; впрочем, поскольку французские деньги в ту пору были повсюду в ходу, это не имело особого значения. Больше в шкатулке ничего не было, и я, решив рассмотреть бумаги, сорвал печать, не носившую на себе никакого герба или эмблемы; в эту минуту, однако, раздался резкий стук, и голос моей квартирной хозяйки потребовал, чтобы я открыл дверь. Я поспешно рассовал монеты по карманам и сунул шкатулку под тюфяк. Затем, словно только что проснувшись, я громко зевнул и спросил, кто там и чего от меня хотят.

— Мне надо поговорить с вами, мастер Клефан, — слышался из-за двери визгливый голос хозяйки.

— Очень хорошо, — ответил я и, подойдя к двери, толчком распахнул ее настежь. — Итак, сударыня, — спросил я, — в чем дело? Кто-нибудь пришел за мной, да?

— Никого здесь нет, кроме меня, мастер Клефан, но я больше не могу терпеть вас в своем доме, потому что мне нужна комната, а вы мне уже неделю не платите!

— О, только и всего, сударыня? — небрежно пожал я плечами. — В таком случае я, пожалуй, расплачусь с вами немедленно, — и я, вытащив из кармана кошелек, высыпал на ладонь пригоршню монет.

Хозяйка при виде денег несказанно удивилась.

---

* Мерк — старая шотландская монета, равная 13¼ пенса.

— Прошу меня извинить, — пробормотала она. — Торопиться нет никакой надобности...

— Нет-нет, — возразил я. — Ни в коем случае! Простите мне мою рассеянность: я забыл, что пора платить за квартиру. Кажется, столько я вам должен? — И я уплатил ей в основном шотландскими монетами. — Спасибо, что напомнили, и, пожалуйста, пришлите мне ужин через час!

С этим я захлопнул дверь и запер ее на замок, оставив старуху в недоумении, каким образом я так неожиданно разбогател; впрочем, я не очень опасался ее длинного языка, поскольку знал ее как весьма неразговорчивую женщину, да и недавно поселившуюся в здешних местах.

Я вновь достал сверток с бумагами и развернул его, отбросив шелковую тряпку, когда-то явно промокшую насквозь, причем я догадывался, где и когда. Наконец я добрался до самих бумаг и развернул их перед собой на столе, но первый же взгляд на них заставил меня вздрогнуть от волнения и тревоги; проведя внезапно ослабевшей рукой по лбу, я подумал, существуют ли на свете правда и справедливость. Ибо из бумаг, лежавших передо мной, я понял без малейшей тени сомнения, что де Кьюзак мне лгал. Ничего удивительного не было в его нежелании появляться в Керктауне. Ничего удивительного не было в его странном предпочтении вести жизнь отшельника на сыром и безлюдном берегу Файфа и нырять нагишом у дальнего рифа, дрожа и стуча зубами от холода. Теперь для меня в этом не было ничего уди-

вительного, потому что его секрет перестал быть секретом.

Шкатулка, очевидно, оказалась достаточно плотной, поскольку бумаги в ней почти не подмокли и чернила расплылись лишь в отдельных местах, да и то написанное здесь нетрудно было разобрать. Они содержали не больше и не меньше, как грандиозный заговор, направленный на освобождение королевы Шотландии и возведение ее на английский трон, заговор настолько тонкий и продуманный, что у меня не возникло ни малейшего сомнения в возможности успешного его осуществления, тем более что его поддерживали люди, чьи имена были известны даже в Керктауне, — могущественные люди из Шотландии, Англии, Франции и даже из Испании!

Невероятное везение! Меня даже в жар бросило, когда я обнаружил, что держу в руках, с одной стороны, жизнь прекрасной, несчастной и порочной королевы, а с другой — жизнь и судьбу более сотни аристократов и благородных джентльменов высокого ранга.

Пальцы мои дрожали и мысли путались, когда я читал документы, поражаясь странному стечению обстоятельств, взваливших такой непомерный груз на мои плечи. Я читал и перечитывал бумаги, в оцепенении глядя на них, пока стук в дверь не напомнил мне о хозяйке и моем ужине.

Несмотря на голод, я был слишком возбужден, чтобы уделить достойное внимание содержимому моей тарелки, и вскоре отодвинул ее, вновь погрузившись в размышления и вновь

перечитывая бесценные документы. Чем больше я вчитывался в них, тем более впадал в сомнения относительно того, какого пути следует мне придерживаться, пока наконец бесцельное сидение не стало мне невозможным; спрятав бумаги в безопасное место, я выскочил из комнаты и, заперев за собой дверь, бросился вниз по лестнице в надежде, что свежий вечерний ветерок охладит мой разгоряченный мозг и позволит привести мысли в порядок. Стало уже темнеть, и в воздухе носилась промозглая водянная пыль, но я не обращал внимания на сырость и торопливо шагал по узкой и крутой улочке, а в голове у меня роились сотни фантазий и предположений, точно пчелы в растревоженном улье.

Насколько я понимал, с имеющимися у меня бумагами я мог поступить тремя способами, но решить, какой из них выбрать, было не так-то просто: ведь если мой ход будет удачным, то меня ждет, бесспорно, немалое вознаграждение, однако в противном случае я лишусь головы с такой же очевидностью, как то, что меня зовут Коротышкой. Конечно, был еще вариант, при котором я ничего бы не выиграл и не проиграл: уничтожить бумаги, и дело с концом; но у меня душа не лежала поступить с ними таким образом, хотя по примеру своего деда мне следовало бы знать, насколько опасно вмешиваться в государственные дела. Так должен ли я был использовать попавшую мне в руки страшную силу так, как это, несомненно, сделал бы де Кьюзак, если бы не погиб от руки де Папильона?

Должен ли я пойти в некий аристократический дом — расположенный, кстати, не так далеко от того места, где я находился, — и стать причиной войны и всенародной кровавой смуты; стать инструментом, при помощи которого старая религия вновь будет восстановлена не только в Шотландии, но и в Англии; стать, по сути дела, освободителем несчастной пленницы, губящей свою молодость и красоту в подземельях английской темницы? Мысль об этом взволновала меня больше всего. Я был шотландцем, и королева тоже была шотландкой, представительницей королевской династии Стюартов, наследницей древнего рода Брюсов, — и теперь она томится в заточении, а ее судьба находится в моих руках, в руках бывшего школьного учителя из Керктауна!

Затем другая мысль пришла мне в голову, и я вспомнил рассказы отца о кострах и пытках, о жирных и порочных священниках, истинном проклятии для страны, о голосе Великого Реформатора, гремящем с кафедры старинного собора, о пролитой крови и героических подвигах, совершенных ради освобождения родной земли и уничтожения покрова невежества и суеверия, ослеплявшего глаза и души мужественных людей, населяющих эту землю. Я подумал обо всем этом, и протестантская кровь в моих жилах отмела прочь всякие сомнения. Я решил, что делать: новой вере ничего не будет угрожать, а Елизавета останется царствовать в Англии, как и до сих пор.

Видит Бог, я был наивным глупцом, полагая, будто все зависит от меня, что судьбы народов

находятся в моих руках и я могу одним ударом изменить ход истории; но я был молод тогда, молод и горяч, и, быть может, немного чересчур легко поддавался возбуждению и азарту великих надежд. Впрочем, в тот вечер это не играло большой роли, ибо когда я принял решение и остановился, чтобы продумать свои дальнейшие действия, то краем уха уловил за собой шум шагов, крадущихся и осторожных, как у кота, охотящегося за птичкой.

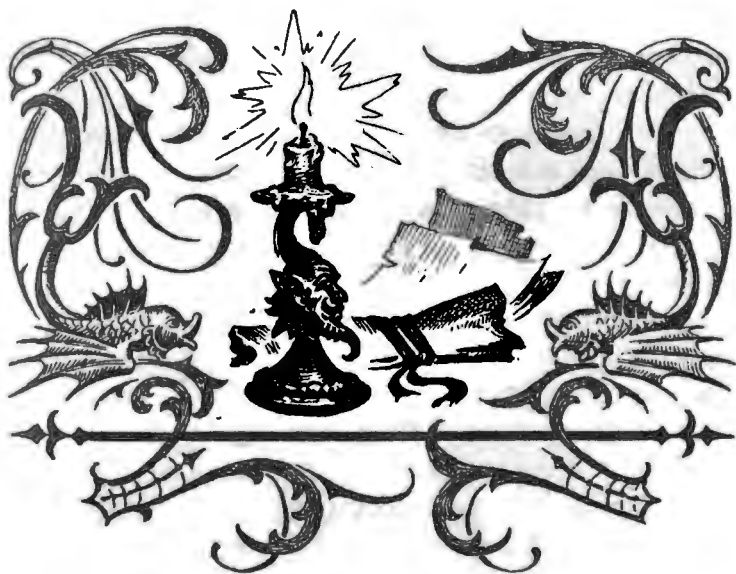
С трудом подавив желание обернуться, я проверил, легко ли вынимается моя шпага из ножен, и пожалел, что не захватил с собой кинжал де Папильона; затем я как ни в чем не бывало двинулся дальше, нарочно выискивая темные углы, чтобы иметь больше шансов разгадать намерения таинственного преследователя. Напрягая слух, я убедился в том, что шорох шагов становится все ближе и ближе, и вновь холодная дрожь пробежала у меня вдоль спины, как тогда, во время нападения стада коров.

В следующий миг я нырнул в тень, отбрасываемую широким балконом; шаги ускорились, стали раздаваться совсем рядом и остановились; не долго думая, я молча мгновенно повернулся на каблуках и перехватил занесенную надо мной руку с ножом.

Рука убийцы уже начала описывать свою роковую дугу, когда я, воспользовавшись направлением ее движения, помог ей продолжиться и резко завернул руку за спину: владелец руки и ножа завопил от боли, согнувшись пополам и пряча лицо в полах плаща; нож вы-

пал из его обессиленных пальцев и со звоном отлетел куда-то в темноту.

— В чем дело, сэр? — прошипел я, доставая шпагу из ножен. Яростно брыкаясь и изворачиваясь, бандит пытался вырваться из моих цепких пальцев, но я держал его, точно в клещах, все сильнее загибая ему руку, пока боль в неестественно вывернутых суставах не стала невыносимой. Видя бесполезность своих попыток освободиться, он перестал сопротивляться и лишь продолжал проклинять меня на чем свет стоит, требуя немедленно отпустить его. Я еще пару раз поддернул ему руку и, когда он наконец замолк, приставил острие шпаги к его спине и приказал идти вперед; в таком необычном виде я привел его к себе домой, поскольку в столь поздний час помешать нам было некому, да еще и дождь усилился, а ночь, как я уже сказал, была темная, хоть глаз выколи.

ГЛАВА 9

О прогулке по крыше, о заговоре и о контрзаговоре

Усадив бандита перед собой на стул, я долго и внимательно рассматривал его; это ему, похоже, не очень-то нравилось, так как он всячески отводил от меня глаза и в то же время украдкой поглядывал по сторонам в надежде отыскать какой-нибудь путь к спасению. Невысокого роста, не намного выше меня, он был в то же время худой и жилистый, с лицом скорее безвольным, чем дурным; однако его налитые кровью глаза, сизые отечные щеки и мешки под глазами свидетельствовали о многочисленных пороках, а изо рта у него разило, как из винной бочки.

— Итак, сударь, — сказал я после нескольких минут молчания, — вы намеревались убить меня.

Он ничего не ответил, но опустил глаза, поглаживая все еще болевшую руку.

— Как ваше имя? — спросил я.

— Кроуфорд, — хрипло пробормотал он в ответ.

— Что ж, мистер Кроуфорд, — продолжал я, сгоряча совершая ту же ошибку, против которой собирался предостеречь его, — вам придется убедиться в том, что вмешательство в государственные дела — штука опасная, ибо, как сами видите, документов вы не нашли, но зато погубили свою жизнь в попытке отыскать их!

— Как! — воскликнул незадачливый бандит. — Вы же не собираетесь хладнокровно прикончить меня ни с того ни с сего!

Я пожал плечами.

— Мне ничего другого не остается, — сказал я. — Вопрос стоит так: либо ваша жизнь, либо моя; и я предпочел бы скорее вашу.

— О чем вы толкуете? — запротестовал он. — Какие документы? Не искал я никаких документов!

— Вы не искали документы, свидетельствующие о наличии папистского заговора? — вырвалось у меня, и я тут же пожалел, что не прикусил язык прежде, чем произнес эти слова.

— Не искал! — решительно подтвердил он.

— Так зачем же вы пытались пырнуть ножом меня, совершенно незнакомого вам человека?

— Почему незнакомого?

— Но ведь я никогда и в глаза вас не видел до сих пор, насколько мне известно, по крайней мере!

— Вы, может, и не видели, а вот Дик Ханиман частенько со мной встречался, и он затаил на вас вражду не только из-за прежних ваших драк, но из-за того, что некая девица предпочитает ему вас!

— И он нанял тебя, чтобы меня прикончить?

Кроуфорд кивнул, и я все понял, и понял также, что вынужден так или иначе убить этого человека: ведь теперь — благодаря моему дурацкому языку! — ему стал известен секрет де Кьюзака. Бандит, видимо, прочел это на моем лице, так как вскочил со стула и принялся умолять меня пощадить его, страстно клянясь и обещая хранить тайну, лишь бы я оставил его в живых.

— Тише, дурак! — прикрикнул я на него. — Иначе тайна через пять минут перестанет быть тайной!

— Но ведь вы сами мне сказали! — хныкал он. — Я же не тянул вас за язык!

— Совершенно верно, — согласился я, — ты прав, и у меня нет ни малейшего желания тебя убивать, но я не вижу другого выхода.

— О сэр! — причитал он. — Вы можете заточить меня здесь, привязать меня, держать под замком, если желаете, но я не хочу умирать! Будьте милосердны! Молю вас, будьте милосердны! — И он в страхе упал на колени, протягивая ко мне дрожащие руки.

— Сядь! — приказал я ему. — Сиди тихо и не шевелись, пока я не обдумаю положение.

На сей раз принятие решения заняло немного времени. Если я убью этого человека, у меня на руках останется его труп, но, если я запру его здесь до тех пор, пока не объявлю о заговоре, он не сможет причинить мне вреда и смерть его не будет лежать на моей совести. Более того, я знал, что у старухи домохозяйки есть еще одна пустая комната, где я мог бы привязать его, а золото из коричневой шкатулки позволяло мне не скупиться. Возможно, на меня подействовала жалкая внешность моего неудавшегося убийцы, сидевшего напротив меня с освещенным колеблющимся пламенем свечи белым и напряженным лицом, на котором надежда боролась со страхом и отчаянием и которое то и дело искажалось гримасой боли от вывихнутого плеча.

Прихватив с собой пистолет и кинжал де Папильона, чтобы не оставлять разбойнику оружие и не искушать попыткой реванша, я приказал ему сидеть тихо, пока я не вернусь, и вышел, заперев дверь на ключ. Я прошел по узкому коридору в кухню, где жила моя домохозяйка, и, рассказав ей историю о больном друге, нуждающемся в уходе и присмотре, предложил ей сдать еще одну комнату в мансарде, рядом с моей.

Вскоре вопрос был решен, к ее великому удовлетворению, хотя я и не предложил ей большую плату, не желая показаться чересчур состоятельным и тем самым вызвать у нее подозрения. Вернувшись к себе, я отпер ключом

чом замок и распахнул дверь; но каково же было мое удивление, когда, окинув взглядом свою крохотную комнатку, я убедился, что она пуста, а мой пленник исчез. Первым делом я подумал о бумагах и бросился через всю комнату к укромному месту, где их прятал; к счастью, они оказались на месте, в полной сохранности и неприкосновенности. Затем я осмотрелся вокруг, недоумевая, куда мог деться запертый в пустой комнате бандит; единственным возможным путем для бегства было раскрытое окно, выходящее на крышу, но кто бы мог подумать, что человек с вывихнутой рукой решится вылезти из него на крутую, мокрую и скользкую черепичную кровлю, расположенную на высоте добрых тридцати футов от земли, если даже считать от самого карниза? Однако долго раздумывать тут было некогда: если он улизнет от меня, я погиб. Торопливо отцепив шпагу, чтобы не мешала, я стиснул в кулаке кинжал и вылез в окно. Прижавшись к оконному переплету, я вслушивался в шум ветра и дождя, пытаюсь уловить малейший звук, способный подсказать мне, куда направился беглец, и наконец услышал слабое постукивание сверху и справа от меня, как если бы кто-то карабкался по черепице.

Нельзя было терять ни минуты; но даже с моей сноровкой, физической силой и ловкостью взбираться вверх по крутому склону крыши оказалось делом далеко не простым, ибо ветер здесь, меж верхушек домов, свистел и завывал во всю мочь, не сдерживаемый ничем,

а струи дождя хлестали по мне, заливая глаза и мешая что-либо разглядеть в крошечном мраке. Тем не менее я упорно продвигался вперед и вверх, скользя и сползая, и вновь наверстывая упущенное, цепляясь ногтями и носками сапог за малейшие выступы кровли, пока, к моей великой радости, не убедился, что влекущий меня к себе звук становится все громче и ближе. Но каковы же были мои разочарование и тревога, когда я, добравшись до конька крыши, обнаружил причину постукивания: его производили две свободно болтающиеся, плохо закрепленные черепицы, которыми забавлялся шаловливый ветер.

Я припал к мокрой поверхности крыши, переводя дыхание и вновь прислушиваясь, но ничего не мог разобрать, кроме окриков ночной стражи внизу, завывания ветра между печными трубами и флюгерами на шпилях и плеска струй проливного дождя. Я понял, что все мои попытки бесполезны, и осторожно повернулся, чтобы пуститься в обратный путь, как вдруг в ужасе заметил черный мужской силуэт, внезапно возникший на фоне моего освещенного окна; пока я озадаченно глядел на нее, фигура заслонила собой окно, взобралась на подоконник и исчезла внутри комнаты.

В следующее мгновение я уже скользил вниз по склону крыши, чуть ли не кувырком, ежесекундно рискуя сорваться и сломать себе шею; наконец я добрался до окна и, осторожно подтянувшись на руках, заглянул через подоконник.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться, как меня одурачили: Кроуфорд находился в комнате и шарил повсюду в поисках спрятанных документов. Очевидно, он притаился где-то за окном, дожидаясь, пока я не вылезу за ним на крышу, и остается лишь удивляться, почему он не столкнул меня вниз, на улицу. Возможно, я неожиданно быстро для него бросился в погоню по ложному звуку стучащей черепицы, а может быть, он не очень надеялся на свою вывихнутую руку и вспомнил мою железную хватку, которую имел возможность в полную меру оценить там, под балконом. Так или иначе, но, когда все эти мысли пронеслись в моем мозгу,

он уже принялся копаться в углу возле тайника с бумагами, и я рассудил, что пора, пожалуй, положить конец слишком затянувшейся забаве. Глупец оставил окно за собой открытым, и я тихонько перелез через подоконник и встал на ноги, потянувшись за рапирой, брошенной мною в углу.

Шпага чуть сдвинулась, когда я коснулся ее, прочертив эфесом по стене и издав легкий царапающий звук; бандит вздрогнул и обернулся; заметив меня, он опрометью метнулся к двери и исчез. Не тратя времени на освобождение шпаги из ножен, я бросился вслед за ним и — надо же, такое невезение! — со всего разбега попал прямо в объятия квартирной хозяйки, которая явилась спросить, не нужно ли чего-нибудь моему бедному больному другу. Счастье еще, что шпага моя была в ножнах, иначе я проколол бы несчастную старуху насквозь; мы оба рухнули на пол, и, пока я выпутывался из юбок и платков отчаянно брыкавшейся дамы, до меня доносился замирающий топот сапог негодяя, сбегавшего вниз по длинной лестнице. К тому времени, когда я наконец поднялся на ноги и, оттолкнув визжавшую старуху, выбежал на улицу, его уже и след простыл.

Я был полностью обескуражен и медленно вернулся в свою комнату, где нашел старую даму, сидевшую на полу, обхватив голову руками, стонавшую и, видимо, не очень одобрявшую мои манеры; пришлось объяснить случившееся внезапным припадком, вызванным обострением болезни моего друга, и успокоить достойную

матрону серебряной монетой и холодной прищипкой на лоб, где выросла довольно солидных размеров шишка.

Дела мои принимали скверный оборот, о чем я подумал, убедившись в безопасности бумаг и уже в третий раз за сутки принимаясь решать, как мне поступить дальше. Не приходилось сомневаться, что Кроуфорд, подкупленный Диком Ханиманом, расскажет ему обо всем, а отсюда уже был короткий путь к столбам с перекладиной, предназначение которых было мне хорошо известно и чей вид мне вовсе не нравился. Опасность благотворно повлияла на мою сообразительность, а страх отточил смекалку, потому что вскоре я уже выработал план действий и, промыв царапины, полученные от де Папильона, — поверхностные, но тем не менее достаточно болезненные, — улегся спать. Главную надежду я возлагал на то, что мастер Ханиман должен будет сперва тщательно обдумать все «за» и «против», прежде чем приступить к активным действиям, иначе моим планам грозил полный провал, так как в них главенствующую роль играло время, а я до завтрашнего дня был бессилён что-либо предпринять.

Ранним утром я был уже на ногах и, осмотрев свои раны и хорошенько подкрепившись — ибо я давно убедился в благотворном влиянии полного желудка на любое начинание, — тщательно оделся и отправился в путь, теша себя надеждой, что на мою внешность не повлияли в худшую сторону ни убийство французского задиры, ни вывихнутое плечо несостоявшегося

убийцы, ни разбитая голова моей квартирной хозяйки.

Не сомневаюсь, вам не терпится узнать, в чем состоял мой план, но, когда я вам скажу, он, бесспорно, вам понравится. Мастер Ханиман однажды хвастался, будто берет уроки фехтования у одного француза по имени де Беро, который жил где-то в переулке, носившем название Лошадиный Тупик. Первым делом я должен был разыскать своего недруга, а этот де Беро, как я надеялся, мог навести меня на его след; впрочем, одновременно с надеждой возникало и сомнение, сумею ли я найти самого француза.

Опасения мои оказались напрасными: француза я отыскал без труда, поскольку о нем гласила огромная вывеска на доме под номером три, расположенном в полете стрелы от Замка*, и вскоре меня проводили к самому маэстро. Он не походил ни на одного из обоих представителей своей нации, с которыми мне довелось встретиться, выгодно отличаясь от них своими манерами и внешностью. Это был представительный старик с гривой седых волос и щетинистыми усами, высокий, сухощавый и подтянутый, и его поклон мог бы натянуть нос бедняге де Кьюзаку.

Видя во мне, как ему казалось, нового ученика, он был со мной весьма любезен и обходителен, и я не счел нужным его разубеждать, намекнув, что лишь недавно прибыл в город

---

* Эдинбургский замок — резиденция шотландских королей.

и много слышал о нем от моего доброго друга, мастера Ричарда Ханимана, которого очень хотел бы навестить, но, к сожалению, лишен такой возможности, ибо не знаю его адреса.

Десять минут спустя достопочтенный учитель фехтования с поклонами проводил меня до крыльца, снабдив информацией о том, что мастер Ричард Ханиман живет в тупике Черных Братьев* — хоть от Черных Братьев там не осталось ничего, кроме памяти, да и то не очень приятной, как я полагаю.

Туда-то я и направился после того, как забежал к себе в Лакенбутс и, вновь уложив опасные бумаги в шкатулку, прихватил их с собой, укрыв полой нового плаща, только что купленного мною по дороге.

Вот в таком виде я явился в тупик и спрятался под аркой напротив дома, где, как сказал мне де Бери, жил Дик Ханиман. Подозвав пробежавшего мимо уличного мальчишку, я пообещал ему пенни за то, что он бросит по пригоршне камешков в каждое из окон дома, за которым я следил. Шустрый малый охотно выполнил требуемое, и в одном из окон я с удовлетворением разглядел физиономию Дика Ханимана и выглядывавшую из-за его плеча гнусную рожу Кроуфорда, моего незадачливого убийцы. Оба гневно грозили кулаками мальчишке, который тем временем убежал, а я стал терпеливо ждать, когда они выйдут из дому,

---

* Монашеский орден бенедиктинцев.

что, как я рассчитывал, должно было произойти в самом недалеком будущем.

Прошел, однако, целый час, прежде чем они появились на улице, причем мой ночной знакомец все еще держал руку на перевязи и выглядел очень бледным и нездоровым. Оба разговаривали между собой вполголоса и вскоре скрылись за углом, преследуя хорошо известные мне цели.

Нельзя было терять ни мгновения, и как только они исчезли из виду, я пересек улицу, поднялся по ступенькам крыльца и громко постучал в дверь, откуда только что вышла «достойная» парочка. Дверь отворила морщинистая и хмурая женщина, подозрительно оглядевшая меня с ног до головы.

— Мастер Ханیمان дома? — спросил я.

— А если и дома, — ответила женщина, — то что вам от него надо?

— Как? — воскликнул я, притворяясь удивленным. — Неужели здесь, в городе, принято так встречать гостей? Тогда я, пожалуй, вернусь обратно в Керктаун!

— Так вы, значит, из Керктауна? — более любезно спросила сморщенная карга.

— А откуда же еще, женщина? — с деланным негодованием заявил я. — И знаю Дика Ханымана еще с пеленок!

— И вы хотите повидать его?

— Вот те на! А для чего же, по-вашему, я сюда явился?

— Так он вышел.

— Вышел? — повторил я с хорошо разыгранной досадой. — Тогда я его подожду.

— Он ничего вам не должен? — поинтересовалась женщина таким тоном, который сразу подсказал мне, что подобный вопрос она задает не в первый раз.

— Напротив! — возразил я. — Это я должен ему кое-что и, как честный человек, пришел расплатиться с ним сполна.

В ответ на мои слова подозрительность цербера в юбке как рукой сняло, и она провела меня в комнату Ханимана, нимало не задумываясь над тем, каков характер моего долга и как я собираюсь с ним расплачиваться.

Комната, куда я вошел, весьма отличалась от моей крохотной мансарды в Лакенбутсе, и я уважительно и с любопытством разглядывал ковры и гобелены на стенах, скрещенные шпаги, резные стулья и вместительный фаянсовый сосуд для пунша, стоявший в центре стола; но, как только дверь за хозяйкой захлопнулась и я оказался наедине с самим собой, я тут же принялся искать место, где можно было припрятать шкатулку с опасными документами, и в конце концов поместил ее за красивым гобеленом, на котором с большим мастерством была изображена охотничья сцена. Место было вполне подходящим для тайника, но в то же время не слишком секретным, и я не сомневался, что бумаги будут обнаружены без труда, как только в этом возникнет необходимость. Затем я сел на стул и принялся ждать, обследовав предварительно небольшой чуланчик, где можно было спрятаться в случае непредвиденного появления хозяина.

К счастью, он не торопился с возвращением, и я, прождав для приличия минут пятнадцать-двадцать, подозвал хозяйку и сказал, что вернусь через некоторое время — да простит меня Господь за эту маленькую ложь! — после чего снова вышел на улицу, приведя старую ведьму в доброе расположение духа, сунув ей в ладонь мелкую серебряную монету. Заложив таким образом мину, как принято нынче выражаться, я приготовился ее взорвать.

Едва я дошел до выхода из переулка, как увидел то, что ожидал и надеялся увидеть: обоих негодяев, шагающих по Хай-стрит с отрядом городской стражи, возглавляемой низеньким толстяком с петушиной походкой и брюхом, напоминавшим зоб индюка; все и каждый выглядели чрезвычайно важно и направлялись — в чем я нисколько не сомневался — в некую чердачную комнатку под крышей Лакенбутса.

Как только они меня заметили, в рядах доблестного воинства возникло легкое замешательство.

— Вот он! — закричал Кроуфорд. — У входа в переулок! Хватайте его, во имя короля!

Стража остановилась и настороженно уставилась на меня, тогда как я спокойно приближался к ним и, прежде чем они решились наконец схватить меня, невозмутимо обратился к командиру:

— Ха, уважаемый сэр, я вижу, вы уже поймали мерзавцев! Отличная работа, сэр, отличная работа! Но не лучше ли было бы связать их

по рукам и ногам: ведь если вы их сейчас упустите, то и вам не сносить головы!

— Чт-то? — запинаясь, пробормотал низенький толстяк. — Что такое? Я арестую вас именем короля! Уотт и Каннинггам, выполняйте приказ!

В ответ на это я громко расхохотался и, заметив начинавшую уже собираться вокруг толпу зевак, насмешливо произнес:

— Так они, значит, опять решили пуститься на свою старую уловку? По правде сказать, сэр, я не ожидал, что им удастся провести вас; но со мной у них такой номер не пройдет: я требую, чтобы вы арестовали этих людей по обвинению в государственной измене, направленной на подрыв благосостояния королевства и нашей святой церкви!

— Н-но... н-но... — продолжал заикаться растерявшийся полководец. — Ведь это вы — изменник!

— Опять вы за свое! — возмутился я. — Ну что за тупая голова у вас на плечах? Да я уже столько времени выслеживаю этих двух негодяев по поручению Ее Светлейшего Величества Елизаветы, королевы Англии! Стерегите их пуще глаза, если вам дорога жизнь, сэр! Я сейчас же отправляюсь в Замок, а вы найдете все нужные документы, подтверждающие заговор папистов, в доме номер шесть по тупику Черных Братьев, где обитают эти двое. Следите за ними в оба! В Толбутскую тюрьму изменников!

Толпа, возбужденная моим притворным негодованием и слыша лишь одну сторону дискуссии, поддержала меня громкими возгласами:

— В Толбутс папистов! Смерть изменникам! Держите их крепко, мастер Беннет, держите их!

Крики и шум толпы привели растерявшегося начальника стражи в смятение и замешательство; видя, что он колеблется, я улучил мгновение и шепнул ему на ухо:

— Если вы не поторопитесь, кто-нибудь другой перехватит эти бумаги, а вместе с ними и вознаграждение, причитающееся вам по праву! И все ваши хлопоты окажутся напрасными...

Этого довода оказалось достаточно, чтобы он приказал, не обращая внимания на отчаянное сопротивление и бешеные протесты Ханимана и Кроуфорда, связать их и держать под стражей.

— Сударь, — обратился он ко мне, — не смею подвергать сомнению ваши слова, но поскольку мы имеем дело с двумя противоречивыми обвинениями, то оба они требуют проверки. Начнем отсюда, раз мы уже здесь, а вас прошу задержаться.

Наш маленький отряд, сопровождаемый шумной толпой зевак, направился к дому номер шесть по тупику Черных Братьев. Начальник стражи поднялся по ступенькам крыльца и громко постучал в дверь. Окошко наверху открылось, и в нем появилось испуганное лицо хозяйки.

— Кто вы? — растерянно спросила она. — И что вам здесь надо?

— Именем короля! — грозно объявил низенький толстяк. — Открой нам дверь, женщина, или я прикажу ее выломать!

Хозяйка трясущимися руками отворила дверь, и мастер Беннет в сопровождении нескольких стражников вошел в дом. Толпа уже запрудила весь переулок, оживленно обсуждая происшедшее и с нетерпением ожидая результатов обыска. Наконец окно во втором этаже отворилось, и в нем показался сияющий мастер Беннет со злополучной шкатулкой в руках.

— Здесь они! — закричал он. — Проклятые заговорщики пытались меня провести, но, как ни хитро они спрятали свои гнусные бумажонки, я их нашел! Освободите джентльмена, который помог нам разоблачить негодяев!

В толпе зашумели, закричали; слышались угрозы, и на несчастных «преступников» посыпался град гнилых овощей, тухлых яиц и всяких отбросов, в изобилии валявшихся на улице.

«*Fortuna favet fortibus*»*, — произнес я про себя и стал проталкиваться сквозь толпу, громко требуя:

— Пропустите, во имя короля! — одновременно зорко следя, не блеснет ли поблизости предательское острие кинжала, ведь здесь могли находиться и сторонники заговора.

Толпа расступилась передо мной, и до меня доносились отдельные реплики и замечания:

— Английский шпион!

— Это он поймал их?

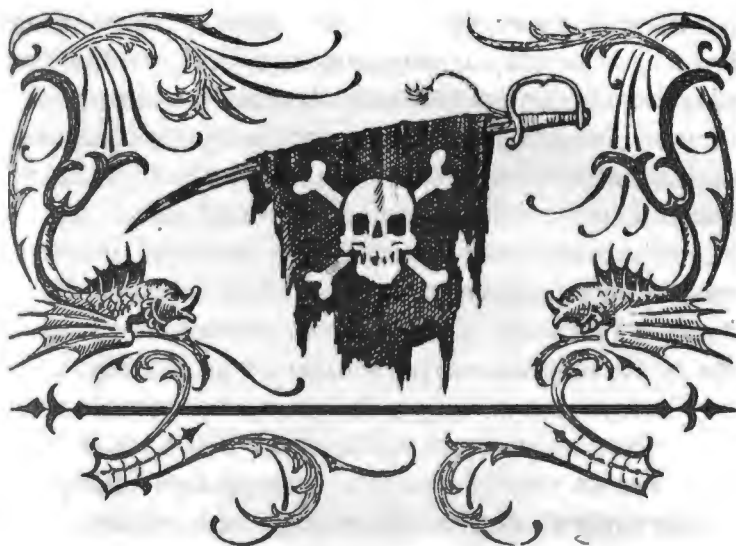
— Нет, мастер Беннет!

— Заговорщиков ждет виселица, помяните мое слово! — и тому подобные отрывки и фрагменты обычных в подобных случаях разговоров.

---

* «Судьба благоволит решительным» (лат.).

Вскоре я выбрался из толпы и не мешкая зашагал вдоль улицы по направлению к Замку; никто не следовал за мной, что было вполне естественно, ибо два пойманных заговорщика представляли собой куда больший интерес, чем какой-то английский шпион, да еще такой коротышка, как я.

ГЛАВА 10

О команде галеры и о косоглазом незнакомце

Как только я почувствовал себя в безопасности, я свернул в боковую улочку и, не видя вокруг себя преследователей, со всех ног припустил по направлению к Лейту, где решил схорониться до тех пор, пока не сумею пробраться на борт какого-нибудь судна. Надо было спешить, поскольку я хорошо понимал, что рано или поздно истина выплывет наружу, хоть находка бумаг и удержит власти некоторое время на ложном пути, — во всяком случае я мог на это надеяться, пока дело будет оставаться в руках тупоголового мастера Беннета.

«Вот к чему привели все мои хитроумные идеи», — думал я, останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Вместо солидного вознаграждения, вместо славы и почета я превратился в запыхавшегося беглеца, возможно будущего изгнанника, если и вовсе не покойника; однако, подумав о последней возможности, я потуже затянул пояс и снова бросился бежать, благодаря Господа за то, что при мне моя добрая шпага и знание хитрого приема де Кьюзака.

Не прошло и часу с момента моего поспешного бегства из тупика Черных Братьев, как я уже стоял перед дверью маленькой таверны возле верфи в Лейте. По вполне понятным причинам мне не хотелось опять возвращаться в «Деревянную Руку», где все напоминало бы о вчерашних трагических событиях и где меня слишком хорошо знали; здесь же всего несколько случайных прохожих остановились и поглядели мне вслед — то ли потому, что я приобрел громкую славу после убийства де Папильона, то ли из-за моей необычной фигуры, — не могу сказать, но выяснить этот вопрос мне было некогда да и ни к чему.

Я надеялся найти в таверне кого-нибудь из моряков, с кем можно было бы договориться о небольшом путешествии подальше от здешних мест, а о возможности попасть в очередную драку я и не думал. Поэтому я храбро толкнул дверь и шагнул через порог; при моем появлении я заметил, как хозяин за стойкой выпрямился и замер, пристально уставившись на меня, из чего я сделал заключение, что слух о

моей схватке с французом уже распространился среди прибрежных кабаков.

За столом сидели двое мужчин, подобных которым мне до сих пор не доводилось видеть. Одежда выдавала в них моряков, но была более яркой и живописной и сидела на них с какой-то щеголеватой небрежностью. На ногах у них были высокие сапоги с широкими болтающимися голенищами.

У одного из них, плотного коренастого крепыша с густой черной бородой, висела на груди боцманская дудка на цепочке; второй был чрезвычайно толст, круглолиц и гладко выбрит, за исключением клочка редких светлых волос, торчавших над его двойным подбородком. Когда я вошел, чернородый первым заметил меня.

— Иеремия! — заорал он во всю глотку. — Это еще что такое?

— Вы ошиблись, сэр, — сказал я, — но только самую малость: меня зовут Джереми.

— Шутник! — воскликнул чернородый. — Шутник, клянусь святым Христофором Колумбом! Что это за фигура, Фил? Можешь определить?

— По-моему, квадрат, — ответил другой каким-то странным писклявым голосом. — Квадрат, но с придатками.

— Похоже, с касательными*, — добавил бо-
родач.

---

* Тангента, или касательная — в геометрии прямая линия, имеющая одну общую точку с окружностью.

— Нет-нет — разве ты не знаешь, что касательные бывают только у окружности, тогда как...

— К черту всю эту дурацкую чепуху! — воскликнул чернобородый. — Касательные или некасательные, квадрат, окружность или спутанный буксирный канат — вы должны выпить с нами, сэр!

— Это, — возразил я, — зависит от того, что вы пьете.

— Разборчивый малый, я вижу, — сказал бородач. — Впрочем, я и сам не знаю, что мы пьем, да и не забочусь особенно. Вино как вино и глотку смачивает изрядно — чего еще нужно? — И он налил мне полный бокал из стоявшей рядом с ним фляги.

Не желая ударить лицом в грязь, я единым духом осушил бокал; мне показалось, будто в нем был налит жидкий огонь, поскольку до сих пор я и понятия не имел, что такое чистейший ром.

— Ну? — спросил бородач. — Как тебе понравилось наше вино?

— Превосходное! — прохрипел я, с трудом переводя дух и стараясь удержать выступившие на глаза слезы.

Оба моряка закатились от хохота.

— Молодец! — сказал чернобородый. — Будь у тебя столько же силенок, сколько выдержи, я бы взял тебя к себе, потому что ты, парень, пришелся мне по сердцу!

Поняв, что передо мной открывается возможность выбраться из всех моих трудностей, а может быть и из самого Лейта, я невозмутимо заметил:

— Сила еще не самое главное, джентльмены; но, может быть, вы сумеете повторить такой фокус?

С этими словами я взялся обеими руками за край стола и, поднатужившись, приподнял его перед собой вместе со всем, что на нем стояло.

— Иеремия! — изумленно воскликнул чернобородый.

— *Quod est demonstrandum**, — пропищал второй.

— Послушай, — спросил бородач, — а со своим свиноколом ты тоже умеешь управляться? — и он указал на мою шпагу.

— Управляться? — вмешался трактирщик, глазевший на меня с широко раскрытым ртом. — Да ведь это же тот парень, что прикончил французского забияку, о котором я вам рассказывал!

— Черт побери! — стукнул кулаком по столу бородач. — Неужели правда? Тогда слушай: я — капитан Хью Дизарт, честный негоциант и судовладелец; вот он — Фил Барлоу, самый достойный и, если угодно, самый толстый из всех штурманов, когда-либо топтавших палубу судна. У нас отличная галера, готовая к отплытию, и добрые веселые ребята в команде. Как насчет того, чтобы присоединиться к нам?

В голове у меня шумело и кружилось от выпитого рома, но я старался держаться изо всех сил.

---

* Что и следовало доказать (лат.).

— Я умею управляться с парусным ялом, — сказал я в ответ, — но ничего не смыслю в больших судах.

— И не научишься, пока не поплаваешь на них, — сказал человек, назвавшийся Дизартом. — А вот Фил сможет помочь тебе постичь все, начиная от понятия, что такое окружность, до умения ходить по реям с закрытыми глазами! — И он с довольным видом громко захохотал.

— А что т-такое окружность? — заплетающимся языком пробормотал я.

— Окружность, — ответил толстяк, прищурив один из своих тусклых бледно-голубых глаз, отчего все лицо его перекосилось, приобретя лукаво-насмешливое выражение, — есть замкнутая кривая, равноудаленная от центра и пустая внутри.

— Наподобие головы некоего Фила Бартлоу, например, — добавил чернобородый.

— Старая шутка! — поморщился толстяк. — Не мог придумать чего-нибудь поновее? От нее за милю несет мертвечиной!

— Как и от тебя когда-нибудь, Фил.

— Типун тебе на язык! Раскаркался не ко времени!

— Кстати, о времени, — серьезно заметил бородач. — Вино выпито, и пора идти. Что ты скажешь о моем предложении?

— А чем вы торгуете? — поинтересовался я, пытаюсь поддержать приятную беседу.

— Разнообразным товаром, — ответил чернобородый. — Товар ведь постоянно меняется, не так ли, Фил?

— Верно, верно, — подтвердил толстяк. — От английских окороков до голландского сыра и норвежских шкур.

— Ну так как? — спросил капитан Дизарт. — Присоединяешься к нам? Как сказал поэт: «Жизнь у нас одна, так пей ее до дна!» Но что там за грохот?

За стеной послышался цокот лошадиных подков и вслед за этим громкий стук в дверь, которую я, войдя, запер за собой.

— Полагаю, джентльмены, — виновато улыбаясь, проговорил я, — это за мной. Но уверяю вас, я всецело с вами!

— В таком случае сюда! — сказал Хью Дизарт и, распахнув окно в задней стенке таверны, выскочил наружу; мы последовали за ним, причем толстый штурман, пыхтя, едва не застрелял в узком оконном проеме. Я с удивлением обнаружил, что ноги почему-то перестали мне повиноваться, то и дело подкашиваясь и норовя увильнуть куда-то в сторону. Оба мои спутника подхватили меня под руки, и мы, оставив здание таверны между собой и теми, кто шумел у входной двери, бросились бежать к береговому причалу, расположенному в полусотне ярдов отсюда, где стояла лодка, привязанная к железному кольцу на швартовой тумбе.

Мы были уже почти на полдороге к нашей цели, когда нас обнаружили, и толпа, возглавляемая человеком верхом на лошади, пустилась за нами в погоню. Всадник, несомненно, догнал бы нас, если бы Дизарт не выхватил из-за кушака пистолет и не выпалил в него, попав в лошадь, которая споткнулась и упала.

В следующее мгновение мы добежали до лодки, вскочили в нее, обрубили швартов и налегли на весла, оставив на берегу орущую и приплясывающую в бессильной ярости толпу преследователей.

— Ха-ха! — смеялся Дизарт. — Вот эта забава мне по душе! Честному торговцу редко приходится участвовать в сражениях и кровопролитии, а ведь каждый истинный мужчина тоскует по ним, и даже наш distinguished штурман тоже!

— Боже сохрани! — возмущенно пропищал толстяк. — Я испытываю к ним отвращение!

— Они отправились за лодкой, — сказал я.

— В таком случае следует приналечь на весла, мастер Джереми. Как, кстати, твое второе имя?

— Клефан.

— Недурно звучит, — одобрил толстый штурман.

— А почему, мастер Клефан, кому-то понадобилось устраивать за тобой погоню?

— Вы забыли, — сказал я, — что вчера я убил француза.

— Так-так, — проговорил чернобородый. — Ну что ж, зато теперь ты в полной безопасности. А вот и наша галера, — он указал на длинное, низко сидящее в воде судно, выкрашенное в темно-зеленый цвет, с двумя мачтами и далеко выступающими за борта реями с натянутым на них большим парусом.

Активные движения и свежий морской воздух немного выветрили хмель из моей головы, и я смог более четко разглядеть палубу, на ко-

торую я поднялся вместе с моими двумя спутниками. Спереди, на шкафуте, были установлены поперечные скамьи с длинными веслами, прикрепленными изнутри высокого бульварка; еще дальше начинался фордек, поднимавшийся до массивного бушприта с крестообразной перекладиной, где был укреплен небольшой треугольный парус. На шкафуте собралось человек двадцать или тридцать команды, и я вспомнил слова Хью Дизарта о «веселых ребятах». Веселые или нет, они выглядели сборищем самых отъявленных головорезов в ярких цветастых колпаках, в кожаных безрукавках на голое тело, с широкими кушаками, за которыми торчали рукоятки ножей; они праздно разгуливали по палубе, лениво поплеывая за борт или прямо себе под ноги. Мне очень не понравился их вид, но еще больше не понравился вид четырех пушек на юте и такое же количество на фордеке; и вновь я припомнил слова Хью Дизарта о том, что честному торговцу редко приходится участвовать в сражениях. Зачем же тогда здесь столько пушек?

Одно происшествие, случившееся в тот же вечер, заставило меня насторожиться. Мы снялись с якоря и плыли вдоль южного побережья; начинало уже темнеть, когда я, поднявшись на фордек, прислонился к фальшборту, наблюдая за далекой береговой линией, где воды Северного моря вливались в залив Олберледи. Неожиданно я почувствовал рядом с собой присутствие человека, который подошел так бесшумно, что я не расслышал и вообще не догадался бы о его близости, если бы он не

дал о себе знать легким покашливанием, словно прочищая горло.

Когда я обернулся, чтобы получше его рассмотреть, он прошептал мне на ухо:

— Спокойно, парень! Продолжай смотреть на берег, и пусть никто не заподозрит, что я говорю с тобой. Как ты попал на борт этого судна?

— Приплыл на лодке, — ответил я, не будучи расположенным чересчур откровенничать с незнакомцем.

— Чисто по-шотландски сказано! — усмехнулся он под нос.

— А ты не шотландец? — также шепотом спросил я.

— Нет, — ответил тот. — Я англичанин, и зовут меня Саймон Гризейл.

— В таком случае, — в тон ему поинтересовался я, — что ты делаешь на этом судне?

— Заплачено той же монетой, — удовлетворенно прошептал он. — Здесь, на «Блуждающем огоньке», собрались отщепенцы доброй половины всех наций и рас, существующих под солнцем, — сплошные воры и убийцы. Поскольку ты не похож на них, я решил тебя предупредить, парень, но только молчок и меня здесь не было, понял?

И он исчез так же тихо, как и появился, растворившись в надвигавшихся сумерках, оставив в моей памяти бледное, чуть желтоватое лицо, сильно косящий глаз и хриплый, невнятный шепот. Спустившись вниз, в крохотную клетушку на корме, где мне было отведено место для ночлега, я долго ломал голову над тем, что сообщил мне странный незнакомец и что я

увидел собственными глазами. Тем не менее, несмотря на это и на непристойные песни, которые распевал, судя по писклявому голосу, толстый Фил Бартлоу где-то по соседству с моей каютой, я в конце концов свалился на койку и заснул, утомленный тревогами и событиями минувшего дня.

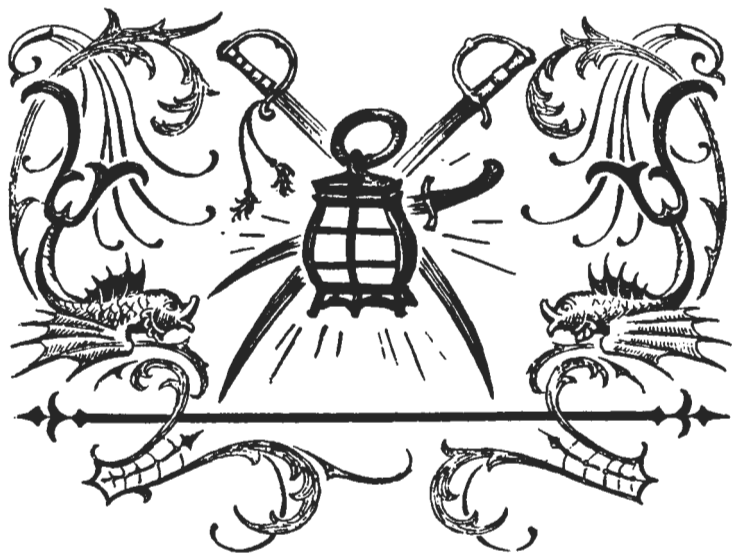
Проснувшись, я долго не мог сообразить, где я и что со мной; со всех сторон до меня доносились монотонный скрип и плеск, а над головой раздавались тупые звуки тяжелых шагов. Койка подо мной раскачивалась, словно норовя столкнуть меня на палубу, и из иллюминатора в стенке каюты проникал яркий солнечный свет. Я вспомнил, что нахожусь на галере, а по размеренной и солидной качке пришел к заключению, что мы вышли в открытое море. Легкое подташнивание и неприятную сухость во рту я приписал морской болезни, которой, как я слышал, страдают все новички, впервые очутившиеся на море; впрочем, подобные же ощущения могли быть и результатом моего вчерашнего знакомства со стаканом крепчайшего рома. Тем не менее я встал, оделся и вышел на палубу.

— Отличный денек сегодня, мастер Клефан, — пропищал толстый штурман, вперевалку подкатываясь ко мне, — и «Блуждающий огонек» тоже держится молодцом! Если такая погода простоят подольше, то вскоре мы доберемся до устья Гаронны.

— И где же это? — немного суховато спросил я, не испытывая особого расположения к этому человеку.

— Во Франции, дружок, во Франции — величаяя река, впадающая в Бискайский залив, и отличнейшее место, славящееся вином и женщинами, что, вместе взятое, представляет собой истинный рай для моряков! — и он покатился дальше, писклявым голосом отдавая приказы нескольким матросам, занятым какими-то работами на шкафуте.

Я был доволен тем, что мы направляемся в страну де Кьюзака, ибо если рассказы его о ней были правдой, то эту землю действительно стоило посмотреть; но мои мысли неизменно возвращались в Керктаун, к его цветущим зеленым склонам и шумящим лесам, а также, несмотря на все мои внутренние запреты, к госпоже Марджори. В памяти моей всплывало ее милое нежное лицо, такое, каким я увидел его впервые, — ее улыбка, ее веселый смех, — и, вспоминая обо всем этом, я не мог сдержать громкий стон отчаяния и боли.

ГЛАВА 11

Об особенностях штурманской практики Фила Бартлоу и о битве с королевским военным судном

Прошло немного времени, прежде чем передо мной раскрылась истинная сущность галеры и ее команды — да еще при таких обстоятельствах, что кровь у меня закипела и в душе все перевернулось от негодования и отвращения.

На следующий день погода испортилась, и мы качались на ленивой волне, не двигаясь ни назад ни вперед. Моросил мелкий холодный дождик, и безвольно повисший треугольный парус на кливер-штаге весь промок и потемнел от сырости. Ночью, однако, дождь прекратился, но когда я утром поднялся на бак, то буквально

остолбенел от неожиданности: я не мог понять, что случилось с галерой в течение ночи. Реи ее, обычно аккуратно выровненные и закрепленные на топенантах, торчали теперь в разные стороны, и на них болтались жалкие обрывки изодранных в клочья парусов; судно казалось заброшенным, наполовину затонувшим и едва держалось на пологой волне, словно только что перенесло жестокую бурю.

На палубе было не более полдюжины человек команды, но я заметил у каждой мачты деревянные стеллажи с огнестрельным оружием, а возле пушек картузы с порохом и плетеные корзины с ядрами.

У наветренного борта стоял матрос, отчаянно размахивая сигнальными флагами; подойдя к нему, я заметил примерно в миле от нас неказистую двухмачтовую шхуну-барк с измызганными парусами и тупыми обводами, неуклюже переваливавшуюся на волне, направляясь в нашу сторону.

— Что с нами приключилось? — спросил я капитана, следившего в длинную подзорную трубу за приближавшейся шхуной.

— Мы попали в беду, парень, — ответил капитан, — и нуждаемся в помощи. Вон то норвежское судно, надеюсь, нам ее окажет, потому что там, кажется, заметили наши сигналы.

— Значит, мы можем пойти ко дну? — встревожился я.

— Не думаю, друг мой, не думаю, — сказал капитан. — Однако все в руках Божьих! — И он отвернулся, отдавая приказ направить людей к помпам. Когда я увидел мощные струи

воды, вырвавшиеся из трюма галеры, я понял, что дела наши плохи, так как в трюме, по всей вероятности, открылась сильная течь. То же самое, очевидно, подумали и норвежцы: они столпились у борта, размахивая руками и указывая в нашу сторону по мере того, как шхуна приближалась к галере.

Пока я стоял в оцепенении, не зная, что предпринять, мимо меня пробежал Саймон, и я спросил его, не грозит ли нам гибель в морской пучине.

— Нам-то — нет, — прошептал он, глядя прямо перед собой, — а вон тем несчастным — несомненно! Все это сплошная уловка, обман! Если хочешь послушать моего совета, спускайся вниз и не высовывай носа на палубу!

Я весь похолодел, услышав его слова, однако не собирался уходить с палубы, поскольку не знал, на чьей стороне истина, и боялся оказаться взаперти, если галера пойдет ко дну. Тем не менее я начинал подозревать, что Саймон говорит правду, и почувствовал сосущую пустоту под ложечкой при мысли о норвежцах.

— Гей-го! — донесся окрик с чужого судна, после чего слышались слова на иностранном языке.

— У нас пробоина ниже ватерлинии! — заорал в ответ чернобородый Хью Дизарт, приложив рупором ладони ко рту. — Не могли бы вы прислать помощь? У нас своих рук не хватает!

Норвежец, окликнувший нас, помахал нам рукой, и вскоре небольшую лодчонку, болтав-

шуюся на буксире за кормой шхуны, подтянули к ее борту; трое моряков из команды норвежского судна прыгнули в нее и на веслах направились к нам, в то время как шхуна, сманеврировав топселем, легла в дрейф, плавно покачиваясь на волне. Ее черный силуэт четко вырисовывался на фоне раннего утреннего солнца, высвечивавшего каждую ее деталь — от квадратной кормы до приземистых мачт, и теперь она больше не казалась мне такой уродливой и неуклюжей.

Когда я обернулся, оторвавшись от разглядывания шхуны, я сразу понял, что Саймон действительно говорил правду, ибо половина команды галеры лежала, укрывшись за скамьями на шкафуте, а оружие и мушкеты возле мачт исчезли со стеллажей. Заметив это, я готов был уже окликнуть людей в лодке, пытаюсь предупредить их, но тут к моему виску прижался холодный предмет, и я, покосившись, увидел рядом с собой толстого Фила Бартлоу, державшего в руке пистолет, направленный мне в голову.

— Спокойно, мой юный петушок, — насмешливо пропищал он. — Это не займет много времени, зато укрепит твой желудок так же, как и у меня. Полюбуйся лучше, какую плавную параболу описывает вон та лодка на волне!

Я ничего не ответил и молча продолжал наблюдать за приближавшимися норвежцами.

Когда лодка подошла к борту, матрос, размахивавший сигнальными флажками, бросил вниз короткий канат с навязанными по всей его длине узлами, и двое норвежцев один за

другим принялись карабкаться по нему и перелезли через бульварк. Не успел первый спрыгнуть на палубу, как жесткая ладонь закрыла ему рот и он был сбит с ног так ловко и бесшумно, что второй даже не понял, в чем дело, пока сам не растянулся рядом с первым. Третий оставался в лодке, придерживаясь багром за обшивку галеры, пока шесть или семь «веселых ребят» из нашей команды не набросились на него и не подняли на борт, после чего новый экипаж лодки, не мешкая, приналег на весла и направился к шхуне, команда которой слишком поздно начала понимать, в какую ловушку они угодили.

Прежде чем норвежцы успели что-либо предпринять, на палубу шхуны полетели трехконцовые «кошки» и грапнели с привязанными к ним прочными шкертами, и злодеи, не обращая внимания на сыпавшиеся на них удары, полезли на борт. Галера, направляемая искусной рукой, подошла вплотную и встала рядом с обреченным судном, на палубе которого разыгралась настоящая бойня. Безоружные моряки сражались с мужеством отчаяния, используя в качестве оружия все, что под руки попадало, но, конечно, не могли противостоять вооруженным до зубов бандитам, хоть на моих глазах один из них и свалился под могучим ударом высокого светловолосого норвежца, оставшись лежать неподвижно.

Вскоре, однако, все было кончено. Из команды шхуны в живых остались лишь трое: тот самый светловолосый мужчина, который одним

ударом сразил наповал бандита, — высокий моряк с загорелым, открытым, честным и мужественным лицом, обрамлённым белокурой бородкой; приземистый толстяк с пухлыми щеками, отличавшийся от остальных норвежцев и действительно оказавшийся немцем, единственным пассажиром шлюпа, направлявшегося в бухту Святого Давида в Ферте; и мальчикунга лет четырнадцати. Всех троих со связанными за спиной руками переправили на борт галеры, где они присоединились к пленным матросам со шлюпки. Выглядели они крайне удрученно и подавленно, что, впрочем, было вполне объяснимо, а немец — так тот просто плакал как ребенок. Остальные молча стояли и смотрели, как команда галеры перегружала все мало-мальски ценное со шхуны на борт «Блуждающего огонька»; добыча, впрочем, оказалась довольно скромной, поскольку груз норвежцев состоял в основном из кож и лесоматериалов. Лишь у одного из них, высокого белокурого моряка, который, по всей видимости, был шкипером шхуны, вырвалось из груди короткое сдавленное рыдание, когда он увидел, как один из бандитов отправился на захваченное судно с ящичком плотницких инструментов в руках. Я недоумевал, что он там собирается делать, но вскоре мое недоумение рассеялось: после того, как он вернулся на галеру, мы отчалили от шхуны и отплыли немного в сторону, и тут я понял, что злодей затопил судно, открыв в его днище кингстоны. Шхуна погрузалась у нас на глазах, стоя на ровном киле;

затем она качнулась, словно отдавая нам последний прощальный поклон, мачты ее прочертили по светлому небу широкую дугу, нос погрузился в воду, корма задралась высоко вверх, и судно медленно пошло ко дну, не оставив на поверхности ни малейшего следа.

При виде гибнущего судна мальчик-юнга громко заплакал, но грубый удар по затылку заставил его замолчать; по взгляду, брошенному шкипером на негодея, совершившего это, я понял, что белокурый моряк был отцом мальчика.

Однако, сколь ни трагично было начало, худшее оказалось еще впереди, и я заметил, как норвежцы переглянулись с искаженными от ужаса лицами, когда по приказу Бартлоу несколько человек из команды «Огонька» перекинули через бульварк длинную доску и принялись закреплять ее конец на палубе. Что касается немца, то он, увидев это, завопил и запричитал, точно помешанный, и начал рвать на себе волосы, пока сильный удар по лицу его не утихомирил.

— Спокойно, ребята, не волнуйтесь! — пискливым голосом приговаривал Бартлоу с отвратительной ухмылкой на своей жирной физиономии. — Соблюдайте порядок и очередность! Как ты думаешь, Антонио, доска достаточно прямая? Ибо прямая линия, согласно Евклиду, есть кратчайший путь между двумя точками, и нам не следует утомлять наших гостей долгой прогулкой. Смотрите, какая толпа собралась поплясать на ней! Надеюсь, наш

толстопузый приятель окажется не слишком тяжелым; впрочем, доска выглядит довольно прочной — не правда ли, капитан?

— При случае она выдержит даже тебя, — ответил Дизарт.

— Тогда, — сказал Бартлоу, — пригласите номер первый продемонстрировать свое искусство и, если потребуется стимул, Антонио, не откажи ему в этой услуге, как ты умеешь!

Антонио, смуглый кривоногий бандит с дьявольским лицом и желтым зубом, нависавшим над нижней губой, ухмыльнулся и похлопал ладонью по рукоятке ножа, торчавшего у него за поясом.

— Но вы же не собираетесь утопить этих людей! — в ужасе воскликнул я, обращаясь к капитану.

В ответ он усмехнулся и кивнул в сторону Бартлоу.

— Я не имею ничего общего с этим, — сказал он, пожав плечами. — Всеми делами на судне ведает наш досточтимый штурман.

От жестокой циничности чернобородого предводителя бандитской шайки мне стало дурно, и я почувствовал легкую тошноту и головокружение; однако я был не в силах ничего предпринять и просто стоял точно приклеенный, наблюдая за происходящим, сжав кулаки так, что ногти чуть не до крови впились в ладонь. События на палубе тем временем развивались с невообразимой быстротой.

— Мертвые не болтают, — сказал Бартлоу. — Готов ли номер первый, Антонио? Приятная

прогулка, сэр, хоть и немного короткая: неделя через шесть вы выплывете опять! — И я увидел, как одного из норвежцев подтолкнули к доске. Я зажмурил глаза и больше ничего не видел и не слышал, пока не раздались легкий всплеск и хриплый хохот команды. Так, оцепенев и зажмурясь, я насчитал три подобных всплеска, а затем послышались шум драки, вопли и проклятия. Я раскрыл глаза и увидел, что норвежский шкипер, которому удалось освободить одну руку, наносит направо и налево яростные удары по толпе негодяев, обступивших его сына. Антонио лежал навзничь на шкафуте; рот его превратился в кровавое месиво из размозженных губ, выбитых зубов и розовых пузырей слюны; поперек его тела неподвижно лежал ничком еще один бандит. При виде драки кровь взыграла во мне, и я с криком выхватил шпагу и бросился бы на помощь белокурому великану, если бы Саймон Гризейл не схватил меня сзади. В следующий миг мужественный норвежец обнял своего сына и прыгнул вместе с ним за борт, оставив команду «Огонька» сыпать проклятиями, негодовать и изливать свою досаду на немце, единственном, оставшемся в живых. Я бы попытался спасти его, если бы мог, ибо невыносимо было слушать вопли и стенания бедняги, но Саймон держал меня крепко и настойчиво шептал мне на ухо, отговаривая от столь явного и бесполезного способа самоубийства, и я, признав его правоту, смирился. Немец, который до сих пор на коленях умолял о поща-

де, внезапно смолк и поднялся на ноги; затем, неожиданно разбежавшись, он нанес Бартлоу сильный удар головой в живот, так, что злодей перегнулся пополам, а сам, вцепившись мертвой хваткой в одного из растерявшихся бандитов, подтащил его к бульварку и вместе с ним исчез за бортом.

Тут я уже не выдержал: едва отдавая себе отчет в своих действиях, я вырвался из цепких объятий Саймона и, крича и ругаясь словно помешанный, в ярости бросился на капитана. Однако тот, сделав шаг в сторону, ловко подставил мне ногу; я споткнулся об нее и упал, и, прежде чем успел подняться, четверо здоровенных молодчиков навалились на меня, не дав мне и пальцем пошевелить.

— Ай-ай-ай, дружок, как нехорошо! — с коротким смешком сказал Дизарт. — Мы ведь должны дать и Филу возможность немного позабавиться, не так ли? Хотя, клянусь святым Христофором, он на сей раз получил свою дозу сполна! Вон как визжит, точно недорезанная свинья! — Затем, обращаясь к людям, державшим меня, он добавил: — Отведите его на бак! И приставьте к нему охрану.

После того как я очутился под замком в своей крохотной каютке, у меня было время привести в порядок невообразимый сумбур мыслей и чувств, творившийся у меня в душе и в мозгу. Я постепенно, одну за одной, восстановил в памяти все жуткие картины, свидетелем которых мне довелось быть, и даже почувствовал некоторое утешение при воспоминании о том,

как немец боднул Бартлоу, главного инициатора и зачинщика, насколько я мог судить, всей этой страшной экзекуции, поскольку Дизарт, подобно Пилату Понтийскому, «умыл руки», переложив ответственность за нее на своего толстого штурмана.

Я сидел на узкой койке и размышлял о собственной незавидной судьбе: кто я — пленник, узник, ожидающий решения своей участи, или просто проштрафившийся член команды, подвергнутый дисциплинарному наказанию? Во всяком случае, у меня не отняли ни шпаги, ни кинжала, ни пистолета, и я ломал себе голову над тем, что бы это значило; но никто не приходил ко мне, и вскоре по движению судна я понял, что мы снова плывем. Потом я задремал, но был разбужен матросом, который принес мне полбуханки хлеба и кружку эля, что меня немного воодушевило. Пока я ел, одна из досок переборки неожиданно сдвинулась в сторону, и в образовавшемся отверстии, к моему несказанному удивлению, появилась сначала голова, а за ней и остальное туловище Саймона Гризейла. Прескользнув в каюту, он предостерегающим жестом прижал палец к губам, призывая меня к молчанию, и едва слышно прошептал:

— Ну что, парень, правду ли я говорил?

— Правду-то правду, — так же шепотом ответил я. — Но ведь это не люди, а какие-то исчадия ада!

— А ты недалеко от истины, приятель, — согласился он, — хотя одни из них получше, а

другие похуже; но ты должен был вести себя так, как я тебе сказал, и не брыкаться, точно необъезженный жеребец!

— Видит Бог, — сказал я, — это было выше моих сил.

— И ничего удивительного, — вздохнул Саймон. — Однако слушай меня внимательно: это секретный проход в провизионную кладовую, известный только капитану и Бартлоу и, как видишь, еще одной живой душе, хоть они об этом и не подозревают. С противоположной стороны он открывается при помощи подвижной доски, как и здесь, и, когда придет время, ты сможешь воспользоваться им вот таким способом, — и он показал мне, как действует секретная пружина. — На другом конце то же самое, — сказал он, — так что ты не ошибешься.

— Но, — возразил я, — когда же придет для меня время?

— Слушай и не перебивай, — сказал он. — Я — «подсадная утка» на борту этой пиратской посудины, шпион, проникший сюда с английского военного корабля, который под видом купеческого судна должен ожидать нас неподалеку от Хамбера, в двух днях пути отсюда. Я убедил здешних головорезов в том, что это — богатый купец с ценным грузом и взять его будет нетрудно; бандиты клюнули на мою приманку, как те несчастные норвежцы, что попались на их удочку, и сейчас мы держим курс на побережье Йоркшира. Мне может понадобиться твоя помощь, так что жди и ничего не предпринимай, пока я не скажу. А когда гале-

ра окажется в западне, моего слова будет достаточно, чтобы освободить тебя и отправить на виселицу каждого из этих мерзавцев!

— Отлично задумано, — сказал я, — лишь бы только все сработало, как надо!

— Предоставь это старому Саймону, — усмехнулся Гризейл, — ему приходилось устраивать дела и посложнее. Дизарта и Бартлоу, по моим указаниям, должны были захватить в той таверне в Лейте, где ты с ними познакомился, но им удалось улизнуть; а ты и поверил, будто это была погоня за тобой! Однако мне пора, потому что пробраться в трюм не так-то просто и я могу свободно передвигаться, только когда на вахте стоит Богстоун, боцман, а капитан и Бартлоу находятся внизу. Удачи тебе, приятель, и не вешай нос!

С этими словами, подкрепленными дружеским рукопожатием, он скользнул в щель, и доска в переборке снова встала на свое место.

В течение последующих двух суток я не видел никого, кроме моего угрюмого тюремщика и Дизарта, который приходил ко мне словно просто поболтать и посмеяться, но с явной целью склонить меня к решению примкнуть к его банде головорезов. Он не принуждал меня и не угрожал, но красочно расписывал прелести и преимущества вольной жизни пиратского «братства»; я же, делая вид, будто молча слушаю его, с трудом подавлял в себе желание собственноручно задушить подлеца, понимая, что тем самым я не только подпишу себе смертный приговор, но поставлю под угрозу

срыва тщательно разработанный план Саймона Гризейла.

На третий день Саймон опять появился в моей каюте.

— Можешь ругать меня, — сказал он, — но я никак не мог пробраться к тебе раньше. И сейчас меня чуть было не обнаружили, когда я нырял в потайной ход, но пришлось рискнуть: сегодня утром на горизонте показались топсели большого судна, и я думаю, что это мой корабль «Королевская гончая». Так что я пришел тебя предупредить: если услышишь орудийную пальбу, можешь спокойно выбираться отсюда, ибо — видит Бог! — им некогда будет следить за тобой!

С этими словами он, не мешкая, исчез так же внезапно, как и возник.

Я с большим нетерпением ожидал, когда тишину нарушит наконец гром корабельных пушек, но, кроме топота ног на палубе над моей головой, скрипа корабельной обшивки и плеска воды за бортом, никакие другие звуки не долетали до меня. Время, казалось, замерло на месте, и минуты тянулись бесконечно, тем более что над морем опустился густой туман и я ничего не мог разглядеть сквозь маленькое зарешеченное окошко в наружной стенке моей тюрьмы. Но вот неожиданно надо мной все затихло, и по характерному поскрипыванию и тяжелым шлепкам широких лопастей о волну я понял, что мы идем на веслах. Туман к этому времени немного поредел, и я различил неподалеку от нас силуэт большого трехмачтового

корабля, чьи такелаж и надстройки по-прежнему скрывала тусклая сероватая мгла.

Мы втихомолку, как хищник к намеченной жертве, подкрадывались к судну, которое, казалось, вовсе нас не замечало и медленно двигалось своим курсом, поскольку ветра почти не было. До меня донесся окрик, раздавшийся на палубе над моей головой, и кто-то нам с большого судна ответил; но что он сказал, я не слышал, и мы продолжали сближаться.

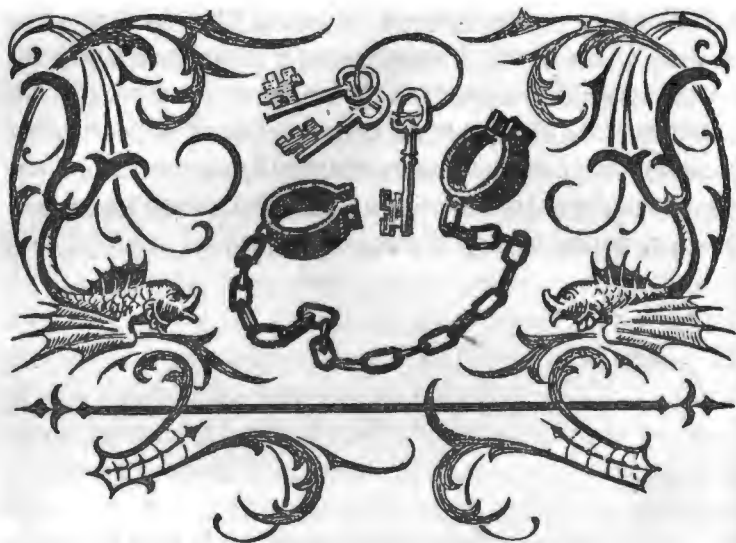
И тут я увидел, как в борту судна внезапно, словно по волшебству, открылись люки оружейных портов и жерла восьми пушек зловеще оскалились на нас; сверкнуло ослепительное пламя, раздался оглушительный грохот, и галеру встряхнуло от клотиков до киля. На палубе слышались дикие вопли, крики, ругань, беготня и суматоха. Не теряя ни минуты, я нацепил пояс со шпагой, сунул за пазуху кинжал и пистолет и выскользнул из каюты тем способом, какой указал мне Саймон. Потайной ход вывел меня в темное обширное помещение, заставленное мешками, ящиками и бочками; пробравшись вслепую между ними, я ощупью нашарил дверь в переборке и очутился на трапе, ведущем наверх.

На палубе творилось нечто неопишваемое. Я никогда еще не бывал в подобных переделках, и мне сразу повезло, ибо не успел я высунуть голову за край трюмного люка, как над ней со свистом пронеслось крупное ядро и на моих глазах срезало фок-мачту, которая рухнула, точно подрубленная топором на высоте

шести футов. На палубе не было видно никого, кроме мертвых и умирающих, и было их немало, потому что почти половина команды сидела на веслах, когда первый бортовой залп огненным вихрем пронесся по галере, сметая все на своем пути. Раненые лежали в лужах темной крови, корчась от боли, крича и умоляя о глотке воды, но в это время грохнули пушки галеры, и стоны несчастных потонули в оживленных и одобрительных воплях бандитов. И вновь случай дал мне повод возблагодарить Господа за то, что Он не дал мне высокого роста: короткий обрывок цепи, которыми в то время заряжали орудия вместо шрапнели, пронесся, гудя, буквально на расстоянии одного волоска над моей головой, когда я вскарабкался на скамью гребцов и выпрямился, чтобы получше осмотреться вокруг.

И тут галера задрожала от тяжелого удара в бок, качнулась, и послышался такой невообразимый грохот, словно наступил конец света. Ослепительная завеса пламени взметнулась перед моими глазами от шкафута до фордека, и воздух наполнился удушающим запахом сернистых газов. Меня швырнуло куда-то в пространство, и я полетел, кувыркаясь, пытаюсь найти в пустоте точку опоры, стремительно падая сначала вниз головой, затем вперед ногами, пока с шумом и плеском не рухнул в воду, после чего камнем пошел ко дну. Однако инстинкт и привычка к водной среде помогли мне правильно сориентироваться, и я, отчаянно заработав руками и ногами, снова выплыл на поверхность. Задыхаясь, отфыркиваясь жад-

но хватая ртом воздух, я высунул голову над водой и неожиданно получил сильный удар по затылку. Я взмахнул руками и схватился за солидный обломок доски, которой и был обязан предательской затрециной; но тут огоньки заплясали у меня перед глазами, вода запела в ушах, и все погрузилось во мрак.

ГЛАВА 12

О «Золотом драконе» и о смертном приговоре

Когда глаза мои снова увидели свет и сознание вернулось ко мне, я почувствовал, что лежу на спине, а вокруг звучат многочисленные незнакомые голоса. Тем не менее прошло, как мне показалось, немало времени, прежде чем я сумел повернуться, чтобы осмотреться и понять, где я нахожусь; но стоило мне пошевелиться, как возле меня раздался голос:

— Глядите-ка, пес наконец-то приходит в себя! Слава Богу, хоть одного удастся повесить!

Все еще не совсем очнувшись, я удивился столь странному благочестивому выражению радости и сквозь кровавый туман разглядел сто-

явшую вокруг меня группу людей; сам же я лежал на палубе и чувствовал себя так, словно голова моя распухла и кожа на затылке стала слишком тесной. Затем на лицо и шею мне плеснули забортной водой из ведра, причем подобную процедуру повторили трижды, прежде чем туман перед моими глазами рассеялся и я приобрел способность более ясно различать окружающие меня предметы. Я понял, что нахожусь на палубе судна, и, поскольку память постепенно начала возвращаться ко мне, пришел к выводу, что это, должно быть, королевский военный корабль, а обступившие меня люди — его команда; неясно было только, какая участь постигла «Блуждающий огонек». Меня этот вопрос настолько интересовал, что я наконец задал его, и в качестве неполного ответа получил пинок под ребра; чей-то голос рядом злобно проговорил:

— Проклятое осиное гнездо взлетело на воздух вместе со своей командой!

— Мне тоже припоминается, — с трудом шевеля непослушными губами и языком, сказал я, — будто я взлетел прямо в небеса.

— Верно, — ответил мне тот же голос, — и скоро взлетишь снова, но на сей раз там и останешься, хоть в небеса так и не попадешь, можешь не надеяться!

В ответ послышались громкий хохот и вновь приглушенный говор голосов. Наконец, почувствовав себя лучше, я сел на мокрых досках палубы и обнаружил, что причиной натянутой кожи у меня на затылке является огромная болезненная шишка величиной с индюша-

чье яйцо. Тут я припомнил все, вплоть до удара по голове, и понял, что хитрость Саймона Гризейла удалась, немного, правда, выйдя за ожидаемые пределы.

— Вставай, ты, обезьяна! — слышался знакомый голос, и чей-то сапог опять толкнул меня под ребра. Но на сей раз я поймал ногу обидчика и, быстро поднявшись, резко дернул на себя. Молодой человек в дорогой и модной одежде, изрядно, правда, замаранной пороховой гарью и копотью, растерянно взмахнул руками и грохнулся навзничь, ударившись головой о палубу. В следующее мгновение он снова вскочил на ноги и пронзил бы меня насквозь, бросившись на меня с обнаженной шпагой, если бы пожилой мужчина с волевым лицом и остроконечной бородкой клинышком не оттолкнул его в сторону.

— Оставь свои глупости, Эдвард, — строго сказал он. — Ты получил по заслугам, позволив себе ударить — я бы даже сказал, пнуть ногой! — лежачего, будь он хоть трижды пират!

Поняв наконец, что эти достойные люди готовы впасть в прискорбную ошибку, я счел уместным их поправить.

— Никакой я не пират, — заявил я, — и Саймон Гризейл может это подтвердить.

— Так почему же ты оказался на пиратском судне? — спросил старик, осуществлявший здесь, видимо, верховную власть.

Я рассказал ему свою историю, изложив все обстоятельства моего появления на галере, упомянув, правда лишь вскользь, о поединке с

французом и умолчав о секретных бумагах заговорщиков.

— Правдоподобная версия, — сказал он, — вполне достоверная и убедительная. Жаль только, что, кроме твоих слов, ее ничто не может подтвердить.

— Если вы спросите Саймона Гризейла, — возразил я, — то увидите, говорю ли я правду!

— А кто такой этот Саймон Гризейл? — спросил старик, и все вокруг захохотали при виде недоумения и замешательства, отразившихся на моем лице.

— Шпион, — сказал я, — английский шпион, который привел пиратскую галеру под удар ваших пушек.

Капитан покачал головой.

— Боюсь, — сказал он, — удар по затылку что-то повредил в твоей голове. Не знаем мы никакого шпиона и понятия не имели о пиратской галере, пока не услышали шлепанье ее весел по воде.

Слова эти вселили немалый страх в мою душу.

— Как называется ваш корабль? — торопливо спросил я.

— «Золотой дракон», — последовал ответ.

— Не «Королевская гончая»?

— Нет, хотя мы встретили судно с таким названием на траверзе Плимута.

— Понятно, — вздохнул я, — этим все и объясняется: нас должна была захватить «Королевская гончая»...

— Не могу согласиться с такой постановкой вопроса, — возразил капитан, — хотя, конеч-

но, приношу свои извинения! — и толпившаяся вокруг команда вновь разразилась громким смехом.

— Но ведь Саймон Гризейл не погиб? — настаивал я. — Он ведь жив, не так ли?

— Ты единственный, кто спасся из всей шайки бандитов, — сказал старик, — и поэтому будешь повешен, невзирая на твои увлекательные побасенки. Двадцать два человека потерял я, двадцать два честных матроса, не говоря уже о бушприте! Отвести его вниз, — строго добавил он. — И заковать его в цепи!

— Но сэръ!.. — взмолился я, ибо дела мои начинали принимать угрожающий оборот. Тем не менее капитан молча отвернулся и взмахнул рукой; меня потащили вниз, и я вновь услышал смех, а кто-то из собравшихся заметил:

— Хитрый негодяй, хотя и довольно необычного телосложения даже для морского разбойника!

После этого голова моя очутилась ниже уровня палубного настила, и я больше ничего не слышал. Мои тюремщики сковали мне руки цепью и втолкнули меня в темную зловонную конуру где-то в недрах огромного корабля; когда они открыли дверь, до меня донесся шорох, писк и топот многочисленных крысиных лапок по грязному полу, и сердце мое упало при мысли о том, что мне предстоит остаться здесь, в этой гнусной дыре.

— Долго ли меня здесь будут держать? — спросил я у одного из матросов.

— Только до тех пор, пока тебя не вздернут, — ответил тот.

— И когда же это произойдет?

— Завтра, я полагаю. Капитан Эмброуз никогда не откладывает такого рода дела, а сейчас он порядком зол, потому что эти дьяволы наделали немало хлопот и всё зазря. Так что, недоросток, можешь приступать к молитвам!

— Господи, помоги мне! — пробормотал я.

— Ему придется для этого здорово постараться, — сказал один, и другие захохотали в ответ на столь сомнительную шутку; затем, заперев за собой дверь, они ушли, оставив на полу для меня каравай хлеба и кувшин с водой. Я остался в темноте.

Почти целых два часа я мерил шагами эту мрачную дыру с тоской на сердце и в смертельном страхе, разъедавшем душу, потому что жизнь моя могла закончиться, так и не начавшись, а ведь по возрасту я не дорос еще до настоящего мужчины. Я передумал обо всем, что случилось со мной после того, как я повернулся спиной к Керктауну, и поразился невероятному количеству неудач, постигших меня с тех пор. Я голодал, я стал обладателем важного секрета, которым не сумел воспользоваться, но которым пожертвовал, чтобы спасти свою шею от петли, я подстроил ловушку своим убийцам, бежал, очутился среди бандитов, и вот теперь завтра, если тот матрос не солгал, меня должны повесить, хоть я не совершал никаких преступлений и совесть моя чиста. Правда, за эти несколько дней я увидел и пережил больше, чем ожидал увидеть и пережить за всю свою жизнь. Не удивительно, что выловившие меня англичане не поверили моей истории — да я и

сам бы ей не поверил! — но все равно я очень сокрушался и переживал, тем более что у меня отобрали мою добрую шпагу вместе с кинжалом де Папильона и отцовским самострелом, которые я сумел сохранить даже в плену у пиратов.

От всех этих тяжелых мыслей голова моя разболелась настолько, что я прилег на полу и попытался заснуть; но мозг у меня был настолько перевозбужден, что я мог лишь сидеть на полу и уныло размышлять о своей судьбе, хотя полностью я надежды не терял и продолжал верить в лучший исход.

Спустя некоторое время, проведенное мной в таком состоянии, дверь моей темницы раскрылась, и мой тюремщик грубо приказал мне встать и следовать за ним, ибо капитан Эмброуз желает говорить со мной. Когда я вышел за дверь, двое матросов при кортиках подошли сзади и последовали за мной в качестве конвоиров. В полном молчании мы миновали темный трюмный проход, затем пересекли среднюю палубу, откуда узкий крутой трап вел наверх, и наконец я очутился в просторной каюте со стенами, отделанными дубовыми панелями и уставленными темными шкафами, и с широким окном, откуда открывался великолепный вид на море с крутыми пенистыми валами, бегущими за нами вперегонки, потому что ветер поднялся снова и судно имело хороший ход. За столом в каюте сидел капитан Эмброуз, а рядом с ним — молодой франт, который пинал меня сапогами под ребра и которого я свалил с ног на палубе. Позади них стоял коренастый приземистый мужчи-

на с каштановой бородкой и красным обветренным лицом, что-то со смехом быстро говоривший обоим, когда я вошел. Меня усадили на табурет перед этой троицей, и охрана встала за моей спиной, готовая при малейшем признаке опасности разделать меня на части; но, если бы они знали, какую боль причиняют мне тяжелые кандалы, врезавшиеся в тело на моих запястьях, они бы особенно не тревожились.

— Итак, сударь, — сказал капитан, уловив мой пристальный взгляд, — готовы ли вы теперь признать, что лгали нам до сих пор?

— Ни в коем случае, — возразил я.

— Помните, сударь, — строго предупредил он, — единственный шанс сохранить вашу жизнь — это говорить правду!

— Значит, я максимально использую этот шанс, — ответил я.

— Дай-ка проклятому псу пинка под зад, Грэхем, — сказал молодой щеголь одному из моих охранников, — а то он что-то чересчур умничает и распускает язык!

— Полагаю, — заметил я, — сами вы не захотите выполнить подобное действие?

Юнец вспыхнул до корней волос, но капитан призвал его к порядку, а человек за моей спиной незаметно кивнул и улыбнулся, как бы одобряя мой ответ заносчивому молокососу.

— А теперь, сударь, — сказал капитан, — как называлось судно, которое мы потопили?

— «Блуждающий огонек», — ответил я.

— Откуда оно вышло?

— Из Лейта.

— Имя капитана?

— Хью Дизарт.

— Клянусь честью, — воскликнул капитан, — значит, мы покончили с этим подонком! Отличная новость, хоть я и предпочел бы взять его живым, чтобы повесить рядом с вами!

— У вас нет никаких оснований отправлять меня на виселицу, — твердо возразил я.

— Предоставьте мне судить об этом, сударь, — ответил капитан, постукивая пальцами по столу.

— Очень хорошо, — сказал я, — но мне кажется, любой человек имеет право высказать свое суждение по поводу собственной шеи!

— Вы удивительно хладнокровны, — не без одобрения произнес капитан, тогда как краснолицый бородач за его спиной не раз улыбался в ответ на мои реплики.

— Я далеко не столь хладнокровен, как кажется, — возразил я. — Просто такова моя манера разговаривать.

— И чертовски гнусная к тому же, — вставил молодой франт, небрежно развалившись в кресле.

— Тем не менее, — заметил я, — она значительно вежливей вашей, сударь!

— Как ты посмел сказать мне такое! — завопил юнец, вскакивая на ноги.

— Оставьте нас, сэр, и немедленно! — сказал капитан Эмброуз, указывая молодому человеку на дверь.

— Но, дядя...

— Вы слышали, что я сказал; сударь?

Юный щеголь опустил голову и словно побитый щенок молча вышел из каюты, мимохо-

дом окинув меня взглядом, полным жгучей ненависти.

— Вы храбрый человек, хоть и малы ростом, — сказал мне капитан, когда дверь за юношей затворилась.

— Я не храбрее любого другого, — ответил я, — но я нахожусь здесь по фальшивому обвинению и поэтому разговариваю с вами на равных.

— Ваше имя?

— Джереми Клефан.

— Шотландец, судя по произношению?

— Совершенно верно.

— Католик?

— Боже сохрани!

Оба засмеялись, и я услышал, как мои стражники сзади тоже захихикали.

— Мастер Роджерс, — сказал старый капитан краснолицему мужчине, стоявшему за его креслом, — будьте любезны занести показания этого человека на бумагу; они могут нам понадобиться.

Таким образом, мне пришлось еще раз подробно повторить мою историю, упомянув в ней о захвате норвежской шхуны и даже о секретном проходе в провизионную кладовую; когда я закончил, капитан сказал, что передаст мое дело властям после нашего прибытия в порт. Я поблагодарил его за благосклонность к моей судьбе, и меня под конвоем увели из каюты, немного менее удрученного, чем до ее посещения. Я не особенно огорчился, узнав, что с меня приказано снять наручники и мне больше не придется коротать бессонные часы в обществе крыс в тесной и зловонной дыре на самом дне

трюма. Впрочем, я не особенно и обрадовался, поскольку то ли вследствие удара по голове, то ли в связи с контузией при взрыве, то ли от страха перед виселицей меня охватило полнейшее безразличие ко всему, и я впал в глубокое оцепенение, лежа на койке в почти бессознательном состоянии. Так продолжалось до тех пор, пока капитан Эмброуз, опасаясь, как бы я не помер окончательно, не прислал ко мне корабельного хирурга, который пустил мне кровь и ругался так грозно, что от одного страха перед ним я начал проявлять признаки жизни, хотя полностью оправился, лишь когда «Золотой дракон» бросил якорь в Портсмуте, морском порту на побережье Ла-Манша.

После того как судно стало на якорь, до моего слуха донесся грохот орудийного салюта вместе с приветственными криками толпы, и целый день после этого на судне царили большое оживление, веселье и суматоха. Я, естественно, ни в чем подобном участия не принимал, зато на следующий день руки мне снова заковали в кандалы, после чего вывели на палубу с тем, как я полагал, чтобы развлечь толпу любопытным зрелищем казни пойманного пирата. Однако судьба на сей раз дала мне небольшую отсрочку: когда я, зажмурившись от яркого света дня после темноты, царившей в моей маленькой каморке, вновь раскрыл глаза, то увидел группу людей, одетых весьма элегантно и даже изысканно, стоявших неподалеку с видом важным и авторитетным. На них были короткие, отделанные мехом плащи, доходившие до колен, а животы у некоторых сво-

ими размерами ничуть не уступали даже брюху Бартлоу. Среди них находился капитан Эмброуз, сопровождаемый краснолицым мастером Роджерсом, а позади выстроился отряд вооруженных пиками солдат в стальных шлемах и кирасах. Меня поставили на шканцах на виду у всех, трубач протрубил сигнал, и раздалась команда, требующая молчания; затем вперед вышел мастер Роджерс и зачитал документ, согласно которому я передавался под ответственность и юрисдикцию distinguished магистрата и совета королевского города Портсмута. Когда он кончил читать, трубач протрубил вторично и солдаты окружили меня, образовав тесное каре, а поскольку все они были рослые ребята, то из-за них мне ничего не было видно. Тем не менее мне удалось кое-что рассмотреть, когда меня спускали в лодку и на веслах переправляли на берег. Я заметил, что Портсмут — большой город, очень красиво расположенный, и что в гавани стоит множество судов, военных и торговых, а на верфях и стапелях строится еще немало таких же, но больше, как я уже сказал, из-за окружавших меня солдат я так и не смог ничего увидеть.

Мы высадились на каменном причале, и отсюда меня под конвоем провели по улицам к зданию, которое я принял за тюрьму. И не ошибся.

Всю дорогу, поскольку мне почти ничего не было видно, я ломал себе голову над причиной шума и гама, сопровождавших нас по пути. Впоследствии я узнал, что огромная толпа запрудила улицы, по которым пролегал наш мар-

шрут, ибо новость о захвате зловещего шотландского пиратского корабля, причинившего множество бед и несчастий, быстро распространилась среди горожан и все они выбежали на улицу поглазеть на страшного морского разбойника, взятого в плен. Меня до сих пор разбирает смех, когда я подумаю, насколько они были разочарованы, так ничего и не увидев; разве что счастливицам из окон верхних этажей могло повезти, и они сумели бросить взгляд на мою скромную фигуру, самой выдающейся достопримечательностью которой была, пожалуй, шишка на голове.

Дойдя до тюрмы — мне удалось разглядеть только верхушки двух высоких башен, — мы сделали кратковременную остановку, прежде чем массивные створки ворот распахнулись, тяжелая дубовая привратная решетка поднялась и мы по каменным плитам промаршировали во внутренний двор, мощный булыжником. Отсюда четверо солдат повели меня к маленькой двери в стене, затем вверх по винтовой лестнице и вдоль узкого прохода, пока мы не дошли до еще одной двери, окованной железными полосами. Дверь распахнулась, и меня грубо втолкнули в нее, так что я, не разглядев в темноте трех каменных ступеней, ведущих вниз, упал и сильно разбил себе лицо. Не успел я подняться, как дверь за мной со скрежетом затворилась и я остался один.

Я очутился в каменном склепе со сводчатым потолком, достигавшим в центре футов восьми в высоту, с единственной отдушиной для света и воздуха в виде небольшого отверстия в наруж-

ной стене, заделанного крест-накрест толстыми железными прутьями.

Каменная клетка была совершенно пуста, но сухая и чистая, чем выгодно отличалась от моей тюрьмы на «Золотом драконе». Тем не менее бежать из нее было так же невозможно: когда я подтянулся до маленького оконца и выглянул наружу, то увидел лишь сплошную стену, находившуюся ярдах в двадцати от меня, а до земли отсюда было довольно высоко, что я определил по звону монеты, долетевшему до меня лишь через пару секунд после того, как я бросил ее в окно. Это была моя последняя монета, поскольку меня тщательно обыскали и все остальное забрал тюремщик; почему он оставил мне эту — понятия не имею, знаю только, что не из сострадания, потому что именно он толкнул меня сюда, закончив обыск.

Спустя некоторое время тот же угрюмый тюремщик принес мне еду; он даже не подал вида, что слышит меня, когда я заговорил с ним, и после того, как я поел, я впервые в жизни почувствовал себя дурно и весь остаток дня пролежал на спине, глядя в потолок и искренне желая помереть, чтобы покончить со всей этой нелепостью: так ненавистны мне были эти стены, в которых я чувствовал себя как птица в клетке, лишенная свободы и света Божьего. Наконец я заснул и не просыпался, пока тюремщик грубо не потряс меня за плечо и не потребовал встать и приниматься за завтрак. После того как я покончил с едой — а, по правде сказать, там и кончать-то особенно было не с чем, — он сделал мне знак следовать за ним.

За дверью меня ждала стража с алебардами, и в таком виде мы снова промаршировали через весь город к зданию магистрата, где должен был состояться суд надо мной, как сообщил мне один из конвоиров. И вновь меня удивил интерес, который испытывали горожане к моей персоне, собравшись со всех сторон в таком количестве, что дорогу в толпе приходилось расчищать конным стражникам; однако тот же конвоир растолковал мне, что большинство моряков, погибших на «Золотом драконе», были родом из Портсмута и поэтому может случиться настоящий бунт, если меня не повесят.

Признаться, я нашел мало утешительного в этой новости, но раздумывать над ней мне было некогда, ибо вскоре мы подошли к зданию суда, и после многочисленных толчков и пинков я очутился в тесной загородке, похожей на ящик, с двумя стражниками по обе стороны от меня. Клетка стояла в обширном зале, битком набитом людьми, пожиравшими меня глазами и оживленно переговаривавшимися, пока чей-то голос громко не потребовал тишины и толстый старик с сонным одутловатым лицом, сидевший отдельно от остальных, возвышаясь над двумя другими судейскими чиновниками, на специальном помосте, спросил мое имя.

Для меня теперь не было секретом, что все эти люди жаждут моей смерти, а поскольку судья отлично знал из бумаги мастера Роджерса все, касающееся меня, — или во всяком случае вскоре узнает, — то я решил ничего не говорить и промолчал.

— Ты слышишь меня? — сердито воскликнул старик, а один из стражников толкнул меня в бок.

Я молча глядел на судью и ничего не отвечал.

В толпе послышался смех, и старик побагровел от злости.

— Стражник, всыпьте ему как следует, чтобы он проснулся! — воскликнул он, и один из конвоиров уже готов был выполнить поручение, но в зале поднялся шум протеста, и меня оставили в покое. Затем я услышал, как мастер Роджерс вслух зачитал мои показания и несколько свидетелей выступили с подробным изложением фактов гибели галеры и обстоятельств моего спасения. Настроение публики начало постепенно склоняться в мою сторону, и я это чувствовал по отдельным репликам, доносившимся до меня из зала. Но вот в качестве свидетеля вызвали племянника капитана Эмброуза, того самого юнца, которого я сшиб с ног в тот злополучный день.

— Ваша милость, — сказал он, обращаясь к судье, — преступник, сидящий здесь, пытается убедить нас, будто он попал на пиратский корабль случайно и что его там держали взаперти в качестве пленника. Но тогда пусть он объяснит нам, почему он был вооружен до зубов, когда мы его вытащили из воды? При нем были превосходная шпага французской работы, пистолет и отличный толедский кинжал. Неужели же пираты снабжают оружием своих пленников, ведь откуда иначе у обыкновенного деревенского простака из Шотландии, каким он пытается прикинуться, столь богатый арсенал,

да еще иностранного производства? И неужели же он всерьез считает всех нас наивными дураками, готовыми поверить в его небылицы? Закон гласит одно: любой, захваченный на борту пиратского судна с оружием в руках, считается пиратом и подлежит соответствующему наказанию!

Шум в зале поднялся неопиcуемый. Старый судья безуспешно стучал деревянным молотком по столу, требуя тишины, и только отряду вооруженных копьями солдат во главе с офицером удалось навести относительный порядок. Я понял, что проиграл, и на вопрос судьи, чем объясняются изложенные свидетелем факты, снова промолчал. И в самом деле: что я мог сказать? Объяснить, как ко мне попали рапира де Кьюзака и кинжал де Папильона? Но тогда неизбежно всплывет история с папистским заговором, о котором я умолчал, и в этом случае последствия для меня могут оказаться столь же плачевными, если не хуже.

Судья долго распространялся о гнусности пиратства и неизбежном наказании за беззаконие и зло, о храбрости людей с королевского военного корабля и о Божьем правосудии, после чего двенадцать горожан, выступавших в роли присяжных, встали из-за стола и вышли из зала; шум, говор и смех вспыхнули с новой силой и продолжались до тех пор, пока они не вернулись снова, а я тем временем вспоминал отца, госпожу Марджори и очень сожалел, что руки у меня не свободны.

Присяжные отсутствовали не более пяти минут, и, когда они заняли свои места за столом, молчание вновь воцарилось в зале суда.

Некоторое время я ничего не слышал, затем до меня донесся громкий голос, вопрошающий:

— Виновен или невиновен подсудимый?

— Виновен, ваша честь.

— Какого наказания он достоин?

— Смерти, ваша честь.

— Желаете что-нибудь сказать, подсудимый?

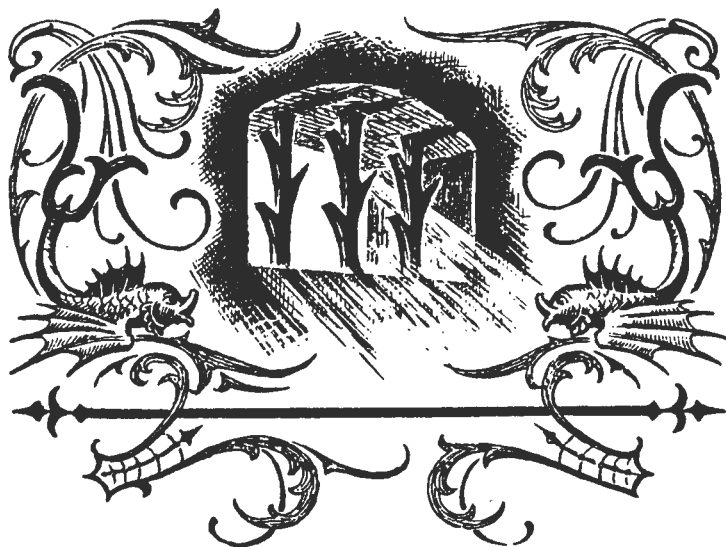
И тогда я впервые заговорил, кивком указав на племянника капитана Эмброуза, чья самодовольная физиономия ухмылялась мне из противоположного конца зала:

— Только то, видит Бог, что хотел бы поддержать вон того щенка минуты три перед концом моей рапиры, чтобы научить его приему де Кьюзака и тому, какой от этого получается результат!

Толпа ахнула от удивления и неожиданности, кое-кто засмеялся, но молчание вскоре было восстановлено, и толстый судья, поднявшись, произнес:

— Джереми Клефан, пират, душегуб и сообщник безбожных преступников, ты признан виновным в пиратстве и грабежах в открытом море, а посему я приговариваю тебя к смертной казни, которая должна быть осуществлена в следующем порядке. Через три дня, считая от сегодняшнего числа, тебя отведут из места твоего заключения на место, известное под названием Рыночная площадь, и там повесят за шею, после чего твоя голова будет отделена от туловища и помещена над воротами порта, а твое тело четвертовано, и части его также помещены на других городских воротах, и да помилует Господь твою душу!

Затем герольд провозгласил: «Боже, храни королеву Бесс!» — судьи, склонивши головы, хором сказали: «Аминь!» — и меня увели из здания суда под одобрительные крики толпы как внутри зала, так и на улицах, и я явственно почувствовал, как сжимается петля на моей шее.

ГЛАВА 13

О том, что я услышал в каминной трубе, и о человеке под аркой

И вновь я лежал на полу своей каменной клетки и в течение некоторого времени не мог думать ни о чем, кроме как о странной судьбе, выпавшей на мою долю. Я вспоминал хищное и алчное выражение на лицах толпы, хотя люди, казалось, были довольны, когда узнали, как я убил де Папильона. Я вспомнил лоснящееся лицо судьи, его улыбку во время вынесения мне приговора и затем подумал о том, что произойдет через три дня. Но чем дольше я думал об этом, тем сильнее крепла во мне решимость обмануть палача и лишить жителей Портсмута их жертвы.

С этим намерением я приступил к поискам путей спасения. Возлагать надежды на окно, а также — в чем я довольно быстро убедился — на окованную железом дверь я не мог. Оставались поэтому пол, потолок и стены. Пол состоял из плотно уложенных плоских каменных плит без всяких щелей и зазоров между ними, абсолютно непроницаемый, — если, конечно, не иметь лома и кирки, чтобы его вскрыть, а у меня не было при себе даже зубочистки.

До потолка я не мог дотянуться, даже взобравшись на табурет — единственное украшение и предмет мебелировки моей тюремной обители. В качестве последнего средства я принялся обследовать стены, сложенные из квадратных гранитных валунов, скрепленных между собой прочным цементом. При помощи табурета я осторожно простучал их и в одном месте, к моей неописуемой радости, обнаружил, что стенка издает пустой звук. Позади нее, вне всякого сомнения, находилась пустота, доходившая до самого пола, в чем я убедился, простучав стенку каблуком до ее основания. Более того, осмотрев это место подробнее, я заметил, что камни здесь отличаются от остальных и уложены в форме полукруга, причем менее тщательно, чем в других местах, и в скрепляющем их цементе видны трещины и щели.

Вот тогда-то я возблагодарил Всевышнего за то, что Он в своей беспредельной милости снабдил меня кандалами, от которых я недавно так мечтал избавиться. Усевшись на пол у стены, я, не долго думая, принялся выцарапывать засохший известковый раствор из-под одного из

нижних камней, наименее прочно, как мне показалось, сидевшего в общем ряду, используя в качестве инструмента выступавшие части моих железных браслетов и звенья тяжелой цепи. Чтобы прикрыть следы своей деятельности, я поставил рядом с собой табурет и продолжал трудиться до тех пор, пока тюремщик не принес мне ужин. Когда он удалился, унося посуду и остатки скудной снеди, я вновь приступил к делу и не прекращал его всю ночь до самого утра.

Если вам покажется, будто я слишком долго возился над одним-единственным камнем в стене, то прошу учесть, что работал я на ощупь, впотьмах, и орудия мои вовсе не были предназначены для таких целей. Я до крови стер пальцы и кожу на запястьях, прежде чем выцарапал цемент настолько, что дальше наручники больше не могли проникнуть; тогда я стал заталкивать между камней звенья цепи и загонять их в щель при помощи ножки от табурета — трудности подобной операции можно себе представить, если вспомнить, что этой же цепью были скованы мои руки. Как бы там ни было, но к утру тем не менее усилия мои достигли результата: после очередного толчка ножкой табурета камень пошатнулся и вывалился внутрь пустого пространства за стеной.

Сквозь крохотное оконце в моей темнице начали проникать первые лучи зарождающегося утра, и я поспешил поскорее убрать следы моих ночных стараний, чтобы тюремщик, принеся мне завтрак, ничего не заподозрил. Я собрал всю цементную пыль, покрывавшую пол

у стены, и высыпал ее в отверстие, образовавшееся на месте выпавшего камня. Оттуда на меня пахло кисловатым запахом слежавшейся золы и угара, и я понял, что обнаружил старый камин, замурованный за ненадобностью. Усевшись спиной к отверстию, я поставил перед собой табурет и, положив на него скованные руки и склонив на них голову, стал ожидать прихода тюремщика, надеясь своей позой убедить его в том, что я безмятежно проспал всю ночь и еще не совсем очнулся от сна. Я опасался лишь, как бы он не обратил внимания на мои разбитые в кровь пальцы и на ссадины на запястьях, но тюремщик их не заметил и ушел, ничего не подозревая.

Камень, провалившийся внутрь замурованного камина, был для меня безвозвратно утерян, но извлечь из стены второй не составляло уже больших трудностей. Однако заниматься этой работой днем было бы неосмотрительно, так как ко мне в любой момент мог кто-нибудь заглянуть и застать на месте преступления. Поэтому я решил днем немного отдохнуть и поспать, с тем чтобы с новыми силами взяться за дело в ночное время. Правда, отдохнуть, а тем более поспать, сидя в полусогнутом положении, прижавшись спиной к стене, чтобы прикрыть в ней дыру, оказалось весьма непростым и, как ни странно, довольно утомительным делом. Стоило мне задремать, как я тут же просыпался, в ужасе замечая, что сдвинулся с места и отверстие в стене открыто для всякого любопытного взгляда; к тому же от неудобной позы у меня сильно заломило поясницу, так что

сидеть я больше не мог и придумал более простой и надежный способ. Я приставил табурет к дырке в стене, а сам улегся на полу, прижавшись к табурету и закрывая своим телом пустое пространство между его ножками. Убедившись, что такой способ надежно гарантирует меня от всяких неожиданностей, я наконец успокоился и крепко заснул.

Разбудил меня грубый пинок сапогом в спину; я испугался, не раскрыл ли кто-нибудь мой секрет, но оказалось, что это всего лишь тюремщик, который принес мне ужин. Снаружи уже смеркалось, и в моей темнице царили густые сумерки, так что отличить дыру от рядом расположенных камней было невозможно. Я подкрепился и, дождавшись ухода тюремщика, снова принялся за работу.

Около полуночи у меня в руках оказался увесистый булыжник, а дыра в стене увеличилась ровно вдвое. Теперь я обладал орудием, с помощью которого мог решить много проблем, и первой из них было — избавиться от наручников. Как это сделать, я уже продумал давно: положив ушко левого браслета на угол каменной ступеньки у входа, я начал бить булыжником по железной заклепке, скреплявшей обе его половинки. В кромешной темноте это было далеко не просто, и множество раз я попадал то по руке, то по пальцу, а то и попросту булыжник выскальзывал у меня из ослабевших рук и я ползал по полу на четвереньках, пытаюсь ощупью отыскать его. Но в конце концов труды мои увенчались успехом, и к рассвету мне удалось выколотить заклепку из ее гнезда.

Вскоре должен был появиться мой надзиратель с завтраком, и поэтому я прекратил работу, тщательно убрав за собой все, что могло вызвать у него подозрение. Снова заняв место у стены за табуретом, я опять притворился спящим, прикрыв рукавом рубахи сломанный наручник. Пришел тюремщик и, как всегда, остался стоять в стороне, ожидая, пока я покончу с едой, и затем, собрав посуду, молча удалился.

Пытаться избавиться от второго браслета днем было опасно, но я все же не утерпел и, сидя на ступеньках у входа, несколько раз ударил булыжником по заклепке. Звук получился не очень громким и едва ли мог вызвать у кого-либо подозрение, но я тем не менее всякий раз замирал и прислушивался, не раздадутся ли шаги у двери. Собственно говоря, я не так уж и рисковал, поскольку, по моим наблюдениям, тюремщик был настолько же ленив, насколько и груб, и совершал свои обходы строго по заведенному распорядку, точно караул на Хай-стрит в Эдинбурге; кроме того, при свете дня работать было намного легче, и хоть действовать мне приходилось левой рукой, но зато она была свободна!

Продолжая постукивать камнем по заклепке, я размышлял о том, как мне распорядиться обретенной свободой, ибо избавление от кандалов я воспринимал именно так, хоть и оставался узником, приговоренным к смерти, сидящим в каменном мешке за обитой железом дверью. Я мог, например, оглушив тюремщика, попытаться просто выйти отсюда через

дверь, но такой вариант был с самого начала обречен на неудачу, поскольку днем в замке повсюду толпился народ, и тюремщика сразу бы хватились, заметив, что он слишком долго не появляется из моей камеры. Мысли мои все чаще возвращались к замурованному камину: не здесь ли кроется реальный путь к спасению? Ведь коль скоро существует камин, значит, существует и каминный дымоход, и если последний достаточно широк, то по нему можно выбраться на крышу, а оттуда бежать будет уже значительно проще, чем из закрытого со всех сторон двора. Прикинув все «за» и «против», я остановил свой выбор на дымоходе: в конце концов, если он окажется чересчур тесным, то у меня в любом случае остается другой выход, через дверь.

Приняв такое решение, я заметил, что заклепка наручника еле держится в своем гнезде и достаточно одного удара, чтобы ее оттуда выколотить; спохватившись, я не стал дольше искушать судьбу и быстро убрал все следы своего рискованного занятия.

Придав кое-как наручникам относительно нормальный вид, чему в немалой степени способствовали сгустившиеся сумерки, я едва дождался прихода тюремщика и наспех проглотил поздний обед или ранний ужин, как вам угодно будет его называть. Очевидно, в моем поведении было нечто необычное, так как тюремщик, уходя, несколько раз обернулся и подозрительно посмотрел на меня; тем не менее он ушел и запер за собой дверь, приписав, по видимому, все мои странности неизбежным

переживаниям смертника в ожидании казни. Я остался один.

В моем распоряжении были вечер и ночь. Одним ударом я вышиб заклепку из наручника и выломал еще пару камней, что заняло у меня всего несколько минут, расширив дыру в стене до таких размеров, чтобы иметь возможность пролезть в нее. Затем я повесил цепь с наручниками на железный прут в окне, «подсказав» таким образом, каким путем я «улетел» из тюрьмы, а сам протиснулся в нишу бывшего очага, притянув изнутри к стене табурет и кое-как снова заложив дыру камнями, чтобы не сразу можно было обнаружить истинный маршрут моего исчезновения.

«Ma foi, — пробормотал я про себя. — Надеюсь, Джереми Коротышка, на сей раз тебе повезет и дымоход не окажется слишком узким!»

Нет, дымоход был не слишком узок и не слишком широк, но — «Mon Dieu!», как сказал бы де Кьюзак, — можно ли было придумать более мучительную задачу для моих ладоней, локтей и колен, чем карабкаться вверх по этой заросшей сажей печной трубе? Не успел я подняться и на десяток футов, как едва не задохся от копоти, пыли и гари, а штаны мои на коленках протерлись до дыр, что можно было сказать и о локтях; но я тем не менее упорно продолжал свой путь, стараясь производить как можно меньше шума, срываясь, соскальзывая, цепляясь за малейший выступ, пока не уперся в неожиданное препятствие. В этом месте труба моего камина соединялась с другим дымоходом, и выше места соединения его шахта

сужалась настолько, что протиснуться сквозь нее было совершенно невозможно.

Я остановился на мгновение, упершись локтями и коленями в стенки дымохода, размышляя, как мне поступить дальше, но тут мои сомнения разрешились самым неожиданным образом: руки мои соскользнули, и я провалился вниз, в новый дымоход, пролетев футов двенадцать, прежде чем сумел остановиться. Остановиться-то я наконец остановился ценою значительной потери кожи на локтях и ладонях, но не ощутил боли в обожженных трением руках, поскольку снизу до меня донеслись мужские голоса, и я похолодел от страха, испугавшись, как бы мои ноги меня не выдали. То, что я услышал в следующую минуту, успокоило меня на сей счет, но зато заставило кровь бурно закипеть в моих жилах, и я почувствовал нестерпимый зуд в пальцах, как во время стычки с де Папильоном, ибо в одном из говоривших я узнал того молодого щеголя, который пинал и оскорблял меня, когда я лежал, беспомощный, на палубе английского военного судна.

«Благодарение Богу, — сказал я себе. — Уж если я не смогу показать ему классический прием де Кьюзака, то хоть оставлю кое-что на долгую память обо мне!» Приняв такое решение, я, соблюдая все меры предосторожности, спустился немного пониже и прислушался к тому, о чем они толкуют.

— Говорю тебе, Нед Солткомб, в дымоходе ничего нет! — утверждал пьяный голос.

— Нет есть!

— Спорю на бутылку хереса, там нет ничего!

— Пари принимается: можешь идти за бутылкой!

— С какой это стати?

— Потому что там полно сажи, дурак, ха-ха!

— Верно, Нед, ты у нас голова! Считай, что ты выиграл пари, и я пошел за бутылкой. Заодно и узнаю, какой пароль на сегодня, иначе тебе придется проторчать здесь всю ночь, и старый Ворчун получит повод прочесть тебе очередную нотацию, э, Нед?

— Черт бы побрал старого Ворчуна, вот что я тебе скажу!

— Охотно повторю это вслед за тобой, парень, хоть он и твой дядя! Но посмей только прикончить бургундское, пока меня не будет, и я раскрою тебе башку!

С этими словами владелец пьяного голоса удалился, бессвязно напевая веселую песенку.

«Джереми, — сказал я себе, — сам Господь посылает тебе этого подлого негодяя, так что не подкачай!» — после чего я спрыгнул вниз так бесшумно, как только мог. Опустившись на колени на плоскую каменную плиту очага, я осторожно выглянул из камина и осмотрелся по сторонам. Я увидел перед собой стол, освещенный масляной лампой, уставленный бутылками и бокалами, позади него — открытую дверь, а у стола — сидевшего спиной ко мне человека, который наливал себе вина, что я определил по звуку струи, льющейся в бокал. В одно мгновение я очутился за спинкой его стула, и он, услышав мое дыхание, обернулся и увидел меня. Он не произнес ни слова, но, выпучив глаза на посеревшем, как пепел, лице,

некоторое время в безмолвном ужасе глядел на кошмарное видение, неожиданно возникшее за его спиной. В следующее мгновение рот его раскрылся, готовый издать пронзительный вопль, но я уже схватил его за глотку и сполна расквитался за все причиненные мне обиды. Я сжимал ему шею до тех пор, пока лицо его не почернело и глаза не налились кровью, и затем, не обращая внимания на его судороги и конвульсии — вскоре, правда, прекратившиеся, — снял с его шеи платок и затолкал ему в рот. Наконец я свалил его со стула на пол, закрепил кляп своим ремнем, и тут мой взгляд упал на его шпагу: по крестообразной рукоятке со змеиной головкой на ней я узнал собственную рапиру! Обрадовавшись, я снял ее с моего обидчика вместе с поясом и перевязью, надел на себя, затолкал неподвижное тело подальше под стол, завернулся в щегольский плащ, небрежно перекинутый через спинку стула, нахлобучил на голову лежавшую тут же широкополую шляпу с пером и почувствовал себя готовым к любым испытаниям, уготованным мне судьбой. Поэтому я даже усмехнулся, услышав звук приближающихся шагов, и, поспешно задув лампу, от чего комната погрузилась во мрак, притаился за дверью в ожидании дальнейших событий.

— Хелло, Нед! — послышался пьяный голос. — Угадай, какой сегодня пароль, а? Не больше и не меньше, как «Блуждающий огонек», по названию того проклятого пиратского корыта, которое старый Ворчун отправил чертям на закуску, чем он очень гордится! Но что это с лампой? Эй, Нед!

Говоривший был уже в дверях, и я затаил дыхание, когда он проходил мимо меня, шаря по карманам в поисках трута и огнива, бормоча про себя проклятия, многие из которых были для меня в новинку. Оставив его за этим занятием, я потихоньку выскользнул из комнаты и очутился в коридоре, освещенном единственным фонарем, висевшим на железном крюке под потолком.

Я прокрался вдоль коридора, спустился по лестнице вниз, затем повернул налево и остановился перед небольшой дверцей; она открылась без труда, и я очутился в просторном дворе тюремного замка. Не без умысла оставив дверцу открытой, я прижался к стене и осмотрелся: шел дождь, и ночь, благодарение Господу, была темная, хоть глаз выколи, что придавало мне новые силы и уверенность. Придерживаясь тюремной стены, я ощупью стал пробираться вдоль нее и, свернув за угол, нырнул под арку в узкий сводчатый проход, перегороженный решетчатыми коваными воротами; рядом с ними в стене виднелась маленькая дверь, ведущая, очевидно, в караульное помещение, а над ней висел тусклый фонарь, не столько освещая проход, сколько порождая в нем густые тени.

Я вплотную приблизился к воротам и, укрывшись в тени, решил в случае необходимости попытаться перебить охрану; однако я больше рассчитывал на шум и суматоху, которые должны были неизбежно возникнуть после обнаружения полузадушенного племянника капитана Эмброуза: именно с их помощью я надеялся под шумок выбраться за ворота.

Ждать мне пришлось недолго; вскоре в замке послышались крики, призывы на помощь, топот и беготня. С того места, где я притаился, хорошо были видны отблески фонарей и дымный огонь факелов, когда стража от главных ворот поспешила к башне, откуда доносились крики. Дверь караулки рядом со мной распахнулась, и высокий плотный мужчина вышел на порог, прислушиваясь к беспорядку. Он стоял так близко от меня, что мне слышно было его дыхание, но, когда я уже наполовину вытащил шпагу из ножен, чтобы его прикончить, крики и вопли усилились, и мужчина, исчезнув на мгновение внутри караулки, вернулся с фонарем и торопливо промчался мимо меня по направлению к шуму. Я вынырнул из тени и вскочил в караулку, но тут же замер на месте, ибо одновременно с моим появлением из внутренней комнаты вышел грузный здоровяк и уставился на меня пустым, отсутствующим взглядом. По этому взгляду, по его сутуловатой фигуре, отвисшей нижней губе и слюнявому рту я понял, что передо мной ненормальный, чему я — да простит меня Господь! — чрезвычайно обрадовался.

— Скорее, парены! — сказал я. — Где ключ? Мне нужно торопиться!

— Так это ты и есть черт? — спросил он, вытягивая ко мне шею.

Теперь, возвращаясь памятью к тому времени и представляя себе, как я должен был выглядеть — с черным от сажи и копоти лицом, в лохмотьях, но щеголяющий в богатом плаще,

со шпагой и в широкополой шляпе с пером, — мне не кажется странным, что подобная идея пришла в его бедную больную голову.

— Совершенно верно, — ответил я. — И заберу тебя с собой, если ты сейчас же не дашь мне ключ от калитки!

— Добрый старый черт, — проговорил он, глупо улыбаясь и пуская слюни.

— Ключ! — сердито рявкнул я. — Иначе...

— Черт ты или не черт, — возразил debil, — а ключа я тебе не дам, пока ты не скажешь слово, иначе Билл на меня рассердится!

— Слово? — удивился я.

— Ну да, слово!

И тут меня осенило.

— «Блуждающий огонек» — вот твое слово! — выпалил я.

— Добрый старый черт, — опять повторил он и, взяв с полки ключ, вышел из караулки и открыл мне ворота. В следующий миг я схватил его за шею и, отшвырнув в сторону, вытащил ключ из замка и проскользнул в ворота; не успел я захлопнуть их за собой, как debil прыгнул на меня, фыркая, шипя и царапаясь, как целая дюжина котов, пытаюсь вцепиться мне в шею своими длинными пальцами. Счастье еще, что он не кричал, иначе мне пришлось бы его прикончить; а так, отшвырнув его от себя вторично, я схватил несчастного дурачка под коленки и сильным ударом головой в живот сшиб его с ног. Втолкнув беднягу в ворота, я захлопнул их створки, повернул ключ в замке и остановился, отдуваясь и переводя дыхание, так как приключения этой ночи отняли у меня немало сил.

Караульный находился неподалеку, судя по звуку его шагов, и я поспешно отступил в глубь прохода, мрачного, точно могильный склеп, благодаря скудному свету от фонаря, проникавшему сквозь кованую решетку ворот. Шляпу я потерял, но зато расправился со своим недоброжелателем и, главное, выбрался из тюрьмы. Я был свободен!

Не помня себя от радости, я попятился назад в темноту, не отводя взгляда от ворот, и вдруг неожиданно наткнулся на чью-то неподвижную фигуру, молча притаившуюся в тени под наружной аркой; не успел я выхватить шпагу или вообще предпринять что-нибудь для

своей защиты, как на моей шее сомкнулись сильные пальцы и я почувствовал себя так, как должен был, очевидно, чувствовать молодой щеголь, полузадушенный мною в замке. Однако, когда шаги караульного протопали мимо и замерли в отдалении, давление на мою гортань ослабело, и нападавший подтащил меня поближе к свету, наступая коленом мне на грудь.

— Клянусь святыми мощами, — проворчал он, — передо мной лежит негр, кожа которого линяет! Кто видел когда-нибудь нечто подобное?

— Вы ошибаетесь, добрый человек, — возразил я. — Я такой же христианин, как и вы.

— Тогда вам следует быть очень хорошим христианином, — усмехнулся он, — потому что я самый святой из всех существовавших до сих пор, а мое платье еще святее!

Что касается первого утверждения, то я имел веские основания усомниться в нем, ибо на меня глядела гнуснейшая рожа бандита с густой копной рыжих волос и бородицей им под стать; однако относительно второго можно было согласиться, поскольку выглядел он, как огородное пугало, какие часто можно встретить на овсяных полях в Файфе.

— Позвольте мне встать, — проговорил я. — Я не сделаю вам ничего плохого.

— Нет, как вам это понравится! Я, разумеется, весьма благодарен, однако вынужден вас немного побеспокоить, — с этими словами он сорвал с меня пояс со шпагой и затянул его на своей кряжистой фигуре; затем он обшарил мои карманы и, не найдя ничего, потер мне лицо рукавом и вновь уставился на меня.

— Пусть меня проглотит Вельзевул, — воскликнул он, — если это не тот самый маленький пират, которого должны завтра повесить!

— Он самый, — подтвердил я, — но который с вашей помощью надеется прожить немного подольше!

— Чтоб мне лопнуть — отважный петушок! Даже жаль, что он должен умереть так скоро!

— В таком случае укажите мне место, где я мог бы укрыться, — взмолился я; в голове у меня помутилось, и я был на грани потери сознания, в то время как издали уже раздавались голоса людей, ищущих меня, и вскоре, как я опасался, весь город будет поднят на ноги.

— Полегче, полегче, — сказал он. — Что мне за резон совать свою шею в одну петлю с вами?

— У меня ничего нет, кроме шпаги, а ее вы уже забрали.

— И очень мудро поступил, ведь я слышал, как вы прикончили некоего француза. Но послушайте, я тоже нахожусь в бегах, а птицы одной породы должны держаться вместе, — он убрал колено с моей груди и помог мне подняться на ноги. — Следуйте за мной! — прошептал он и вывел меня из-под арки в узкий переулок между двумя глухими стенами, а затем, свернув направо, углубился в запутанный лабиринт тесных грязных улиц, пока в конце концов не остановился у низкой двери, которую распахнул резким толчком. — Спускайтесь вниз, — грубовато проворчал он. — И берегите голову!

Мне очень не нравился вид моего провожатого, но оставалось лишь повиноваться, и я спустился вниз по крутой лестнице в зловонный

подвал, освещенный двумя сальными свечами. Здесь было душно и сыро, но я ни на что уже не обращал внимания, а, страшно измученный бессонными ночами и пережитыми тревожными переживаниями, свалился как бревно на грязную соломенную подстилку в углу.

Рыжий детина запер дверь и спустился вслед за мной; усевшись рядом на солому, он принялся разглядывать мою рапиру, насвистывая что-то себе под нос.

— Отличный клинок! — сказал он. — Французская работа!

— Откуда вы знаете? — с трудом подняв отяжелевшие веки, спросил я.

— Э-ге-ге, если бы вы имели столько дела со шпагами, сколько я, то тоже научились бы кое в чем разбираться! Однако вам лучше поспать, пока я схожу посмотреть, как идет охота. Эти болваны ни за что вас не найдут и только зря потратят время! Но сперва, чтобы вы никуда не сбежали, я на всякий случай вас свяжу.

Он достал из-под соломы моток веревки и примотал мне руки к туловищу; затем он связал мне ноги, после чего встал и набросил плащ Неда Солткомба поверх своего драного камзола.

— Зачем это? — пробормотал я, еле ворочая языком от усталости. — Вот уж совершенно ни к чему!

— Ни к чему было связывать тебя?

— Ну да!

— А зачем я привел тебя сюда, как ты думаешь, дурачок?

— Чтобы спрятать.

— Вот именно, но только до той поры, когда я приведу сюда солдат и покажу им, где ты скрываешься. Да ведь за тебя я получу полсотни крон и полное прощение в придачу! Та-та, скоро увидимся, а пока желаю приятных снов! — с этими словами негодой поднялся по лестнице и закрыл за собой дверь.

Услыхав скрежет ключа в замке, я повернулся на бок и заплакал впервые после смерти де Кьюзака. И не удивительно — ведь я был еще почти мальчик, и голова моя все еще болела от удара; но хуже всего было страшное разочарование. Совсем уже поверив, будто я нахожусь в безопасности и даже обрел себе сообщника, хоть и немного грубоватого, я вдруг столкнулся с подлым предательством и убедился, что меня все это время, как теленка на бойню, тащили к виселице на рыночной площади. Слезы совсем обессилили меня, и я, несмотря на боль, на стертые до крови коленки и локти, неожиданно погрузился не то в сон, не то в обморок, время от времени просыпаясь в испуге и снова засыпая, пока наконец не был окончательно разбужен грубым пинком. Подняв глаза, я увидел перед собой рыжеволосого бродягу, заманившего меня в западню, а рядом с ним четырех стражников с алебардами; сверху в дверь на меня пялились еще лица солдат.

— Это он, маленький дьявол, собственной персоной! — сказал один из них. — Клянусь моей головой, заставил же он нас побегать!

— Бедняга, — сказал другой. — Я чертовски рад, что он задал такую трепку этому зазнайке

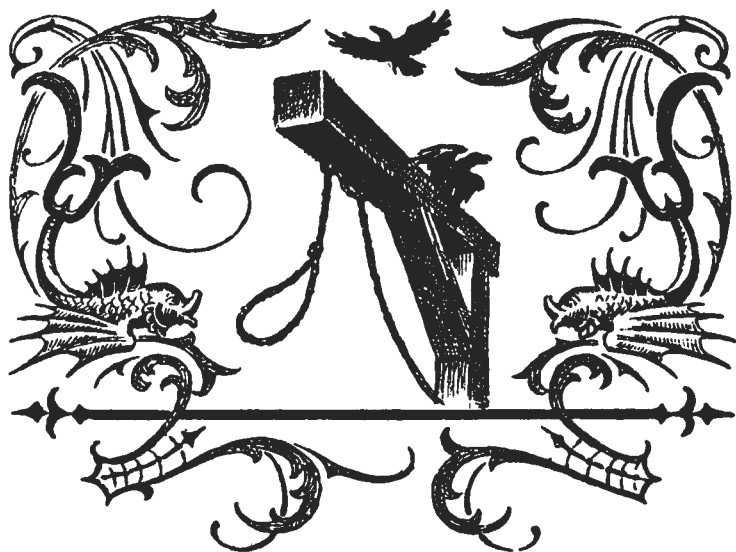
Солткомбу. Он постоянно пьянствует с сыном коменданта крепости!

— Немало пройдет времени, прежде чем он снова обретет способность пьянствовать!

— Твоя правда: глотка у него раздавлена вконец. Ну и силища у маленького дьявола!

— О чем вы там толкуете, ребята? — раздался голос сверху. — У нас времени в обрез: мы едва успеем доставить пирата к месту казни. Уже полгорода знает о его побеге, но никто не подозревает, что мы его поймали. Вот будет сюрприз, когда мы приведем его на площадь!

И под хор оживленных голосов меня подняли, разрезали веревки, спутывающие мои ноги, и пинками погнали вверх по лестнице на улицу.

ГЛАВА 14

О затянутой петле и о появлении Саймона Гризейла

Марш по улицам города был очень утомителен, и задолго до того, как мы приблизились к рыночной площади, я начал различать шум толпы, сбегавшейся туда со всех сторон. Как и прежде, я ничего не видел из-за высоких фигур моих конвоиров, и никто даже не подозревал, что в центре этой маленькой группы солдат находится тот самый пират, из-за которого разгорелся весь сыр-бор.

Если бы они догадались, я бы никогда не дошел до площади, потому что, судя по отдельным репликам моих конвоиров, весь город гудел, словно растревоженное осиное гнездо. Кое-

кто утверждал, будто я перебил всю тюремную охрану, другие считали, что я бежал с намерением поджечь город, третьи ничего не слышали и торопились на площадь, чтобы увидеть, как меня повесят, хотя до срока казни оставался еще целый час.

Однако сюрприз, на который рассчитывали мои конвоиры, не удался, потому что по пути нас остановил отряд всадников, повернувший солдат к тюрьме и возглавивший эскорт, расчищая перед нами дорогу. Солдаты и охрана во дворе замка глазели на меня, точно на какую-то диковинку, но я едва обращал внимание на окружающее, поскольку окончательно утратил всякую надежду и страстно желал лишь поскорее встретиться с Господом. Словно сквозь сон я видел, как в главных воротах появились члены городского совета и магистрата, слышал слова команды и сознавал, что меня ведут куда-то по узким улицам, но в голове моей шумело и все чувства притупились настолько, что, лишь поднявшись на высокий помост с виселицей и палачом, я понял, как близка моя кончина. Я оглянулся вокруг и увидел море людских голов, запрудивших площадь, зевак, толпившихся у окон и даже забравшихся на крыши домов, чтобы полюбоваться, как я буду умирать.

На отдаленном конце платформы стояла группа важных сановников, но, если не считать их, двух стражников с алебардами и палача, я был один. Я слышал голос, что-то громко читавший, затем он смолк, и до моих ушей донесся нестройный гул толпы, похожий на шум прибоя среди скал у побережья Файфа.

Ко мне подошел священник и заговорил со мной, но я в нем не нуждался, ибо мне не в чем было раскаиваться и молить Господа о прощении; тем не менее я вежливо поблагодарил его и подумал было передать через него что-нибудь моему отцу, если он не станет возражать, но у меня ничего не было, и я припомнил библейское изречение: «Нагим явился ты в этот мир и нагим уйдешь из него».

— Хочешь что-нибудь сказать напоследок? — спросил палач.

— Ничего, — заявил я, — кроме того, что я невиновен.

В ответ на это он приставил палец к носу, и я припомнил, как Саймон Гризейл делал то же самое, когда пытался выразить сомнение или недоверие; мне было все так безразлично, что в тот момент я думал не о собственной печальной судьбе и не о том, что единственный человек, способный меня спасти, был мертв, а всерьез размышлял, не является ли этот жест общим для всех англичан. Палач предложил завязать мне глаза тряпкой, чему я воспротивился, и лишь попросил его поскорее заканчивать свое дело, поскольку в толпе послышались протестующие возгласы и крики, которые я принял за проявление нетерпения.

Палач надел мне петлю на шею, чересчур толстую и короткую, по его мнению, о чем он не преминул мне заявить с неодобрением, приладив, однако, весьма аккуратно узел и веревку. Я закрыл глаза, приготовившись к последнему рывку, подумал, как долго будет продолжаться агония, вспомнил — я не мог себе этого запре-

титы! — госпожу Марджори и внезапно услышал повелительный голос, громко требующий:

— Остановитесь, именем королевы! — после чего послышались топот ног и возмущенный рев толпы.

Я открыл глаза и увидел подле себя Саймона Гризейла, и — клянусь жизнью! — в глазах его стояли слезы, когда он схватил меня за руки, вернее, за те их части, которые не были привязаны к туловищу.

— Как раз вовремя, приятель, — сказал он. — Один лишь миг отделял тебя от вечности!

Я почувствовал, как снимают петлю с моей шеи, увидел людей, столпившихся вокруг, но тут ноги мои подкосились, и я упал бы, если бы Саймон не поддержал меня; последнее, что я увидел, прежде чем окончательно потерять сознание, было его озабоченное лицо и косою глаз, с тревогой уставившийся на меня.

О дальнейших событиях рассказал мне он сам, когда мы оба стояли на фордеке «Морской феи», идущей в полветра по Ла-Маншу.

— Я едва узнал тебя, приятель, — сказал он. — Лицо, покрытое сажей, шишка на затылке, рваное тряпье вместо одежды — ты выглядишь жалким и несчастным, точно последний бродяга из всех, кого встретишь за неделю!

— Постой, Саймон, — прервал я его. — Как случилось, что ты оказался в Портсмуте, когда должен был плавать в Северном море и кормить рыб?

— А-а, ну, мне повезло не меньше, чем тебе. Я был здорово сбит с толку, когда увидел, что

мы напоролась не на «Королевскую гончую», но помешать этому не мог; мне оставалось лишь выполнить свой долг и осуществить вторую часть плана, о котором я тебе не говорил. Я поспешил вниз, чтобы предупредить тебя, но в каюте уже никого не было, а медлить дольше было нельзя: пушки пиратов с каждой минутой уносили все новые и новые жертвы. Не мешкая, я через тот же потайной ход проник из провизионной кладовой в пороховой погреб, облил маслом из фонаря бочку с порохом и бросил на нее горящий факел. Я успел еще выбежать на палубу, когда раздался взрыв, и меня воздушной волной снесло за борт. Похоже, я получил небольшую контузию, потому что очнулся в темноте, уцепившись руками за короткую гладкую доску, упирающуюся концами в покатые деревянные стенки, смыкавшиеся сводом над самой моей головой. Доска и все мое тело находились в воде, и я не скоро сообразил, что после взрыва меня накрыло перевернутой лодкой, а воздушный пузырь, образовавшийся между ее днищем и водой, помешал ей затонуть, а мне задохнуться. Очевидно, вынырнув на поверхность, я инстинктивно схватился руками за банку шлюпки и потерял сознание, провисев так до темноты. Я сильно окоченел и, чтобы не замерзнуть окончательно, нырнул под лодку и выплыл уже с наружной ее стороны; затем я не без труда вскарабкался на нее и уселся верхом на ее киль, где и просидел, дрожа от озноба, полночи и почти весь следующий день, когда, благодарение Господу, «Королевская гончая» появилась на горизонте и сняла меня

со шлюпки. Вот так мы и прибыли в Портсмут, причем меня ни на минуту не покидала уверенность в том, что ты погиб; однако, как видишь, нам обоим не суждено было утонуть, а тебя до сих пор еще не повесили!

— А как тебе удалось отбить меня у толпы?

— Видишь ли, приятель, я знал, что горожане Портсмута не любят пиратов, и сомневался в благоприятном исходе всей этой затеи, даже если бы мне удалось вырвать тебя из рук палача. Поэтому я рассказал твою историю ребятам с «Королевской гончей» — а они были страшно злы на «Дракона», спутавшего нам все карты с захватом пиратской галеры, — и они охотно согласились мне помочь. Вот так и получилось, что, прежде чем народ спохватился, мы вынесли тебя из толпы, хоть и не без небольшой потасовки напоследок, а остальное ты уже знаешь.

Вас, конечно, интересует, что привело меня и Саймона на палубу небольшого барка, который, подгоняемый свежим юго-восточным бризом, ходко шел вниз по Ла-Маншу вместе с двумя десятками других доблестных судов, направляясь в открытое море.

Предположить, будто я, очнувшись на борту «Королевской гончей», окажусь в полной безопасности, было бы, конечно, ошибкой. Весь город, узнав о моем чудесном спасении, гудел, словно потревоженное осиное гнездо, и городские власти принимали все меры, чтобы меня вернуть и повесить. Поэтому мне недолго пришлось пробыть на борту фрегата, и, как только

я немного пришел в себя, Саймон, опасаясь обысков, тут же переправил меня на берег. Меня высадили на побережье неподалеку от деревни, носившей название Гозпорт, расположенной через залив от Портсмута, в местности безлюдной и пустынной.

Саймон отдал мне свой пистолет и сунул в руку кошелек с деньгами, предложив купить лошадь, чтобы поскорее добраться до Плимута, куда через три дня должна была отправиться «Королевская гончая»; но, когда я попросил его одолжить мне шпагу, он приставил палец к носу в своей обычной манере и хитро подмигнул тем глазом, который не косил.

— Э нет, приятель, — проговорил он. — Мы не так давно знакомы, признаю, однако я успел убедиться, что шпага — виновница всех твоих бед и невзгод; так что постарайся обходиться без нее хотя бы до тех пор, пока я не стану присматривать за тобой.

— Каким глазом, Саймон? — с невинным видом поинтересовался я.

Он засмеялся и отвесил мне здоровенный тумак в спину.

— Ты далеко пойдешь, парень, — сказал он. — И счастливого тебе пути!

Произнеся это напутствие, он снова вскочил в шлюпку, оставив меня на берегу наблюдать, как он гребет назад к пристани, где стояла на якоре «Королевская гончая», и благодарить Бога за то, что Он создал Саймона Гризейла.

Я опасался покупать лошадь в Гозпорте, поскольку там могли слышать, что происходит по ту сторону залива, и поэтому зашагал на запад

пешком. Набредя по дороге на проток, как мы в Шотландии называем ручей, я воспользовался случаем и выстирал одежду; пока она сохла под ласковым осенним солнышком, я выкупался сам, как следует отмыв порядочные наслоения грязи, копоты и сажи на моем многострадальном теле. Когда я вновь оделся, я почувствовал себя бодрым, как всегда, и, подкрутив редкие юношеские усики, которые стали уже уныло опускаться из-за отсутствия ухода, засвистал веселую мелодию и продолжил дальнейший путь.

Спустя некоторое время я перестал насвистывать, ибо день, хоть он уже и клонился к вечеру, был жарким, а вокруг не было видно ни деревца, в чьей тени можно было укрыться, и я устало плелся по дороге, размышляя о том, приходилось ли кому-нибудь из смертных претерпеть в течение месяца такую чертовщину, какую я пережил, и время от времени щипля себя за ухо, дабы убедиться, что это действительно я, Джереми Коротышка, бывший школьный учитель из Керктауна.

Выглядел я, должно быть, довольно подозрительно; правда, Саймон подарил мне шляпу — пришедшуюся, по-моему, в самый раз, — но на мне был все тот же рваный камзол, в котором я ползал по дымоходам, а штаны мои, обтрепанные и с зияющими дырами на коленях, имели весьма жалкий вид, так что я опасался, как бы все это в сочетании с особенностями моей фигуры и со странным акцентом не способствовало тому, что при первой же встрече с местными крестьянами меня тут же закуют в колодки.

Учтя вероятность подобного исхода, я, по возможности, привел себя в порядок и дождался вечера, прежде чем войти в небольшой поселок, состоявший из двух рядов невзрачных домишек, расположенных по обе стороны пыльной проезжей дороги. Немного поодаль находилась гостиница, что я определил по деревянной вывеске, висевшей над дверью, хоть дождь и непогода давно стерли с нее последние следы надписи, и, поскольку единственно правильным в моем положении было сохранить гордый и независимый вид, я решительно толкнул дверь и вошел.

Невысокий толстяк, жирный и лоснящийся, с розовыми щечками и писклявым голосом вышел навстречу и косо взглянул на меня, но, когда я потребовал немедленно подать на стол все самое лучшее, что есть в таверне, и приготовить для меня постель, если он не хочет, чтобы ему свернули шею, как каплуну, он тут же переменялся и торопливо засеменял на кухню выполнять заказ. В течение следующего получаса мне пришлось передвинуть пряжку моего пояса на две дырочки, и я почувствовал, что если буду продолжать так и дальше, то вскоре стану вторым Бартлоу. В ту ночь я роскошно спал, нежась под двумя белоснежными простынями, пахнущими лавандой, — удовольствие само по себе одно из наиболее приятных на нашей грешной земле, а для человека, которому не одну неделю приходилось спать на голых досках, на каменных плитах или для разнообразия вовсе обходиться без сна, приятное вдвойне.

На следующее утро я затеял переговоры с хозяином относительно покупки лошади, и в результате он повел меня в конюшню и показал гнедую кобылу с толстой шеей и приятной манерой скалить зубы и прижимать уши.

— Вот, добрый сэр, лошадь, которую вы ищете, — пропищал трактирщик. — Она выдержит тяжесть двух таких, как вы, и до Плимута доберется за четыре дня, не уронив и волоска. По форме головы вы можете заметить, что в ней есть частица чистокровного арабского скакуна, а по телосложению — частица знаменитой ирландской рысистой породы.

— Ну да, — сказал я, — а по ушам — частица черта. До Плимута она, возможно, и доберется за четыре дня, но только без меня: если она не уронит на дорогу волоска, то уж меня сбросит непременно, судя по ее виду. Показывайте следующую, мастер Бонифаций!*

В ответ на мои слова он немного покраснел и недовольно проворчал что-то себе под нос, однако подвел меня к следующему стойлу и показал серую лошадь, которая показалась мне более спокойной и достаточно выносливой, — хотя я, положив руку на сердце, совершенно не смыслил в лошадях. Прогнав ее пару раз по двору и с видом знатока пощупав ей суставы на ногах, я заключил с ним сделку, уплатив ровно треть того, что он запросил, причем включил в эту сумму и стоимость седла с уздечкой, ибо если я мало понимал в лошадях, еще меньше — в ценах на них, а еще меньше — в английских деньгах, то я не

---

* Boniface — трактирщик (англ.).

зря родился и вырос в Файфе, а Файф, как вы уже знаете, если не слышали об этом раньше, находится в Шотландии.

Достопочтенный хозяин гостиницы, увидев, как я сажусь в седло, выругался сквозь зубы, но делать уже было нечего, и я, пожелав ему счастливо оставаться, прижал каблуками бока своей серой лошадки и лихо прогарцевал со двора, думая лишь о том, как бы не свалиться в канаву.

Вот в такой манере я трясся по пыльной дороге в течение трех дней без особых происшествий, если не считать неудачной попытки какого-то проходимца ограбить меня; я легко с ним разделался, так как к тому времени уже полностью пришел в себя, хоть и чувствовал некоторое неудобство в той части тела, что находилась в седле.

На четвертый день к полудню меня так разморило на солнышке, что я стал клевать носом и едва не упал с лошади. Во избежание подобной неприятности я стал оглядываться по сторонам в поисках укромного уголка, где бы я мог вытянуться на травке и подремать минут сорок; однако местность вокруг была пустынной, поросшей вереском и отдельными чахлыми деревьями, безжизненной и безмолвной, если не считать редких голосов болотных птиц и монотонного жужжания насекомых.

Я продолжал трястись в седле, все более поддаваясь дремоте, пока не обнаружил небольшую тенистую рощицу с густым подлеском и мягким ковром зеленого мха, поросшим высоким широколистным папоротником. Рощица выглядела

настолько соблазнительной, что я спешился и, ведя лошадь за собой в поводу, забрался в самую глубину зарослей, где привязал уздечку к стволу старой кривой березы, расстелил плащ, купленный мною по пути в небольшом городке Эксетере, блаженно растянулся под сенью густой листвы и спокойно заснул, прикрыв лицо широкими полями своей шляпы.

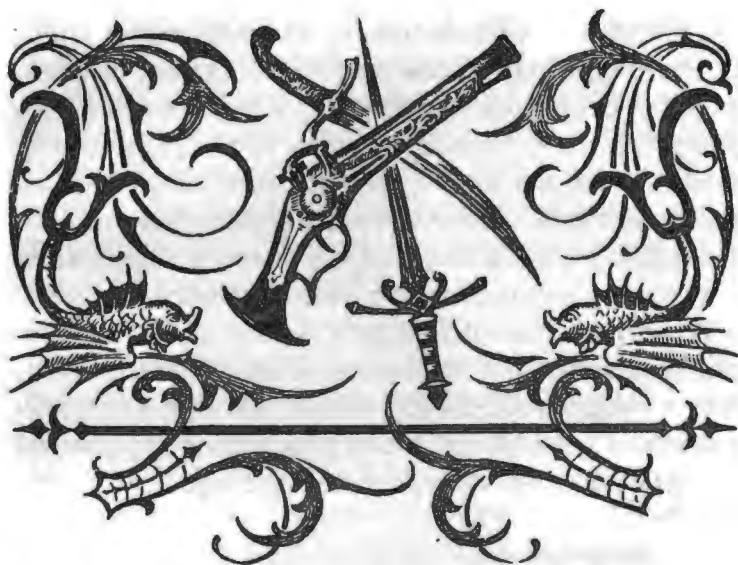
Не знаю, сколько времени прошло, но проснулся я словно от толчка, с неприятным ощущением, будто кто-то находится рядом со мной; однако когда я сел на своем ложе и протер глаза от сна, то не услышал ничего, кроме шелеста листьев над головой и странного шума, возникающего в ушах при полной тишине, — шепота природы, как называет его мастер Фрэзер.

Я зевнул и собрался было снова свернуться калачиком, когда сидевшая неподалеку на ветке сорока неожиданно громко застрекотала, а лошадь моя вздернула голову и тревожно раздула ноздри.

Опасаясь, как бы она не заржала, я набросил ей на голову плащ и осмотрел пистолет — вполне современное оружие, не то что мой прежний самопал. Затем, вспомнив, о чем рассказывал мне когда-то старый Эйб, я приложил ухо к земле и внимательно прислушался, сразу уловив шум тяжелых шагов, словно кто-то пробирался сквозь заросли, треск сухих веток под ногами и глухой стук копыт по мягкому дерну. Сперва я подумал было, что это олени, но когда поднял голову, чтобы оглядеться, поскольку шум прекратился, то услышал конское ржание и грубые мужские голоса. Похвалив себя

за предусмотрительность, заставившую меня закутать морду своей серой лошадки, я осторожно, стараясь не шуметь, направился в сторону голосов, желая увидеть тех, кто, как и я, решил, что день сегодня слишком жаркий для путешествий. Сначала на четвереньках, а затем ползком на животе, словно змея, я подкрался к густому кустарнику у самой дороги, раздвинул ветки и, затаив дыхание, выглянул сквозь образовавшийся просвет в зеленой листве. То, что я увидел, заставило меня тихонько присвистнуть и в очередной раз удивиться странным капризам моей невероятной судьбы.

ГЛАВА 15

О людях, скрывавшихся в зарослях, и о всаднике, ехавшем из Эксетера

Я смотрел на маленькую прогалину в самом центре зарослей, где двое мужчин, сидя спиной ко мне, отдыхали на траве, прислонясь к стволу раскидистого ясеня; лошади их стояли тут же, привязанные к веткам кустов.

Один из незнакомцев, смуглый тип с черной бородой и маленькими остроконечными усиками, явно был иностранцем; он кутался в длинный черный плащ, из-под которого выглядывали ножны рапиры. На голове у него красовался плоский бархатный берет того же цвета, немного сдвинутый в сторону, а черные, близко посаженные глаза и странной формы роди-

мое пятно на щеке придавали ему злобный и мрачный вид, что сразу заставило меня отнестись к нему с подозрением. Но при одном лишь взгляде на его спутника у меня исчезли всякие сомнения относительно характера этой парочки: передо мной сидел, всклокоченный и оборванный, как и в ту ночь, когда я впервые увидел его при свете масляного фонаря, тот самый рыжий бандит, который заманил меня в ловушку в Портсмуте; подле него на земле лежала моя добрая шпага, а за поясом торчал зловещего вида нож. Смуглый мужчина что-то говорил ему, и я не нашел ничего предосудительного в том, чтобы, держа пистолет наготове, подойти поближе и прислушаться к их беседе.

«Меченый» незнакомец произносил слова с каким-то странным акцентом, не похожим на французский, хоть и напоминавшим немного манеру выговора де Папильона; судя по описаниям, которые я слышал от старого Эйба и других, я заподозрил в нем испанца, в чем, как оказалось впоследствии, не ошибся.

— Ты уверен, что он проедет здесь сегодня? — спросил испанец рыжего бродягу.

— Так же уверен, как и в том, что меня зовут Билл Гоблинс; больше того: он едет всего с одним сопровождающим, а я позаботился, чтобы лошадь того, второго, захромала, и на приличном расстоянии от Эксетера!

— Ты до сих пор хорошо служил мне, и я уплачу тебе то, что обещал, когда мы покончим с этой Божьей карой!

— Деньги у вас с собой?

— Carraambo!* Да ты, никак, совсем дураком меня считаешь? Нет-нет, дружище Гоблинс, я слишком хорошо тебя знаю!

Рыжий бродяга поморщился, на что испанец только рассмеялся.

— Долго еще ждать, как ты думаешь? — спросил он.

— Он будет здесь в течение часа.

— Отлично! Молю Пресвятую Деву, чтобы он явился поскорее, а то мне уже порядком надоел этот лесок, да и, к слову сказать, твоя компания тоже, amigo mio**, — нет-нет, не стоит хвататься за рапиру, потому что в руках у меня пистолет, а ссориться нам ни к чему! Лучше расскажи, как тебе удалось улизнуть из Портсмута и откуда у тебя эта прелестная игрушка и золото, которым ты хвастался?

— Я заработал помилование и кругленькую сумму за то, что выдал властям маленького дьявола, шотландского пирата, да только он в конце концов каким-то чудом выскользнул из петли, после чего я вполне мог бы занять его место на виселице, если бы не прищпорил как следует своих лошадок! — И он с довольным видом похлопал себя по бедрам.

— А как тебе удалось заполучить этого пирата?

— Он сам натолкнулся на меня, когда ухитрился бежать из тюрьмы, и по наивности поверил, будто я собираюсь помочь ему, что и позволило мне положить в карман приличный куш! —

---

* Проклятие! (исп.)

** Друг мой (исп.).

и негодай осклабился, обнажив в ухмылке желтые корешки гнилых зубов.

Выражение брезгливости промелькнуло на лице «меченого» испанца, однако он ничего не сказал, а Гоблинс, достав из мешка хлеб и мясо, с жадностью принялся поглощать еду, точно хищное животное, каковым он, в сущности, и являлся.

— Я вижу, ты ничего не делаешь без пользы для себя, сеньор Гоблинс, — сказал испанец после долгой паузы, во время которой рыжий оборванец покончил с едой и теперь сидел, вытирая губы широкой ладонью, — но мне до сих пор непонятно, почему ты так ненавидишь нашего приятеля, который в последний раз совершает сегодня прогулку верхом?

— У меня имеются веские основания ненавидеть этого проклятого гордеца, вспыльчивого, точно камышовый кот! Последний раз у нас с ним была приятная встреча на борту «Паши» в семьдесят втором году, когда он приказал привязать меня к носовой пушке и высечь так, что я едва мог стоять, да еще пригрозил мне высадкой на необитаемый остров, разрази его гром! Ну да, слава Богу, сегодня он успокоится навеки!

— Ага! — сказал испанец. — И в чем же состояла твоя вина?

— Да все вышло из-за одного дикаря-туземца, индейца племени москито, который вбил себе в башку, будто я должен уплатить ему за пойманную им рыбу. Он даже имел наглость вступить со мной в пререкания, и я свернул ему шею после того, как сделал из него чучело для битья, — отличное чучело получилось, ха-ха!

— Тише, дурак! — зашипел на него «меченый» испанец. — Я слышу топот копыт. Ты можешь все испортить!

Гоблинс опять поморщился, но промолчал, потому что и до меня донесся отдаленный цокот копыт, приближающийся с каждой минутой.

— Набрось плащи на головы лошадей и следуй за мной, — приказал испанец, и оба поползли к дороге; я последовал за ними, дожидаясь своего часа. Прошло пять минут, и на верхней точке спуска, который вел прямо к тому месту, где мы лежали, показался всадник. Он ехал быстро, и вскоре расстояние между нами сократилось настолько, что я уже мог разглядеть в нем мужчину средних лет с загорелым лицом и коротко подстриженной бородкой. Заметно было, что он не привык к верховой езде, так как дергался в седле вверх и вниз, широко расставив локти; больше, однако, я ничего не успел рассмотреть, потому что испанец проговорил, обращаясь к своему товарищу:

— Это он! Я выстрелю, и затем мы оба набросимся на него. Ошибки быть не должно!

Всадник, казалось, ничего не подозревал, приближаясь быстрым галопом и представляя собой отличную цель для испанца, который уже поднял пистолет; но прежде, чем он успел спустить курок, я выстрелил в него и то ли попал, то ли нет, но пуля его прошла мимо цели.

Всадник осадил коня так, что животное осело на задние ноги, и выдернул шпагу из ножен, озираясь по сторонам; и тут, к моему удивлению, из кустов на противоположной стороне

дороги выскочили двое мужчин и яростно набросились на него. Я увидел, как всадник склонился в седле и пронзил одного насквозь, тогда как второй схватил его лошадь под уздцы. Гоблинс и испанец немного замешкались, немало, видимо, озадаченные моим выстрелом, но затем тоже покинули свое укрытие и бросились к человеку в седле, громко крича и размахивая шпагами. Я последовал за ними.

— Ха! — воскликнул всадник. — Силы становятся немного неравными! — И он сделал выпад в сторону испанца, но промахнулся.

— Я с вами! — закричал я во весь голос и рукояткой пистолета что было силы ударил по затылку бандита, державшего лошадь; тот

рухнул как подкошенный, и я повернулся к Гоблину.

— Клянусь святыми мощами! — ахнул рыжеволосый, хитро оскалясь. — Да ведь это маленький пират! — И он прыгнул в мою сторону со шпагой наголо; однако я увернулся, нырнув под клинок, и сшиб его с ног тем же приемом, которым свалил дебила у ворот тюрьмы. Мы вцепились друг в друга, катаясь в пыли, рыча и огрызаясь, словно дикие звери; силенкой его Бог не обидел, да и ловкости ему было не занимать; к тому же он был намного тяжелее меня. Вскоре силы мои начали иссякать, и я почувствовал, как его цепкие пальцы впились мне в горло. Я видел перед собой его выпученные, налитые кровью глаза, хищный оскал на его торжествующей физиономии, но ничего не мог поделать, тщетно пытаюсь столкнуть с себя его грузное тело. И тут рука моя наткнулась на рукоятку ножа, торчавшего у него за поясом; не долго думая, я выхватил нож и вонзил его в грудь рыжеволосого бандита. Пальцы у меня на шее разжались, и тяжесть, давившая на меня, исчезла; кашляя и отдуваясь, я сел на землю, весь покрытый пылью и пятнами крови. Одного лишь взгляда было достаточно, чтобы убедиться: рыжий Билл Гоблинс никому больше не причинит хлопот в этом мире, разве что в аду Сатане придется от него порядком натерпеться!

Всадник тем временем спешил и, стоя рядом с конем, невозмутимо вытирал шпагу о куртку бандита, которому я проломил череп рукояткой пистолета.

— Клянусь королевой Бесс, — сказал он, внимательно приглядываясь ко мне, — чертовски ловкий удар! Затылок у парня стал совсем плоским, как доска!

— Нужда научила, — буркнул я в ответ.

— Вы шотландец, судя по выговору?

— Совершенно верно.

— Что ж, мастер шотландец, неплохо сработано, очень неплохо! Три мертвеца на королевской проезжей дороге, и ни единой царапины у нас!

— А где испанец? — спросил я, оглядываясь по сторонам.

— Эге! — присвистнул он. — Так вот из какой породы этот чернявый пес! Я бы его прикончил, да только он улепетнул в лес, точно заяц. Но откуда вы знаете его, сэр?

Я объяснил, каким образом натолкнулся на бандитов, и он внимательно меня выслушал, время от времени кивая головой.

— Так-так, — сказал он. — Тщательно подготовленный заговор, но благодаря вам, сэр, неудавшийся; а теперь попрошу вас не упоминать больше о случившемся и помочь мне похоронить этих несчастных забияк!

— Минутку, сэр, — возразил я, — но у того вон рыжего негодяя моя шпага и несколько крон, которые он заработал буквально за мой счет!

Незнакомец опять внимательно посмотрел на меня, недоумевая, как отнестись к моим словам, и мне пришлось рассказать ему часть моих приключений, пока мы с помощью ножа Билла Гоблинса и заостренного кола осуществляли траурный обряд погребения.

— Так-так, — снова проговорил незнакомец. — Я слышал, как тот рыжий парень называл вас пиратом. Клянусь собственной головой, вы точно кошка — всегда падаете на четыре лапы! Вам просто на роду написано быть моряком. Куда вы направляетесь сейчас?

— Я еду в Плимут, — ответил я.

— Тогда будем придерживаться одного курса, — сказал он. — Вы с успехом замените моего доброго Генри Дедлайтса, который, готов побожиться, до сих пор проклинаят на чем свет стоит свою захромавшую лошадь! Но как ваше имя?

— Джереми Клефан, — представился я, — но некоторые зовут меня просто Коротышкой.

Незнакомец от души расхохотался.

— Неплохое имя! — сказал он. — Тем более что маленький рост не мешает вам совершать большие дела. Ну что ж, как говорится, око за око — позвольте представиться и мне. Меня зовут Фрэнсис Дрейк, я солдат и моряк, а также верный слуга нашей славной королевы Елизаветы, да хранит Господь ее за это! Кстати, неплохая рифма получилась! — И он почтительно приподнял свою шляпу.

Я вздрогнул, услышав, что человек, которому мне довелось оказать услугу, был не кем иным, как знаменитым английским моряком, чье имя было известно даже в Керктауне, и я понял, почему испанец назвал его «Божьей каррой» и почему эти люди, католики, подкупленные Испанией, устроили на него засаду. И тем не менее, глядя на него, я видел перед собой как раз такого человека, каким я представлял себе великого Дрейка. Он бы немного ниже среднего

роста, но великолепно сложен, с широкой грудью и крепкими конечностями, с короткой и мощной шеей, с гордой осанкой и легкой походкой чуть-чуть вразвалку, свидетельствовавшей о долгих годах, проведенных на море. Каштановые волосы его и борода были коротко подстрижены, и на живом, энергичном лице сверкали два серых глаза, зоркие и пронизательные, точно у коршуна. Что касается остального, то у него была манера быстро разговаривать и поразительное умение расположить к себе человека с первого взгляда; во всяком случае, так произошло со мной, иначе я не стал бы с ним откровенничать о своих делах.

На нем был камзол красновато-коричневого цвета со шнуровкой на груди, гофрированное крахмальное жабо и золотая цепь на шее, а плащ его по причине знойного дня был туго свернут и приторочен сзади к седлу. Таким я увидел сэра Фрэнсиса Дрейка в последнюю неделю августа тысяча пятьсот восемьдесят пятого года.

Мы отправились в путь не мешкая, пустив лошадей быстрой рысью, ибо до Плимута оставалось еще добрых миль тридцать, а день уже клонился к вечеру. Мой новый знакомый пребывал в отличном расположении духа, успешно избежав предательской засады убийц: он смеялся, шутил и рассказывал мне истории о морских сражениях и героических делах в далеких незнакомых странах, пока я не поклялся себе, что никогда до сих пор не встречал еще лучшего попутчика. В конце концов я признался ему в этом, и он в ответ рассмеялся еще веселее.

— Ах, мастер Клефан, — сказал он, — я чувствую себя, как мальчишка-школьник на канюлах: ведь скоро меня ждут новые заботы и хлопоты, вот почему я наслаждаюсь каждой свободной минутой, пока могу!

— Опасаетесь новых покушений на вашу жизнь? — поинтересовался я.

— Нет-нет, речь вовсе не о том в городе Плимуте мне ничто не угрожает. Но через две недели я отправляюсь в плавание в Вест-Индию, а дел еще осталось невпроворот, потому что я рассчитываю на два десятка судов и надеюсь с Божьей помощью померяться силами в честной борьбе с кораблями-сокровищницами Его Святейшего Величества короля Испании.

— Аминь, — сказал я, и он снова рассмеялся.

— Что у вас за дела в Плимуте? — спросил он некоторое время спустя.

— Я должен встретить «Королевскую гончую» и Саймона Гризейла.

— А потом?

— А что потом, я не знаю.

— В таком случае, — сказал он, — почему бы вам не отправиться со мной? На одном из судов команда еще не укомплектована, и я могу обещать вам чудесное путешествие, а в конце его, возможно, и полный карман золота, если дела пойдут успешно. Храброе сердце и добрый клинок — вот что нам нужно, мастер Клефан, а у вас есть и то и другое; итак, что скажете?

Я немного подумал, прежде чем ответить; хоть я никогда и не мечтал о подобных вещах, но, с другой стороны, не видел и причины, почему бы мне не принять предложение.

В Англии у меня не было никаких перспектив, кроме возможности попасть в тюрьму, если наши пути с Недом Солткомбом снова скрестятся, а здесь меня ожидало приключение как раз в моем вкусе, с реальной надеждой разбогатеть в случае удачи; однако я, подобно только что оперившемуся птенцу, не решающемуся вылететь из гнезда, все еще колебался.

— Я должен посоветоваться с Саймоном Гризейлом, — смущенно проговорил я. — У него могут быть какие-нибудь другие планы.

— Послушайте-ка, мой хитрый шотландец, — сказал сэр Фрэнсис. — Этот ваш Гризейл — долговязый малый с постным лицом и косящим глазом?

— Верно. Вы его знаете?

— Знаю ли я Саймона? Да он самый отчаянный морской пес из всех, кто только ступал на палубный настил, хотя он и наполовину солдат; года два тому назад мы вместе с ним огибали мыс Горн. Можете не сомневаться, мастер Клефан, он клюнет на приманку, как девонская форель на мясную муху! Итак, повторяю: что вы скажете о моем предложении?

— Если Саймон отправится с вами, то я согласен, — ответил я.

— Bravo! — воскликнул он. — Решение — достойное мужчины и шотландца, которому в драке нет равного под солнцем; а теперь давайте-ка прибавим парусов, иначе до утра не доберемся до Плимута!

Больше мы с ним почти ни о чем не разговаривали и, пришпорив лошадей, добрались до морского порта после наступления темноты; он

даже слушать не захотел, когда я попытался распрощаться с ним, но заставил меня разделить с ним ужин — и весьма шикарный к тому же, ведь, как я вскоре убедился, имя сэра Фрэнсиса Дрейка творило буквально чудеса в Плимуте, и ничто здесь не было для него слишком хорошим. Тем не менее он при случае мог смириться и с неудобствами наподобие непривычной верховой езды и, более того, умел даже находить в этом удовольствие.

Если я считал Лейт оживленным местом, то теперь эта мысль вызывала во мне смех, ибо Плимут был настолько переполнен суетой и суматохой, как куриное яйцо — белком: с утра до ночи здесь не прекращалось движение между судами и берегом, не смолкали конское ржание, перестук молотков и громкие крики людей, грузивших на суда разнообразные припасы и порох. В воздухе носились дым и чад от костров и кузнечных горнов и резкий терпкий запах разогретой смолы. В заливе разместились целая флотилия — дюжина больших военных кораблей и вдвое большее число мелких торговых судов и галер, а что касается лодок и ялов, то бесчисленное количество их бороздило гладкую водную поверхность уютной бухты, на берегу которой раскинулся старый приморский город, своеобразный и неповторимый, изумительно живописный и дружелюбный, чьи улицы постоянно были переполнены моряками — крепкими, загорелыми, веселыми парнями, шумными и задиристыми, целыми днями распевавшими свои матросские песни — да уж, если на то пошло, и по ночам тоже, — и я ни-

сколько не сомневался, что любой из них готов был пройти сквозь огонь и воду, лишь бы услужить сэру Фрэнсису.

На следующий день в гавань вошла «Королевская гончая», и я снова встретился с Саймоном. Услышав подробный отчет о моих похождениях — а я специально испросил у Дрейка разрешение рассказать ему о них, — он молча сел на койку и затрясся от внутреннего хохота, поклявшись, что в жизни не слышал ничего подобного. Особенно его смешил мой вид со вновь обретенной рапирой, и весь этот день он то и дело бросал на меня изумленные взгляды, пока я наконец не поинтересовался, не стал ли я прозрачным и не обнаружил ли он внутри меня что-нибудь такое, чего бы не было у остальных людей.

— Ничего подобного у тебя внутри нет, — сказал он, — но твои подвиги могут заставить и кошку смеяться.

— Они способны даже на большее, — возразил я.

— Например?

— Они вынудили одного угрюмого старого морского пса по имени Саймон Гризейл потрясти своими боками.

— Верно, приятель, верно! Я не смеялся так с тех пор, как... но об этом в другой раз, — добавил он со внезапно помрачневшим лицом, и я понял, что за его странными манерами и необщительностью кроется какая-то тайна и что Саймон в свое время был совсем другим человеком; как показали дальнейшие события, я был недалек от истины.

Флотилия простояла в Плимуте целую неделю, оснащаясь и готовясь к выходу в море, и я редко видел сэра Фрэнсиса Дрейка, поскольку меня определили на борт «Морской феи» — прочного и хорошо экипированного барка в полтораста тонн водоизмещением, с шестью орудиями и командой в пятьсот человек, не считая благородных джентльменов, отправлявшихся в плавание в расчете на воинское счастье, — и ничто так не обрадовало Саймона, как мое предложение присоединиться к нам под видом моего слуги; по его словам, ему до смерти надоело играть роль шпиона и подсадной утки, и он мечтал об очередной схватке с «желтокожими», как он называл испанцев.

Хотя у меня не было никаких обязанностей на борту, так как я числился одним из охотников за удачей, авантюристов и любителей приключений, купивших себе право на участие в экспедиции сэра Фрэнсиса, но у меня хватало забот, поскольку надо было приобрести снаряжение и экипировку, в чем мне немалую помощь оказал Саймон. Вскоре я уже, на зависть многим, красовался в блестящем стальном шлеме, такой же кирасе, надетой поверх темно-красного колета превосходного покроя, стянутого желтым шелковым шнуром на груди, тогда как нижняя часть моего тела укрывалась в матросских сапогах, специально выбранных для меня Саймоном, шелковых рейтузах и прочных бриджах до колен; такое убранство, включая мою добрую шпагу, пистолет и кинжал из лучших, которые можно было приобрести на деньги Билла Гоблинса, придавало мне столь же

бравый и элегантный вид, как и у любого из солдат нашей флотилии. Тем не менее, чтобы приобрести навыки в морском деле, я сбросил с себя все это пышное оперение и включился в работу вместе с судовой командой, таская на себе бочонки с порохом и солониной и распевая с матросами веселые куплеты.

Что касается Саймона, то он был здесь, там и повсюду, принимаясь за любую работу, подставляя свою жилистую спину везде, где это было нужнее всего, и хмуро улыбаясь, когда нестройный хор горланил что есть мочи:

*Бездна моря глубока,
путь-дорога далека,
потому и жизнь матроса
очень, братцы, нелегка!
Эй, дружной, не ленись,
веселее навались, —
по морям и океанам
наши судьбы разбрелись!*

По вечерам мы садились вдвоем и курили табак, так как я очень пристрастился к трубке, и немало удивительных историй о галеонах и кораблях с сокровищами, о диких людях и еще более диких зверях порассказал он мне под монотонный скрип рангоута и плеск воды за бортом.

Через неделю наконец все было готово, и мы вышли в море, направляясь в Портсмут, где ожидали нас часть нашей флотилии, а также многие недостающие члены экипажей судов, и среди них капитан «Морской феи». Команда наша неплохо повеселилась на берегу, оставив

о себе память как в кошельках лавочников и трактирщиков, так и на физиономиях местных задир и забияк; я же приложил все старания, чтобы оставаться на судне и не высовываться, потому что достаточно уже насмотрелся на этот город, причем под довольно своеобразным углом зрения.

За день до отплытия на борт явился капитан Свэн — низенький суетливый ворчун с красным лицом и громким голосом; у него была нелепая привычка каждое предложение начинать словами «Фигли-мигли» — самая необычная манера разговаривать из всех, с которыми мне приходилось сталкиваться. Что означали эти слова, я не знал, ибо они не служили для него ни ругательством, ни проклятиями, а смысл их оставался для меня загадкой. Благодаря такой забавной особенности его все за глаза звали то «старый Фигли», то «старый Мигли», а порой просто «старый Фигли-Мигли», из-за чего и произошла нелепая история, имевшая в дальнейшем более серьезные последствия, чем я мог предполагать.

Я не слышал, чтобы капитана называли иначе, чем «старый Фигли», а раз или два его при мне окрестили «старым Фигли-Мигли»; естественно, я ни секунды не сомневался в том, что это его настоящее имя, хоть оно мне сразу показалось странным даже для англичанина. Поэтому, когда он прибыл на борт, я счел необходимым представиться ему и, вежливо поклонившись, обратился к почтенному мореходу как к капитану Фигли. В ответ он пришел в неопишемую ярость.

— Фигли-мигли, сэр! — разорвался он. — Неужели я должен терпеть насмешки на борту собственного судна? Вы арестованы, судары! Отправляйтесь в трюм, и немедленно! Вы слышите меня?

— Прошу прощения, сэр, — смутился я, — но я ошибся непреднамеренно, поскольку не знал, что ваше имя Мигли...

— Мигли... — старик едва не лишился дара речи. — Фигли-мигли, разрази вас гром, сэр! Заковать в цепи этого наглого шутника! — обратился он к команде, которая с трудом удерживалась от хохота. — Я научу вас, как обзывать капитана Свэна с «Морской феи», судары!

Видя, что он слишком раздражен, чтобы выслушивать разумные доводы, я улизнул в трюм и сидел там, пока не утихла буря; но и впоследствии, хоть он и сам хохотал над этим случаем за бокалом вина, он сохранил ко мне неприязнь, и когда пришло время... впрочем, я забегая вперед, а это недопустимо, поскольку мое повествование должно идти последовательно и, как говорят моряки, строго придерживаться проложенного курса.

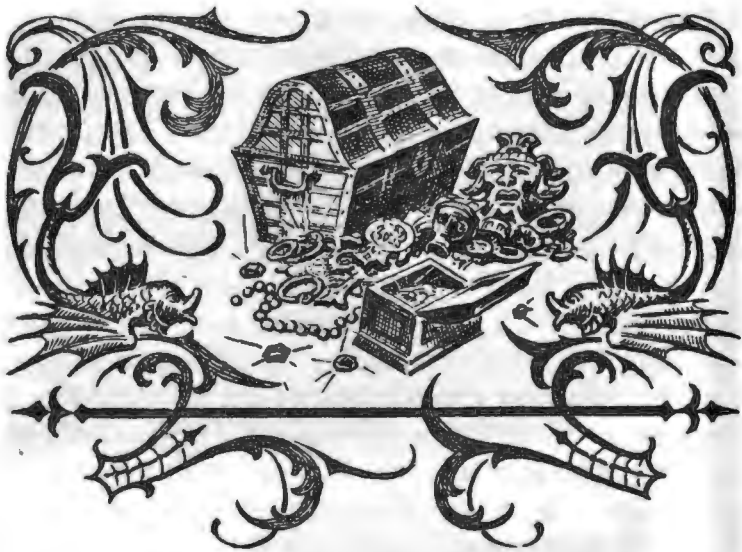
Команда «Морской феи» в основном состояла из неплохих парней, немного, правда, грубоватых и бесцеремонных, и я чрезвычайно обрадовался, увидев мастера Роджерса, поднявшегося к нам на палубу в день нашего отплытия, и узнав, что он ушел с «Золотого дракона», поскольку, как он объяснил мне впоследствии, не мог выносить высокомерия и дурного нрава Неда Солткомба, чья шея все еще не пришла в норму после моего захвата.

На следующий день мы снова вернулись в Плимут, и четырнадцатого сентября тысяча пятьсот восемьдесят пятого года наша флотилия в полной готовности, насчитывая в своем составе двадцать пять судов, больших и малых, подняла якоря и под восторженные крики и приветствия, под грохот орудийного салюта и звуки многочисленных труб и рожков, с развевающимися флагами и гордо натянутыми парусами вышла из гавани в открытое море.

В экспедиции участвовали всего четыре корабля королевского военного флота, остальные суда принадлежали частным компаниям и отдельным лицам, которые надеялись приобрести воинскую славу и новое богатство во время нашего путешествия. В состав флотилии входили три больших трехмачтовых корабля: «Лев», «Удача королевы Елизаветы» (флагман) и «Королевская гончая»; среди двухмачтовых были «Морская фея», «Ястреб», «Радуга» и многие другие, на борту которых находилась доблестная компания из трех тысяч верных и надежных бойцов во главе с адмиралом сэром Фрэнсисом Дрейком, знаменитым навигатором Мартином Фробишером и капитаном Фрэнсисом Ноллисом в качестве вице-адмирала. Капитан Томас Фаннер командовал флагманским судном, а генерал Кристофер Карлайл исполнял обязанности главного воинского начальника.

Глядя на величественное и красочное зрелище нашей эскадры, я чувствовал, даже будучи шотландцем, как сердце у меня в груди сжимается от восторга и гордости, и старался представить себе, что сказал бы свирепый старый

морской волк Эндрю Вуд при виде такой флотилии; вспоминая слова адмирала об испанских галеонах и кораблях-сокровищницах, я вновь повторил про себя: «Амины!» — и, следуя морскому обычаю, засвистал, призывая свежий попутный ветер и благоприятную погоду.

ГЛАВА 16

О взятии «Донны Беллы»

Подобно тому как летучая рыба, расправив плавники-крылья, перескакивает через полдюжины океанских валов, так и я должен пропустить описание нашего плавания на запад, включая осаду Санто-Доминго*, иначе моя история продлится до бесконечности, а пальцы устанут держать перо. Поэтому я не стану рассказывать о том, как «Морская фея», захваченная ураганом, оказалась оторванной от эскадры и сбилась с курса, не стану упоминать о всех глупостях, допущенных старым Фигли-Мигли,

---

* До 1803 г. — западная часть о. Гаити, являвшаяся в описываемое время французской колонией.

которые чуть было не привели к открытому бунту на борту, предотвращенному, по моему глубокому убеждению, криком, раздавшимся ранним солнечным утром с наблюдательной площадки фок-мачты:

— Эй! Парус по курсу с наветренной стороны!

В один момент все было забыто, и каждый бросился к вантам и реям, чтобы получше рассмотреть чужой парус. Множество догадок и предположений по поводу неизвестного судна сразу вытеснило все другие тревоги и заботы; большинство из нас склонны были видеть в нем испанский корабль, хотя не исключалась и вероятность того, что это одно из судов эскадры сэра Фрэнсиса, так же, как и «Морская фея», отклонившееся от курса. Но кем бы оно ни было, вскоре стало очевидно, что оно приближается, и наша команда поспешно принялась выкатывать пушки, подносить к ним ядра и мешки с порохом, разбирать оружие для рукопашного боя и готовиться к возможному сражению. Примерно через час стали уже явственно видны три высокие мачты и приподнятые нос и корма большого корабля; если это был враг, то он выглядел достаточно серьезным, и перспектива славного сражения взбодрила экипаж и вновь сплотила его вокруг своих командиров.

— Фигли-мигли, — обратился капитан к мастеру Роджерсу, — что вы думаете о встречном?

— По-моему, это испанское судно, и скорее всего с материка; похоже, трюмы его до самой палубы битком набиты серебряными слитками. Молю Господа, чтобы я не ошибся!

— Аминь, фигли-мигли, — согласился капитан, чью забавную манеру разговаривать я никак не мог воспринимать без улыбки, что, как я заметил, его весьма раздражало; и в самом деле, не будь он так озабочен встречей с неизвестным судном, он тут же сделал бы мне выговор.

Великолепное зрелище представлял собой гордый красавец корабль, медленно приближавшийся к нам, с пышной громадой белоснежных парусов, округлившихся под свежим попутным ветром, уверенно и решительно раздвигая форштевнем голубую волну и оставляя за собой пенистый кильватерный след!

К этому времени мы подняли на фокке наш вымпел, но встречный корабль, казалось, не замечал его и продолжал надменно и невозмутимо двигаться среди волн, словно такая мелочь, как наш барк, была недостойна его внимания, хоть на таком расстоянии мы уже различали фигуры людей, глазевших на нас из-за бульварка на фордеке и столпившихся у основания бушприта, и даже могли заметить отблески утреннего солнца на стальных шлемах и прочей амуниции. Затем на палубе корабля неожиданно раздался громкий и мелодичный звук фанфар; корпус судна слегка вздрогнул, и ядро, сопровождаемое грохотом пушечного выстрела, запрыгало по волнам далеко перед носом «Морской феи».

— Дураки остаются дураками, — пренебрежительно фыркнул Саймон, стоявший рядом со мной. — Много шума и гонора, а толку мало!

— Фигли-мигли! — заорал капитан. — Этот чертов «дон» бросает нам вызов! Мы должны перехватить у него ветер, мастер Роджерс. Эй, вахтенные — на брасы, остальные — по местам!

И тут начались суэта, маневрирование с парусами, громкие приказы, беготня и множество «фиглей-миглей» капитана Свэна, прежде чем мы наконец перехитрили испанца и отняли у него ветер. Не успели мы развернуться к нему бортом, как Нед Уот, наш старый канонир, выпалил в него из носовой пушки, пробив ему парус и оторвав щепку от грот-мачты, что вызвало порядочное смятение и суматоху на его палубе.

Теперь мы находились достаточно близко, и я с восторгом и изумлением разглядывал встречное судно, потому что мне до сих пор еще никогда не приходилось видеть такого огромного корабля. Это был величавый галеон с высокой резной кормой, круто спускавшейся к шкафуту, с двумя большими фонарями у кормового среза; на носу у него красовалась превосходно выполненная и раскрашенная яркими красками деревянная фигура женщины с распущенными волосами. В бортах его с каждой стороны я насчитал по двенадцать орудий, хоть число пушечных портов значительно превышало это количество, а на вантах развевалось не менее дюжины разноцветных флагов с гербами знатных рыцарей и дворян, тогда как на палубе толпилось множество матросов и солдат. Капитан галеона, весьма мужественного вида мужчина, затянутый в блестящие стальные доспехи, стоял на ахтердеке; после

нашего выстрела он галантно поднял свою шляпу с плюмажем и учтиво поклонился. Старый Фигли старательно ответил ему тем же, хотя его поклону явно недоставало грациозности, после чего приказал открыть огонь всеми шестью орудиями, заранее перемещенными на правый борт.

С грохотом, потрясшим весь корпус барка, бортовой залп накрыл испанца, круша вдребезги его бульварк и надстройки и сметая с палубы все на своем пути. В следующий миг галеон ответил огнем собственных двенадцати пушек, но из-за того, что высота его орудийной палубы значительно превышала уровень палубы «Морской феи», весь заряд его пришелся поверху, срезав лишь брам-стенгу фок-мачты и изорвав в клочья фор-брамсель вместе с такелажем. Команда «Морской феи» тут же бросилась по вантам наверх, чтобы исправить повреждения, в то время как канониры, перезарядив пушки, нанесли испанцу еще больший урон, чем в предыдущий раз, снова послав железный смерч на его переполненную палубу, откуда до нас донеслись истошные крики и стоны раненых. Вскоре бой разгорелся не на шутку, и все наши палубные надстройки, верхний рангоут и такелаж превратились в кучу обломков, но зато почти ни один человек из команды «Морской феи» не был серьезно ранен, тогда как наши ядра с неистовой силой били в борт галеона, разнося в щепки его обшивку, сшибая с лафетов орудия, превращая его палубу в руины, поскольку благоприятный ветер относил в сторону завесу порохового дыма, позволяя

нашим канонирам взять правильный прицел. Битва в таком виде продолжалась около полу- часа, пока суда постепенно сходились друг с другом, и матросы «Феи», голые по пояс, мокрые от пота, со сверкающими зубами и белками глаз на черных от копоти и пороховой гари лицах, прыгали, орали и бесновались, точно помешанные, в то время как воздух вокруг гудел и разрывался от грохота орудийной пальбы, треска мушкетных выстрелов, свиста пуль и визга разлетающихся осколков. Вскоре нас стала донимать прицельная стрельба испанских солдат, взобравшихся на ванты и рей га- леона, и один человек на моих глазах замятво упал с простреленной навывлет головой, а затем трое канониров получили тяжелые ранения; более того, «доны» опустили стволы своих пушек, подбив клинья под лафеты, и их ядра на- чали наносить нам значительный урон, сея во- круг смерть и разрушения, превращая сильных, здоровых мужчин в кровавые обрубки и мето- дично круша в щепки борта «Морской феи».

Видя наше единственное спасение в том, что- бы как можно скорее закончить сражение, ста- рый Фигли резко вывернул штурвал вправо и направил судно впритык к испанцу, так что вскоре мы со скрипом и треском соприкосну- лись бортами, и команды с обеих сторон при- нялись цепляться за противника абордажны- ми крючьями и грапнелями.

С громкими криками испанские солдаты и матросы начали прыгать через бульварк к нам на палубу столь решительно и в таком количе- стве, что расчленили нашу команду, оттеснив

половину к корме, а другую половину на фордек; в первую минуту мне показалось даже, будто они уже одолевают нас своей численностью. К счастью для «Морской феи», Саймону Гризейлу уже приходилось бывать в подобных переделках, и он, призвав меня на помощь, бросился к борту и стал перерубать тяжелым абордажным топором канаты, связывавшие нас с галеоном. Я последовал за ним и выстрелами из пистолета удерживал на расстоянии людей, которые могли помешать ему. В тот же миг мастер Роджерс на фордеке обрубил трос, удерживавший нос барка, и, прежде чем «доны» на борту «Морской феи» сообразили, в чем дело, нас отнесло в сторону, и около дюжины испанцев, спрыгнувших в последний момент на нашу палубу, попали вместо этого в океан, где и нашли свою могилу. Тогда, воспрянув духом, мы сомкнули свои ряды и с новыми силами набросились на врага.

Разгорелась яростная схватка, в которой пошли в ход кинжалы и топоры, пистолеты и шпаги, пока кровь алыми струйками не потекла в шпигаты и гора трупов не выросла на палубе. Стоны и проклятия, крики и вопли наполняли воздух, и вновь залп орудий галеона потряс корпус барка; тяжелые ядра без разбора сеяли смерть среди англичан и испанцев. Мне до сих пор везло: в течение пяти минут от моей руки пали уже трое, а сам я был всего лишь легко ранен отлетевшей щепкой, оцарапавшей мне лоб, хотя кровь покрывала меня всего с ног до головы. Я видел, как Саймон столкнул своего противника прямо за борт, и

слышал воинственные крики старого Фигли, ибо последний, несмотря на все свои недостатки, несомненно, был опытным бойцом и смелым рубакой.

Шаг за шагом мы теснили испанцев, приканчивая одного за другим или сталкивая за борт, пока от них никого не осталось, кроме тесного кольца измученных и отчаявшихся людей, сгрудившихся вокруг мачты и устало отбивавшихся длинными пиками и шпагами. На мгновение вся наша команда, в которой оставалось не более сорока человек, замерла, переводя дыхание и уставясь на кучку обреченных, затем с хриплыми криками толпа сомкнулась вокруг них со всех сторон: послышались звон металла, тупой стук клинков, нашедших свою жертву, хор диких воплей и стонов, и вскоре на борту не осталось ни одного испанца, кроме нескольких раненых, ползавших по палубе или корчившихся в крови, громко крича от боли и умоляя о глотке воды. Однако нам было не до них, потому что сражение еще не закончилось и ярость битвы обуревала всех нас.

Канониры поспешили к пушкам и снова открыли огонь по галеону. но тут, к нашему немалому изумлению, мы увидели, что испанцы поспешно ставят паруса и пытаются спастись бегством: потеряв уже треть своей команды, они не желали рисковать остальными.

— Фигли мигли! — заорал капитан Свэн — Двадцать дукатов тому, кто остановит трусов! — Но не успел он закончить фразу, как Саймон навел пушку на галеон и приложил фитиль к запалу. Тяжелое ядро врезалось в основание

грот-мачты, которая рухнула, как подрубленная, благодаря усиленной нагрузке от взявших ветер парусов, свалив заодно фор-брам-стенгу и покалечив или убив с десятков матросов.

— Bravo! — закричал капитан, от возбуждения забыв даже добавить свои «фигли-мигли». — А теперь, храбрые морские волки, на абордаж — и ура в честь серебряных слитков и королевы Бесс!

— Ур-ра! — подхватила команда, больше думая, как мне показалось, о слитках, и через пару минут, когда «Морская фея» приблизилась к борту неподвижного и лишённого способности маневрировать галеона, матросы, точно кошки, полезли на его палубу, цепляясь за обрывки такелажа, прыгая с ноков рей, подтягиваясь на канатах, привязанных к грапнелям, не обращая внимания на удары шпаг и пистолетные выстрелы. Мы с Саймоном тоже последовали за ними, и я помню, с каким удивлением, стоя на ахтердеке, я разглядывал раскинувшуюся передо мной широкую, точно базарная площадь, палубу галеона, заваленную обломками рухнувшей мачты. Однако изумляться у меня времени не было, поскольку палуба к тому же представляла собой еще и арену жестокой и беспощадной битвы, в которую я вскоре включился, нанося удары и отражая их, крича от ярости или от восторга, когда мой удар попал в цель, останавливаясь только затем, чтобы отереть кровь из раны на лбу, заливавшую мне глаза. Некоторое время испанцы сражались, как дьяволы, но затем дрогнули под бешеным натиском наших моряков и, окруженные со всех

сторон, начали постепенно сдавать позиции, пока наконец оставшиеся в живых не стали искать спасения в обширном трюме галеона.

Нацелив для остратки пушки в отверстия трюмных люков, мы получили наконец возможность осмотреться и убедиться в том, что мы стали хозяевами галеона «Донна Белла» в тысячу тонн водоизмещением, с двадцатью четырьмя орудиями, половину из которых составляли медные каронады и базилиски; многие из них, правда, были полностью или частично выведены из строя огнем «Морской феи». Судно вышло неделю тому назад из порта Номбре де Диос, имея на борту сто семьдесят человек; добрая сотня их к этому времени была либо перебита, либо получила тяжелые ранения, а остальные находились в трюме в качестве пленных. Их выводили наверх группами, чтобы заковать в цепи, и от них мы узнали, что судно, поистине, оказалось для нас счастливым призом, ибо перевозило сокровища, доставленные из Перу и Эквадора через Панамский перешеек.

«Донна Белла» направлялась в Кадис*, когда натолкнулась на нас, и ее капитан, дон Диего де Вальдес, убитый в сражении, решил вопреки мнению большинства завязать с нами бой, будучи храбрым солдатом, но неважным моряком. Как нетрудно догадаться, мы были весьма воодушевлены достигнутым успехом, и после того, как раненые с обеих сторон были перевязаны и ухожены, трупы выброшены за борт, палубы очищены от обломков и отмыты

---

* Город и порт на юге Испании.

от крови и грязи, все свободные от вахты матросы приступили к ремонту повреждений, и в первую очередь к установке временных мачт взамен рухнувших. Капитан Свэн распорядился перевести бóльшую часть команды на галлеон, поскольку для управления им требовалось порядочное число людей и к тому же на испанском судне имелись более обширные помещения для содержания пленных; командование же «Морской феей» было поручено мастеру Роджерсу. Однако вскоре обнаружилось, что барк получил пробоину в борту чуть выше ватерлинии и, несмотря на наведенный пластырь, дает довольно значительную течь; это обстоятельство вынуждало нас попытаться как можно быстрее добраться до ближайшего порта и всерьез заняться ремонтом. Тем не менее никто из команды не соглашался оставаться на барке, пока добыча не будет справедливо поделена и каждый не получит свою долю. После недолгих пререканий часть сокровищ была переправлена на «Морскую фею», и немало было веселья и шуток, пока мы перетаскивали к ней на борт сундуки с серебряными слитками, дукакатами и драгоценными камнями. Всего ночь оба судна лежали неподвижно бок о бок, и всю ночь, не переставая, работали помпы, откачивая воду из трюма «Морской феи»; воспользовавшись ярким светом полной луны, люди также трудились не покладая рук, сплесневая разорванные канаты, законопачивая щели и приводя в порядок поврежденные рангоут и такелаж. Наконец к утру основные работы были завершены, и старый Фигли зачитал список тех.

кто оставался на барке. Я был немало удивлен, услышав в нем свое имя, тогда как Саймону предстояло перебираться на галеон; но когда я выразил свой протест капитану, тот предложил мне заткнуться, заявив, что Саймон проявил себя слишком хорошим канониром, чтобы «Донна Белла» могла без него обойтись.

В ответ на это я пришел в неистовство, буквально на находя себе места от злости, но ничего не мог поделать, хоть мастер Роджерс и замолвил за меня словечко; команде, пребывавшей в превосходном расположении духа, было не до меня и моих забот. Сам Саймон ничего не сказал: он знал так же хорошо, как и я, что старый Фигли вымещает на мне свою злобу и что у меня не было никаких оснований для возражений, так как Саймон лишь для отвода глаз числился моим слугой и я не платил ему никакого жалованья. Таким образом, мне ничего не оставалось, как только сердечно пожать руку моему верному другу и пожелать ему удачи в надежде на скорую встречу в Номбре-де-Диосе, хотя ни один из нас не предполагал, где и при каких обстоятельствах нам придется возобновить нашу дружбу.

Вскоре после этих событий «Морская фея» вновь на всех парусах шла на восток, держа курс на Санто-Доминго, имея на борту небольшую команду, состоявшую из капитана Роджерса, сэра Джаспера Лавдея, который присоединился к нам исключительно потому, что, по его словам, «очень уважает своего друга мастера Роджерса и как черт ладана терпеть не может старого Фигли-Мигли», мастера Генри Трелони,

совсем еще молодого человека, но, как вы убедитесь в дальнейшем, не только привлекательного, но и отважного джентльмена, меня, вашего недостойного слуги, одного младшего офицера, одного плотника, четырех матросов и юнги.

Видит Бог, команда была явно мала, но большей нам выделить не могли, ибо на борту «Доны Беллы» надо было иметь не менее двадцати с лишним человек, чтобы присматривать за пленными и содержать галеон в порядке. Несмотря на это, я чувствовал бы себя вполне счастливым — поскольку рана моя благополучно заживала да и беседы с сэром Джаспером немало меня развлекали, — если бы Саймон не остался на галеоне: я очень привязался к старому моряку с его удивительными историями и не менее удивительным образом жизни и тосковал по его обществу сильнее, чем мог предполагать.

Впрочем, как говаривал капитан Роджерс, «нет смысла плакать над пролитым пивом», и, хотя я несколько часов ходил точно в воду опущенный, за обедом я уже хохотал вместе со всеми над шутками сэра Джаспера. Этот сэр Джаспер был светским человеком и галантным кавалером, а также заправским весельчаком и острословом, но однажды, заколов своего противника на дуэли из-за придворной дамы, развязал против себя кровную вражду и счел благоразумным на некоторое время сделать море своим домом. Его изящным манерам могла бы позавидовать любая жеманница, но наиболее элегантным был способ, каким он прочищал

свой нос, — подобного я не видел ни у кого: сперва он несколько раз грациозно взмахивал носовым платком, затем прижимал его к носу и издавал протяжный мелодичный звук, скопировать который я пытался неоднократно, но безуспешно. Он так гордился этим своим умением, что мог раз двадцать в течение часа сморкаться без всякой нужды, словно страдал от жестокой простуды, для чего пользовался целой коллекцией ярких разноцветных носовых платков. Он аккуратно подвязывал их один над другим у себя на шее, прежде чем пустить в ход, поскольку не носил ни галстука, ни жабо, и поэтому в сочетании с живописной одеждой и розовыми щечками издали напоминал одну из тех птиц с пестрым оперением, что обитают в тропических лесах острова Тринидад. Более того, он пользовался специальным ароматическим снадобьем собственного изготовления для смазывания своих длинных светлых усов. Он обладал превосходной мимикой и умел заставить нас покатываться от хохота, пародируя «Фигли-Мигли», как он называл прежнего суматошного и раздражительного капитана «Морской феи».

Для развлечения он мог изобразить кого угодно — сэра Филиппа Сидни*, Уолтера Рейли, графа Лестера и многих других знаменитостей, которых он знал при дворе, где, как я подозревал, его скорее всего принимали за шута и комедианта, хоть он умел сочинять превосходные

---

* Сидни, Филипп (1554—1586) — английский писатель («Аркадия», «Защита поэзии» и др.).

стихи и весьма талантливо рассказывать всевозможные грустные и веселые истории.

Мы имели возможность наслаждаться обедом без помех, потому что промасленный парус, которым мы затанули пробоину, неплохо выполнял свою функцию и мы могли время от времени давать помпам передышку, что было довольно утешительно, поскольку назойливое чавканье насосов, будучи само по себе далеко не приятным звуком, постоянно напоминало нам о хрупкости и ненадежности нашего углого суденышка. За столом нас было всего четверо, и я с грустью вспоминаю моих добрых товарищей, смеющихся и подтрунивающих друг над другом и надо мной, несмотря на то что у нас было мало оснований для веселья, когда мы на дырявом корабле с малочисленной командой кое-как ковыляли через Карибское море к Санто-Доминго.

О сэре Джаспере я уже упоминал; добавлю лишь, что он был невысокого роста и щуплого телосложения, но, как он любил повторять, «достоинство предмета в красоте, а не в высоте», причем всякий раз обращался ко мне за подтверждением этого постулата к вящему удовольствию всей компании.

Мастер Роджерс, наш нынешний капитан, — плотный, кряжистый, с широкими плечами и грудью, в чем я, правда, мог с ним потягаться, — представлял собой полную его противоположность, хоть роста был тоже не выше среднего. Приветливое, добродушное лицо его украшала коротко подстриженная борода; он обладал живыми манерами и был превосход-

ным моряком, в чем я имел возможность убедиться. Кроме того, он происходил из хорошей семьи и великолепно стрелял из пистолета и мушкетона.

Мастер Трелони, здоровенный рыжий корнуоллец с веснушчатым лицом и громким веселым смехом, был выше нас всех — я имею в виду рост, конечно; совсем еще молодой человек, он обещал с годами приобрести недюжинную силу — физическую я имею в виду, хоть и смех его тоже мог бы стать более громким, если бы... впрочем, я опять забегаю вперед.

Это было его первое морское путешествие, поскольку он являлся младшим сыном* и отправился в плавание, чтобы добыть себе славу и богатство или погибнуть от лихорадки, если его до того не прикончат испанцы; тем не менее он радовался и веселился, точно мальчишка-школьник на каникулах, и искренне изумлялся рассказам сэра Джаспера о жизни при дворе, о драках в таверне, о стычках с городской стражей и тому подобных малопочтенных делах.

— Сдается мне, джентльмены, — говорил сей достойный искатель приключений, сморкаясь в очередной носовой платок, — что мне дали неправильное имя**, ибо я всегда любил ночь больше, чем день, хоть и не знаю почему.

— А это из-за твоих темных делишек, по моему, — заметил капитан Роджерс.

---

* По английским законам, дворянский титул и все состояние наследует старший сын.

** Loveday - любитель дня (англ.).

— Ладно тебе, Джек, перестань, — иначе ты вгонишь в краску мастера Гарри, а наш приятель в укороченном исполнении перестанет со мной разговаривать. Лучше скажи, Джек, не стоит ли нам поменять нашу дырявую посудину на какой-нибудь доверху нагруженный испанский корабль, подобно тому как мы поступили с галеоном, на корме которого в настоящее время стоит наш достопочтенный Фигли-Мигли? Выпьем за его здоровье!

— Боже сохрани! — возразил капитан. — Боюсь, что результат в этом случае окажется прямо противоположным. Ты соображаешь, о чем говоришь? Что мы сможем поделать с целой вражеской командой?

— Н-ну, кто знает... Наш друг, мастер Клефан, например, стоит троих молодцов нормального роста, мастер Гарри запросто справится с двумя, и я готов поручиться, что мы с тобой тоже устоим против любой пары, а?

Он произнес эту тираду с такой забавной миной и так грациозно прочистил нос, что мы не могли удержаться от смеха, чем он ни в малейшей степени не бы огорчен и даже казался польщенным, пустившись в дальнейшие разглагольствования о своих идеях захвата вражеских судов. Они состояли в основном в организации неожиданных атак под покровом ночи, в запуске легких плотиков с бочонками пороха под борта неприятеля, чтобы в нужный момент их взорвать, и в тому подобной чепухе, которая помогала нам тем не менее коротать время и сохранять хорошее настроение; при этом он с полной невозмутимостью заставлял

нас вступать с ним в спор, словно рассуждал о серьезных вещах и был действительно уверен в своей правоте.

В течение двух дней мы держали курс на северо-восток и на третий день достигли наконец западного берега острова. С огромными трудностями нам удалось вытащить судно на плоскую песчаную отмель, чтобы можно было добраться до пробоины, после чего мы под руководством плотника приступили к работе по очистке днища от налипших на него водорослей и ракушек и по ремонту поврежденной обшивки. Через два дня пробоина была заделана, и судно снова стало водонепроницаемым.

Место, где мы занимались кренгованием, представляло собой песчаную косу между скалистыми рифами, отлично укрытую и надежно изолированную с моря, так что мы могли без опаски разводить костер и стрелять дичь, попадавшую в поле нашего зрения.

Несмотря на то что лес, густой и мрачный, подходил к самому берегу, животных в нем почти не было видно, и нам удалось подстрелить всего лишь какое-то остроносое четвероногое размером с кролика и немного напоминавшее последнего цветом шерсти.

Зато здесь попадались птицы, похожие на голубей, а черепахи и крабы водились во множестве, так что мы имели возможность разнообразить нашу диету. Сэр Джаспер, оказавшийся неплохим поваром, готовил нам из всего этого отличный суп, или консомэ*, как он

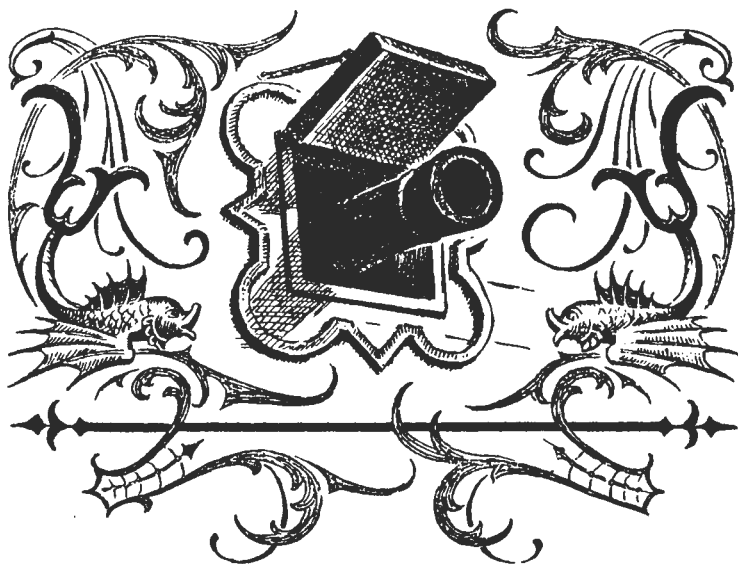
---

* *Consomme* — крепкий бульон (франц.).

его называл, поскольку в нем плавали аппетитные куски дичи, обильно сдобренные специями из нашего судового камбуза.

Берег был совершенно необитаем, и после приведения барка в порядок и спуска его на глубокую воду мы провели целый день, отдыхая и занимаясь рыбной ловлей, так как на отмели среди камней водилось множество самых разнообразных видов рыб всевозможных форм и расцветок. Очистив рыбу от внутренностей, мы вялили ее на солнце и вскоре имели уже солидный запас на борту. Сэр Джаспер по собственной инициативе отправился побродить по лесу в надежде подстрелить чтонибудь на ужин, но, хоть мы и слышали его выстрелы, к назначенному времени отплытия он не явился, и мы начали уже опасаться, не стряслось ли с ним какого-нибудь несчастья.

Спустя час после того, как прошли все мыслимые и немыслимые сроки, наши опасения превратились в тревогу. и мы, оставив на борту одного матроса и юнгу, вооружились и приготовились отправиться на поиски нашего доблестного рыцаря.

ГЛАВА 17

О приказе открыть огонь и о кончине «Морской феи»

Едва мы, однако, достигли границы лесных зарослей, как пропажа тут же нашлась, ибо на опушке появился сам сэр Джаспер собственной персоной, потный, запыхавшийся, растрепанный и исцарапанный, без шляпы и в разорванной одежде. Мы бросились к нему и засыпали его вопросами, но он едва переводил дыхание и не в состоянии был вымолвить ни слова, так что нам пришлось ждать целых пять минут, прежде чем он смог объяснить причину своего странного внешнего вида.

— Значит, вы посчитали меня пропавшим? — отдуваясь, проговорил он наконец. — Что ж,

друзья, я действительно чуть было не пропал навеки, и мы должны поторопиться, если хотим остановить самое страшное и жестокое зверство из всех, которые я когда-либо видел или о которых слышал. Но надо действовать очень осторожно и захватить испанцев врасплох...

— Испанцев? — в один голос воскликнули мы.

— Да, испанцев. Их двадцать пять, этих гнусных собак, но я обо всем расскажу по дороге; а сейчас нельзя мешкать ни минуты: в путь, друзья!

Под водительством сэра Джаспера мы нырнули в густую лесную чащу, и, пока пробивались сквозь плотные заросли кустов и лиан, то и дело пуская в ход ножи и топоры, он рассказал нам о своих приключениях и о том, чему свидетелем он оказался. Случилось так, что неподалеку от лесной окраины он набрел на стадо диких свиней и подстрелил кабана, по всей видимости, вожака этой стаи. Раненый кабан пустился наутек, отделившись от стада, и сэр Джаспер, увлекшись преследованием, отправился за ним, руководствуясь следами крови, которые оставляло за собой серьезно раненное животное. Он преследовал кабана чуть ли не целую милю, а может, и больше, пока, выбежав на небольшую прогалину, не наткнулся на лежащего зверя, роющего клыками землю от боли и ярости. Но прежде, чем он успел снова выстрелить, кабан в бешенстве набросился на него, визжа и хрипя, угрожая огромными желтыми клыками, торчащими из окровавленной и покрытой пеной пасти, и на-

шему охотнику ничего не оставалось, как только искать спасения на высоком дереве, оказавшемся неподалеку. Он едва успел опередить разъяренного зверя и таким образом превратился в пленника, сидя на ветке, под которой сторожил его свирепый кабан. К своему облегчению, сэр Джаспер заметил, что рана зверя была достаточно серьезной и силы его убывают с каждой минутой, так что ему не грозило длительное пребывание в качестве заложника; однако, чтобы не терять времени зря, он решил воспользоваться своим выгодным положением и хорошенько осмотреться вокруг, для чего полез на самую верхушку дерева, цепляясь за многочисленные лианы и ползучие растения, обвивавшие ствол этого лесного гиганта. Он лишь всерьез опасался, как бы его не укусила одна из древесных змей, в изобилии водившихся в лесу, но, к счастью, подобного с ним не случилось, и вскоре он восседал высоко над землей на развилке дерева, точно на салинге мачты, и озирался вокруг, очарованный открывшимся ему зрелищем.

Вокруг него и внизу расстилался густой зеленый ковер из листьев, то узких, то широких, то перемежающихся ярким разнообразием цветочных гирлянд, великолепных и непривычных для глаза европейца, а далеко на горизонте высились поросшие зеленью и окутанные дымкой вершины гор, протянувшиеся на север.

Впрочем, ему недолго пришлось любоваться величественной картиной: глаз его уловил блеск воды на некотором расстоянии от поляны, где росло его дерево, и вскоре он разглядел

среди листвы небольшое озерцо или, как здесь его называют, лагуну; более того, на дальнем берегу озера он, к своему удивлению, обнаружил небольшую группу туземных хижин, расположенных у самой воды, и людей, бродивших среди них, причем некоторые, казалось, занимались рыбной ловлей в лагуне, хотя из-за дальнего расстояния он не мог быть в этом уверен. Будучи весьма любопытным от природы, он чрезвычайно обрадовался своему открытию и с интересом следил за тем, как туземцы разводят костер, готовясь, очевидно, к приготовлению пищи, а те, что находились посреди озера, сложив свои нехитрые снасти, не спеша гребут к берегу. Он так увлекся, наблюдая жизнь этого маленького поселка, что совсем позабыл о быстротекущем времени и вспомнил о нем лишь тогда, когда хрюканье и визг у подножия дерева прекратились, свидетельствуя тем самым либо о гибели кабана, либо о снятии им осады.

Наш доблестный охотник совсем уже было собрался спускаться вниз, но тут краем глаза заметил, как что-то поблескивает на солнце сквозь густую зелень растительности, продвигаясь вдоль берега небольшого ручья, впадавшего в лагуну. Приглядевшись внимательнее, он убедился в том, что эти отблески являются ничем иным, как сверканием стальных лат; мысль об испанцах и о чудовищных злодеяниях, творимых ими на острове, заставила его остаться на своем посту и возобновить наблюдение. Некоторое время ему ничего не было видно, как он ни напрягал зрение, но вот наконец

на небольшую полянку вышли два человека и быстро скрылись в зеленой чаще на противоположной стороне. Хоть они находились от него на расстоянии не менее полумили, сэр Джаспер сразу определил, кто они такие: стальные шлемы и кирасы, пики в мушкеты выдавали в них солдат. а здесь, кроме испанцев, никаких других солдат не могло быть. За первой парой появились еще двое, затем еще и еще — в общей сложности ровно две дюжины и один офицер, которого сэр Джаспер узнал по тому, что у того не было ни пика, ни мушкета и держался он позади всех. Только узкая полоска леса отделяла солдат от мирной маленькой туземной деревни, которая собиралась на свою дневную трапезу. Сэр Джаспер не сомневался относительно намерений испанцев, ибо когда мы впервые очутились в Санто-Доминго, то выслушали немало всяких душераздирающих историй об их жестокостях к индейцам и неграм. В самом деле, со времени открытия острова численность его населения постоянно уменьшалась и большинство туземцев были вынуждены искать спасения в самых диких и труднодоступных его уголках. Поэтому сэр Джаспер, ни минуты не колеблясь, слез с дерева и, обнаружив в кустах мертвого кабана, не стал терять времени даром, но, невыносимо страдая от зноя, духоты и колючих веток глухой и непроходимой чащобы, отправился прямо к бухте, где стояла на якоре «Морская фея».

Как вы можете себе представить, нас немало встревожила эта новость, и мы поспешили по указанному сэром Джаспером направле-

нию; правда, «поспешили» — слишком сильно сказано, так как нам часто приходилось прорубать себе путь топором, перебираясь через поваленные стволы деревьев и узловатые стебли лиан, пересекавшие наш путь, точно гигантские змеи. Я просто диву давался, как сэр Джаспер ухитрился так успешно преследовать здесь раненого кабана, но потом заметил, что он был самым ловким и шустрым из всех нас, проворно прыгая то тут, то там, наподобие гигантского кузнечика. Пройдя почти милю лесом, мы остановились на мгновение, чтобы перевести дыхание и утереть пот со лба, но звук мушкетного выстрела, а за ним и второй, и еще один заставили нас не мешкая снова пуститься в путь, пока — более по счастливой случайности, чем следуя указаниям сэра Джаспера, — мы не достигли края лагуны — довольно узкого водного пространства в полмили длиной и в несколько сот ярдов шириной. Мелкий ручеек, дальнюю часть которого сэр Джаспер видел с дерева, впадал в нее в этом месте, и мы поспешили перейти его вброд, так как во время краткой остановки здесь мы сквозь заросли кустарника, скрывавшего нас, увидели зрелище, заставившее кровь закипеть у нас в жилах. Мы увидели кучку туземных хижин в окружении аккуратно возделанных огородов, расположенных на берегу лагуны, и маленькие долбленные лодки, вытасненные из воды на прибрежный песок; но, кроме этого, мы увидели еще темные неподвижные фигуры, распростертые на земле, столб дыма над пылающей хижинной, вздымавшийся над кро-

нами высоких пальм, стройными рядами окружавших деревню, и испанских солдат, неторопливо бродивших повсюду между хижинами; до нас доносились даже их возгласы и смех, когда они находили в хижинах нечто, достойное их внимания, беззастенчиво и безнаказанно грабя жалкий скарб несчастных туземцев. Подобное зрелище само по себе было достаточно гнусным и отвратительным, но не оно заставило нас убедиться в том, что дьявольский замысел еще не завершен и мы прибыли как раз вовремя, чтобы помешать, хотя бы частично, его осуществлению.

Небольшая группа индейцев, связанных между собой, стояла посреди поляны, и даже на таком расстоянии было видно, что состояла она из женщин и детей. Оттуда доносились стоны и плач и время от времени крики боли и отчаяния, когда кто-нибудь из солдат грубо толкал или бил беззащитных бедолаг. Перед поляной росли двенадцать высоких и грациозных пальм, очень красивых, со стройными светло-коричневыми стволами, оперенными широкими опахалами гигантских листьев на верхушках. По всей видимости, пальмы были высажены вручную, потому что они стояли в ряд точно по линейке, на одинаковом расстоянии друг от друга; позади них начинался густой подлесок, переходивший в зеленую лесную чащу. К стволу каждой из пальм была привязана мужская фигура, и мастер Роджерс, отлично знавший повадки испанцев, вполголоса произнес глухое проклятие.

— В чем дело? — спросил сэр Джаспер.

— Они собираются устроить стрельбу по живым мишеням, — сказал мастер Роджерс.

— Боже избави! Пусть меня поджарят, если я сейчас не поменяю им мишени! Быстрее туда!

— Погодите минутку, — остановил я его. — У нас нет никакого плана.

— Верно, о наш самый осмотрительный шотландец! — сказал сэр Джаспер. — Но нападение, по-моему, будет самым удачным вариантом. Нас, правда, всего десять человек, но зато мы захватим их врасплох!

— Вы забыли, — возразил я, — что мы не можем себе позволить лишиться ни одного из этих десяти.

— Верно; но есть ли у тебя другое предложение?

— А почему бы нам не обойти их с тыла и не засесть в кустах с другой стороны, за пальмами, чтобы иметь обзор в промежутках между их стволами? Вот тогда приказ открыть огонь вызовет неожиданный эффект, который наверняка озадачит «желтокожих», как их называет Саймон!

— Клянусь своей головой, — воскликнул сэр Джаспер, — хоть ты и мал ростом, но мозгами природа тебя не обделила! Это самый удачный план. Что скажешь, мастер Роджерс?

— Не вижу ничего более приемлемого.

— А ты, мастер Трелони?

— Чем скорее мы его осуществим, тем лучше, — ответил корнуоллец.

Не теряя времени, мы снова углубились в лес и, обойдя деревню, сделали полукруг и вышли с противоположной стороны, позади шеренги

пальм. Соблюдая все меры предосторожности, мы прокрались сквозь подлесок к границе поляны и выглянули из-за зеленой завесы листвы, заняв каждый свою позицию в промежутках между пальмами.

Мы были совсем близко от приговоренных к расстрелу индейцев и отчетливо видели их блестящие от пота бронзовокожие тела, прикрученные тонкой веревкой к пальмовым стволам. Более того, мы видели также толпу женщин и детей вместе с их испанскими охранниками, и я даже удивился, насколько красивы и привлекательны были многие девушки, несмотря на цвет их кожи, с глазами большими и нежными, как у оленя, и с роскошными длинными волосами, черными, точно воронье крыло. Все они были очень скудно одеты, а детишки и вовсе обходились без одежды, но и женщины, и дети представляли собой жалкое зрелище: первые плакали, а вторые жалобно хныкали, в испуге оглядываясь по сторонам.

Человек десять мужчин, насколько мы могли судить, погибли в схватке с испанцами, и их тела остались лежать там, где они упали, некоторые изрубленные и изувеченные до такой степени, что я почувствовал нестерпимое желание своими руками сдавить глотку испанца, как я сделал это с Недом Соткомбом, только сильнее. Сами «доны» разбрелись кто куда: одни продолжали грабить хижины, другие караулили пленных, а остальные, блаженно растянувшись в тени, курили табак, смеялись и болтали, вполне довольные результатами своей дневной работы. Это были суровые

чернобородые и желтолицые мужчины, в основном среднего роста, не плотные, но жилистые и мускулистые, покрытые густым солнечным загаром. На них, как говорил сэр Джаспер, были стальные шлемы и кирасы, а вооружение их состояло из пик и мушкетов.

Очевидно, они захватили деревню совершенно неожиданно, ибо только двое из них были легко ранены, а насчитали мы всего двадцать пять человек, включая и командира, более плотного телосложения мужчину с жирным чувственным лицом с толстыми губами, носившем на себе, как мне показалось, следы негритянской крови.

Они, разумеется, и не подозревали о нашем присутствии, и мы наблюдали, как они уселись в кружок и приступили к трапезе, состоявшей из лепешек и рыбы, которую наловили индейцы, обмениваясь шуточками и частенько прикладываясь к кожаной баклаге с вином, висевшей у каждого на поясе. Мы могли бы открыть огонь по ним прямо сейчас, но они все же находились слишком далеко, а мы понимали, что могли надеяться на победу только в том случае, если каждая наша пуля попадет в цель. Поэтому мы не торопились и лежали тихо, переговариваясь вполголоса и перебрасываясь замечаниями наподобие того, что зря пропадает хорошая пища, поскольку испанцам вовсе ни к чему перед смертью так плотно наесться.

Они провели за трапезой довольно долгое время, но мы спокойно ожидали, а сэр Джаспер, хорошо знавший испанский язык, улавливал доносившиеся до нас обрывки их беседы

и сообщил нам, что они собираются приступить к расстрелу индейцев, как только покончат с едой. И действительно, вскоре шестеро солдат по приказу командира выстроились в двадцати шагах от первого привязанного индейца, а вторая шестерка — от второго, начиная с края деревни, прямо напротив нашей засады. Такой оборот событий весьма нас устраивал: он лишал нас необходимости передислоцироваться и уменьшал тем самым опасность быть обнаруженными.

Нас также очень обрадовало то, что остальные — кроме двух, которые остались сторожить пленных, — собрались вместе тесной группой, чтобы лучше наблюдать за спектаклем, в очень удобной для нас позиции, и мы настороженно следили за каждым жестом командира, могущим послужить сигналом открыть огонь, потому что никто из нас не желал оказаться жертвой случайной шальной пули.

Даже сейчас, закрыв глаза, я вижу перед собой эту картину.

Наш маленький отряд лежит, разделившись на две половины, у границы густых зарослей; перед нами ряд высоких и стройных пальм с привязанными к ним обнаженными фигурами пленников. Позади них — две команды, готовые привести приговор в исполнение, и группа испанских солдат, которая четко выделяется на фоне спокойной воды лагуны; хижина, одна из которых все еще дымится, бесформенные развалины, жалкая кучка испуганных женщин и детей, а позади всего этого — величавый тропический лес, спокойно и невозмутимо про-

стирающийся до самого горизонта, нежась в жарких лучах послеполуденного солнца.

Зрелище было поистине необычное, и хоть я немало повидал на своем веку, но подобного больше не припомню; впрочем, мне недолго пришлось лежать, скорчившись и глаза из-за кустов, потому что вскоре послышались быстрые отрывистые слова команды:

— Un, Dos, Tres — Tirar!*

Последняя часть приказа потонула в треске и грохоте мушкетных выстрелов; трое негодяев подпрыгнули в воздухе и рухнули ничком на землю, тогда как другие завертелись на мес-

---

* Один, два, три — огонь! (исп.)

те, громко крича и бросая оружие. Когда дым рассеялся, мы увидели, что восемь из них лежат на земле, пятеро — безмолвно и неподвижно, а трое корчатся в агонии, сыпля проклятиями и вопя от боли.

Остальные были так напуганы и настолько потрясены случившимся, что буквально остолбенели от неожиданности, недоуменно глядя на своих пораженных, словно громом небесным, товарищей, и те из нас, кто имел пистолеты или успел перезарядить свой мушкет, выпустили по ним второй залп, который вывел еще троих hors du combat**, как говорят французы.

** Etre hors du combat — быть выведенным из строя. быть непригодным к бою (франц.).

Тут мы с обнаженными шпагами и мушкетерами, используемыми в качестве дубинок, бросились на испанских мародеров, десять против тринадцати, но, прежде чем они полностью пришли в себя, еще четверо навеки утратили способность приходить не только в себя, но и куда-либо вообще. Двое солдат, охранявших женщин и детей, включились в драку — и, следует отдать испанцам должное, дрались они отчаянно: их предводитель чуть было не прикончил сэра Джаспера, не успей я вовремя проколоть его насквозь, и было странно наблюдать выражение крайнего изумления на его лице, когда он почувствовал у себя между ребер острие моей шпаги. После того как он упал, остальные утратили воинственный запал и стали искать спасения в бегстве, чего мы не могли допустить, боясь, как бы беглец не привел сюда подкрепление, если неподалеку расположены более значительные силы противника; поэтому мы делали свое дело основательно и без сантиментов, закончив его в водах лагуны, где двое испанцев предприняли попытку спастись вплавь. Мы перехватили их на мелководье, и здесь они встретили свою смерть, как подобает мужчинам, с оружием в руках и с лицом, обращенным к врагу; я хочу этим подчеркнуть, что испанский солдат в большинстве своем далеко не трус, хоть и обладает самым черствым сердцем, которое Бог вложил когда-либо в грудь человека.

Когда все было кончено, мы убедились, что наша диверсия не прошла для нас безнаказан-

но: юный Трелони, раздолбив страшным ударом мушкетного приклада стальной шлем вместе с черепом испанца, получил при этом поверхностную рану в бок; Дэвид Скиннес, один из матросов, был убит ударом пики, и трое были ранены, по счастью не очень серьезно. Четверо испанцев были еще живы, лежа на залитой кровью поляне; двое лежали неподвижно и молча, зато двое других осыпали нас бранью и всячески порывались встать и наброситься на нас. Мы были в замешательстве, не зная, как с ними поступить, но вскоре, однако, наши сомнения рассеялись сами собой. Сэр Джаспер без всякой задней мысли освободил двух приговоренных к расстрелу индейцев, и те набросились на испанцев с такой яростью, что не успели мы вмешаться, как с ними все уже было покончено. Не могу сказать, чтобы мы почувствовали к ним сколько-нибудь жалости, видя то, что они натворили с несчастными туземцами; но, когда мы отвязали остальных и отпустили на свободу женщин и детей, на их радость невозможно было смотреть без слез. Они падали перед нами на колени и целовали наши сапоги; они подбирали свои жалкие побрякушки, которые испанцы разбросали повсюду, и сносили к нашим ногам; они пели, и плясали, и швыряли грязь на трупы мертвых «донов», радуясь своему освобождению, — все, кроме тех, кто опустился на землю подле своих убитых родственников и принялся оплакивать их жалобными голосами, напевая странные заунывные и печальные мелодии.

Затем сэр Джаспер, обожавший всякие торжественные церемонии, обратился к индейцам с речью на испанском языке, суть которой сводилась к тому, что им лучше бы как можно скорее бежать куда-нибудь подальше отсюда, дал им множество ценных советов и сведений об Англии и королеве Бесс, а затем заставил их заняться погребением мертвых. Мы, в свою очередь, предали несчастного Скиннеса земле, похоронив его у подножия самой высокой пальмы, не думая вовсе о том, что в скором времени будем завидовать ему, погибшему от удара пики мгновенно и внезапно, в пылу сражения.

В тот вечер мы держали совет, как нам поступить дальше, ибо у нас возникли сомнения относительно того, стоит ли нам идти к материку. Нас осталось всего семь человек, работоспособных или могущих сражаться, хотя, конечно, раненые вскоре должны были выздороветь и вновь приступить к выполнению своих обязанностей. В конце концов мы решили проложить курс к порту Номбре де Диос, ожидая там встретить английский флот и «Донну Беллу».

Два дня прошли без всяких приключений и неожиданностей, и легко раненые, кроме одного матроса, у которого рана загноилась, начали понемногу принимать участие в общих работах и в вахтах у руля; мы спокойно плыли по безмятежной океанской лазури, отражавшей прозрачную голубизну бескрайнего небесного свода над головой, и я проводил все свое сво-

бодное время, лежа на носу и наблюдая, как форштевень судна режет вершины маленьких волн, которые, разбиваясь о тупые носовые обводы нашего доброго старого барка, превращаются в облачка мелких брызг, сверкая на солнце десятками миниатюрных радуг.

Капитан Роджерс считал, что мы вскоре должны достичь материка, и я уже стал тосковать по местным фруктам; ведь при здешней жаре они были единственной отрадой в этих краях; но утром на третий день марсовый на фокке крикнул на палубу, что видит парус к северу от нас.

Капитана Роджерса мало обрадовало это известие, и он сам взобрался на мачту, но вскоре спустился с видом угрюмым и озабоченным.

— Кто бы он ни был, — сказал капитан, — скорость его больше нашей, и у меня возникли серьезные подозрения относительно его принадлежности, потому что в здешних водах на одно английское судно приходится шесть испанских, а то судно на севере слишком быстроходно для простого купца, — и он отдал распоряжение изменить курс «Морской феи» к югу, повернувшись к незнакомцу кормой.

— А нельзя ли выжать побольше узлов из нашего барка? — поинтересовался я.

— Хотелось бы мне, чтобы это было возможно, но при таком ветре его и улитка обгонит, клянусь Богом! Да и что удивительного, если у него нос, как утиная грудь, а корма обрубленная, как у голландца!

Прошел час, и мне уже с палубы стали видны верхние брамсели чужого корабля.

— Он нас заметил, — сказал капитан Роджерс, — и собирается поближе с нами познакомиться.

— Полагаешь, нам удастся его захватить? — спросил сэр Джаспер.

— Захватить? Да это, похоже, крупный галеон с полной командой и с солдатами на борту, как «Донна Белла», — разумеется, если я не ошибаюсь; впрочем, время покажет.

Проходили часы, и незнакомец подходил все ближе и ближе — большой двухмачтовый корабль, не такой крупный, как тот галеон, который мы захватили, но с широко раскинутыми парусами и, чего мы опасались больше всего, с развевающимся испанским флагом на корме. Мы подняли на мачты «Морской феи» столько парусины, сколько они могли выдержать, для большей плотности смочив ее предварительно забортной водой; паруса тянули из всех сил, выпячивая свою тугую белоснежную грудь под легким дуновением бриза, но все было бесполезно, в чем мы вскоре смогли убедиться.

Тем не менее, как гласит пословица, «пока не догнал, не считай, что поймал», и мы, вопреки всякому здравому смыслу, надеялись на чудо, которое помогло бы нам спастись. Странное чувство испытываешь, когда тебя преследует враг, а ты не в состоянии от него убежать, и я, словно замороженный, смотрел на галеон, стремительно нагонявший нас с поразительной для такого тяжелого и громозд-

кого судна быстротой. Несмотря на то что это был испанец, я не мог не восхищаться величественной пирамидой его парусов, сверкающих белизной на утреннем солнце, и тем, как легко и изящно он в пене и брызгах скользит по волнам, подгоняемый свежим морским ветром.

— Да, гонку мы явно проиграли, — с печалью в голосе произнес капитан Роджерс.

— Боюсь, он слишком силен, чтобы мы могли рассчитывать его захватить, — оживленно заметил сэр Джаспер, — но нельзя ли попытаться немного пооборвать ему крылышки?

— Решайте сами, джентльмены, ведь в случае неудачи они едва ли нас помилуют за то, что мы открыли по ним огонь, хотя мне, честно признаться, очень не терпится это сделать!

— Так сделайте! — в один голос воскликнули мы все трое, поскольку ни один из нас не желал сдаваться чванливому испанцу без боя.

Одна из наших больших пушек была перенесена на корму, заряжена, и капитан Роджерс, тщательно прицелившись, лично произвел первый выстрел.

Ядро упало в воду и запрыгало по волнам в нескольких ярдах перед носом галеона, однако следующий заряд угодил ему прямо в борт, и мы завопили от восторга, увидев белый шрам на его черной обшивке.

— Сейчас начнется, — сказал капитан Роджерс, когда две носовые пушки галеона грохотнули нам в ответ. Одно ядро с визгом пронеслось безо всякого вреда между нашими мачтами, но

зато второе как назло начисто снесло грот-стен-гу, и теперь настал черед испанцам бурно выра-жать свой восторг.

Галеон подошел к нам бортом, и громкий голос оттуда предложил нам сдаться, но мы ответили ему залпом из трех орудий. Не успел, однако, дым рассеяться, как испанцы откры-ли по нам бешеный огонь. Мне показалось, буд-то над «Морской феей» пронесся огненный и грохочущий шквал, сметая все на своем пути и превратив барк в беспомощную развалину, по-ломав все мачты, заклинив пушки, завалив палубу обломками рангоута, обрывками таке-лажа и грудами парусины, хотя, как ни стран-но, ни один человек из команды не пострадал.

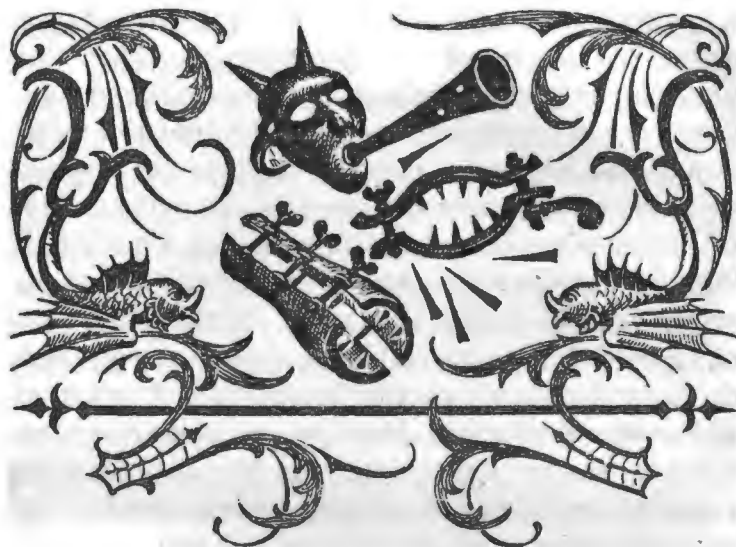
поскольку капитан Роджерс предусмотритель но приказал всем укрыться за бульварком.

Дальнейшее сопротивление было безнадеж ным, и я слышал, как из груди капитана вы рвался стон, когда с борта галеона спустили шлюпку и команда солдат во главе с офице ром, разместившись в ней, направилась в нашу сторону.

— Будь у меня человек на двадцать больше, Джереми, — сказал капитан, — я заставил бы их поплясать, но в нашем положении... — Он вздохнул и, повернувшись на каблуках, напра вился встречать «донов», карабкавшихся по трапу к нам на борт. Увидев, как нас мало, они заподозрили ловушку, и сэру Джасперу при шлось их успокаивать, иначе, по моему глубо кому убеждению, они тут же попрыгали бы назад в свою шлюпку. Однако все получилось наоборот, и в лодку поместили нас, переправив на галеон, на палубе которого яблоку негде было упасть от множества солдат и матросов, собравшихся поглазеть на нас из-за бульварка.

Капитан галеона, угрюмого вида мужчина с желтоватыми белками глаз и морщинистым пятнистым лицом, принял нас не очень вежли во и грубо оборвал сэра Джаспера, когда тот выступил с речью, сопровождаемой многочис ленными поклонами и манипуляциями с но совыми платками и трубным сморканием. С нас сорвали оружие, связали и погнали вниз, в трюм, под оживленные возгласы испанцев; по прошествии часа, когда, без сомнения, сокро вища с борта нашего доброго старого барка успе ли переместиться в трюмы галеона, мы услыха-

ли гром пушечного залпа, и огромный корабль встряхнуло, словно во время землетрясения. Затем наступила мертвая тишина, сменившаяся громкими радостными воплями, и мы поняли, что маленькая отважная «Морская фея» прекратила свое существование.

ГЛАВА 18

Об испанской Святой Милосердной Деве и о компании акул

Помещение, куда нас грубо втолкнули, представляло собой темную и грязную дыру; мы молча сидели, уныло ожидая своего приговора, причем сэр Джаспер, должно быть, чувствовал себя самым несчастным из всех нас, поскольку руки у него были связаны и нос не прочищен, что создавало для всех большие неудобства: ведь он всегда был жизнерадостен и весел, когда имел возможность без помех продемонстрировать этот свой маленький трюк, а Бог свидетель, как мы отчаянно нуждались в ободрении! По плавному покачиванию судна мы могли заключить, что галеон снова движется,

и до нас изредка доносился приглушенный шум с палубы над головой, но отвратительное злобное протухшей трюмной воды вызывало у нас тошноту и головокружение, так что мы обрадовались, когда дверь нашей тюрьмы открылась и нас потребовали наверх. Постаравшись принять самый невозмутимый вид, какой был только возможен в нашем положении, мы повиновались и очутились на корме галеона с вооруженной пиками охраной, расположившейся позади нас, и с веселой компанией знатных «донов» перед нами. Испанский капитан тоже присутствовал здесь, но уже без лат, как мы увидели его впервые, а в костюме из темно-бордового бархата, с тяжелой золотой цепью на шее и с огромным пышным жабо, которое делало его похожим на надутого зобастого голубя, да еще и довольно противного к тому же.

В стороне от него стоял высокий человек с красивым лицом, слишком бледным для испанца, и весьма привлекательно выглядевший. Одет он был во все черное и не носил никаких украшений и в моем представлении значительно выигрывал по сравнению с капитаном «Сан-Фернандо», как назывался галеон.

Но когда я взглянул на человека, стоявшего по другую сторону от него, я почувствовал холодную дрожь, пробежавшую у меня по спине, хотя я и не мог понять, почему. Это был священник, высокий и сухопарый, одетый в длинную монашескую рясу, подвязанную вместо пояса обыкновенной веревкой. Черный капюшон прикрывал его голову, но не скрывал лица, которое наполняло меня беспричинным страхом.

Овальное по форме, темное и далеко не безобразное, оно словно излучало ужас своей худобой, голодным, алчным выражением и диким пылающим взглядом черных пронзительных глаз, чьи орбиты, казалось, стали вдруг для них слишком тесными, из-за чего они напоминали мне глаза рака на стебельках. Кожа так плотно обтягивала его лицо, что можно было предположить, будто она покрывает лишь кости черепа, мясо на которых давно сгнило.

Хоть я и ощущал произвольную дрожь, глядя на него, он завораживал меня, как змея завораживает птичку, и на его тонких губах появилась тень улыбки, когда он обернулся и посмотрел мне в лицо.

С большим трудом я заставил себя отвести от него взгляд, и тут словно мороз пробежал у меня по коже, потому что в группе людей, стоявших позади капитана, солдата в черном и священника, находился человек, которого я знал, человек с родимым пятном на щеке, человек, которого я видел в лесу между Эксетером и Плимутом.

Он меня пока не заметил, насколько я мог судить, так как он смеялся и говорил что-то толстяку, стоявшему рядом с ним, кивая в сторону сэра Джаспера, находившегося справа от меня. Я знал, что он должен вот-вот увидеть меня, и немало встревожился за свою судьбу и судьбу своих товарищей, предвидя последствия этого. Я прикрыл бы лицо руками, если бы они не были связаны; а так я должен был молча ждать, чувствуя, как сердце стучит о мои ребра, точно птица о прутья клетки.

Как я и опасался, он перевел взгляд с маленького рыцаря и остановил его на мне. Он внимательно всматривался, вытягивая шею, чтобы получше меня разглядеть, поскольку фигура священника немного ему мешала, и наконец, поджав губы и наморщив брови, коснулся рукой своего соседа и кивнул в мою сторону, шепча одновременно что-то ему на ухо. Толстяк взглянул на меня, и глаза его округлились от удивления; затем он что-то ответил моему врагу — ибо таковым я его считал, — и оба захохотали, правда украдкой, а мне стало ясно, что судьба моя решена.

Тем временем капитан галеона спросил, кто из нас говорит по-испански, и, когда сэр Джаспер ответил молчаливым поклоном, предложил ему рассказать нашу историю: откуда мы прибыли и куда направлялись.

Сэр Джаспер, вернув себе прежнее мужество и вновь став самим собой, поклялся, что не произнесет ни слова, пока ему не развяжут руки; поскольку никто не усмотрел в том какой-либо опасности, требование его было удовлетворено.

Достойный кавалер тут же отвязал с шеи пурпурный платок и использовал его с большим эффектом, к немалому удовольствию присутствовавших, кроме священника, который молча и неподвижно стоял, точно статуя, ничто не выдавало в нем живого существа, за исключением глаз, блуждавших по нашим лицам и, казалось, жадно пожиравших их, словно мы были для него желанной пищей. Прочистив нос, сэр Джаспер выступил вперед и произнес велико-

лепную и длинную речь, в которой, насколько я мог судить, было столько же лжи, сколько во мне тревоги и страха; в ней он представлял дело так, будто наша «Морская фея» являлась мирным торговым судном, и мы якобы потеряли большую часть команды из-за поразившей нас эпидемии. «Более того, — сказал он, — один из нас все еще страдает от этой болезни». И тут он указал на раненого матроса, который, неправильно истолковав его жест, обнажил плечо и показал всем нагноившуюся рубленую рану. Капитан «Сан-Фернандо» нахмурился и сказал что-то мужчине, стоявшему слева от него, тогда как на лице священника снова мелькнула и исчезла слабая тень усмешки.

После этого на палубу из трюма вынесли кое-какие вещи и оружие из трофеев, захваченных нами у испанцев, которые мы не успели выбросить за борт; все это было предъявлено сэру Джасперу, и он, вежливо улыбаясь, принялся излагать всякие небылицы о каждом из предметов, что, несомненно, свидетельствовало о чрезвычайно пылком его воображении, но никак не совпадало с историей, рассказанной им прежде. Я даже застонал про себя, когда заметил снова тень усмешки на лице священника.

Я в душе на чем свет стоит ругал сэра Джаспера за его безрассудство, поскольку, считая себя обреченным, я полагал, что он своим враньем сует в петлю и свою шею, и шеи моих товарищей, ибо на лицах священника и капитана «Сан-Фернандо» не было ни намека на жалость и милосердие.

Наконец сэр Джаспер закончил декламировать свои фантазии, отвесил низкий поклон и принялся с довольным видом невозмутимо подкручивать кончики своих усов, что он проделывал всегда, когда ему случалось выступить с речью, неважно, на какую тему или перед какой аудиторией.

— Итак, отец мой, — обратился капитан к священнику, — что вы скажете об этой любопытной истории?

— Ересь и ложь, — глухим, низким голосом ответил монах. — Господь направил этих людей в наши руки, и Святая Церковь займется их спасением. Но мне хотелось бы побеседовать с вами наедине, капитан.

— Очень хорошо, — согласился капитан. — И вас, дон Гомец, я попрошу проследовать за нами в каюту.

В ответ на это предложение монах недовольно поморщился, но промолчал, и капитан, отдав приказание стражникам, отвернулся, намереваясь уходить, но тут человек с родимым пятном вежливо тронул его за рукав, отвел немного в сторону и принялся что-то нашептывать на ухо.

— О-о, это уже выглядит весьма странно, — услышал я слова капитана, и он с любопытством посмотрел на меня, прежде чем солдаты сомкнулись вокруг нас и отвели обратно в трюм; вот когда я пожалел, что не тому проломил голову в том памятный день на дороге в Плимут.

— Итак, — сказал сэр Джаспер, когда дверь нашей тюрьмы за нами хлопнулась, — дела у нас, кажется, складываются неважно.

— Во многом благодаря вам, сэра, — холодно заметил я.

— Что ты имеешь в виду? — быстро спросил он.

— Вы забыли, что я знаю латынь, и поэтому понимаю немного по-испански, — ответил я. — Меня просто удивляет, какую несусветную чушь вы наплели этим «донам»!

— Мастер Клефан, ты прав, — покорно согласился он, — и я приношу свои извинения; но я решил именно таким образом показать этим мерзавцам, что мы их ни капельки не боимся!

— Как? — воскликнули мы в один голос.

— А вот так, друзья мои: я подслушал кое-какие их разговоры между собой и, зная язык немного лучше, чем мой юный друг, только что так справедливо упрекнувший меня, понял одно: нас всех собираются казнить, причем каким-то странным способом, суть которого я, сколько ни прислушивался, так и не уяснил; по крайней мере, хоть не повесят, и за то спасибо! Знаете, я сочинил пару куплетов, сам того не желая; моя муза, оказывается, в прекрасной форме, жаль только, что скоро ей придет конец!

Он продолжал болтать, то и дело прочищая нос и посмеиваясь чему-то про себя, тогда как остальные сидели в молчании, охваченные ужасом, пытаясь отыскать путь к спасению, — по крайней мере, такова была моя реакция на сообщение сэра Джаспера, ибо мне очень не нравилась внешность капитана «Сан-Фернандо», а тем более священника.

— Боже, спаси нас всех! — пробормотал наконец мастер Трелони.

— Боюсь, только Он может это сделать, — сказал сэр Джаспер, — а что касается твоего последнего слова, то оно и вовсе лишнее, так как, по моему мнению, мы или все спасемся, или все отправимся в рай, поскольку эти испанские дьяволы не признают полумер!

— Мастер Роджерс, сэр, — спросил один из матросов, — не можете ли вы сказать, каким способом нас убьют, если это случится?

— Не знаю, парень, не знаю; но боюсь, священник приложил к этому руку.

— Тогда да смилуется над нами Господь, — сказал моряк, — потому что мой брат погиб от их рук в Испании, а одному из тех, кто сидел с ним в тюрьме, удалось бежать, и — о Джим, бедный Джим!

Рыдания, вырвавшиеся из его груди, прервали фразу, но нам нетрудно было домыслить все остальное: ведь в те дни именем Святой Инквизиции пугали капризных детей и у многих сильных мужчин при этом имени мороз пробирал по коже.

Долгое время мы сидели молча, каждый погруженный в собственные мысли, и тогда сэр Джаспер, который ни при каких обстоятельствах не в состоянии был удержать язык за зубами, неожиданно хрипло засмеялся.

— Печальная у нас компания, джентльмены, — сказал он. — Клянусь честью, мы еще не покойники и, слава Богу, нам не заткнули рты; так что же мешает нам грянуть веселую песню и показать этим испанцам, что мы муж-

чины, да к тому же англичане! Прошу прощения, мастер Клефан, — добавил он, низко поклонившись мне при свете тусклого фонаря, раскачивавшегося на продволке; затем довольно мелодичным голосом громко затянул:

— Скажи мне, приятель, и дай ответ:
в чем сила британца, открой мне секрет?
— В любви беспредельной к лесам и лугам
и к Англии милой родным берегам!

Мы все хором подхватили так, что задрожали переборки нашей тюрьмы:

— В любви беспредельной к лесам и лугам
и к Англии милой родным берегам!

Сэр Джаспер продолжал:

— Скажи мне, приятель, и дай мне ответ:
в чем вера британца, открой мне секрет?
— А верит он в Бога, в свой меч, в свой закон,
и в друга надежного верует он!
— Скажи мне, приятель, и дай мне ответ:
кто враг у британца, открой мне секрет?
— Шотландец, француз и турецкий ага,
но нету испанца коварней врага!

— Мы просим у вас прощения за этот куплет, мастер Клефан!

— Пустяки! — возразил я. — В нем очень просто заменить, например, британца на шотландца, а шотландца, скажем, на католика — и тогда все будет в порядке!

— Отличный ответ, клянусь честью! — засмеялся сэр Джаспер. — Но хор у нас, ребята, получился отменный: он заставит расшевелиться это унылое преподобие, монаха, тощего, как сушеная треска!

— Теперь напоследок, приятель, ответь за что же британец готов умереть?

— Готов он за честь, за Отчизну свою и за королеву погибнуть в бою!

— Веселее, джентльмены, больше жизни! — кричал сэр Джаспер, и хор нестройно, конечно, но зато от души и так громогласно, как только позволяли здоровенные легкие и крепкие глотки, — снова подхватил:

— Готов он за честь, за Отчизну свою
И за королеву погибнуть в бою!

Не успели мы закончить, как дверь распахнулась, и на пороге появился испанский капитан в сопровождении джентльмена в черном.

— Вы слишком шумите, сердито сказал капитан, обращаясь к сэру Джасперу

— Клянусь честью, и я того же мнения! — возразил маленький кавалер.

— Позвольте мне посоветовать вам, сеньор, приступить лучше к молитвам!

— Согласен с вами, сеньор капитан: к молитвам и славословию; только, если позволите, в обратном порядке: сначала воспоем славу, а потом уж займемся и молитвами!

— Английская собака! — процедил сквозь зубы испанский капитан, но высокий мужчина на в черном остановил его.

— Они мужественные люди, — сказал он. — Клянусь Пречистой Девой, хотел бы я иметь хотя бы тысячу таких в моем походе на Гвиану: и заметьте, капитан Гамбоа, я возражаю против намерений поступить с ними так, как собираетесь вы и отец Мигель. Это постыдно и бесчеловечно!

— В таком случае выразите свой протест святому отцу и послушайте, что он вам скажет, дон Гомец, — грубо ответил капитан, скривив в неприятной усмешке свои тонкие губы. — Или вы предпочтете, чтобы я это сделал за вас?

— Нет-нет, — поспешно возразил мужчина в черном, заметно побледнев, и я с первого взгляда понял, какой смертельный страх испытывает он к тощему монаху с лицом, похожим на череп, и с пронизательными черными глазами, пылающими точно угли.

— Запомните, — сказал капитан Гамбоа, — если вы не прекратите шуметь, я прикажу залить вашу клетку водой и утоплю всех певчих птиц, посмевших чирикать на моем судне без позволения!

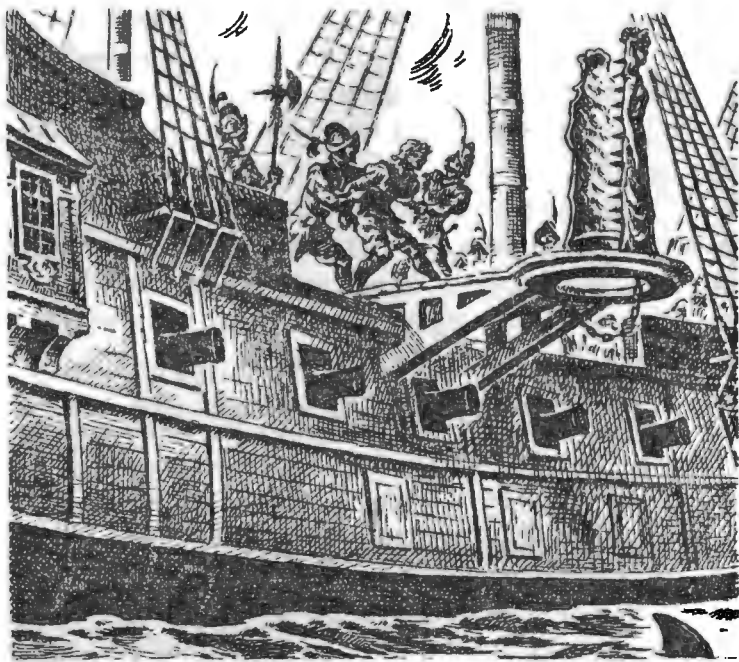
— Надеюсь, вода не будет так дурно пахнуть, как все на вашем судне? — крикнул ему вдогонку сэр Джаспер, когда дверь за обоими захлопнулась.

— Несчастный человек, — добавил он по-английски. — Он ничего не смыслит в музыке! Что ж, так оно и должно быть: судя по его лицу, лучшая мелодия для него — визг тупой пилы, вгрызающейся в дубовый пенёк! А по мне, так хорошая история ничуть не хуже веселого куплета; вот послушайте-ка одну для разнообразия!

Он всячески пытался приободрить нас, наш вечно не унывающий сэр Джаспер, отвлекая от печальных мыслей о страшной участи, ожидающей пленников испанской инквизиции, ибо у нас не было ни малейшей надежды на спасение.

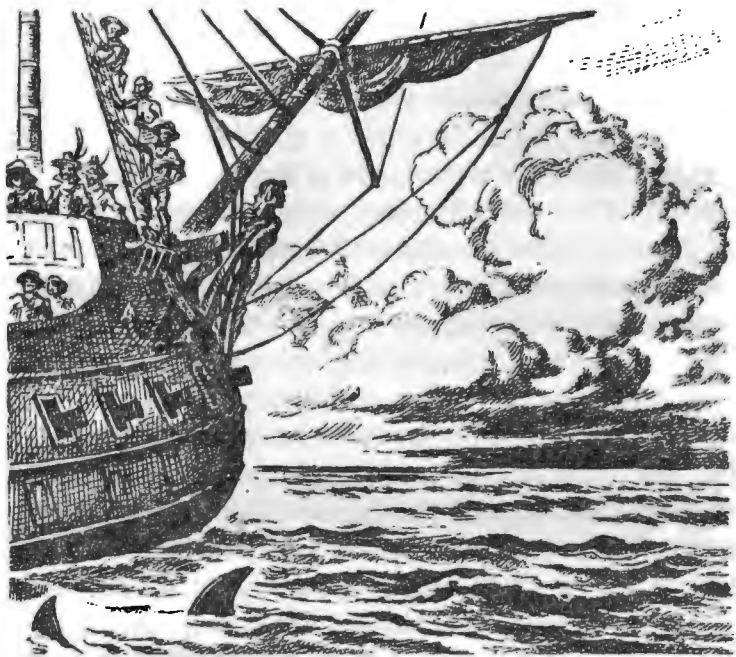
Так мы провели два долгих дня в полутемной, грязной и зловонной дыре, пытаюсь изо

всех сил сохранить бодрость духа и крепость тела, питаясь скудной пищей, которую наш тюремщик приносил нам дважды в день. Всякий раз, когда он открывал дверь в нашу темницу, с палубы до нас доносились стук молотков, топот ног, скрип и громыхание каких-то тяжелых предметов, перетаскиваемых с места на место, но, когда мы спрашивали у него о значении всего этого, он только гнусно хихикал и предлагал потерпеть, поскольку вскоре мы и без него все узнаем.

Утром на третий день после гибели «Морской феи», едва успев покончить с завтраком, состоявшим из кружки воды и черствого сухаря, мы услышали у двери своей тюрьмы шум

шагов, бряцание оружия и скрежет отпираемых замков. Дверь распахнулась, и нам было приказано выходить по одному, причем каждому тут же стягивали тонким льняком локти за спиной, оставляя кисти рук свободными. Отряд солдат, вооруженных алебардами, ожидал окончания этой процедуры, после чего нас вывели на палубу; на лицах наших конвоиров я заметил угрюмое и замкнутое выражение как у людей, находящихся не в ладу со своей совестью, и опять с тревогой и любопытством подумал о том, каким же способом нас собираются казнить.

Наконец мы поднялись на высокий полуют, и копейщики, выстроив нас в шеренгу, перед

собой, сомкнулись позади в полукольцо; перед нами стояли только капитан Гамбоа, католический священник и «меченый» с родимым пятном на лице. Однако я смотрел не на них; взгляд мой был прикован к удивительному сооружению, настолько странному, что я в первую минуту не поверил собственным глазам.

С левого борта часть высокого бульварка была разобрана, и на уровне палубы над водой выступала прочная дощатая платформа, на конце которой стояла высокая, в полтора человеческих роста, фигура женщины — женщины без рук и без ног, женщины, выкованной из стали!

Лицо ее было отлито весьма искусно, так что она, казалось, улыбалась нам, но эта улыбка сразу напомнила мне ту, которую я видел на лице монаха, когда он слушал болтовню сэра Джаспера, и ледяная дрожь вновь пробежала у меня по спине. Венчик, вырезанный из дерева и выкрашенный в бледно-голубой цвет, был надет на голову странной фигуры, а шею украшало двойное кольцо из полированной стали, тогда как у ее подножья находилась полукруглая металлическая площадка, достаточная, чтобы на ней поместился человек, стоящий вплотную к фигуре. Вниз с платформы свисал прочный смоленый канат; конец его исчезал за бортом, оставаясь вне поля моего зрения.

Все это было настолько удивительно и непонятно, что я растерянно оглянулся вокруг в поисках объяснения столь странному феномену, но ничего не увидел, кроме маленькой группы англичан, связанных и беспомощных, сбившихся в кучу, словно овцы в загоне. Немного

поодаль стояли капитан Гамбоа, монах и испанец, устроивший засаду на сэра Фрэнсиса под Плимутом, взгляды наши встретились, и он злорадно усмехнулся

Позади в по сторонам от меня выстроилась шеренга солдат, все в одинаковых кожаных колетах и стальных шлемах, с алебардами в руках, а над их головами возвышались тонкие, суживающиеся кверху мачты огромного галеона, опутанные сплошной паутиной снастей и канатов, и повсюду — на реях, на вантах, на смотровых площадках мачт — наподобие стаи птиц на ветках деревьев чернели многочисленные фигуры солдат в матросов, с нетерпением глазевших на нас, словно в ожидании какого-то диковинного спектакля; сколько я ни вглядывался, я не заметил среди них ни дона Гомеца, ни многих других из тех, кого видел прежде.

«Конечно, — подумал я, — ни одному смертному не приходилось до сих пор наблюдать такое необычное зрелище!» Однако некий внутренний голос подсказывал мне, что самое необычное ожидает нас еще впереди.

Взглянув опять на железную статую, я заметил далеко за ней, на горизонте, какое-то белое пятнышко, которое я принял было за парус, но потом, присмотревшись, понял, что это было всего лишь белое оперение морской птицы, сверкнувшее на солнце. Впрочем, были ли то птица или корабль, на помощь ни от кого мы все равно не могли рассчитывать, и я перевел взгляд на сэра Джаспера, с комичным выражением рассматривавшего странную фигуру, шуточно подталкивая мастера Трелони плечом под

ребра. Я едва сумел удержаться от смеха, пока не взглянул на лицо последнего, и тут мне уже стало не до веселья. Я вспомнил, что, прежде чем покинуть нашу тюрьму, он беседовал с братом человека, ставшего жертвой дьявольских пыток в секретных застенках Святой Инквизиции. Я отыскал глазами лицо того матроса, и то, что я прочел на нем, встревожило меня еще больше; но тут по знаку священника «меченый», с родимым пятном на физиономии, выступил вперед и начал речь.

— Слушайте, вы, английские собаки! — закричал он. — Здесь стоит Железная Девственница или, если хотите, наша Милосердная Дева, заступница истинной веры! Она спасает заблудшие души от ереси, питаясь грешными телами вероотступников, и аппетит у нее отменный! Она в своей всеблагости милости готова неустанно защищать нашу Святую Церковь, уничтожая проклятых еретиков днем и ночью! Она уже проголодалась и готова к трапезе! Глядите!

С этими словами он позвонил в судовой колокол, висевший рядом с кормовым фонарем, и со стороны платформы до нас донесся какой-то странный звук, напомнивший мне злобное глухое ворчание хищного зверя. Канат под платформой дернулся и пошел вверх, наматываясь, очевидно, на потаенный ворот, скрытый где-то под палубой. По всему переднему фасаду фигуры прошла зигзагообразная трещина, словно статуя лопнула сверху донизу. Щель постепенно расширялась, пока я не сообразил наконец, что фигура внутри пустая и состоит из двух половинок, края которых, словно паль-

цы сцепленных вместе ладоней, заходят друг за друга и которые сейчас раскрываются. Более того, мне стало понятно и странное предназначение этого дьявольского изобретения, когда обе створки раскрылись полностью и я увидел на внутренней поверхности их ряды длинных и острых стальных шипов, расположенных на уровне груди и живота человека. Под основанием статуи в платформе зияла дыра, и сквозь нее виднелись морские волны; теперь стало видно и то, что к концу тянувшегося вверх каната подвешен массивный чугунный якорь.

— Итак, Железная Дева готова к трапезе, вы, бешеные английские псы, решившие, будто можете безнаказанно смеяться над Святой Церковью и хозяйничать в странах, не принадлежащих вам! — продолжал кричать испанец с родимым пятном, когда глухой монотонный рокот под платформой затих и якорь, перестав подниматься, повис, раскачиваясь, у подножья статуи. — Она проголодалась, разве вы не видите? Смотрите, какие крепкие и острые у нее зубы! Она проголодалась, говорю вам, и голод ее не будет утолен, пока на земле останется хоть один еретик!

Негодяй к этому времени вошел в раж, доводя себя до бешенства: родимое пятно его стало тускло-багровым, на губах выступила пена, а жестокое лицо его приобрело дьявольски-зловещее выражение.

— Она думала, бедняжка, — продолжал он, — что ей придется утолять голод лишь жалкими язычниками-индейцами, но вот, по

милости Неба и нашего святейшего папы, к нам в руки попала достойная ее пища, а она голодна, говорю я вам!

А теперь, — воскликнул он, — смотрите, как изящно кушает наша Дама, как изысканны ее манеры! — с этими словами он выхватил пику из рук стоявшего рядом солдата и осторожно прикоснулся ее древком к полукруглой железной площадке у ног статуи. Послышался громкий утробный звук, похожий на довольное урчание сытого хищника, под аккомпанемент которого тяжелый якорь рухнул вниз, а створки статуи, до сих пор стоявшие раскрытыми по обе стороны железной площадки, словно когтистые лапы, ежесекундно готовые схватить свою жертву, мгновенно сомкнулись, тесно прижавшись к корпусу фигуры, так что даже щели между ними невозможно было заметить; снизу донесся всплеск, когда якорь погрузился в воду, статуя вздрогнула, точно в экстатической судороге, и все затихло.

— Просто, не правда ли? — с плотоядной усмешкой спросил «меченый». — Но заметьте: какая элегантность! Пережеванная пища — хорошо пережеванная пища! — выбрасывается прямо вниз, где водятся другие голодные существа с острыми зубами, хоть и не столь прекрасные, как наша Дева Милосердия, и, если она не съест до конца свой обед, чего с ней до сих пор никогда еще не случалось, они успешно и быстро закончат его за нее там, в воде, под платформой. Наша Дама изготовлена по образу и подобию Нюрнбергской Девы, — добавил он, — и тебе будет особенно приятно узнать, — указал

он на меня, — что именно я внес в ее конструкцию необходимые поправки и дополнения, доведя ее до совершенства! И теперь я буду отмщен, ибо Железная Дева примет тебя в свои смертельные объятия последним из всех остальных!

Он сделал паузу и громко провозгласил по-испански:

— А теперь — храни Бог короля Испании и всех твердых в вере людей, и да будет проклят каждый еретик, и пусть он пылает в адском огне во веки веков!

— Аминь! — торжественно сказал монах, и я услышал, как солдаты позади меня набрали в легкие воздуха и затаили дыхание от смешанных чувств облегчения и ужаса. Мы, пленные, тупо посмотрели друг на друга, с трудом соображая, что нас ждет в недалеком будущем, и тут мой знакомый испанец заговорил снова.

— Слушайте! — закричал он. — Тот, кто не преклонит колени перед Железной Девой, погибнет в ее чреве, но тот, кто признает владычество священного папского престола и вернется в лоно истинной Церкви, будет спасен!

С этими словами он вновь зазвонил в судовой колокол, и вместе с тархтением чудовищного механизма Железной Девы до нас откуда-то со шканцев донеслось мрачное и унылое пение заубойной молитвы, заморозившее кровь в наших жилах. Четверо солдат вывели вперед сэра Джаспера и приготовились толкнуть его на роковую железную пластину перед статуей, которая опять раскрыла свои объятия в ожидании первой жертвы. Однако маленький

рыцарь не собирался отправляться на тот свет, не произнеся предсмертной речи. Он вежливо поклонился капитану Гамбоа и монаху, предупредил их о неотвратимом мщении со стороны королевы Бесс и затянул длинную тарабарщину на испанском языке, выражая свое восхищение красотой и достоинствами Железной Девы и даже высказав несколько остроумных шуточных замечаний относительно ее характера и вкусов; но в живых черных глазах его неизменно сохранялся лукавый блеск, заставивший меня заподозрить наличие какого-то хитрого плана, родившегося в его изобретательной голове. В конце концов он в весьма изысканной манере поблагодарил своих палачей за то, что те милостиво избавили его от ужасной смерти через повешение, чего он, по его словам, страшился более всего, заменив более легкой и необычной смертью в объятиях Железной Девы; затем, склонив голову и выдержав короткую паузу, он поднял на нас глаза и ободряюще кивнул нам.

— Джентльмены, — сказал он, — если кому-нибудь из вас удастся ускользнуть из лап этих злодеев, прошу вас передать мою глубокую преданность и почтение Ее Величеству, которая, несомненно, будет рада получить весточку от меня, ведь она частенько говорила... Впрочем, об этом сейчас не время и не место распространяться. И еще прошу вас напомнить обо мне леди Кэмберден и ее друзьям, а также Сьюзен Роттерли из таверны под вывеской «Кабанья голова», что на полдороге между лондонским Сити и Темпл-Баром. И еще за мной оста-

лось несколько неоплаченных долгов — так, пустяки, ничего особенного, — но если бы вы...

Как долго он разглагольствовал бы таким образом, я не знаю, так как по приказу капитана Гамбоа его отвели в сторону и предупредили, что смерть в объятиях Железной Девы ему заменена казнью через повешение, когда со всеми нами будет покончено. Сэр Джаспер выразил бурный протест и принял удрученный и озабоченный вид, а я не переставал удивляться хитрости и находчивости этого человека, поскольку еще накануне он сообщил мне, что казнь через повешение — самый быстрый и безболезненный способ лишить человека жизни, о чем он узнал от нескольких своих веселых собутыльников, занимавшихся разбоем на больших дорогах, которые на собственной шее испытали — правда, всего лишь наполовину, — воздействие пеньковой петли, обычного в те времена наказания для грабителей.

Следующим на очереди был мастер Роджерс; его поставили у начала платформы, там, где она соединялась с палубой, и предложили поклониться железному идолу. Он не обратил внимания на это требование, но, выпрямившись во весь свой рост и развернув широкие плечи, обратился к нам:

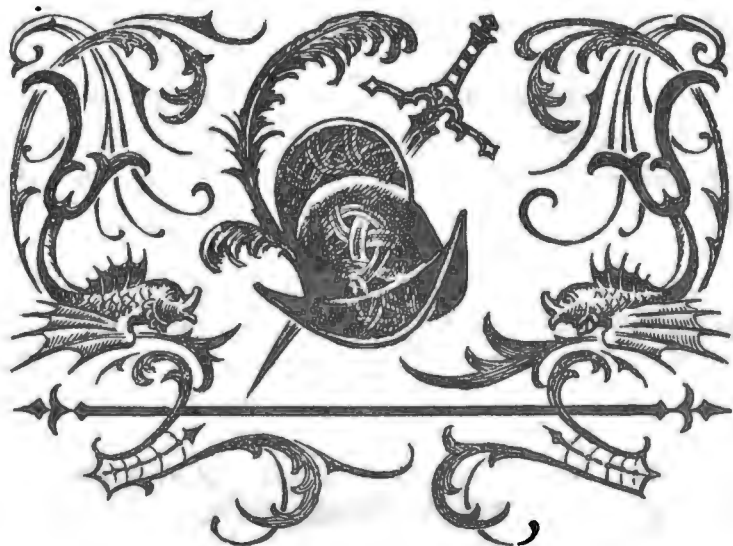
— Джентльмены и товарищи, прощайте! Ребята, берите пример с вашего капитана, но, если кто-нибудь из вас спасется, пусть он отыщет на Гаванской улице в Плимуте девицу Розу Трегартен из Корнуолла и расскажет ей, как я умер и о ком я думал перед своей кончиной...

Голос его перехватило спазмой, но тут опять раздалось тягучее заунывное пение, и солдаты с алебардами сомкнулись вокруг нашего славного капитана; я не видел его из-за своего невысокого роста, но знал, что его втокнули на роковую железную пластину, игравшую роль спускового крючка всего этого дьявольского механизма, потому что снова послышался рокот вращающихся колес, шум рухнувшего в воду якоря, и все замолкло.

Я не слышал ни крика, ни стона, но когда я вновь взглянул на железного идола, то увидел, что створки его опять открываются; мгновение спустя до меня донесся плеск упавшего в воду тела, и меченый негодяй с родимым пятном на лице перегнулся вниз с платформы и громко сказал по-английски:

— Клянусь святым Антонием, трое из них уже здесь, а вон и четвертая приближается!

Я вздрогнул и закрыл глаза, ибо вспомнил испуг купальщиков с «Морской феи», когда они заметили острый треугольный плавник в заливе у побережья Санто-Доминго.

ГЛАВА 19

О разорванных путях, о перевернутой лодке и о прибытии «Золотого дракона»

И вновь зазвучала заупокойная молитва, и, когда солдаты расступились, я снова увидел распахнутые створки железной статуи, но теперь все острые стальные шипы ее были окрашены в ярко-алый цвет и тонкие струйки крови стекали с них на выскобленные добела доски платформы. Это было жуткое зрелище, но страх почему-то полностью покинул меня, уступив место яростной злобе и ненависти. И тем не менее, взглянув на лицо монаха, я мог бы поклясться, что ему нравится вся эта кошмарная картина не более, чем мне; я подумал, что он просто фанатик, убежденный в необходимо-

сти творить зло во имя победы над ересью ради утверждения высших догматов своей веры; но что касается капитана Гамбоа и испанца с родимым пятном, то они просто упивались ею, о чем свидетельствовало выражение их лиц, и мне страстно захотелось хоть на мгновение стиснуть пальцы у них на горле.

Настал черед мастера Трелони, и бедняга поистине мужественно встретил свою судьбу.

Наконец никого больше не осталось, кроме каютного юнга и меня; к этому времени вся платформа вокруг подножия статуи была красной и скользкой от крови, а снизу доносились всплески могучих хвостов морских чудовищ, сражавшихся за свою добычу. Мальчик-юнга упал в обморок на палубе, и я подумал, что эти бесчеловечные изверги могли бы помиловать хоть его, так как он не в состоянии был поклониться Железной Деве, даже если бы и захотел. Призвав на помощь все мои знания латыни, я попытался заступиться за мальчика, но получил сильный удар древком алебарды по зубам; зазвучала погребальная молитва, тело мальчика было поднято и без всяких церемоний брошено за борт. Я возблагодарил Господа за то, что бедняга был без сознания, и приготовился к собственной кончине. Словно вспышка молнии, в моем сознании промелькнули воспоминания о де Кьюзаке, о госпоже Марджори, о коричневой шкатулке, об убийстве де Папильона. Я вновь увидел перед собой пиратскую галеру и Фила Бартлоу, постукивающего каблуками по ее палубе. Я почувствовал петлю, затягивающуюся у меня на шее, как тогда,

на рыночной площади Портсмута, и вспомнил жаркую схватку на дороге в Плимут. Я подумал о моем добром друге Саймоне Гризейле и почувствовал радость оттого, что его нет здесь, среди нас, приговоренных к смерти; и тут зазвучало заунывное пение, и я понял, что час мой настал. Я поднял глаза и невольно вздрогнул от неожиданности: белое пятнышко на горизонте, которое я принял за крыло чайки, в конце концов и впрямь оказалось кораблем, приближавшимся к нам с каждой минутой. Надежда забрезжила во мне, потому что путы, стягивавшие за спиной мои локти, были непрочными, а ярость придавала мне силы безумца.

— Мужайтесь, мастер Клефан, и прощайте, — печально напутствовал меня сэра Джаспер, когда створки статуи раскрылись передо мной.

— Как бы не так! — твердо возразил я и, решительно шагнув вперед, опустился на колени на залитые кровью моих товарищей доски помоста. Позади послышались изумленные голоса, и до моего слуха донеслось глухое проклятие сэра Джаспера. Монах встал передо мной и благословляющим жестом высоко поднял массивный крест, возведя глаза к небу; я еще ниже опустил голову, сцепив зубы и моля Господа придать мне силы. До предела напряжив мышцы рук, я резко выгнул спину, чувствуя, что все мои сухожилия готовы вот-вот разорваться. От напряжения кровь прилила к моей голове и в глазах поплыли темные круги; тонкий линек врезался в тело, вызывая нестерпимую боль, но тут раздался легкий треск, веревка лопнула, не

устояв перед натиском, и я был свободен. С торжествующим возгласом я вскочил на ноги, угодив головой прямо в живот монаху; тот от неожиданности взмахнул руками, поскользнулся и, чтобы сохранить равновесие, сделал шаг назад. Послышался короткий вопль, заглушенный ворчанием механизма, приводившего в действие створки Железной Девы, доски помоста затряслись, но я уже не замечал ничего. Я развернулся и молча прыгнул на ближайшего ко мне солдата; лицо несчастного буквально провалилось под ударом моего кулака, и я выхватил пику из его ослабевших пальцев прежде, чем он растянулся во весь рост на палубе. Не мешкая я бросился на шеренгу опешивших алебардистов, но те прыснули от меня в разные стороны, точно кучка испуганных овец. Больше для забавы, чем по необходимости, я спшиб одного из них, пересек полуют и спрыгнул вниз, на палубу. Двое матросов попытались остановить меня, но одного я свалил ударом кулака, а другого схватил за грудки и грохнул о мачту с такой силой, что услышал, как треснул его череп, и он свалился на палубу безжизненной грудой.

Никто не решался больше трогать меня, считая, что я сошел с ума; впрочем, они были не так уж далеки от истины, и я невредимым добрался до фордека и вскочил на бульварк. Обернувшись в сторону кормы, я заметил черную фигуру, выпавшую вниз с платформы, — фигуру, одетую в длинную черную сутану, изорванную во многих местах, сквозь дыры в которой виднелось окровавленное тело; фигура на

мгновение мелькнула в воздухе и исчезла в волнах, вспененных хвостами гигантских прожорливых акул. Это был отец Мигель, монах, по неосторожности занявший мое место в утробе Железной Девы и встретивший там кончину, предназначавшуюся мне.

Я был настолько поражен увиденным, что взмахнул руками и громко вскрикнул, но тут раздался мушкетный выстрел, и я почувствовал жгучую боль в левом предплечье, словно меня ударили раскаленным докрасна железным прутком; потеряв от толчка равновесие, я свалился за борт и погрузился в морскую пучину.

Я был не настолько глуп, чтобы тут же вынырнуть на поверхность; проплыв под водой как можно дольше, насколько хватило воздуха в легких, я осторожно всплыл и огляделся, отфыркиваясь и моргая от соленой морской воды, заливавшей мне лицо. Но как только голова моя показалась над волнами, с борта галереона затрещали мушкетные выстрелы, и пули подняли вокруг меня фонтанчики брызг, хоть ни одна из них в меня не попала; я снова нырнул и выплыл еще дальше, и так продолжалось до тех пор, пока я не очутился вне пределов досягаемости мушкетного огня. Тем не менее, хотя пули теперь были мне не страшны, я не чувствовал себя в безопасности, сожалея о том, что у тощего монаха слишком мало мяса на костях, чтобы подольше удержать голодных акул, так как мысли о них вызывали во всем моем теле неприятный озноб, проникавший до мозга костей, и я каждое мгновение ждал, что оно будет последним. Раненое предплечье бо-

лело, и из него обильно сочилась кровь, но море было спокойным, и я сумел, оторвав подол от рубахи, с помощью зубов туго перевязать рану и кое-как остановить кровотечение. Утомившись после этой далеко не простой манипуляции, во время которой мне пришлось изрядно наглотаться морской воды, я лег на спину, решив отдохнуть, и увидел, что с галеона спускают лодку. Что-то у них там не ладилось, так как она постоянно дергалась на таях, ныряя вниз то носом, то кормой и сильно колотясь о борт судна. В конце концов ее удалось спустить на воду; четверо мужчин прыгнули в нее и принялись грести в мою сторону, тогда как на галеоне подняли фок и бом-кливер, чтобы вывести судно из дрейфа. Я как можно выше высунулся из воды и уловил мелькнувшие в отдалении белые полотнища парусов незнакомого корабля. С галеона тоже заметили его, и мне оставалось лишь надеяться, что это английское судно и там заинтересуются причиной необычной мушкетной пальбы на палубе испанца. Я снова лег на спину и постарался собрать воедино все свои силы для встречи с приближающимся яликом.

Вскоре я, к своему великому облегчению и радости, обнаружил, что дураки не взяли с собой мушкетов; двое сидели на веслах, один на руле, а четвертый, чернобородый коренастый тип с пикой в руке, стоял на носу, громким голосом подавая команды гребцам.

Тот, кто сидел на корме, перегнулся через борт, чтобы не потерять меня из виду. Я был готов к встрече с ними, хоть и не чувствовал

особой разницы между этими бандитами и акулами; во всяком случае и те и другие были предпочтительнее кошмарных объятий Железной Девы, и я уже в который раз поздравил себя с тем, что с детства привык к морской воде как к родной стихии, благодаря чему у меня был хоть и незначительный, но все-таки шанс попытаться одурачить как хищных рыб, так и не менее хищных клевретов Святой Инквизиции. Я лежал на спине неподвижно до тех пор, пока они не приблизились ко мне вплотную, после чего медленно перевернулся и неуклюже взмахнул руками, притворяясь тяжелораненым. Чернобородый мужчина наклонился, намереваясь схватить меня за ворот, но я сделал вид, будто выбился из сил, и ушел под воду. Чернобородый закричал, перегнулся через борт плоскодонки, и, хоть мне не видно было остальных, я знал, что те поступили точно так же. В одно мгновение я собрался, сильно оттолкнулся ногами и всплыл на поверхность, ухватившись за планшир лодки и повиснув на ней всей своей тяжестью. Ялик качнулся, и испанцы в испуге повскакивали с мест, не пытаясь даже напасть на меня, но стараясь сохранить равновесие. Мне оставалось лишь сильно дернуть лодку на себя, чтобы она резко накренилась и с громким плеском перевернулась; испанцы попадали с нее в воду, а я тем временем нырнул и выплыл с противоположной стороны.

Все произошло так быстро, что ялик не успел зачерпнуть воды и плавал кверху дном, в чем я увидел уже вполне реальный шанс на спасение; подплыв к лодке с кормы, я со всеми предосто-

рожностями вскарабкался на нее, хоть раненое плечо и причиняло мне мучительную боль, и через две минуты после катастрофы уже восседал верхом на ее плоском днище.

Я огляделся по сторонам в поисках злополучных «донов» и увидел лишь троих, поскольку один, по всей видимости, утонул. Ближе всех ко мне находился чернобородый, который так и не расстался со своей пикой, а держал ее под мышкой, подплывая к лодке с кормы. Другой подплывал со стороны носа, и я с трудом удержался от радостного возгласа, когда узнал в нем не только человека, сидевшего за рулем плоскодонки, но того самого негодяя, кто руководил пытками, кто издевался над нами с платформы, кто смеялся над нашими мучениями, — моего старого знакомого, «меченого» бандита с родимым пятном на лице.

Дальше всех находился один из гребцов, а еще дальше я хоть и с дрожью, но одновременно и с чувством некоторого облегчения увидел острый черный спинной плавник акулы, причем заметил, что движется он в нашу сторону. Чернобородый с пикой доплыл наконец до лодки, но, очевидно, совершенно потеряв рассудок, попытался подцепить меня своим копьём; разумеется, я без всяких хлопот выдернул пику у него из рук и, повернув ее другим концом, приготовился проколоть наглеца. Тот с проклятием оттолкнулся от лодки, но внезапно лицо его застыло, словно на него надели маску смертельного ужаса, а из груди наиболее отдаленного от меня пловца вырвался отчаянный вопль. Я видел, как он чуть ли не наполовину

выскочил из воды, взмахнув руками, но затем его крик прервался и он исчез. Чернобородый в страхе завопил, и лицо его оживилось. Он неспешно подплыл к корме лодки и начал торопливо взбираться на нее, но я, хоть и сидел лицом к носу, обернулся и тупым концом пики решительно столкнул его назад в воду. Сначала он сыпал проклятиями и ругался, но затем замолк и молча пытался залезть на лодку, яростно колотя по воде руками и ногами, надеясь таким способом отогнать акул. На мгновение мне даже показалось, что ему удастся спастись, поскольку акулы нигде поблизости не было видно, а «меченый» негодяй с родимым пятном на лице уже карабкался на нос лодки с ножом в руке, но судьба распорядилась иначе.

Неожиданно я заметил два треугольных плавника, медленно приближавшихся к нам с обеих сторон, и затем, словно учуяв запах добычи, молнией метнувшись в сторону перевернутой лодки. Чернобородый, обернувшись через плечо, еще отчаяннее заколотил по воде, и в глубине души мне даже стало жаль его, настолько страх исказил его черты, но я ничем не мог ему помочь, поскольку должен был неотрывно следить за бандитом, подкрадывавшимся — или, вернее, подползавшим — ко мне со стороны носа.

Странное зрелище представляли бы мы для стороннего наблюдателя. Как только обреченный человек за кормой ослаблял судорожные барахтанья и конвульсии, обе акулы подплывали поближе, кружа вокруг несчастного, словно часовые на посту, пока я не стал наконец разли-

чать темные тени их огромных тел сквозь прозрачную голубую воду; с противоположной стороны ко мне упорно, дюйм за дюймом, приближался вооруженный ножом бандит. Я вынужден был балансировать на скользком покато дне перевернутой лодки, отчаянно пытаюсь сохранить ее неустойчивое равновесие, поскольку всякий раз, когда чернобородый пловец хватался руками за корму, ялик опасно раскачивался, грозя зачерпнуть воды и пойти на дно. При мысли о последствиях подобного исхода у меня на голове волосы вставали дыбом, и я старался не смотреть в широко раскрытые, умоляющие глаза чернобородого, изо всех сил колотя древком пики по его окровавленным, покрытым ссадинами пальцам, судорожно цеплявшимся за свою последнюю надежду. Наконец он окончательно выбился из сил, руки и ноги замедлили свое движение, и на лице его появилось выражение тупой безысходности; затем вода вокруг несчастного внезапно забурлила и вспенилась крутым водоворотом, крик, не успев родиться, замер у него в горле, мелькнуло в глубине белое брюхо акулы, послышался плеск, сопровождавшийся жуткой борьбой, вода приобрела рыжеватый оттенок, а многочисленные пузырьки воздуха, поднимавшиеся с глубины, окрасились в красный цвет. Я остался один на один с бандитом на носу лодки.

Сцепив зубы и крепко стиснув в руках древко пики, я приготовился к встрече, твердо решив закончить дело как можно быстрее и, по возможности, ближе к центру лодки; но прежде всего я оглянулся вокруг и увидел прибли-

жающийся ко мне галеон, а в отдалении большой трехмачтовый корабль, идущий на всех парусах, подгоняемый попутным бризом. Я решил, что с «Сан-Фернандо» не стреляют по мне, боясь зацепить человека, сидящего вместе со мной на днище перевернутой лодки, и в голове у меня созрел план, как и в дальнейшем удерживать их от стрельбы, по крайней мере на время.

Как только «меченый» увидел, что я обернулся к нему лицом, он весь побледнел, и желтая кожа его приобрела болезненно-зеленоватый оттенок; он попытался отползти назад, но я двигался быстрее и вскоре очутился от него на расстоянии длины моей пики.

— Пес, — процедил я сквозь стиснутые зубы, — проклятый пес! Наконец-то я до тебя добрался, и сейчас ты умрешь!

Я мог бы и дальше продолжать издеваться над ним подобным же образом, наслаждаясь его испугом и растерянностью, но тут в его глазах мелькнуло нечто, заставившее меня резко пригнуться, и вовремя: я едва увернулся от ножа, который он метнул в меня, и только внезапный нырок лодки, вызванный моим неосторожным движением, заставил его промахнуться. Я понял, что мешкать не следует, ибо бандит готов потащить и меня за собой на тот свет; поэтому я выпрямился, сделал быстрый финт и проткнул негодяя, точно курчонка вертелом, держа пику обеими руками. Он застонал и подергался немного, но затем его глаза остекленели и голова упала на грудь; тем не менее я продолжал держать его на весу, хоть это и вызывало нестерпимую

боль в моей раненой руке, поскольку мой план в том и заключался, чтобы оставить его сидеть на дне перевернутой лодки, делая вид, будто он все еще жив, и тем самым вводя в заблуждение команду «Сан-Фернандо».

Трудно было, однако, сказать, будут ли они стрелять, если подойдут поближе и узнают правду, потому что по мере приближения чужого судна на палубе галеона поднялась суеда, люди забегали по палубе в разные стороны, уродливую железную статую поспешно втащили на борт, и до меня донесся торопливый стук молотков по платформе. На мачтах один за другим распустились паруса, и, когда первый порыв свежего бриза наполнил их, наморщив поверхность воды и образовав на ней то, что моряки называют «кошачьими лапками», галеон медленно развернулся и двинулся в сторону от лодки, из чего я заключил, что капитану Гамбоа не понравился вид приближавшегося с подветренной стороны судна и он решил поскорее убраться отсюда.

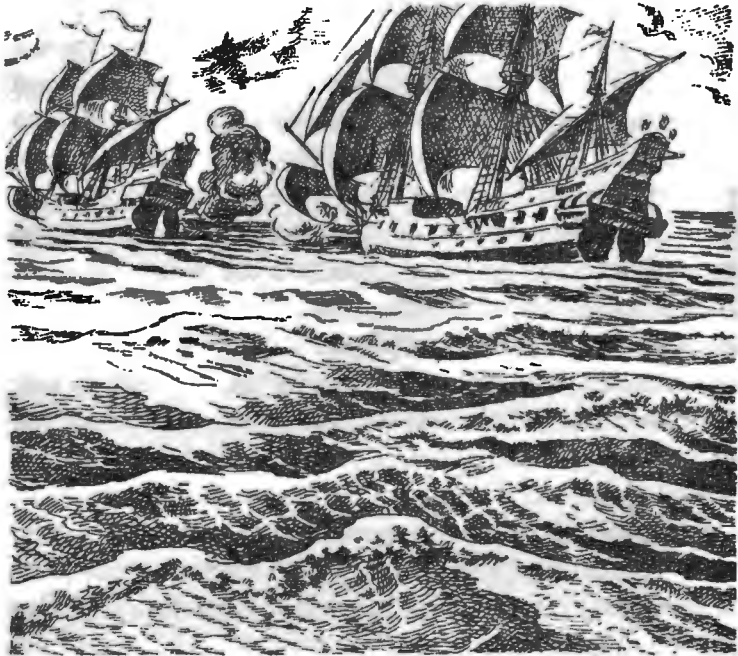
Что касается меня, то я зажал пику между бедер, чтобы уменьшить нагрузку на раненую руку, и сидел неподвижно, глядя в лицо мертвеца, наблюдая, как тускнеет его родимое пятно и кровь стекает по древку, капая мне на колени, не решаясь отпустить его, так как боялся, что его падение может заставить ялик снова перевернуться, а акулы были начеку, плавающая неподалеку.

Поэтому мне ничего не оставалось, как только следить за ходом событий, и вскоре я убедился, что вновь прибывшее судно догоняет

галеон, хотя тот, как я уже упоминал, был далеко не из тихоходов. Через некоторое время чужое судно прошло мимо меня, находясь на расстоянии полумили от моей лодки, но еще до того, как я разглядел на его мачте развевающийся английский флаг, я был уверен в том, что вижу это судно не впервые. Оно величаво скользило по волнам, грациозно и плавно покачиваясь, словно танцор в котильоне; его громадящиеся друг над другом паруса то морщинылись слегка, то снова туго надувались, выпячивая свою белоснежную грудь, напрягая все силы в стремительном рывке вперед, словно живое существо, и по огромной золоченой голове и груди под его массивным бушпритом, по изящным обводам корпуса, по точеным мачтам и по числу пушечных портов я узнал в нем «Золотого дракона»

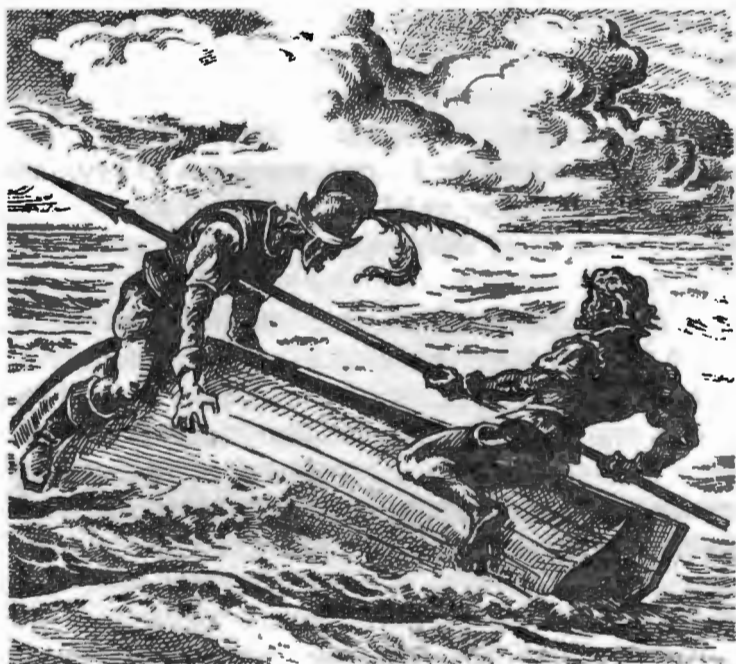
«Повезло, — подумал я, глядя на проплывающее мимо судно и видя сплошной ряд черных голов, высунувшихся из-за бульварка и обращенных в мою сторону — Готов поклясться, мой приятель, капитанский племянник, находится здесь на борту, и если это так, то я попаду из огня да в полымя!» — и вновь я пораился странным капризам судьбы, избравшей для моего спасения из всех прочих имен но этот корабль. Затем, вспомнив о его быстротности, я предположил, что он может быть передовым судном английской флотилии, опередившим остальных участников, и с надеждой обвел взглядом бескрайний горизонт; однако, кроме необозримого синего пространства, покрытого сейчас мелкими барашками волн с

белыми пенистыми гребнями, нигде ничего не было видно. Зато мне эти самые волны доставляли немало хлопот, вынуждая использовать мертвого испанца в качестве балансира для сохранения равновесия перевернутого вверх дном ялика, на котором я восседал, как на норовистом жеребце без стремян и уздечки. В то же время я был благодарен бризу, немного смягчавшему нестерпимый жар солнечных лучей, припекавших мою ничем не прикрытую макушку так, что я чувствовал тошноту и головокружение.

Английское судно прошло мимо, не удостоив меня особым знаком внимания, если не считать того, что какой-то матрос вскочил на ван-

ты и помахал мне оттуда рукой; я не посмел ему ответить тем же и хоть попытался приветствовать его криком, но сомневаюсь, чтобы он меня услышал, так как мой голос почему-то ослабел, а глотка пересохла, как у последнего пропойцы.

Напряженным взглядом следил я за тем, как судно удаляется от меня, с каждой минутой уменьшаясь в размерах, и в душу мне закрался панический страх, что в процессе погони оно скроется из виду и я останусь сидеть на днище перевернутой лодки до тех пор, пока удача или просто физические силы покинут меня и я свалюсь в воду, или пока вместо одного мертвеца здесь окажутся двое.

Впрочем, мои страхи оказались напрасными: галеон слишком поздно встал под ветер и теперь, несмотря на все его усилия, явно проигрывал своему преследователю; вскоре я заметил, как английское судно слегка качнулось и на баке вспыхнуло облачко белого дыма, после чего по воде прокатился гром пушечного выстрела.

Противники находились слишком далеко от меня чтобы я мог судить, получил ли испанец какие-либо повреждения. поскольку мачты галеона продолжали перпендикулярно возвышаться над волнами, а паруса его оставались на месте, но я молился, чтобы ему не удалось улизнуть, и наконец, к моей неопишуемой радости, он зарифил часть парусов и развернулся, поджидая приближения «Золотого дракона». Их отделяло от меня расстояние в добрых две мили, но даже издали мне было видно, что английское судно имеет преимущество в маневре перед галеоном; грохот орудийной канонады не заставил себя долго ждать, и оба гигантских корабля окутались пороховым дымом, густые клубы которого медленно сносило по ветру.

Мне казалось странным сидеть и наблюдать морское сражение из столь необычной позиции, которую я с удовольствием бы поменял, ибо все действие происходило за моей спиной и мне приходилось выворачивать шею до ломоты в затылке, чтобы следить за ходом событий. Все это, да еще неустойчивые колебания моего вертлявого суденышка, непомерная тяжесть тела мертвого испанца, страх перед акулами и многое другое способствовали тому, что я готов был

скорее согласиться на дюжину самых отчаянных схваток, чем просидеть еще хотя бы час верхом на днище перевернутого ялика. Меня потихоньку сносило ветром и течением к месту сражения, и, хотя сражавшиеся тоже дрейфовали, мне казалось тем не менее, будто я понемногу приближаюсь к ним; вообще, к этому времени мне стали мерещиться странные вещи. Неожиданно я совершенно явственно услышал звон корабельного колокола с «Сан-Фернандо», и в ушах моих зазвучала заунывная мелодия предсмертной молитвы испанцев; неясные видения поплыли перед моими глазами, и я увидел в воде мертвые лица — лицо Джека Роджерса, мастера Трелони, корабельного плотника и жуткое, похожее на череп, лицо монаха.

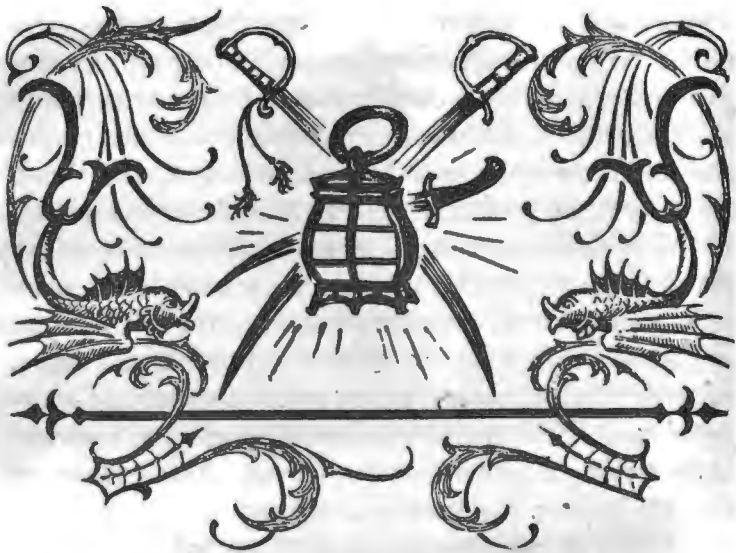
Испугавшись, как бы подобные видения не повлияли на мой рассудок, я потряс головой и попытался просвистеть мелодию песни сэра Джаспера; но, хоть музыка ее вполне отчетливо звучала у меня в мозгу, с языка и пересохших губ, несмотря на все мои старания, не слетело ни единого звука. Спустя некоторое время я прекратил бесплодные попытки и, надежнее усадив мертвеца перед собой, — он что-то слишком живо стал раскачиваться для покойника, — снова вывернул шею и принялся наблюдать за сражением. Нетрудно было убедиться, что галеону приходится туго, поскольку хоть английский корабль большей частью и заслонял его от меня, но время от времени мне удавалось поймать его в поле зрения. Одна из его мачт отсутствовала, и даже на таком значительном расстоянии он выглядел скорее сплош-

ной развалиной, чем испанским военным кораблем, тогда как «Золотой дракон», по всей видимости, пострадал очень мало. Мне трудно было судить, как долго продолжалось сражение; казалось, будто я провел долгие часы в компании мертвого испанца, прежде чем грохот пушек прекратился и красные языки пламени и клубы дыма из орудий стали достоянием прошлого; наконец я увидел, что галеон взят, и, помнится, даже попытался выразить свою радость, поскольку надеялся увидеть, как вздернут на рею капитана Гамбоа, страстно желая, чтобы того взяли в плен живым и невредимым. Затем я смутно припоминаю, как я разговаривал с мертвым испанцем, дразнил и насмеялся над ним и даже собирался пощекотать его пикой. Что произошло потом, я не помню, пока в моих ушах не зазвучали чужие голоса и я не раскрыл глаза, тупо озираясь вокруг.

«Золотой дракон» и галеон — который представлял собой весьма жалкое зрелище, успев к этому времени потерять и вторую мачту, — лежали в дрейфе в полумиле расстояния от меня, а рядом со мной находилась лодка, полная людей, чьи голоса привели меня в сознание; и вновь до моего слуха донесся голос матроса на носу лодки, окликавшего меня. Я был не в состоянии ответить, но просто сидел, глядя на них и размышляя, видит ли все это мертвый испанец. Лодка приблизилась вплотную к моему перевернутому ялику, и я узнал среди удивленных и озабоченных лиц, глядевших с нее на меня, веселое и добродушное лицо сэра Джаспера; но тут словно мороз пробежал у меня по

коже, и я сделал попытку приподняться, опасаясь снова потерять сознание, ибо рядом с маленьким рыцарем на кормовой банке сидел мой давнишний знакомец — молодой человек с красивым насмешливым лицом, человек, чью глотку я чуть не раздавил в портсмутской тюрьме.

Мое неуклюжее движение привело к закономерному, хоть от этого и не менее плачевному, результату: ялик наконец с плеском перевернулся и пошел ко дну, а я очутился в воде. Мне еще припоминаются встревоженные и сочувствующие лица, сильные руки, подхватившие меня, и громкий хохот здоровых матросских глоток в ответ на шутку, которую сэръ Джаспер произнес своим неповторимым голосом; затем я погрузился в небытие, и звон корабельного колокола вновь зазвучал в моих ушах, но теперь уже намного тише, пока не замолк окончательно. Что произошло потом, после того как был захвачен галеон, и что последовало за этим, я расскажу так, как мне рассказывал сэръ Джаспер, когда мы лежали, связанные по рукам и ногам, на борту «Золотого дракона» неподалеку от острова Тринидад, задыхаясь от невероятной духоты и пожираемые полчищами бесчисленных насекомых.

ГЛАВА 20

О том, что рассказал мне сэра Джаспер, и о моем ночном заплыве

— Ну что, мой широкоплечий друг с дубленой кожей, которая оказалась не по зубам ни акулам, ни Железной Деве, — ты уже очнулся? Зря потратил почти четыре добрых дня жизни, а в наше время четыре дня — это четыре дня, можешь мне поверить! По правде сказать, мастер Клефан, тебе давно бы уже пора прийти в себя, ведь дела опять складываются не в нашу пользу...

Голос сэра Джаспера дошел до моего сознания, когда я перевернулся на спину и обнаружил, что лежу в темной и мрачной клетушке с деревянными стенами, показавшейся мне по-

чему-то странно знакомой, голова моя была совершенно ясна, поверхностная рана в предплечье благополучно затянулась и не причиняла мне особых страданий, и я снова чувствовал себя самым собой, если не считать зверского голода и страшной пустоты в желудке. Припомнив события, которые мне пришлось пережить в недалеком прошлом, я возблагодарил Господа за то, что весь этот ужас остался позади и мой рассудок не пострадал. Продолжая недоумевать, почему я лежу здесь вместе с маленьким придворным острословом, а еще более, почему мои руки привязаны к бокам, я с трудом повернулся и, несмотря на тусклый полумрак, царивший в каморке, разглядел сэра Джаспера, находившегося в столь же незавидном положении.

— Я пришел в себя, — отозвался я, — но кто объяснит, почему мы лежим здесь связанные?

— Это долгая история, Джереми, долгая история, но, поскольку все равно ничего лучшего не придумаешь, я могу поведать тебе обо всем, что произошло, пока ты лежал, бесчувственный как бревно; правду сказать, я боюсь, что мы попали в еще худший переплет, чем когда сидели в трюме галеона, ожидая своей участи вместе с отважными ребятами с «Морской феи»!

— Но ведь это английское судно, — возразил я, поскольку узнал грязную дыру, в которую я был помещен после того, как «Золотой дракон» выловил меня в Северном море.

Несомненно, — ответил он, — несомненно; однако командует им дурной англичанин.

— Ну, капитан Эмброуз хоть и немного излишне суров, однако мне он кажется вполне порядочным джентльменом.

— Я далек от намерения возводить хулу на его седины, однако, видишь ли, Джереми, мой мальчик, капитан Эмброуз покоится на глубине в несколько фатомов под поверхностью моря, а его достойный племянник, как говорится в Писании, ныне царствует на троне.

— Неужели Нед Солткомб?

— Он самый — наиболее гнусный и мерзкий бездельник из всех, по ком скучает виселица! Надеюсь, его когда-нибудь вздернут, ибо он совершил отвратительную подлость и намерен совершить еще!

— Аминь, — подхватил я, — но что такое он совершил?

— Слушай внимательно, Джереми, и запоминай, потому что нам следует хорошенько подумать о нашем спасении, если нам дорога жизнь. После того как ты одурачил испанцев, тот длинный тощий негодяй, отец Мигель, оступился и сам попал в мышеловку, куда пытался загнать тебя; в одно мгновение он превратился в рубленое мясо — или, вернее, в рваный кожаный мешок с костями, — к моей искренней радости и к ужасу «донов». Те так остолбенели от неожиданности, что не смогли оказать тебе сколько-нибудь серьезного противодействия. Сначала я не понял, зачем ты затеял все это, — хоть упустить подобное зрелище я не согласился бы и за королевскую пенсию — ведь смерть в брюхе Железной Девы, пусть и ужасная, все же была бы менее мучительной, чем от

акульих зубов. Но потом я заметил на горизонте паруса «Золотого дракона» и, воспользовавшись всеобщим замешательством, улизнул с палубы и спрятался в трюме, сочтя вполне благоразумным при данных обстоятельствах отложить, насколько возможно, собственную казнь через повешение. Я провел там несколько горьких часов, вспоминая кошмар, творившийся на палубе, и предсмертные лица моих храбрых товарищей, хотя должен тебе признаться, Джереми, меня несколько утешала мысль об отце Мигеле и стражнике, которого ты сшиб с ног, потому что твой кулак едва не проломил насквозь его череп!

Я не сомневался в твоей гибели либо от хищной рыбы, либо от пули, поскольку не знал о том, что «доны» спускают лодку, намереваясь поймать тебя живым и отомстить за смерть отца Мигеля; но зато я слышал мушкетные выстрелы на палубе, и поверь мне, Джереми, я горевал о тебе не меньше, чем о других, ведь я всегда уважал тех, кто умел нанести правильный удар, кем бы они ни были!

Я ничего не ответил на такой сомнительный комплимент, и сэр Джаспер, оседлавший своего конька, продолжал:

— Однако некоторое время спустя я услышал пушечный выстрел и затем почувствовал, как галеон встал под ветер и набирает ход; вскоре я понял, что нас преследует незнакомое судно, и, соответственно, очень обрадовался, но решил не высовываться, а сидеть тихо и ждать, пока нас либо потопят, либо возьмут в плен. Но, когда ядро проломило переборку рядом со мной, я

подумал, что не мешает самому поглядеть, как обстоят дела, и осторожно поднялся по трапу на палубу, где, к своему немалому удовольствию, стал свидетелем того, как рухнувшая мачта придавила дюжину испанцев, работавших у пушек. Я также разглядел дона Гомеца и других, которые, как я узнал впоследствии, возражали против жестокости монаха и капитана Гамбоа, за что были обманом заведены в каюту на баке и заперты там, пока на корме творилась эта дьявольская экзекуция.

Палубу загромождали обрывки тросов и канатов, обломки рангоута, мертвые вперемешку с ранеными; половина орудий была выведена из строя, и я понял, что галеон обречен. Испанцы сражались отчаянно, но вскоре «Дракон» приблизился к нам вплотную, и я потихоньку опять улизнул вниз, пока на палубе все не успокоится.

Зато потом, Джереми, я от души повеселился, когда, появившись вновь на свет Божий, подслушал, как испанцы, сумевшие избавиться от Железной Девы и от платформы, пытаются пустить капитану Эмброузу пыль в глаза, объясняя стрельбу на палубе мятежом вспыхнувшим среди команды. Клянусь собственной головой, они чуть с ума не сошли, когда я появился из трюма и вышел на полуют. Торопиться мне было некуда. и я, по своему обычаю, очень аккуратно прочистил нос раза три, после чего обратился к испанцам с небольшой речью, которая повергла их в страх и отчаяние, а затем предал огласке их преступные деяния.

Должен тебе заметить, мой мальчик, что капитан Эмброуз действительно оказался вполне порядочным джентльменом, потому что он в мгновение ока накинул петлю на шею капитану Гамбоа и полудюжине других и, едва дав им время прочесть «Аве Мария» и «Отче наш», тут же вздернул их на ноках рей «Дракона» на виду у обеих команд; я готов был расцеловать его за это, так как боялся, что негодяям удастся улизнуть от справедливой кары. Я уже говорил тебе, Джереми, смерть через повешение — легкая и быстрая смерть, но этот архидьявол, Нед Солткомб, сумел сделать ее продолжительной... Впрочем, поскольку нам вскоре самим придется испытать ее на себе, я больше не стану ничего уточнять. Скажу лишь, что предпочел бы дважды умереть в объятиях Железной Девы, чем погибнуть так, как покончил свои счета с жизнью капитан Гамбоа. И только тут я заметил, что наш приятель с отметиной на лице отсутствует среди повешенных; я стал наводить справки, в результате чего кто-то вспомнил о перевернутой лодке. Все, клянусь своей рыцарской честью, все они начисто забыли о том, что проплывали мимо нее! Таким образом, не вдаваясь в подробности, ты был спасен, и я никогда в жизни не видел более поразительного зрелища, чем твоя кургузая милость верхом на перевернутой лодке с мертвым испанцем, наколотым на пику, точно жук на булавку!

Вот тогда, Джереми, узнав, что в лодке было четверо, я проникся к тебе уважением, потому что, клянусь честью, ты необычный человек!

Ты — чудо! Пережить такое без всяких последствий, кроме чудовищного аппетита!

Я немного посмеялся над столь неожиданной трактовкой моих достоинств и попросил его продолжать.

— Я буду краток, — сказал он. — Вскоре я обнаружил, что этот негодяй Солткомб не слишком к тебе расположен, и я догадывался, почему, так как бедняга Джек Роджерс рассказал мне кое-что из твоих походов.

Как бы там ни было, честный старик капитан Эмброуз отнесся к нам по-человечески и очень заботился о тебе, пока ты лежал без сознания, но случилось так, что ему пришлось выпороть плетью на шканцах шестерых матросов, добравшихся до вина с «Сан-Фернандо» и напившихся до бесчувствия. Я уже тогда понял, что он поступил крайне опрометчиво, потому что провинившиеся были суровыми и грубыми парнями, а устраивать порку на потерявшем связь с остальной флотилией судне — плохая политика; кстати, «Дракон» сбился с курса благодаря тому же шторму, который надедал столько хлопот старому Мигли, — черт бы побрал, однако, этих проклятых блох!

— Я в сотый раз повторяю то же самое, и все без толку, — заметил я.

Сэр Джаспер мучительно застонал.

— В тот день, — продолжал он, — я заметил, как перекосилось лицо Солткомба, когда капитан отказался связывать тебя; сопоставив все это и учитывая малочисленность команды — половину пришлось переправить на галеон, — я решил держать глаза и уши открытыми и уже на

следующий день убедился, что на борту зреет заговор. Больше того, Нед Солткомб оказался инициатором дьявольского плана захвата «Дракона», причем он так хитро и ловко обработал команду, что те, кого я считал честными людьми, тоже присоединились к негодяям. Как ты, конечно, догадался, я не замедлил предупредить капитана Эмброуза об опасности, но старый тупоголовый упрямец высмеял меня, намекнув, что кошмарные картины на борту «Сан-Фернандо» повлияли, очевидно, на мой рассудок. Я попытался его убедить, но ничего не добился и тогда, будучи, как ты знаешь, весьма вспыльчивым по натуре, не сдержался и обругал его за недомыслие, заявив, что если он хочет, чтобы ему перерезали глотку, то я предпочитаю сохранить свою в целости. Короче говоря, старик вспылил и приказал посадить меня под арест, заперев здесь, в этой дыре, да еще приставив ко мне в качестве охранника одного из заговорщиков, так что я лишен был возможности предупредить честных людей о готовящемся бунте. План мятежа был продуман до мелочей, и ничто не мешало его осуществлению, поскольку галеон с большинством захваченных в плен испанцев должен был отправиться на остров Тобаго, к северу от Тринидада, для ремонта и оснастки, после чего присоединиться к нам у поселка Порт д'Эспань*, где, как нам стало известно, можно было неплохо пожить. Для меня не было

---

* Порт-оф-Спейн — ныне столица государства Тринидад и Тобаго, расположенная на западном берегу острова Тринидад.

также неожиданностью и то, что, отбившись из-за шторма от остальной флотилии, «Дракон» именно благодаря интригам Солткомба направился на юг, а не на соединение с нашими основными силами в Номбре-де-Диосе. Можешь себе представить, Джереми, с каким чувством я лежал здесь, страдая от бессилия, в ожидании сигнала, который должен был ознаменовать начало мятежа. И действительно, на следующий день пистолетные выстрелы и суматоха на палубе подсказали мне, что неизбежное свершилось, а затем дверь моей темницы распахнулась, и тебя без слов швырнули сюда. Ты лежал неподвижно, словно труп, и я подумал было, не последовал ли ты за нашими несчастными товарищами, но потом обнаружил, что ты жив, хотя все еще находишься в каком-то оцепенении, наподобие столбняка или каталепсии. Слава Богу, ты наконец очнулся!

С тех пор мне удалось узнать от нового тюремщика, неплохого в общем-то парня, что старый Эмброуз был убит подлым ударом в спину, нанесенным его бесчеловечным племянником, который, насколько я могу судить, обязан был ему и своим званием, и положением и который теперь занял его место. Команда после дикого разгула успокоилась, и «Дракон» стоит сейчас на якоре в заливе Пария напротив поселка,носящего, по странной случайности, название Сан-Фернандо и расположенного в тридцати милях к югу от Порта д'Эспань. Английские суда заходят сюда крайне редко, если вообще заходят. Не знаю, с нами ли галеон, но полагаю, что вряд ли, ведь большинство команды «Дракона» были

честными матросами и от них успешно избавились, воспользовавшись удобным предлогом и отправив на «Сан-Фернандо». Командует им порядочный и верный офицер, насколько я могу судить, по имени Денэм, который терпеть не может этого Солткомба.

И ничего удивительного, — сказал я. — Мне, правда, не так уж часто приходилось с ним встречаться, но с каждым разом я ненавижу его все больше!

— А как ты впервые столкнулся с ним? — поинтересовался сэр Джаспер. В ответ я не только рассказал ему о моей первой стычке с юным красавчиком, но, чувствуя его расположение ко мне и зная достойного кавалера как верного товарища, невзирая на его мелкие чудачества, я описал ему все, что со мной случилось с тех пор, как я встретил де Кьюзака. Я едва сумел удержаться от смеха, завидев изумление, разлившееся по его лицу.

Силы небесные! проговорил он. — Из всех удивительных историй эта самая невероятная! И подумать только, что я некогда принимал тебя за неопытного сосунка! Век живи, Джереми, век учись! Теперь мне понятно, почему мастер Солткомб недолгобливает тебя; но вот относительно госпожи Марджори, о которой ты вскользь упомянул, не мог бы ты рассказать мне о ней побольше?

— Не желаю о ней говорить, потому что она пустая кокетка и бессердечная жеманница!

Э, нет-нет, Джереми, плохо ты знаешь женщин! Знал бы ты их так, как знаю я, ты бы выждал немного и попытался снова!

— Но ведь вам приходилось иметь дело только с важными придворными дамами, насколько мне известно?

— Вот именно, насколько тебе известно, а известно тебе очень мало. Ладно, не будем распространяться на эту тему, — лукаво подмигнул он мне. — Скажу только, что все они одинаковы, у всех голова забита фантазиями, как у...

— Как у сэра Джаспера Лавдея, — подхватил я. Он засмеялся, ничуть не обескураженный, и опять выругался по адресу проклятых блох.

— Нам следует подумать о других проблемах, — сказал он, немного понизив голос. — У меня в голове с полдюжины планов, но ни один из них не кажется осуществимым.

— Кроме галеона, — спросил я, — можно ли рассчитывать встретить еще какое-либо английские судно в здешних водах?

— Видишь ли, мне приходилось слышать о каком-то загадочном асфальтовом озере с такими же берегами, куда приходят суда для ремонта и пропитки корпусов смолой; только боюсь, что это в основном испанцы.

— Слабая надежда, — сказал я, — но все-таки надежда, и, кажется, единственная, поскольку я предпочитаю очутиться в руках у незнакомых испанцев, чем оставаться пленником Неда Солткомба.

— Ты что-нибудь придумал, Джереми?

— Послушайте, сэр Джаспер, вы знаете, где расположено асфальтовое озеро?

— Где-то на юге острова, неподалеку от его западного побережья. По-моему, это место носит французское название, хоть и не могу утвер-

ждать с уверенностью; помнится, я видел его отмеченным на карте как хорошая якорная стоянка с твердым грунтом и надежным укрытием от ветра и волн.

— Если поблизости нет «Сан-Фернандо», то мы должны пробраться туда.

— Согласен с тобой, Джереми, но как? Вот в чем вопрос, как говорится в одной пьесе, которую мне пришлось видеть на сцене театра в Лондоне.

— Очень просто: доплывем до берега, а там пешком. Озеро не может быть далеко отсюда, потому что я тоже видел карту, о которой вы говорите, и на ней обозначены тот поселок и залив, где мы сейчас стоим на якоре.

— Но, Джереми, я ведь плаваю как топор!

Я тихонько присвистнул и призадумался на мгновение.

— А нельзя ли украсть одну из корабельных шлюпок?

— Почти невозможно, — возразил сэр Джаспер. — У двери стоит часовой.

— Ну, это не проблема, — сказал я. — Часового я беру на себя.

— Желаю удачи! Из тебя идеи сыплются, как блохи из крестьянской перины, да только у них очень бдительная вахта на палубе. Я это точно знаю, потому что, как и любые бандиты, они не слишком доверяют друг другу.

— В таком случае я должен буду вернуться и выручить вас.

— Но каким образом?

— Как вам теперь известно, я плаваю немно- го лучше, чем топор. Так вот: я освобождаю вас

от пут, а вы затем освобождаете меня. Я справляюсь с часовым у двери, прыгаю в воду и плыву на берег, а затем пробираюсь на ту якорную стоянку, о которой вы говорили. Если я не найду там помощи, то должен буду придумать какой-нибудь другой способ, чтобы выручить вас отсюда. Видите ли, у Солткомба нет особых причин ненавидеть вас: он скорее всего не знает о том, что вы предупредили капитана Эмброуза о мятеже. Более того, поскольку именно капитан посадил вас под замок, он даже может посчитать вас своим единомышленником и вообще отпустить на свободу, как только мой побег обнаружится. Тогда вам проще будет отыскать лазейку для бегства.

Клянусь королевой Бесс, весьма рискованная затея, но ничего лучшего мне пока не приходит в голову. Однако будь осторожен: эти воды, как я слышал, кишат акулами, а от охранника я узнал, что у Солткомба имеются друзья среди испанцев на берегу: уж они-то знают местность как свои пять пальцев и, конечно, помогут ему тебя изловить.

— И тем не менее мне все равно придется рискнуть, потому что если я останусь здесь, то меня ждет неизбежный и печальный конец, да и вас, пожалуй, тоже: тогда как, если мне удастся бежать, Солткомб, вероятнее всего, пустится за мной в погоню, и да смилостивится над ним Господь, если я встречу с ним один на один, ибо от меня он милосердия не дождется. Что скажете, сэр Джаспер? Команда в его отсутствие, возможно, одумается, и кто знает, быть может, вы сумеете даже стать у них во главе!

— Капитан Лавдей! Отлично звучит, и весьма неплохо для разнообразия, — сказал бывший придворный кавалер, и я почувствовал, как он страдает от невозможности изящным жестом подкрутить свои усы, которые, несмотря на неудобства нашего положения, он каким-то образом ухитрялся содержать в идеальном порядке. — Ты вселяешь в меня надежду, Джереми, и тебе следовало бы пойти по стопам твоего долговязого и косоглазого приятеля-авантюриста с «Морской феи»!

— Бедняга Саймон! — вздохнул я. — Увижусь ли я с ним когда-нибудь еще?

— А я бы назвал его скорее «счастливчик Саймон», поскольку, будь он с нами, Железная Дева разделалась бы с ним точно так же, как с Джеком Роджерсом и всеми остальными, — проговорил сэр Джаспер и надолго замолк.

Мы обсуждали наш план до наступления темноты, а так как сэр Джаспер не смог придумать ничего лучшего, то я приступил к его выполнению. Прежде чем наш тюремщик нанес нам последний визит, я перегрыз веревку, связывавшую руки сэра Джаспера, а он, в свою очередь, освободил меня от пут, стараясь не очень нарушать целостность веревки, которая должна была нам еще послужить. Затем, услышав снаружи шаги тюремщика, я притаился за дверь и, когда он вошел, неся с собой кувшин и миску с едой, сдвинул ему сзади шею так, что он и пикнуть не успел. Сэр Джаспер вовремя успел подхватить миску и кувшин с водой, выпавшие из рук незадачливого стража, и осторожно прикрыл за ним дверь. Мы связали тюремщика по

рукам и по ногам, после чего я проделал то же самое с сэром Джаспером, обменявшись с ним предварительно крепкими рукопожатиями. Подкрепившись тем, что принес нам наш пленник, я завладел его кинжалом и, заметив, что он начинает подавать признаки жизни, сунул ему в рот кляп, свернутый из его же шейного платка. Наконец, я снял сапоги и, повесив их себе на шею, пожелал сэру Джасперу счастливо оставаться, а сам выскользнул за дверь, заперев ее за собой на замок.

Я был знаком с местоположением трюмного карцера по моему прежнему пребыванию здесь и поэтому без труда добрался до главного трапа, ведущего на палубу, не встретив никого по пути и слыша над головой только тяжелые шаги вахтенных. Ночь была темная, и все предметы позади фок-мачты расплывались во мраке, но я уловил звуки голосов, доносившиеся с кормы, и чей-то неестественно громкий храп на полубаке.

Впереди спиной ко мне стояли две человеческие фигуры, перегнувшись через бульварк и вглядываясь в сторону ночного берега, который, несмотря на темноту, выделялся черной линией на фоне слегка фосфоресцирующих волн и находился примерно в полумиле от нас. «Судьба тебе благоприятствует, Джереми», — подумал я про себя и, пригнувшись, стараясь производить как можно меньше шума, бегом пересек палубу и укрылся в тени бульварка. Здесь я крадучись, шаг за шагом, двинулся вперед, замерев неподвижно, когда один из людей повернулся ко мне лицом и широко зев-

нул, и затем вновь возобновил осторожное движение, когда он занял свою прежнюю позицию. И вдруг я похолодел от ужаса, неожиданно споткнувшись о человека, лежавшего в тени на палубе. На мгновение я опешил, не зная, как мне поступить, но, поскольку тот не шевелился, я быстро нагнулся и провел рукой по его телу, пока не дошел до горла. Тут я едва удержался от испуганного возгласа, потому что это было горло мертвеца и пальцы мои нащупали кожу, холодную и липкую; тело было совершенно неподвижно и бездыханно.

В следующее мгновение я разжал пальцы на горле трупа и продолжал свой опасный путь, размышляя над загадкой покойника — был ли он убит или скончался естественной смертью? — и удивляясь собственному везению. Наконец я добрался до форпика и, на мгновение задержавшись, чтобы перевести дыхание и успокоить сильно бьющееся в груди сердце, перегнулся через борт в надежде найти якорный клюз с уходящим из него в темноту якорным канатом.

И то и другое было на месте, так что я без труда скользнул за борт, уцепившись обеими руками за канат, и тут снова замер, повиснув над темной водой, так как ночную тишину внезапно нарушил громкий звон судового колокола, отбивавшего склянки; я вспомнил, при каких обстоятельствах мне пришлось слышать этот звон в последний раз..

Оценив взглядом расстояние между высоким бортом «Дракона» и смутно видневшимся вдалеке берегом, я подумал о кошмарных

чудовищах, которые могут поджидать меня внизу, и с молитвой о спасении в душе и с проклятиями в адрес собственного безрассудства на устах скользнул по канату вниз, в море. Вода была теплая и приятно ласкала тело после пребывания в душной темнице с мириадами кровососущих паразитов; я медленно и осторожно, стараясь избежать всплеска, поплыл на спине в сторону берега, пока черный силуэт «Дракона» не растворился во мраке, после чего я перевернулся на бок и пустился вплавь со всей скоростью, на которую были способны мои руки и ноги.

Один раз я остановился, когда с судна донесся крик, но это была всего лишь переключка вахтенных, и я продолжил свой путь, чтобы вновь замереть, когда неподалеку от меня что-то громко плеснуло и послышалось звучное фырканье. Впрочем, за этим ничего не последовало, и спустя довольно долгое время я очутился в непосредственной близости от берега и снова поплыл медленнее, высматривая, где бы поудобнее выбраться на сушу. Вскоре я разглядел место, где кусты и деревья подходили вплотную к самой береговой кромке, и был немало удивлен, обнаружив, что корни растений торчат прямо из воды и сплошь покрыты морскими ракушками, похожими на устриц, словно они росли прямо на ветках кустов. Я не без труда вскарабкался на один из таких кустов и, предусмотрительно подумав о завтрашнем дне, набрал про запас довольно большое количество этих диковинных плодов моря, после чего по кривым, узловатым и изогнутым, точно змеи,

корням пополз дальше сквозь гущу растительности, постоянно слыша внизу под собой плеск и журчание воды и в отдалении громкий хор бесчисленных лягушек, старательно воспевающих прелести своего болота. Я был вне себя от радости, когда достиг наконец более сухой и твердой почвы; натянув сапоги, я постоял немного, отдыхая, не решаясь сесть на землю из боязни змей и ядовитых насекомых, поскольку наслышался о всяких сколопендрах, скорпионах и огромных мохнатых пауках, чей укус означает смерть. Помнится, пока я стоял, множество странных звуков долетало до моих ушей: лягушачьи трели, жужжание и стрекот насекомых, хриплые крики ночных птиц и нежный шепот легкого морского бриза, шелестевшего в густой листве прибрежных деревьев и кустарников. Откуда-то слева до меня доносилась едва различимая мелодия испанской песни; прокравшись в том направлении, я разглядел вдалеке несколько огоньков и понял, что нахожусь южнее поселка Сан-Фернандо.

Опасаясь быть обнаруженным, я повернулся и снова углубился в лес, держась как можно ближе к берегу и изо всех сил стараясь поскорее удалиться от опасного места, что было не так-то просто из-за многочисленных ползучих растений и лиан, преграждавших путь и покрывавших предательским ковром полусгнившие стволы поваленных деревьев. Не раз у меня из-под ног с торопливым шорохом выскальзывали змеи, о чем я мог только догадываться, поскольку их не видел, и я постоянно держал нож наготове на случай встречи с хищным зверем

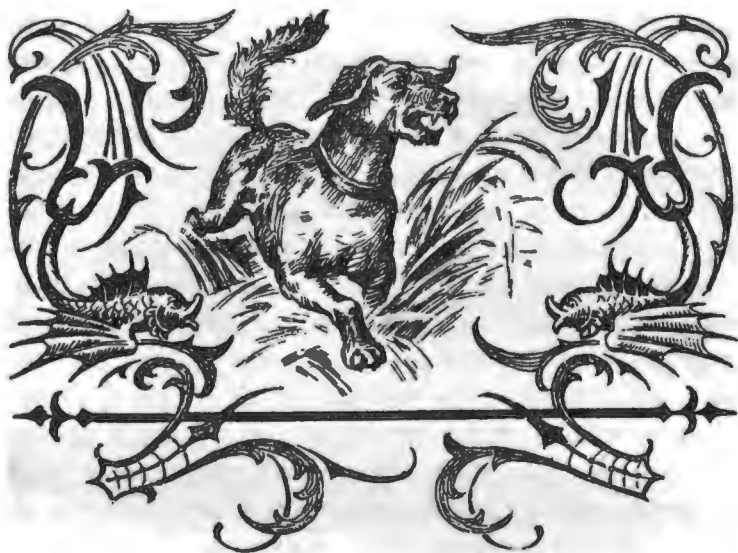
или дикарем-людоедом. Пробираясь в темноте сквозь заросли тропических джунглей было очень непросто, благодаря чему, да еще в совокупности с недавно пережитыми приключениями, я почувствовал себя смертельно усталым и остановился отдохнуть на небольшом участке берега, более или менее свободном от растительности. Сняв и выкрутив досуха свою одежду, я опустился на землю, прислонившись спиной к диковинной формы одинокому черному утесу, стоявшему, точно часовой, у самой кромки воды, и непреодолимая сонливость охватила меня, сонливость, которую я тщетно пытался побороть из боязни, что меня смогут захватить во время сна мои вероятные преследователи. Вскоре, однако, я понял всю бесполезность моих попыток и, махнув на все рукой, выбрал местечко, где можно было улечься удобнее, где воздух был свеж, а земля свободна от всякой ползучей нечисти, свернулся калачиком и беззаботно заснул с твердой решимостью встать до рассвета.

Но одно дело принять решение, а другое — его выполнять, и случилось так, что солнце поднялось уже достаточно высоко и пригревало всюду, когда я зевнул и потянулся, с недоумением озираясь вокруг и удивляясь, почему у меня затекла шея и онемели суставы на руках и ногах. Вскоре я вспомнил все, что со мной произошло накануне, и, сидя на корточках, тщательно присмотрелся к окружавшему меня пейзажу. Более странного и необычного берега мне еще не приходилось видеть: он был совершенно гладкий, твердый и черный, как смола,

изредка перемежаясь то тут то там узкими полосками серебристого песка. Деревья и кусты поодиночке и группами росли у самой воды, а море как следует поработало над прибрежными скалами и утесами, придав им фантастические формы, выдолбив в них небольшие пещерки и трещины, на дне которых накапливались мутные воды залива, время от времени выплескиваясь оттуда, словно извергнутые из утробы какого-то незримого чудовища. Кое-где на скалах росли диковинные растения, колючие, с толстыми, мясистыми листьями, тогда как более высокие деревья были усыпаны роскошными пурпурными, розовыми и красными соцветиями, а с других свисали целые гирлянды цветущих лиан и прочих вьющихся представителей тропической флоры.

Вдалеке за заливом я разглядел темную полосу противоположного берега, но меня он мало интересовал, поскольку всем моим вниманием завладел «Золотой дракон», стоявший на якоре всего в какой-нибудь миле от меня; в своих ночных блужданиях я следовал излучине берега и теперь находился на ее крайней точке — небольшом мысу, вдававшемся в море. Впрочем, я вскоре сообразил, что до поры до времени мне ничто не угрожает; поэтому я, не найдя, к сожалению, воды, пригодной для питья, тем не менее с аппетитом позавтракал моллюсками, которые собрал прошлой ночью, хоть и по размерам, и по количеству они вряд ли смогли удовлетворить мой аппетит. Едва я с ними расправился и осторожно поднялся на ноги, стараясь держаться вне поля зрения наблюдателей с суд-

на, как над водой прокатился грохот пушечного выстрела и на носу «Дракона» возникло облачко белого дыма; приглядевшись повнимательнее, я заметил суматоху на его палубе, затем на воду была спущена лодка и семь или восемь человек прыгнули в нее. Я замешкался лишь для того, чтобы проследить, куда они намерены направиться, и убедившись, что лодка пошла в сторону испанского поселка, снова нырнул в лес и напрямик, через заросли, поспешил в сторону асфальтового озера, решив сократить расстояние, так как, по моим наблюдениям, береговая линия сильно уклонялась к западу.

ГЛАВА 21

Об асфальтовом озере и о человеке с пикой

Очень скоро, несмотря на тень от деревьев, в лесу стало нестерпимо жарко и душно; местами мне приходилось расчищать дорогу своим кинжалом, к счастью, оказавшимся довольно острым, и ближе к полудню я был уже настолько измучен, что пожалел о своем решении идти напрямик, а не придерживаться берега, хоть путь в том варианте казался мне более долгим и не обеспечивал надежного укрытия. Достигнув места, где деревья росли пореже, а жесткая трава сплошным ковром покрывала поляну, я опустился на землю, предварительно убедившись в отсутствии змей, и затянул пояс

еще на одну дырочку, чтобы приглушить чувство голода. В лесу все было спокойно, царила мертвая тишина, так как в здешних краях люди, животные и насекомые вынуждены прятаться в тени и отдыхать, спасаясь от нестерпимого зноя, когда обжигающие солнечные лучи отвесно падают на лес и море, горы и долины. Спустя час немного посвежело, и я, поднявшись, снова отправился в свой нелегкий путь; но, несмотря на то что лес теперь значительно поредел и не был больше таким труднопроходимым, я внезапно остановился и настороженно прислушался. Панический страх охватил меня, и я бросился бежать напролом, не разбирая дороги, спотыкаясь и падая, царапая себе лицо и руки об острые ветки и колючки кустарника, задыхаясь и обливаясь потом, но не замечая ничего этого, потому что далеко позади себя я услышал глухой и прерывистый лай собаки и вспомнил слова сэра Джаспера об испанских приятелях Неда Солткомба.

Я на чем свет стоит проклинал себя за беспечность, которую допустил, позволив себе спать и отдыхать в холодке, поскольку теперь у меня не оставалось сомнений в том, что по моему следу пустили собак, как это делают в Санто-Доминго, когда устраивают травлю индейцев, и я понял, какую лютую ненависть должен был испытывать ко мне Нед Солткомб, если решил затравить меня собаками в таком месте. И вновь долгий собачий вой донесся до моего слуха, столь же отдаленный, казалось, как и прежде, и я снова пустился бежать, измученный, в разорванной одежде, с исцарапанными

руками, в тщетной надежде натолкнуться на какой-нибудь ручей или речку, где бы я мог сбить своих преследователей со следа, ломая себе голову над вопросом, далеко ли еще до асфальтового озера.

Когда вторая собака подала голос, я понял, что они меня настигают, но, как я ни старался, как ни напрягал силы, время от времени мне приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание и немного прийти в себя. Положение мое было отчаянным, ибо даже если бы мне удалось достичь якорной стоянки у озера, то шансы встретить там какое-нибудь судно были минимальными, а если бы оно там и находилось, то могло оказаться испанским, что, в общем-то, лишь усугубило бы дело.

Подумав обо всем этом и чувствуя резкую боль в левой стороне груди, я совсем уже было решил остановиться и принять смерть в честном бою, но потом вспомнил о том, что сэр Джаспер надеется на меня, и, крепко стиснув зубы, сжав кулаки и задыхаясь, снова опрометью бросился напролом через кусты, разгоняя всякую мелкую живность, в ужасе разбежавшуюся от меня в разные стороны, и спугивая стаи крикливых птиц с ярким цветным оперением. То и дело я спотыкался о корни и ползучие стебли лиан, падал, больше всего на свете мечтая остаться лежать и немного отдохнуть, но хриплый лай одной из собак — насколько я сумел определить по голосам, их было двое, — снова заставлял меня подниматься и, едва держась на ногах, продолжать эту бешеную гонку. Несмотря на все мои усилия, однако, продвигался

вперед я чересчур медленно, и встреча моя с собакой являлась, в сущности, вопросом времени. Очень скоро я понял, что было бы разумнее остановиться, передохнуть и сберечь силы перед неизбежной схваткой; увидев у себя над головой толстую ветку большого дерева, пересекавшую мне дорогу, я подпрыгнул, ухватился за нее, подтянулся и, добравшись по ветке до ствола, уселся на развилке, надеясь таким образом сбить собаку со следа.

Минут десять царило полное молчание, затем совсем близко от меня собака опять подала голос, на сей раз в виде короткого отрывистого лая, закончившегося нетерпеливым повизгиванием, поскольку умное животное понимало, что приближается к своей жертве. Наконец и сама собака появилась в поле моего зрения — здоровенный неуклюжий пес с рыжей мордой и отвислой массивной нижней челюстью, покрытой беловато-желтыми хлопьями пены. Он быстро приближался ровной трусцой, ловко лавируя между деревьями, время от времени поднимая нос от земли и принюхиваясь, с завидной ловкостью перепрыгивая через препятствия, и мне уже видны были его глубоко посаженные, налитые кровью глаза и огромные желтые клыки. Его серовато-коричневая шерсть была местами вытерта и свисала с боков неопрятными клоچьями, и выглядел он старым и усталым, но я знал, как опрометчиво доверять внешнему виду собаки, пока не воткнешь ей нож между ребер. Я боялся дышать, наблюдая за приближающимся псом, а тот, казалось, полагался исключительно на свой нюх, не оста-

навливаясь ни на миг и уверенно направляясь в сторону дерева, на котором я сидел. Вскоре до меня уже стало доноситься хриплое дыхание собаки, и я, выглянув из-за скрывавших меня листьев лиан, увидел, что она достигла того места, где я взобрался на ветку дерева. На мгновение пес поднял морду и издал продолжительный вой разочарования; затем он опустил нос к земле и принялся бегать кругами, постепенно увеличивая радиус своих поисков, как хорошо натасканная охотничья собака, ищущая след; хвост его мотался из стороны в сторону, а в горле слышалось глухое рычание. Я крепче перехватил рукоятку ножа и, дождавшись, когда пес окажется прямо подо мной, стремительно прыгнул на него с ветки. Оседлав зверя, я одной рукой ухватился за его жесткий косматый загривок, чтобы удержать равновесие, а другой изо всех сил ударил его ножом в бок — раз, другой и третий. Пес громко завизжал от боли и рухнул на землю бездыханным; кровь тонкой струйкой потекла из его раскрытой пасти, и я понял, что он никогда больше не станет преследовать ни индейцев, ни шотландцев.

Выдернув нож из раны, я оставил пса лежать там, где его застигла смерть, а сам снова бросился бежать, поскольку неподалеку слышался лай второй собаки и, что еще хуже, голос человека, науськивавшего ее, и хотя я чувствовал, что смог бы поодиночке справиться и с тем и с другим, но с обоими сразу это было невыносимо.

Теперь бежать было значительно легче, поскольку я немного отдохнул и дыхание пришло

в норму; однако, невзирая на мои успехи в спринте, короткий отрывистый лай собаки с нетерпеливым повизгиванием вскоре подсказал мне, что она неуклонно приближается. В отчаянии я уже почти решил остановиться, но тут заметил, что деревья передо мной значительно поредели, и я, с трудом пробившись сквозь густую и широкую полосу кустарника с толстыми листьями, внезапно очутился перед удивительным феноменом, носившим название асфальтового озера.

Представьте себе обширное черное пространство в полторы мили длиной и около двух третей мили в ширину, окруженное зеленой стеной тропического леса, с разбросанными то тут, то там крохотными островками деревьев и кустарников. В длинной и жесткой траве у моих ног виднелись многочисленные красновато-желтые цветы, напоминавшие лилию, а на противоположной стороне этого странного озера росли великолепные пальмы с широкими перистыми листьями на верхушках, горделиво возвышаясь над кронами могучих лесных великанов и густым подлеском.

Впрочем, у меня не было времени как следует разглядеть столь удивительную картину, ибо позади уже слышались короткое прерывистое дыхание приближающейся собаки и треск ломающихся сухих веток под сапогами моего преследователя. Мой единственный шанс на спасение заключался в попытке пересечь озеро, поверхность которого выглядела твердой и прочной; я был уверен, что пес не решится последовать за мной, поскольку оттуда на меня

пахнуло горячим и едким запахом растопленной смолы, а я знал, что временами животные бывают умнее людей и не любят соваться в сомнительные места. Мне поздно уже было обегать озеро стороной, а поворачивать назад означало для меня быструю и неизбежную смерть, так что со страхом в душе и собачьим лаем, преследовавшим меня по пятам, я очертя голову пустился бежать через эту черную безжизненную пустошь.

Подсохшая асфальтовая корка мягко пружинила под ногами, но вполне выдерживала тяжесть моего тела, хотя жар от нее я ощущал даже сквозь толстые подошвы сапог, когда большими прыжками бежал по ней, минуя отдельные островки зеленой растительности; помнится, на одном из них я заметил крохотную птичку с роскошным оперением, сверкающим всеми цветами радуги, и даже удивился, что она делает здесь, в этом Богом забытом месте. Но вскоре я перестал замечать и слышать что-либо, кроме легкого топота собачьих лап за моей спиной, который становился все ближе и ближе, в то время как мужской голос, подбадривавший собаку, звучал все громче. Тем не менее я не сбавлял темпа, мучительно хватая воздух широко раскрытым ртом, точно загнанный олень, чувствуя, как пот градом катится по моему лицу, а ноги постепенно наливаются свинцом. В конце концов я уже стал отчетливо слышать хриплое дыхание собаки и отрывистые кашляющие звуки, вылетающие из ее горла, и тут внезапно передо мной возникло неожиданное препятствие — широкая полоса горячего

размягченного асфальта, кипящего и пузырящегося, словно овсяная каша в котле, распространяя вокруг себя едкий тошнотворный запах серы, словно именно здесь находился вход в самое пекло. У меня не было времени огибать это жуткое место, как не было и уверенности в том, что я смогу его перепрыгнуть; однако ничего другого мне не оставалось, и я, низко пригнувшись, напряжинил мышцы ног и резким толчком бросил тело вперед и вверх. Но не успели подошвы моих сапог оторваться от гладкой поверхности асфальтового озера, как топот лап за моей спиной прекратился, послышалось короткое глухое рычание и меня крепко ухватили сзади за штаны, не дав завершить прыжок. Тело мое изменило траекторию полета, и я, взмахнув руками, шлепнулся прямо в пузырящуюся и булькающую черную массу внизу. Она оказалась значительно более густой и далеко не такой горячей, как мне представлялось, и я без труда мог бы выкарабкаться из нее, если бы не собака, которая — она плюхнулась сюда же вместе со мной — вцепилась в мои штаны, точно клещами, и не собиралась их отпускать. Я с трудом освободился от цепкой собачьей хватки, но тут-то и начался жуткий поединок, ибо стоило мне выдернуть ткань моих многострадальных панталон из зубов собаки, как она мгновенно прыгнула мне на шею, высунув язык и оскалив огромные желтые клыки, норovia вцепиться мне в глотку. Я отшвырнул злобное животное в сторону, но пес не унимался; я чуть ли не до колен погрузился в отвратительную горячую зловонную кашу, разящую сероводо-

родом, потерял свой нож, но все еще не утратил воли к борьбе, и, когда пес, разбрызгивая черную жижу, прыжками вновь приблизился ко мне, я схватил его обеими руками за голову и сунул ее в растопленный асфальт. Некоторое время он пытался сопротивляться, извиваясь всем телом и судорожно размахивая лапами, но затем тело его обмякло, хвост дернулся в последних конвульсиях, и я понял, что, как и для предыдущего пса, охотничьи дни для этого тоже закончились.

Не успел я разжать сцепленные пальцы на загрызке мертвой собаки, как до моего слуха донеслось глухое проклятие, за которым последовал негромкий язвительный смех. Я поднял глаза и на противоположном берегу проклятой трясины увидел человека, чей голос науськивал на меня пса, и, когда я разглядел его повнимательнее, сердце мое словно провалилось, а душа ушла в пятки, потому что передо мной стоял не кто иной, как мой старый знакомый Нед Солткомб.

Вскоре, однако, я убедился, что, кем бы он ни был, для меня это не составляло уже существенной разницы, так как в пылу отчаянной борьбы с собакой я влип в жидкий асфальт до самых бедер и продолжал медленно, но верно, дюйм за дюймом, погружаться в горячую смрадную смолу, поскольку труп пса не мог служить для меня достаточной опорой.

Хриплый стон вырвался из моей груди, и я отчаянно забился, пытаюсь вырваться из цепких объятий предательской трясины, но это ни к чему не привело, а лишь ускорило мое погру-

жение и добавило веселого расположения духа хохочущему негодю, загнавшему меня в кошмарную западню.

— Хо-хо, мой маленький друг, — насмешливо говорил он, все еще отдуваясь после длительного бега, — кажется, я удостоен чести присутствовать при твоей кончине! Я даже доволен, что ты прикончил испанского пса, ведь он мог бы обеспечить тебе куда более приятную и быструю смерть, чем ту, которую ты заслуживаешь, утонув в кипящей смоле!

— Подлый убийца! — воскликнул я. — Клянусь Богом, хотел бы я расправиться со щенком так же, как и с собакой!

— Боюсь, у тебя для этого мало шансов — я бы сказал даже, совсем нет никаких шансов, — осклабился он. — Мне, конечно, ничего не стоило бы помочь тебе освободиться, но, честно признаться, как-то не хочется, господин пират!

— Дьявол! — сказал я. — Ты истинный дьявол, а не человек!

— Нет-нет! — засмеялся он. — Скоро ты встретишься с настоящим дьяволом и завяжешь с ним более тесное знакомство, чем со мной, потому что до сих пор никому еще не удавалось оскорбить Неда Солткомба и уйти безнаказанным! А ты, насколько я могу судить по обстоятельствам, буквально горишь желанием поскорее покончить счеты со здешним миром, и разве я не милостив, предоставляя тебе такую возможность?

Я мало обращал внимания на его издевательские речи, так как был слишком озабочен ожидавшей меня жуткой перспективой утонуть в жидком асфальте, и к тому же заметил поодаль,

на опушке леса за его спиной, неожиданно появившееся новое действующее лицо — высокого мужчину, стоявшего неподвижно, точно статуя, опершись на древко длинной и прочной пики. Хотя мужчина находился от меня более чем в ста ярдах и я с трудом мог поверить в то, что глаза меня не обманывают, я сразу узнал эту высокую долговязую фигуру и издал отчаянный вопль.

— Саймон! — закричал я. — Спаси меня, Саймон!

Убийца, стоявший надо мной, язвительно усмехнулся, продолжая издеваться.

— Так ты, значит, католик, — сказал он. — А я думал, вы зовете его Петром!* Надеешься на его помощь? Или думаешь разжалобить «донов»? Напрасно стараешься: они никудышные бегуны и отстали далеко позади, и к тому времени, когда они появятся здесь, ты уже сваришься так, что тебя можно будет подавать на стол самому Вельзевулу, а от твоего уродливого тела на поверхности останется одна голова!

Он продолжал болтать, насмехаясь и дразня меня, но я почти не слышал его, так как при звуках моего голоса мужчина на опушке вздрогнул и бросился бежать по направлению к нам, держа свою пикку наперевес. У меня хватило здравого смысла не пялить на него глаза, чтобы у Солткомба не возникло желания любопытствовать, чем это я так заинтересовался у него за спиной; поэтому, убедившись, что

---

* С а й м о н (Симон — в русской транскрипции) — первое имя апостола Петра, ближайшего сподвижника Христа.

зрение меня не подвело, я остановил неподвижный взгляд на лице своего убийцы, стараясь ничем не выдать обуревавшие меня чувства. Я погружался в черную трясику медленно и постепенно, однако жара и ядовитые испарения начинали уже не на шутку меня тревожить, заставляя задыхаться, обливаясь потом и чувствуя, как горячая смола обжигает мое тело сквозь одежду и кожу сапог.

Внезапно за плечами Солткомба кто-то громко чихнул; вздрогнув от неожиданности, негодяй резко обернулся. Фигура незнакомого мужчины, выросшая перед ним словно из-под земли, заставила его отпрянуть в сторону; он неловко остушился и сделал попытку опереться на шпагу, которая тут же провалилась, проколов тонкую асфальтовую корку. Это движение оказалось роковым: он потерял равновесие и с душераздирающим воплем, раскинув руки, рухнул плашмя в густую и вязкую жижу.

Перемена произошла настолько быстро, что я не успел даже прийти в себя, тупо уставясь на корчащуюся в трясику фигуру моего врага, пытавшегося встать, но с каждым разом проваливающегося все глубже; наконец голос Саймона вернул меня к действительности:

— Не зевай, приятель; поторопись, пока у тебя такая отличная точка опоры!

Я понял, что он имел в виду, и тут же, ухватив Солткомба за руку, притянул его поближе к себе. Он не имел возможности сопротивляться, поскольку у него не было на что опереться, и вскоре я уже держал его за плечо, а потом... я с трудом и ужасом вспоминаю, что было потом.

Если вам когда-либо доводилось видеть двух мух, попавших в горшок с патокой, то вы могли бы заметить, как одна пытается вскарабкаться на другую, подминая ее под себя, чтобы с ее помощью выбраться из клейкого сиропа. Вы могли бы наблюдать, как отчаянно и энергично работают их тонкие лапки, как они изо всех своих ничтожных мушиных сил стараются потопить друг друга, пока наконец одна из них не захлебывается и тонет, а победительница выползает из липкой западни и спасается.

Если даже столь мизерная борьба таит в себе нечто ужасное и трагическое, то насколько же страшнее выглядит борьба между двумя сильными мужчинами, когда один должен умереть,

чтобы другой освободился, а вместо сладкого варенья смертельная схватка происходит в отвратительной зловонной и горячей грязи, среди ядовитых газов и сернистых испарений. Такая схватка происходила между мною и Недом Солткомбом, и исход ее на первых порах казался довольно сомнительным, ибо хоть он и лежал ничком, барахтаясь в густой, точно черная патока, смоле, то меня она засосала по самые бедра, да к тому же я порядком выбился из сил в результате утомительного состязания в беге и поединка с собакой. Он ухватил меня поперек туловища, и я вынужден был сдавить ему горло, чтобы освободиться от его объятий; в конце концов ценою невероятных усилий мне удалось вырваться из цепкого плена дьявольской трясины, опираясь, как на бревно, на тело моего соперника, и добраться по нему до края твердой асфальтовой корки. Скорее полумертвый, чем живой, я обеими руками схватился за тупой конец пики, которую протянул мне Саймон, и затем последний могучим рывком вытащил меня на берег. Совершенно обессиленный, перепачканный с ног до головы в черной липкой смоле, я в беспомощности свалился на подсохшую поверхность асфальтового озера, тяжело дыша, словно загнанная лошадь. Как долго я лежал так — не знаю, но я слышал, как Саймон что-то говорит мне и безуспешно пытается заставить меня прийти в себя. Спустя, как мне показалось, довольно долгое время мне с его помощью наконец удалось подняться на ноги, и я встал, шатаясь, точно разбитый параличом.

— Саймон! — воскликнул я. — Неужели это ты меня спас?

— А кто же еще? Не считаешь ли ты меня привидением? Провалиться мне, если я видел нечто подобное за все пятьдесят лет жизни! Но ты лучше взгляни, откуда ты выбрался, приятель!

Я обернулся и с отвращением уставился на смрадную топь, в которой я только что тонул; зловещая поверхность ее все так же булькала и пузырилась, только теперь из нее торчали широкая мохнатая спина собаки и пара элегантных сапог из желтой кожи, сплошь перемазанных в черной смоле. Я в ужасе вздрогнул и отвернулся.

— Нам следует поторопиться, — сказал Саймон. — Я помогу тебе, если у тебя не хватит сил, но берег отсюда недалеко, и туда ведет неплохая дорога. Кстати, тебе бы не мешало захватить и эту шпагу на всякий случай.

— Ба! — закричал я от радости, выдергивая шпагу из асфальта и не веря собственным глазам. — Да ведь это же моя собственная рапира, клянусь честью!

— Вот и отлично! — засмеялся Саймон. — У нее, я вижу, похвальная привычка, как у хорошей собаки, постоянно возвращаться к своему хозяину! Но кто это там, на опушке?

Я обернулся в том направлении, куда указывала его рука, и увидел около дюжины испанцев, выбежавших из леса на берег асфальтового озера; среди них было и несколько человек из команды «Дракона». Они тоже заметили нас и подняли нестройный крик, размахивая руками

и что-то торопливо обсуждая, указывая на трясины.

— Скорее! — воскликнул я. — Это испанцы! Нам надо бежать; но куда, в какую сторону?

— Сюда, приятель, сюда: до берега всего одна миля, и там нас ждет прелестное маленькое суденышко, самое прочное и надежное из всех, на которых мне приходилось плавать. Но не будем терять времени: вперед!

Мы бросились бежать, и вскоре между нами и испанцами завязалось состязание, кто скорее добежит до дороги, ведущей к морю. Испанцы бежали в обход трясины, а мы пересекали асфальтовое озеро напрямую, и надежда на спасение словно придала мне новые силы, так что я не отставал от Саймона, несмотря на его длинные ноги.

Мы достигли дороги, ведущей к побережью, опередив испанцев ярдов на тридцать, и наши преследователи только зря потратили время и порох, выпустив нам вслед беспорядочный залп из мушкетов. Дорога представляла собой просто застывший асфальтовый ручей, вытекавший из озера, извиваясь в густых зарослях тропических джунглей, но поверхность ее была идеально гладкой и совершенно лишенной корней и побегов ползучих растений, так что бежать по ней было одно удовольствие, если не считать того, что подобное же удовольствие испытывали и преследовавшие нас испанцы. К тому же они были значительно свежее нас, особенно меня, по которому Саймону приходилось соизмерять свои силы, так что через полмили передние испанцы находились уже ярдах

в двадцати, явно настигая нас. Они были вооружены копьями и большими ножами с широкими лезвиями, сопровождая погоню азартными криками и улюлюканьем; мы же, напротив, берегли дыхание, мчась сломя голову ради собственного спасения, и странную же картину, должно быть, представлял собой ваш покорный слуга — растрепанный, без шляпы, в рваных лохмотьях, весь измазанный в густой липкой смоле, которая, подсохнув, приобрела темно-серый цвет асфальта!

Мы бежали не останавливаясь, и вскоре мне стало уже трудно поспевать за длинноногим Саймоном; однако он всячески старался приноровиться к моему аллюру, и мы продолжали держаться вместе. Наконец, достигнув того места, где черная дорога круто сворачивала вправо, мы проследовали за поворот и оказались свидетелями удивительного зрелища. Человек двенадцать мужчин, одетых кто во что горазд, несмотря на сильную жару занимались тем, что играли в чехарду, весело и беспечно, точно компания школяров на лужайке! Их мушкеты и прочее оружие преспокойно лежали поодаль, прислоненные к древесным стволам или брошенные под кустом, и игроки настолько увлеклись своей забавой, что не сразу заметили нас, поскольку асфальтовое покрытие тропы скрадывало звуки наших шагов. Они и не подозревали о нашем присутствии, пока Саймон не крикнул громко: «Тихо!» — и тогда произошло то, что в любое другое время и при других обстоятельствах могло бы показаться довольно комичным.

При звуке голоса Саймона веселые игроки даже не оглянулись на нас, но молниеносно метнулись к своему оружию — все, кроме одного, который, согнувшись в три погибели, как того требовали обстоятельства игры, не слышал команды Саймона и продолжал стоять посреди дороги, словно страдая от резей в животе, упершись ладонями в колени и, без сомнения, удивляясь, почему товарищи медлят и не прыгают через него.

Не останавливаясь ни на мгновение, Саймон кивнул тем, кто успел подобрать свое оружие, и, пробегая мимо, молча жестом указал назад, через плечо.

Как я узнал впоследствии, людям этим не раз приходилось глядеть опасности в лицо: они привыкли понимать друг друга без слов и действовали молниеносно, не раздумывая. Ни слова не говоря, они тут же исчезли в лесу, словно растворившись в тропических зарослях. Тем временем Саймон, приблизившись к замершему в полусогнутой позе щуплому низкорослому человечку на дороге, не теряя времени, схватил его за штаны и за ворот рубахи и одним могучим движением перебросил через стоявший на обочине высокий куст, осыпанный белыми цветами. Парень только крикнул при падении, и впоследствии, вспоминая этот случай, Саймон признавал его удачным стечением обстоятельств, ибо незадачливый игрок в чехарду, как я вскоре убедился, несмотря на свой маленький рост, был о себе весьма высокого мнения и обладал чрезмерной амбицией, из-за чего часто критически отно-

сился к приказам Саймона и даже подвергал сомнению его роль предводителя. Едва он скрылся за кустом, как из-за поворота показались испанцы, сразу шестеро; из глоток их вырвался радостный вопль, когда они увидели, насколько близко мы находимся от них, и это был последний звук, который им довелось издать на этом свете. В следующее мгновение из-за кустов грянул дружный мушкетный залп, сверкнуло пламя, и на дороге остались лежать шесть бездыханных тел, представляя собой не очень воодушевляющее зрелище для двух других негодяев, только что выскочивших из-за поворота. Стоило им появиться, как люди Саймона не мешкая набросились на них, и, поскольку испанцы были далеко не робкого десятка, да к тому же встали в наиболее выгодную позицию, спиной к спине, на черной дороге завязалась оживленная схватка, причем в ход пошли и ножи, и шпаги. Остальные преследователи, а среди них были и члены команды «Дракона», столкнувшись неожиданно с новым врагом, в панике бросились спасаться бегством, оставив позади себя восьмерых мертвецов, один из которых, как ни печально, оказался англичанином; но, как говорится в пословице, «дурная компания до добра не доводит»...

Что касается меня, то, почувствовав себя в относительной безопасности, я рухнул на землю без сил, задыхаясь и обливаясь потом; в левом боку нестерпимо колело, точно под ребра мне воткнули острый кинжал, а кожа на руках и ногах покрылась болезненными пузырями в

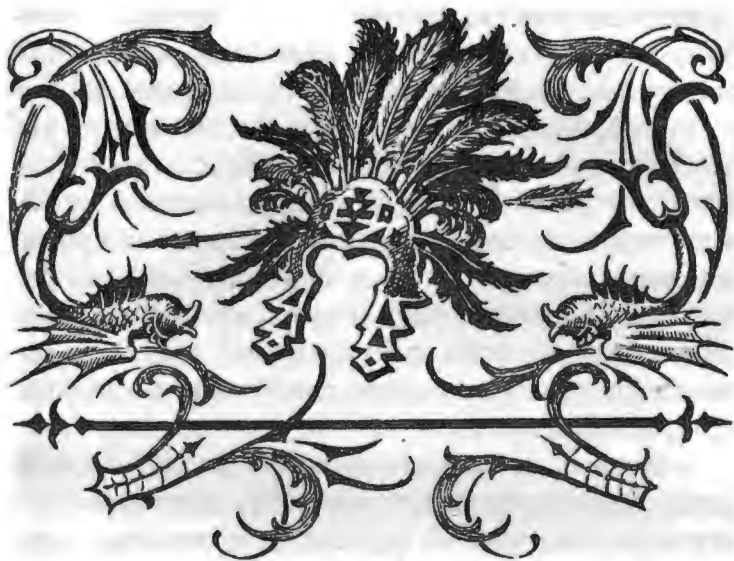
результате горячей купели в расплавленной смоле. Саймон, в противоположность мне, тут же повернулся и включился в битву вместе со своей пикой; впрочем, сражения я почти не видел, так как в ту пору мне казалось, будто часы мои сочтены и я вот-вот должен отдать Богу душу. Тем не менее дыхание вернулось ко мне еще до того, как испанцы были обращены в бегство, и, когда Саймон со своими людьми нашли наконец время, чтобы заняться мною, я уже мог даже разговаривать. Я был слаб, как грудной младенец, и едва стоял на дрожащих подкашивающихся ногах, поэтому они без особых церемоний подняли меня и понесли к берегу. И так странно устроено человеческое сознание, что, раскачиваясь в такт энергичным шагам дюжины крепких молодцов, тащивших на себе мои импровизированные носилки, я думал лишь о том, почему низенький любитель атлетических игр, которого Саймон так бесцеремонно зашвырнул за придорожный куст, не выглядит ни обиженным, ни оскорбленным, но, напротив, сам весело хохочет над собой, превратив все дело в шутку. Если бы со мной, например, обошлись подобным образом, — если бы кому-нибудь это удалось, конечно, — то я бы не очень обрадовался и попытался отомстить обидчику.

До берега, состоявшего, как и дорога, сплошь из застывшего асфальта, было недалеко; мелкие морские волны с легким шумом лениво набегали на сушу и откатывались назад, оставляя после себя блестящую черную гляцевитую поверхность, с которой вода скатывалась, точ-

но с утинового хвоста. Меня погрузили в ожидавшую нас лодку и после короткого морского путешествия на веслах подняли на борт небольшого кургузого суденышка, где по приказу Саймона я был сразу же помещен в каюту, уложен в постель и окружен всяческим вниманием и заботой. Саймон ухаживал за мной, как родная мать за больным младенцем, или, лучше сказать, как курица за цыпленком, и всякий раз, когда я делал попытки спросить его о чем-либо, снедаемый вполне естественным любопытством, он просто прижимал к моим губам свою широкую ладонь, угрожая задушить меня, так что мне поневоле приходилось молчать; тем не менее я все же сумел сообщить ему, что «Дракон» с сэром Джаспером на борту находится к северу от нас. Потом я уснул, и, когда проснулся, мы уже были в открытом море, и я, почувствовав себя немного лучше, с интересом выслушал рассказ Саймона о том, что приключилось после расставания «Донны Беллы» с «Морской феей». Однако временное улучшение длилось недолго, и вскоре меня сразил приступ жестокой лихорадки, чему виною были то ли болезнетворные миазмы и кровососущие насекомые мангровых болот Тринидада, то ли ядовитые испарения асфальтового озера, а то и просто ужасы и кошмары, через которые я прошел с тех пор, как очутился в трюме «Сан-Фернандо» в качестве пленника, ведь за эти короткие несколько недель я насмотрелся достаточно, чтобы у любого нормального человека поседел виски и помутился разум...

Впрочем, прежде чем приступить к изложению истории Саймона и связанных с нею дальнейших событий, было бы целесообразно, наверное, сказать пару слов об этом острове Тринидаде, тем более что я тесно познакомился с ним во время наших поисков сокровищ мертвой головы, о чем рассказ будет впереди.

ГЛАВА 22

О судьбе «Донны Беллы» и о подвигах Саймона

Я слышал от многих, что Тринидад — и в этом, несомненно, заключается немалая доля истины — был назван испанцами в честь Святой Троицы, так как желтокожие «доны», хоть в большинстве своем и отъявленные мерзавцы, тем не менее весьма набожны и при всяком удобном случае любят пользоваться именами своих святых точно так же, как непристойными проклятиями и чесноком, и поэтому ничего удивительного, если после тяжелого и утомительного путешествия, увидев на горизонте три одинаковые горные вершины, они в благодарность Всевышнему назвали остров Тринидадом.

Не мне судить, насколько соответствует острову столь благочестивое название, но, на мой взгляд, индейское имя Йере, что означает «Страна колибри», звучит намного приятнее для уха, ибо здешние леса буквально кипят этими крохотными райскими птичками, размером не более пчелы, но кажущимися живыми осколками радуги, настолько восхитительно ярко и красочно их оперение. Сам остров, как я уже говорил, довольно большой; северная часть его гористая и заросла густым лесом, тогда как южную, низменную, покрывают сплошные джунгли и болота, за исключением невысокой горной цепи с тремя вершинами и потухшего древнего вулкана конической формы, у подножия которого расположен поселок Сан-Фернандо.

Немало мутных и илистых рек и речушек впадает в залив Пария, и кроме большого асфальтового озера здесь имеется еще множество горячих источников, свидетельствующих с полной очевидностью о том, что Страна вечной скорби и мрака расположена явно неподалеку от здешних мест.

Поселений здесь мало, если не считать деревень индейцев арравако, очень красивых и миролюбивых людей, искусных мастеров по плетению гамаков и циновок из стеблей длинной и жесткой травы. Южная часть западного побережья тесно примыкает к неисследованным и загадочным землям Гвианы, а северная часть, с которой я только и смог познакомиться поближе, включает в себя острова Бокас в проливе Драконья Пасть; течение здесь очень быстрое и сильное, так что при слабом ветре остро-

ва эти представляют собой значительную опасность для мореплавания, хотя сами они красоты необыкновенной благодаря причудливой формы скалам, величественным пальмам и множеству вечнозеленых цветущих и благоухающих лиан и прочих вьющихся растений, превращающих обычный клочок суши в истинно райские кущи. К тому же в здешних водах обитает невероятное количество рыб разнообразнейших форм и расцветок, некоторые удивительно красивые, а другие просто ужасные, словно порождения ночного кошмара; немало здесь также и акул, а в реках водятся огромные зубастые ящерицы с когтистыми лапами и роговой чешуей на спине.

Испанцы, населяющие эти земли, проводят время в поисках золота и в постоянных стычках с индейцами, хотя некоторые выращивают фрукты и получают неплохие доходы, поскольку благодатный климат, жаркое солнце и плодородные почвы делают это занятие совершенно необременительным. Ну а прочие сведения об этой удивительной, загадочной, но тем не менее прекрасной стране вы узнаете, когда прочтете о поисках сокровищ черепа; сейчас же мне не терпится вставить сюда историю Саймона в том виде, как он рассказал ее мне, прежде чем нервная горячка надолго приковала меня к постели, пока наше судно, то и дело меняя галсы из-за неблагоприятного ветра, черепашим шагом продвигалось на север в поисках «Золотого дракона».

— Нет-нет, приятель, твоя история может подождать, пока ты окрепнешь, а я тем време-

нем расскажу тебе свою, достаточно странную и невероятную, хотя самым невероятным в ней является наша встреча, когда ты торчал по пояс в асфальтовой трясине, а тот щенок, Нед Солткомб, развлекался, насмехаясь над твоими попытками выкарабкаться! Чтоб мне провалиться! Хотел бы я знать, как он сейчас себя чувствует!

— Перестань, Саймон! — запротестовал я. — Если бы ты сам испытал на себе цепкую хватку проклятого черного болота, то, скорее, пожалел бы его! — Я вздрогнул, говоря это, поскольку был, как я уже заметил, очень слаб и перед моими глазами вновь возникло кошмарное видение: лохматая спина собаки и пара желтых кожаных сапог, торчащих из смолы.

— Ладно-ладно, приятель; увидел бы ты все то, что мне пришлось повидать после того, как мы расстались, так не был бы, пожалуй, таким чувствительным! Чего ты смеешься?

— А вот когда услышишь мою историю, Саймон, тогда и поймешь, — устало возразил я и сделал ему знак продолжать.

— После того как старый Фигли так подло расплатился с тобой за насмешки, нам пришлось довольно туго, потому что новая мачта не выдерживала и половины парусов и мы еле ползли по волнам, точно гигантская морская улитка, под непрерывный хор вздохов и стонаний раненых и пленных донов. Тем не менее, несмотря на все это, команда была в отличном расположении духа из-за того, что мы захватили такой великолепный галеон, и перестала роптать на капитана, который долго не мог ро-

шить, куда идти и что делать, так как никаких признаков английской флотилии вокруг не было видно, а на борту «Донны Беллы» находилось слишком уж много «желтокожих».

К какому бы выводу он пришел, я не знаю, но все проблемы за него и за нас решил свирепый шторм, трое суток трепавший «Донну Беллу», как собака крысу, и с большой скоростью гнавший нас на запад. В конце концов шторм утих, опять оставив галеон едва ли в лучшем состоянии, чем просто груда развалин, причем половина раненых перемерла, а вторая половина была еле жива; жалобы и проклятия донов, сидевших внизу, в трюме, чуть не доводили нас до умопомешательства, пока старый Фигли не пригрозил повесить их всех до единого, если они не прекратят ныть; но и эта угроза не очень-то помогла.

Однако, как ни ужасно было наше положение, худшее ожидало нас еще впереди, когда мы наконец пристали к берегу неизвестной земли, бросив якорь в устье мелководной реки с дикими, заросшими непроходимой чащобой берегами без малейших признаков присутствия человека.

Много было разговоров и пересудов относительно того, где мы находимся, ибо, кроме дикого леса и далеких горных вершин, едва различимых и похожих на неподвижные облака, увидеть что-либо было невозможно. Большинство склонялись к мнению, что это материк, но никому толком не было известно, какой именно, и даже испанцы, которых мы вывели на верх, не могли ничего сказать об этом месте,

кроме того, что это явно не Номбре де Диос, о чем мы и без них знали.

Тем не менее якорная стоянка здесь была отличная и питьевую воду мы имели в изобилии, благо находились в устье реки; однако в ту же ночь испанцы, доведенные до отчаяния, воспользовавшись нашей беспечностью, вырвались на свободу и заполонили палубу.

Нельзя сказать, что мы были полностью захвачены врасплох, поскольку старый Фигли очень ревностно следил за поддержанием порядка и несением вахт, но число «желтокожих» настолько превышало наши скудные силы, что мы лишь с большим трудом сумели загнать их обратно в трюм, потеряв половину наших людей, и среди них Гаммона и Мортимера, которых ты, наверное, помнишь, как лучших игроков в кости...

Я кивнул, и после непродолжительной паузы Саймон снова приступил к повествованию:

— Должно быть, злой рок привел нас в это проклятое место в устье неизвестной реки, потому что уже на второй день среди нас вспыхнула жестокая лихорадка, особенно среди испанцев, которые дюжинами гибли в страшных мучениях, сопровождаемых рвотой и конвульсиями. На четвертый день старый Фигли пал жертвой болезни, и я, предчувствуя в скором времени превращение галеона в одну сплошную гробницу, сошел на берег с двенадцатью матросами, оставив на борту больных и тех, кто побоялся вверить свою судьбу непроходимой чащобе леса, отпустив на все четыре стороны испанцев и предоставив им свободу действий,

так как общая беда положила конец всякой вражде. Из всех сокровищ каждый из нас захватил с собой лишь по пригоршне дукатов на всякий непредвиденный случай.

Полагая благоразумным как можно скорее покинуть зараженную местность, мы углубились в лес и начали тяжелый и утомительный марш через густую чащу зарослей, через болота и реки, но постоянно стараясь держаться поближе к морскому берегу в надежде, что какое-нибудь судно подберет нас и увезет из этой неведомой страны. Так миновало три дня, и еще двое наших людей погибли от лихорадки, но остальные продолжали упорно пробираться сквозь мрачные джунгли, мучимые нестерпимым зноем, острыми шипами колючих растений, мириадами жалящих мух и полной неизвестностью, ожидавшей нас впереди. За все время мы не заметили вокруг ни одного живого существа, за исключением нескольких птиц, которых тоже, казалось, переполняла унылая тоска этого хмурого леса, поскольку большинство из них не пели, но сидели нахохлившись, безучастно глядя перед собой.

К вечеру третьего дня мы вышли к индейской деревне, расположенной на берегу большой реки с широкими песчаными пляжами и сплошной линией скалистых рифов в том месте, где река впадала в море. Первым свидетельством того, что деревня находится поблизости, послужили жалобные вопли, мучительные стоны и пронзительные крики людей, подвергаемых пыткам; я сразу понял значение этих криков, ведь я слышал и прежде нечто

подобное и видел, как «желтокожие» истязают индейцев с целью выведать у них тайну спрятанных сокровищ. Когда мы подошли к краю леса, я убедился, что не ошибся, но если нашему взору открылось кошмарное зрелище, то вместе с тем мы едва сумели удержаться от радостных возгласов, ибо совсем неподалеку увидели стоявшее у берега небольшое судно, то самое, на борту которого мы сейчас находимся...

— Знаешь, Саймон, — вставил я, — твоя история очень напоминает то, о чем я собирался тебе рассказать!

— Вот как, приятель? Весьма любопытно, однако, но...

Прервав фразу на полуслове, Саймон распахнул дверь маленькой каюты и втащил в нее человека, подслушивавшего у замочной скважины; к своему удивлению, я узнал в нем того самого веселого малого — хотя, по правде сказать, сейчас на его физиономии не было заметно никаких признаков веселья, — с которым Саймон так грубо обошелся на асфальтовой тропе в джунглях.

— Сжальтесь, сжальтесь! — вопил он. — Я только хотел узнать, пришел ли в себя наш новичок!

Саймон ничего не сказал, но стиснул шею у затылка любителя чехарды и подслушивания с такой силой, что тот, извиваясь сперва, как угорь, вскоре безвольно обвис в могучих руках долговязого моряка; после этого Саймон одним толчком вышвырнул его из каюты, поддав напоследок коленкой под зад, и проследил, как

тот, подхватившись, поспешно ретировался по трапу на палубу.

Обернувшись ко мне, Саймон немного прищурил глаз — тот, что не косил, — чуть приподнял в улыбке уголки губ и слегка коснулся пальцем левой стороны носа, как принято у англичан, о чем я уже упоминал.

— Это хитрая bestия, Джереми, — сказал он. — Надеялся услышать нечто важное для себя, но зато теперь могу поручиться, что ему будет не повернуть шею в течение нескольких ближайших часов!

— Но кто он такой? — поинтересовался я.

— Терпение, приятель, терпение: ты все узнаешь в свое время. Но на чем я остановился? Ах да, на деревне у берега реки! Я вынужден поторопиться с рассказом, иначе, несмотря на противный ветер, не сумею закончить его до того, как мы доберемся до сэра Джаспера, а уж тогда, насколько я его помню, у меня и вовсе не будет никаких шансов!

Итак, испанцы, как я уже говорил, развлекались тем, что привязали с полдюжины индейцев к столбам в пылающими головнями, которые они выхватывали из разведенного тут же гигантского костра. . впрочем, вряд ли стоит говорить об этом. Там был, однако, один индеец, не похожий на тех, кого мне доводилось когда-либо видеть, — высокий, с благородной осанкой, очень старый и изможденный. На его лице застыло выражение, которое безошибочно свидетельствовало о том, что дни его сочтены, да и не удивительно, ведь осатаневшие изверги-испанцы особенно яростно набрасывались

именно на него — израненного, страшно обожженного, с выколотым глазом, — но он, несмотря на это, казалось, презрительно издевался над ними, хоть и стоял молча и неподвижно, выпрямившись, как столб, к которому был привязан.

Крики, долетавшие до нас, исходили от двух других, тоже израненных и измученных, но по сравнению со стариком почти совершенно не тронутых; достаточно было одного взгляда, чтобы удостовериться в их принадлежности к другому племени, — как оказалось впоследствии, к материковому племени индейцев москито.

На берегу находилось человек двадцать испанцев, и еще несколько — на борту судна, однако других индейцев не было видно, и я с радостью заметил, что большинство «желтокожих» вдребезги пьяны и что все свое оружие они оставили в лодке, доставившей их на берег. Я посмотрел на своих ребят с «Морской феи», и они посмотрели на меня: мы были заодно. Три мучительных дня в невыносимой жаре и духоте, непроходимые колючие заросли, ненасытные древесные пиявки, надоедливые мухи и клещи превратили нас в сущих демонов, готовых на все, а тут перед нами открывался реальный шанс. Я указал на «донов», похлопав по древку своей верной пики, и злобная усмешка появилась на диких, заросших лицах моих товарищей, ибо все они были англичане. честные и надежные, и зверства испанцев вызывали в них бешеную ненависть. С громкими и яростными криками мы выскочили из леса — и можешь мне поверить. Джере-

ми, более комичного зрелища, чем эти пьяные «доны», мне еще никогда не приходилось видеть. Они остолбенели и уставились на нас, точно овцы, пока половина из них не превратилась в баранину, а остальные бросились к лодке, преследуемые нами по пятам. Здесь произошла настоящая свалка, но вскоре мы завладели лодкой, добрались до судна и поднялись на борт. Вот тут-то нам пришлось здорово потрудиться, потому что на судне были десять «желтокожих», более или менее трезвых; однако успешно начав дело, мы были полны решимости так же успешно его и закончить, и поэтому мы в два счета избавили мир от этих великих мореплавателей, став хозяевами «Сан-Хуана», как называлось их судно. По правде сказать, приятель, я думаю, они так и не успели сообразить, кто на них напал и что с ними приключилось: честное слово, мы им не дали времени подумать ни о нас, ни о своих грехах, которых было немало, в чем я не сомневаюсь.

Покончив с ними, мы освободили индейцев, и все они, кроме старика, убежали в лес, продолжая пребывать под властью панического страха, чему мы несколько не удивились. Что же касается старика, то мы осторожно положили его на землю и промыли ему раны, занявшись потом приготовлением грубой пищи. Всю ночь старик пролежал, словно в оцепенении, но на рассвете сознание вернулось к нему; он окликнул меня по-испански, предложив сесть рядом, и поведал мне удивительную историю. Насколько она правдива, Джереми, я пока не

могу судить, однако с помощью Божией надеюсь вскоре это узнать.

— Слушай, белый человек, повергший в прах испанских собак, — сказал старик. — Я знаком с людьми твоего племени и знаю, как вы ненавидите этих подлых и лживых исчадий зла; поэтому я хочу вознаградить тебя за твои смелые и благородные дела, ибо боюсь, что в противном случае бесценные сокровища могут попасть в их недостойные руки, от чего да избавят нас всемогущие боги!

В голосе старика звучала странная горечь, а дикий блеск в его единственном глазу заставил меня заподозрить, не повлияли ли мучительные страдания на его разум; однако при слове «сокровища» я насторожил уши и придвинулся к нему поближе, поскольку голос его был слаб и силы его убывали с каждой минутой.

— Слушай, — продолжал он. — Я, лежащий здесь перед тобой, был воином великого народа, жившего в прекрасных белых городах, ныне разрушенных и сожженных. В моих жилах течет королевская кровь потомков Великого императора, которого убили эти трижды проклятые испанцы! Мое имя ничего для тебя не значит, а я должен торопиться: боги призывают меня к себе и пламя моей души угасает. Достаточно сказать, что я родился очень давно в маленьком городе среди диких гор, до которых испанцы не сумели добраться, и там я вырос и возмужал, и все мои соплеменники, уцелевшие и выжившие к тому времени, с надеждой взирали на меня, ожидая, что я изгоню прочь ненавистных захватчиков, восстановлю разрушен-

ные храмы и верну в них изображения наших древних богов. И это вселяло в меня гордость, белый человек, и я мечтал поскорее достичь совершеннолетия, чтобы иметь возможность собрать сыновей мертвых воинов и повести их на битву, ибо в памяти моей хранились воспоминания очевидцев жестоких сражений на дамбах Теночтитлана и на равнине у озера*. Наконец, когда я стал мужчиной, старый жрец, в свое время с высот Теокалли посылавший проклятия на головы людей, закованных в сталь, и своими глазами видевший того, кто носил имя Кортес Разрушитель, взял меня за руку и по тайной тропе отвел к укрытому среди высоких гор храму, высеченному в скале. Здесь он показал мне бесценное сокровище, о котором я тебе говорил. Посреди храма на алтаре стоял большой череп, мертвая голова Великого императора Монтесумы, отца нашего народа, а в его пустых глазницах под свете серебряного светильника тускло мерцали кровавым блеском два огромных рубина. Жрец долго молился, проливая слезы, а затем, положив обе ладони на череп, нажал секретную пружину. благодаря чему верхняя часть черепа откинулась на парнирах, точно крышка пкатулки, и внутри нестерпимым блеском засияла радуга бесчисленных драгоценных камней, белых и желтых, красных и синих, зеленых и прозрачных, как лед на чистых горных реках. Я не удержался от восторженного возгласа при виде этого чудесного зрелища, но жрец строго призвал меня к молчанию,

---

* См. роман Р. Хаггарда «Дочь Монтесумы»

благословил и заставил поклясться именами великих Кетцалькоатля и Уицилопочтли*, а также священным прахом наших королей, что я не обрету покоя, пока не изгоню из страны проклятых захватчиков или не погибну в бою. Затем он вручил мне бесценный череп, поместив его в испанский солдатский ранец, и произнес заклятие, согласно которому я должен буду умереть в страшных мучениях от рук людей, закованных в сталь, если позволю кому бы то ни было встать между собой и своим предназначением. И разве не осуществилось это пророчество, о белый человек? Но дай мне напиться, ибо силы меня покидают...

Я влил в него пинту красного вина, Джереми, почти утратив надежду на то, что он придет в себя; однако в его искалеченном и израненном теле таился могучий дух, и спустя несколько минут старик продолжил свое повествование, не разрешив приближаться к нему ни одной живой душе, кроме меня, и взяв с меня клятву не посвящать в эту тайну никого, кроме самых верных и надежных людей, да и то в случае крайней необходимости. Я сам удивляюсь, приятель, как мне удалось запомнить все эти странные имена, но тут мне в значительной степени помог наш общий знакомый, любитель подслушивать под дверью, который долгое время прожил среди индейцев и знал их древние обычаи и верования. Я не могу, конечно, дословно передать тебе слова старика, но смысл их заключался примерно в следующем:

---

* Имена богов древних ацтеков.

— Итак, я дал клятву, и меня провозгласили королем над остатками некогда великого народа, и в течение многих дней в наших долинах звенело оружие и слышалась тяжелая поступь людей, собиравшихся под наши знамена; новость распространялась повсюду со скоростью степного пожара, и дикие обитатели гор спускались со своих заоблачных высот, чтобы присоединиться к нам, а отупевшие от безделья и ленивые испанцы ничего этого не замечали, ибо у нас были свои шпионы среди них и они нам обо всем докладывали. Пять из драгоценных камней я обменял на оружие, но жрец запретил мне даже прикасаться к двум огромным рубинам в глазницах черепа, пока я не взойду на трон великого Монтесумы.

Увы! Все мои планы, мечты и надежды развеялись как дым, о белый человек! Я был уничтожен, опозорен и унижен благодаря коварству женщины, которую я любил больше жизни: пользуясь моим чувством к ней, она выведала все мои секреты, в том числе и тайну бесценного черепа, а затем выдала планы нашего заговора и местонахождение сокровища одному из испанских военачальников, назначенному наместником вице-короля в городе на берегу озера Тескоко.

Таким образом, заговор провалился, драгоценный череп был похищен, а воины, узнав об этом, прогнали меня прочь; жрец проклял меня страшным проклятием, и все мои честолюбивые замыслы пошли прахом. Но я дал обет отомстить лживой предательнице и испанцу, которого звали Педро де Гонзалес. Сейчас не место и

не время описывать, как я сумел выполнить свою клятву; достаточно сказать, что я убил женщину — да-да, убил, несмотря на ее отчаянные мольбы о пощаде! — а испанец бегал от меня с места на место, постоянно преследуемый мною по пятам, пока в отчаянии он не сел на корабль и не уплыл в открытое море, навстречу солнечному восходу. Но он не знал, что я плыл вместе с ним на том же корабле. Таким образом, белый человек, мы побывали во многих землях и странах, и я играл с ним как кошка с мышью: я давал ему возможность улизнуть и затем вновь неожиданно появлялся перед ним в безлюдных местах, когда он считал меня мертвым или думал, будто окончательно сумел запутать свои следы. Он сильно похудел, осунулся и преждевременно постарел, превратившись в жалкую тень человека. Наконец мы прибыли на большой остров, где находится удивительное озеро из расплавленной смолы, где много лесов и высоких гор, и здесь, пресытившись своею мезьей, я убил его и вернул себе череп Монтесумы; добрая половина соковиц пропала, но остались его огромные красные глаза, и при взгляде на них надежда снова вернулась ко мне, и я поверил, что смогу занять принадлежавшее мне по праву место на троне в белом городе посреди озера*. Однако этому не суждено было осуществиться: испанцы проведали об убийстве Педро де Гонзалеса и принялись охотиться за мной с собаками. Когда я понял, что мне не спастись, я спря-

---

* Очевидно, имеется в виду Теночтитлан, древняя столица ацтеков.

тал сокровище, чтобы оно не досталось проклятым насильникам и грабителям. А теперь слушай, белый человек, слушай и запоминай!

На северном берегу острова, который носит название Тринидад, там, где сходятся вместе три горных хребта, стоит высокое дерево сейба; ты сразу увидишь это могучее дерево, так как оно возвышается над всеми остальными. Внутри оно пустое, потому что на него однажды упал небесный огонь, и здесь — о, белый человек! — я спрятал череп великого императора Монтесумы, надежно укрыв его от недостойных глаз и алчных рук. Чтобы найти сокровище...

И тут, Джереми, на этом самом месте силы старого индейца внезапно покинули его. Он пытался еще что-то сказать, с трудом лоя воздух широко раскрытым ртом, но не смог. Я поднес флягу к сморщенным губам старика, но вино бесполезно потекло по его подбородку, и несколько минут он не проявлял никаких признаков жизни. Наконец по его телу прошла легкая судорога, краска вернулась на его щеки и он снова взглянул на меня.

— Скорее! — поторопил я его. — Как найти сокровище?

Однако старый воин, казалось, вовсе не слышал меня: с огромным трудом поднявшись на колени, он вытянул вперед длинные тонкие руки и поднял к небу изможденное лицо, окруженное, точно нимбом, растрепанной копной седых волос.

— Вижу! Я вижу! — закричал он по-испански, впериw свой единственный глаз в простран-

ство. — Слушай, о белый человек, ибо в моих словах кроется истина: с севера придет раса белых людей, подобных тебе, но из другого племени; они придут во множестве, конные и пешие, и огнем и железом поразят испанских дьяволов и изгонят их из нашей древней страны, точно так же, как те изгоняют сейчас поклонников Белого Бога! И так будет, будет, хотя ни ты ни я не увидим этого! Так говорю я, Чиapas, в чьих жилах течет кровь королей Ануака!

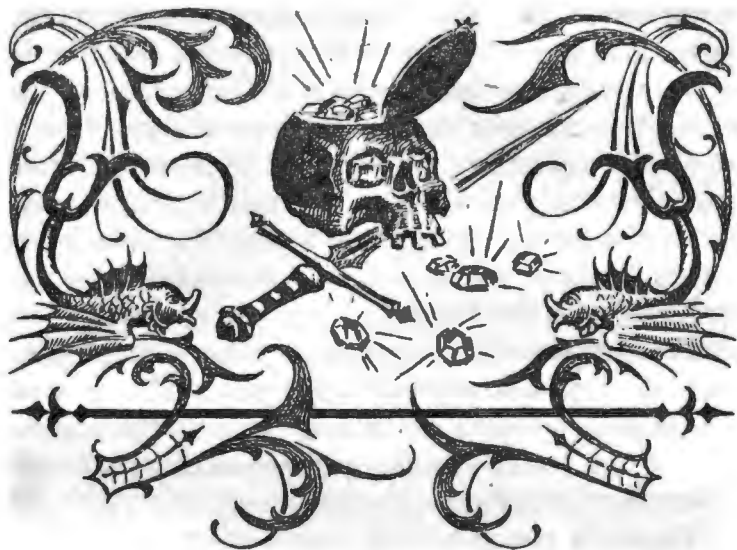
Знаешь, Джереми, вид старого индейца, проносящего свое пророчество, был настолько необычен, что я буквально остолбенел от неожиданности и молча, в изумлении, уставился на него: от чрезмерного напряжения многочисленные раны на теле старика открылись вновь, и кровь из них заструилась по нему, собираясь в небольшую лужицу вокруг его колен. Я видел, как он упал, лишившись последних сил, но каково было мое удивление, когда спустя некоторое время старик снова поднялся, шатаясь из стороны в сторону, и, выпрямившись на нетвердых ногах, издал громкий призывный клич на незнакомом языке — клич, способный воодушевить любого на смертный бой! Затем он воздел руки к небесам и рухнул на землю как подкошенный — он был мертв. Признаться, смерть старого воина потрясла меня, хоть мне и не раз приходилось видеть, как люди отдают Богу душу.

---

* Кетцалькоатль, бог ацтеков, был, по преданию, белокожим и темноволосым; возможно, Кетцалькоатль существовал в действительности и был скандинавом.

Осталось досказать лишь самую малость, приятель: став обладателем таких бесценных сведений, я не собирался упускать свой шанс, не приложив надлежащих стараний для розысков загадочного сокровища, тем более что по воле Провидения у нас в руках оказалось прочное, надежное суденышко, отлично экипированное и снабженное всем необходимым. Мы похоронили мертвого индейца на лесной опушке и стали держать совет. Разумеется, я не был настолько наивен, чтобы сообщить моим товарищам о сокровище, так как помнил слова старого воина, сказанные мне перед смертью: не раскрывать тайны никому, кроме самых верных и надежных людей, — и поэтому столкнулся с определенными трудностями, прежде чем мне удалось уговорить их отправиться со мной на Тринидад. По счастью, в трюме у нас образовалась небольшая течь, и мой рассказ об асфальтовом озере, где можно было бы основательно просмолить днище, решил вопрос. Итак, мы вышли в море и направились на юг. Погода нам благоприятствовала, и за всю дорогу с нами не произошло ничего существенного, кроме того, что на одном из пустынных островков, куда мы зашли за пресной водой, мы неожиданно обнаружили нашего теперешнего знакомца, любителя подслушивать у замочных скважин. Он жил здесь отшельником, построив себе примитивную хижину и разбив огород, но при виде нас безмерно обрадовался, сообщив, что зовут его Ионас Сквобблз и что его бросили здесь взбунтовавшиеся матросы судна, на котором он служил, поскольку он отказался к

ним присоединиться. Однако уже тогда я усомнился в его искренности, Джереми: уж слишком он хорошо знал здешние места и рассказывал множество легенд об ацтеках, той самой расе, к которой принадлежал старый индейский воин; услышав о последнем, он насторожил уши, так что я счел более благоразумным держать язык за зубами и поменьше болтать, но повнимательнее приглядывать за нашим «отшельником». Вскоре я понял, что был прав, так как Сквобблз оказался смутьяном, склонным к интригам и невоздержанным на язык; он даже пытался вступить со мной в пререкания, и я рад, что случай позволил мне преподать ему надлежащий урок! Пусть он только посмеет встать на пути Саймона Гризейла, и ему очень не поздоровится, приятель, можешь мне поверить! А теперь выпей-ка вот это, потому что мне пора на палубу. Мы должны уже находиться в виду «Дракона» и сэра Джаспера, если он все еще жив!

ГЛАВА 23

О поисках сокровищ мертвой головы

Я постарался изложить здесь все по порядку, чтобы любому читающему было ясно, о чем идет речь; однако в ту пору до меня едва доходил смысл истории, рассказанной Саймоном. Лихорадка по мере того, как он говорил, постепенно все более овладевала мной, затуманивая сознание, и я, убаюканный монотонными звуками его голоса, лежал тихо и спокойно, словно в полусне. Зато потом, когда он ушел, я почувствовал себя значительно хуже: меня то колол ледяной озноб, то мучила адская жара; сознание мое бродило где-то в неведомых мирах, и я видел жуткие кошмары, но хуже всего были бредовые видения, галлюцинации, сводившие

меня с ума. Пока я безвольно лежал на спине, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, болезненное воображение рисовало мне, будто огромные черные тараканы, во множестве водившиеся в моей каюте, один за другим выползают на бимс над моей головой и оттуда то и дело падают вниз, норовя попасть прямо мне в рот. Я в ужасе отплевывался от них, пытаюсь прикрыть губы ладонями и исходя в беззвучном крике, однако они появлялись вновь и вновь, черные и коричневые, с волосатыми суставчатыми лапками и длинными усами, которыми они непрерывно шевелили, точно приглашая остальных принять участие в забаве.

Не могу сказать, как долго я провалялся в таком состоянии, пока наконец, доведенный до отчаяния этими отвратительными насекомыми, не выбежал полуодетый на палубу, весь пылая от горячечного жара, и первое, что я увидел, был «Дракон», стоявший всего в нескольких ярдах от нас, а на его корме важно, точно бантамский петух, расхаживал сам сэр Джаспер и махал мне носовым платком. Я разразился громким и радостным хохотом и прыгнул бы за борт, если бы меня вовремя не схватили, не оттащили вниз и не привязали к койке; три дня я пролежал без памяти, не приходя в себя, и затем вернулся к жизни, слабый, как грудной младенец, но с вполне взрослым аппетитом, свидетельствовавшим о том, что лихорадка покинула мои кости. Саймон рассказал мне о событиях, случившихся за то время, пока я лежал в беспамятстве, и я узнал, что мое видение сэра Джаспера на палубе «Дракона» вовсе не

было галлюцинацией. Оказывается, после моего побега маленький рыцарь подружился с нашим тюремщиком и оба выбрались на корму, где сэр Джаспер произнес речь, подобную которой никто на борту не слыхивал до сих пор: одна половина команды корчилась от смеха, а вторая просто онемела от изумления. В конце концов, убедившись в том, что мертвец, о тело которого я споткнулся при побеге, умер не от моей руки, они избрали сэра Джаспера капитаном взамен Неда Солткомба, и он уже собирался приступить к моим розыскам, когда в поле зрения появился «Сан-Хуан», и таким образом все разрешилось ко всеобщему удовлетворению. Более того, я узнал, что оба судна стоят теперь на якоре в гавани Порт д'Эспань рядом с галеоном, прибывшим сюда согласно приказу Солткомба, и никто не сожалеет о гибели последнего; испанцы же, смертельно напуганные нашим присутствием, весьма с нами любезны и оказывают нам всяческие знаки внимания. Все находились в отличном расположении духа, за исключением Саймона, так как Ионас Сквобблз улизнул на берег и мой друг подозревал, что бездельнику удалось раздобыть кое-какие сведения о сокровище. Как бы там ни было, мы рассказали всю историю сэру Джасперу, считая его, несмотря на некоторую чудаковатость, добрым и верным товарищем, и в конце концов решили как можно скорее отправиться на поиски сокровища. Подобрать двадцать пять человек надежных ребят, выразивших желание сопровождать нас в нашей частной экспедиции, мы перебрались на борт

«Фрэнсиса», переименованного из «Сан-Хуана», и распрощались с «Золотым драконом», готовившимся в обратный путь в Англию, поскольку его команда, утомившись от долгого плавания, получила солидный куш от дон Гомеца и прочих испанских аристократов с «Сан-Фернандо», который дон Гомец решил выкупить и продолжить на нем свое путешествие в Гвиану, будучи человеком настойчивым и нелегко отказывающимся от намеченных целей. Затем, строго соблюдая тайну нашей экспедиции, мы тодняли паруса и направились к северу, через пролив Драконья Пасть, но ветер сыграл с нами злую шутку, внезапно стихнув, и течение, о котором я уже утомиал, понесло нас на прибрежные камни. Все наши усилия спасти судно оказались тщетными, и «Фрэнсис» с пропоротым днищем засел на рифах в полумиле от берега. К несчастью, пятеро наших товарищей погибли, утонув во время крушения, но остальным удалось спастись и даже переправить кое-какие припасы, оружие и порох на твердую землю.

Угнетенные и подавленные столь трагическим началом нашего путешествия, мы тем не менее продолжали поиски дерева сейба, о котором говорил индеец, хотя сопровождавшие нас люди даже не догадывались о наших истинных целях, так как мы держали их в строгом секрете. Вскоре мы убедились, что тробираться через лес было далеко не легким делом, поскольку постоянно приходилось карабкаться то вверх, то вниз, взбираясь на крутые обрывистые склоны или спускаясь в узкие долины с мчащимися по

их дну горными потоками кристально чистой ледяной воды, бурлящей и пенящейся на каменных порогах или стремительными водопадами низвергающейся с высоких скал; над всем этим нависали густая листва могучих деревьев и поросшие ползучими и вьющимися растениями отвесные утесы, соблазнявшие усталых путников отдохнуть в их приветливой тени. Это была необычная, дикая и прекрасная земля, что, однако, нисколько не облегчало нашего продвижения вдоль ее северного побережья в безуспешных поисках одинокого дерева в месте слияния трех горных цепей. Не были мы застрахованы и от несчастных случаев: один из наших спутников, преследуя небольшое животное, напоминавшее свинью, сорвался со скалы и сломал себе шею; двое других повздорили, в результате чего нам пришлось тащить на себе раненого, пока он не поправился. Так продолжалось почти целую неделю, но ничего похожего на одиноко стоящее высокое дерево мы на своем пути не обнаружили. В конце концов люди начали роптать и, несмотря на все уговоры сэра Джаспера и наши щедрые посулы, решили вернуться в Порт д'Эспань, никакие просьбы и увещевания не помогли, и, распрощившись с нами, наши бывшие товарищи оставили нас троих молча наблюдать за тем, как они поспешно спускаются по склону холма и один за другим скрываются в зеленой чаще леса.

— Глухие люди, — заметил сэр Джаспер, пожимая плечами. — «Доны» — народ непостоянный, и теперь, когда «Золотой дракон» ушел, они засадят их всех в кутузку!

— Так-то оно так, — ответил Саймон, — но, по-моему, без них нам будет лучше, ибо хоть честность и дорого ценится, но никто не может сказать, что перевесит, если на другую чашу весов ляжет наполненный драгоценностями череп. Я встречал многих достойных людей, ставших ворами из-за куда меньшего соблазна!

— Наверное, это я всему виной, — сказал я. — Похоже, им надоело нянчиться со мной; но я, честное слово, все еще слишком слаб и с трудом волочу ноги!

— Нет-нет, — возразил Саймон, — ты тут ни при чем, потому что вот уже два последних дня ты скачешь по холмам как кузнечик, а протесты начались только вчера. Они просто устали искать то, не знаю что, и я бы на их месте поступил точно так же.

— И я тоже, — вставил сэр Джаспер, — ибо, клянусь головой, это проклятое дерево очень похоже на миф, тогда как лес и все остальное — суровая реальность!

— Ладно, — заключил я. — По-моему, здесь, на побережье, больше уже искать нечего и надо подаваться в глубь острова. Найдем мы сокровище — хорошо, а если нет, то...

— То я вам обоим разобью башку! — шутливо пригрозил сэр Джаспер. — Вы втянули меня в эту дикую охоту за черепом, и одному Богу известно, чем она кончится! Но, как бы там ни было, мы вместе многое пережили и, похоже, еще немало переживем! Черт возьми! Будь у меня бутылка бургундского, я выпил бы за нашу добрую дружбу, а так мне остается лишь...

— ...торжественно прочистить нос, вне всякого сомнения, — заключил я.

— Ты прав, о Солон! — сказал маленький рыцарь и удостоил нас самой изящной из всех своих грациозных манипуляций, сопроводив ее наиболее высоким и мелодичным звуком, напомним, однако, Саймону, по его словам, карканье неоперившегося птенца серой вороны или, как ее называют у нас в Файфе, квакши.

В ту ночь мы разбили лагерь в небольшой лощине, свободной от зарослей, и приготовили великолепный ужин из одного из тех зверьков, похожих на поросенка, о которых я упоминал и которые, будучи довольно аппетитными, пришлись весьма по вкусу испанцам, поклоняющимся не только странным святым, наподобие Железной Девы, но зачастую и собственному желудку, хотя их чрезмерная любовь к чесноку всегда вызывала во мне отвращение.

Местная фауна была представлена значительно бóльшим разнообразием живых существ, чем в Санто-Доминго: здесь обитали мелкие разновидности оленей, обезьяны, кабаны, а также дикие кошки, не крупные, но страшно свирепые, нападавшие даже на человека. Кроме того, здесь было множество птиц и немало змей, в том числе маленькая ярко-красная змейка, очень красивая на вид, но смертельно опасная. Хоть я и не упоминал об этом, но по пути мы набрали на индейскую деревню и нашли в ней мирных, гостеприимных и доброжелательных людей, очень любопытных, невысоких ростом, но прекрасно сложенных и великолепных охотников на оленей. К сожа-

лению, они ничего не могли нам сообщить об одиноком большом дереве, и мы провели с ними всего один день и распрощались, весьма довольные друг другом, оставив им на память о себе несколько ярких цветных лоскутков и пару щитков от старого нагрудного панциря.

Итак, мы остались втроем посреди таинственного ночного леса, и что касается меня, то я ни за что на свете не пожелал бы себе лучшей компании. Фигура Саймона у костра представляла собой странную картину. Он сидел, подобрав под себя длинные ноги, склонившись, точно большая нахохлившаяся птица, над треснувшим древком своей излюбленной пики, которое он обматывал гибкими побегами лианы, и отблески огня играли на его умном волевом лице, выхватывая из темноты то изогнутый крючком орлиный нос, то косящий глаз, то крутой подбородок. На голове у него оставалось мало волос, и те, что остались, длинными седыми прядями свисали на его наморщенный лоб, так как стальной испанский шлем, который он обычно носил, лежал тут же, рядом с ним, на траве. Он тихонько насвистывал про себя мелодию старой военной песни, и ее веселые нотки, казалось, никак не гармонировали с его хмурым, озабоченным лицом и согбенной фигурой.

По правде сказать, это значительно лучше удавалось сэру Джасперу, который лежал на спине, мирно сложив руки на округлом животе, ибо, несмотря на жару и трудные переходы, наш маленький рыцарь стал заметно поправляться. Усы его, как и в прежние времена, были

безукоризненно завиты и напомажены, а на узком, торчащем вперед подбородке начала отрастать тощая бороденка, чем он весьма гордился, хотя я не находил в ней ничего привлекательного. Он принарядился в парадное платье из гардероба Неда Солткомба, подогнав его под свою мерку, и выглядел достаточно комично в бархатном камзоле с кружевами на рукавах и воротнике, в пышном жабо и ярко-красных коротких штанах с разрезами, отвратительно сидящих на нем и перепачканных всем, чем только можно было испачкаться во время нашего нелегкого гутешествия. Несмотря на все это, он был так же весел, как обычно, и болтал бы непрерывно, если бы мы ему позволяли; как бы там ни было, он говорил два слова там, где мы оба успевали произнести лишь одно, и всё с единственной целью — помочь нам скоротать время и сохранить хорошее настроение.

Что касается меня, то я сидел, как обычно, на корточках, опершись спиной о древесный ствол, все такой же коротышка, как и перед уходом из Керктауча, лишь чуть, может быть, раздавшийся в плечах, зато годами выглядевший значительно старше сэра Джаспера, если судить по черной густой бороде, которую я отрастил, и по угрюмому характеру, отражавшемуся на всем моем поведении. Ничего удивительного в этом не было, ведь мало кто мог похвастать тем, что за такое короткое время сумел пережить столько, сколько пережил я после того, как отряхнул пыль Керктауна со своих сапог.

Той ночью я пребывал в довольно мрачном настроении, хоть и не знаю, почему, поскольку в желудке у меня переваривался отличный ужин, два добрых, испытанных друга находились при мне, равно как и моя верная шпага, а последствия лихорадки окончательно выветрились из моего тела. Тем не менее мысли мои блуждали далеко отсюда: тоска по дому становилась невыносимой, и я отлично понимал, не смея даже себе признаться в этом, что вовсе не отца мне страстно хочется увидеть, хоть я и не знал, находится ли он еще среди живых. Зато я не сомневался в том, что, невзирая на бесчисленные коварные ловушки, которые подстраивала мне судьба, я все еще тосковал по девице, одурачившей меня и заставившей расстаться с родимым кровом, и мечтал хоть разок поймать мимолетный взгляд ее черных глаз, полюбоваться ее стройной фигурой, грациозно плывущей через лужок в Крукнесе, услышать ее веселый смех и снова заметить маленькую прелестную ямочку на подбородке, прячущемся в складках ее пышного кружевного воротника. Так я лежал, погруженный в мечты и воспоминания о ней и о ее очаровательных манерах, пока сухая ветка, громко треснувшая в костре, не вернула меня к действительности. Некоторое время я молча глядел на сэра Джаспера, уснувшего с раскрытым ртом и беззаботно храпевшего на всю поляну, и завидовал его бодрости и оптимизму, но затем в моей памяти вновь всплыли дела и события минувшего; мне захотелось узнать, что стало с Ханیمانом и Кроуфордом, я вспомнил о Бартлоу и о том, как он

был наказан, и о многих людях, которых я знал и которые ушли в мир иной, но больше всего я сожалел о мастере Роджерсе, честном и отважном моряке, надежном и верном товарище. Вспомнив о нем и о его печальной судьбе, я произвольно вздохнул, и Саймон поднял на меня глаза, оторвавшись от своей работы над треснувшим древком пики.

— Скучаешь по дому, приятель?

— Верно, Саймон, ты угадал. Как бы мне хотелось очутиться сейчас снова в Шотландии!

— Ха-ха, эта девица Марджори все еще не дает тебе покоя, несмотря на свое коварство! — сказал Саймон. — Держись-ка подальше от нее, парень, когда вернешься домой: все они лживые и непостоянные — вспомни хотя бы историю несчастного индейца!

— Чума на тебя, старый брюзга! — вмешался неожиданно пробудившийся сэр Джаспер. — Что ты знаешь о женщинах? Твоя рожа до смерти перепугает любую девицу в городе Лондоне! Послушай, Джереми, женщины сделали меня тем, кто я есть, женщины создали нас, троих друзей, — и более того, именно благодаря женщине мы получили шанс отыскать бесценное сокровище! И если хочешь знать мое мнение о твоей девушке, Джереми, то я не сомневаюсь, что она просто пошутила, чтобы испытать тебя. Господи Боже мой! Да если бы я принимал всерьез половину тех шуток и розыгрышей, которые они проделывали со мной, то я сидел бы сейчас с такой же унылой миной, как наш друг Саймон! Лживые или верные, прелестные или дурнушки — Господь да благословит их, говорю я

вам, и пусть Он даст мне возможность поскорее увидеть хоть несколько дюжин милых шалуний подходящего цвета!

— Слабая надежда, — возразил я, — поскольку мы торчим здесь, в дикой глуши, в четырех с лишним тысячах миль от Англии и без малейшей возможности выбраться отсюда!

— Да ты никак тоже стал брюзгой, Джереми? А мне кажется, мы были в худшем положении, когда испанская Милосердная Дева собиралась нами подзакусить, — и что же? Вот мы здесь, в целости и сохранности, если не считать нескольких сотен укусов насекомых и вконец испорченного платья, годного теперь разве только для огородного пугала! Клянусь головой, у этого поросенка, которого мы съели, был дурной характер, раз он навел на нас такую меланхолию! Однако пора спать. — И с этими словами маленький рыцарь, добродушно подмигнув мне, завернулся в свой плащ и тотчас же снова захрапел.

— Веселый парень, — сказал Саймон. — Если бы не он да не табак, нам бы туговато пришлось, приятель: здешние леса держат своих узников почище тюремных казематов! Ну а теперь, Джереми, я хотел бы услышать о твоих похождениях из твоих собственных уст, так как Бог знает, сколько правды было в истории, рассказанной мне сэром Джаспером. Она звучала как сказка!

Однако, когда я закончил свой рассказ, Саймон пришел к выводу, что маленький кавалер соврал всего лишь самую малость; он теперь понимал, почему я улыбался там, в каюте «Сан-

Хуана», когда он хвастался мне своими подвигами и героическими делами.

На следующее утро мы снова отправились в путь и три дня брели по непроходимым лесным дебрям, не находя и следов того, что искали. Мы не переставали удивляться, почему индеец Чиapas выбрал столь трудный путь для бегства, ибо берег здесь состоял из сплошного нагромождения поросших лесом и густым кустарником обрывистых скал да промытых в них прибором многочисленных глубоких расселин; видимо, «доны» шли за ним по пятам и у него не было другого выбора, как только бежать в лесную глушь.

Идти нам было немного полегче, и мы беседовали более свободно, поскольку нас теперь не отвлекали заботы о людях, об их питании, отдыхе, о безопасности, а также о сохранении тайны сокровищ мертвой головы. Сэр Джаспер без устали сыпал рассказами и анекдотами, так что порой я готов был лопнуть от смеха и даже Саймон иногда достаивал его улыбки; к этому времени немного похолодало, мы приободрились, и, честное слово, во всех западных землях, по моему, трудно было встретить трех более веселых искателей приключений. Когда мы делали привал, то беседовали о чем угодно, в том числе и об искусстве фехтования; и так случилось, что однажды сэр Джаспер, напомнив мне мои рассказы о драках с Диком Ханیمانом и о схватке с французским задирой, предложил мне помериться с ним на рапирах. Поскольку он повсюду хвастал своим мастерством и тем, что по крайней мере одного противника убил

на дуэли, чего со мной не случилось, я сначала было заколебался, но в конце концов, желая проверить, известен ли ему секретный прием де Кьюзака, поддался на уговоры и согласился. Мы сбросили нагрудники и, оставшись в одних рубашках, приступили к делу, выбрав для этой цели ровную площадку на берегу небольшого ручейка, предохранив острые концы наших шпаг костяными пуговицами и назначив Саймона главным судьей.

Вскоре я убедился, что сэр Джаспер далеко не слабый противник и если он не обладал мастерством де Кьюзака и силой де Папильона, то был настолько гибок и изворотлив, что напоминал мне тонкий побег дерева, называемого здесь «бамбуком». Его рапира извивалась ужом, мелькая то тут, то там; при этом он то и дело азартно вскрикивал и принимал, казалось бы, нелепые, но тем не менее труднопредсказуемые позы. Некоторое время я с трудом парировал его выпады, поскольку сказывалось долгое отсутствие практики, но, когда на теле выступил первый пот, я разогрелся и моя нескладная фигура с непомерно длинными руками начала давать мне преимущество, так что сэру Джасперу пришлось оставить свои ужимки и манерничанье и всерьез заняться защитой. Я пытался различными способами преодолеть ее, но он всякий раз успешно отбивал мои атаки и наконец, окончательно уверившись в победе, улыбнулся и насмешливо кивнул мне головой.

— Ха-ха, Джереми, — сказал он. — Где же этот твой знаменитый прием?

— Знаменитый прием? — переспросил я. — Вы имеете в виду прием де Кьюзака?

— Ну да!

— А вот он! — сказал я и вывернул кисть тем неуловимым молниеносным движением, которому научил меня человек, выброшенный волнами на берег Файфа. Шпага сэра Джаспера отлетела в сторону, и сам он остался стоять с таким озадаченным видом, что мы с Саймоном буквально покатались от хохота.

— Клянусь собственной головой! — растерянно проговорил маленький рыцарь, почесывая только что упомянутую деталь своей фигуры. Он подобрал рапиру, внимательно осмотрел ее, затем перевел взгляд на меня, после чего тихонько присвистнул себе под нос и молча надел камзол. В течение нескольких последующих часов он почти не заговаривал с нами и лишь вечером сообщил то, о чем мы не знали до сих пор: оказывается, он считался первым бойцом на шпагах в Лондоне. «И тем не менее, — добавил он, — здесь, на Тринидаде, я всего лишь второй!»

— Стыдитесь, сэр Джаспер, — возразил я. — Вы не принимаете во внимание «донов»!

— Да полно тебе, Джереми! — отмахнулся он. — Я готов признать твое превосходство, но что касается любого испанца... — он покачал головой и надолго замолк, глубоко переживая свое поражение. Я не вытерпел и попытался объяснить ему секрет приема де Кьюзака, однако то ли я был никуда не годным учителем, то ли он оказался тупым учеником, но ему никак не удавалось взять в толк, что главная хитрость

здесь заключается в том... — впрочем, это предмет для особого разговора, а мне надо продолжать свое повествование.

Следующие три дня мы провели в пути, выйдя почти на самую крайнюю северную оконечность острова и не тереставая восхищаться удивительными красотами леса. Здесь росли высокие стройные деревья с гладкими, точно полированными, стволами, иные с пучками необычных перистых листьев на макушке, но почти все, даже самые крупные, были сплошь усыпаны яркими цветами. На плоских, открытых солнцу террасах тянулись ряды грациозных пальм, некоторые с крутыми зелеными орехами, другие без них, но тем не менее все одинаково великолепные; было здесь немало и гигантских деревьев сейба, хотя ни одно из них не соответствовало описанию индейца. Землю устилал плотный ковер из высокой жесткой травы, перевитой разнообразными вьющимися растениями, и низкого кустарника с диковинными ягодами и еще более диковинными цветами. Множество змей и всяких ползучих тварей копошилось здесь, и среди них я дважды видел тех огромных волосатых пауков, о которых мне приходилось слышать: поистине они выглядели, как торождение ночного кошмара, — огромные, с жабу величиной, но во сто крат более страшные и отвратительные. Кое-где здесь попадались и сухопутные крабы; индейцы арравако охотно их поедают и, говорят, считают деликатесом, хоть для меня краб без привкуса моря все равно, что яйцо без соли, по крайней мере, мне так кажется, поскольку я их не пробовал.

Я немало мог бы порассказать о деревьях, скрюченных и высохших, словно древние колдуны, о птицах с роскошным оперением и резким голосом, напоминающим крик осла, о гигантских жуках и бабочках, об огненных мухах, проносящихся сквозь мрак в ночное время, точно крылатые светлячки, но мне отлично известно, что существует множество подробнейших описаний этих удивительных мест, а я — всего лишь обыкновенный человек, о чем не раз уже упоминал, и не очень-то большой мастер выражать словами то, для чего обычный человеческий язык слишком беден; поэтому я продолжу рассказ о том, как мы отыскивали сокровище мертвой головы и вместе с тем нечто такое, чего вовсе не ожидали найти и что едва не положило конец Джереми Коротышке, о чем вы узнаете в свое время.

Ярким солнечным утром, искупавшись в небольшом лесном озере с чистой, прозрачной водой, мы поднялись на высокий водораздел и остановились, потрясенные великолепным зрелищем, открывшимся нам внизу; более того, мы убедились, что нашли наконец заветное дерево сейба, при виде которого разразились громким троекратным «ура». Сэр Джаспер приветствовал дерево в изысканных выражениях и произнес целую речь на тему о поощрении упорства и настойчивости, пока Саймон с серьезной миной не поинтересовался, не собирается ли он утащить огромное дерево на себе и известно ли ему доподлинно, что череп находится именно здесь, а если так, то сохранились ли в нем еще драгоценности, — после

чего маленький рыцарь немного поостыл и успокоился, довольствуясь созерцанием величественной сцены, расстилавшейся перед нами.

С вершины водораздела нам были видны внизу три невысоких, поросших лесом горных хребта, расходившихся, точно лучи из центра, от единственной высокой скалы на самом берегу океана в южном направлении. Узкие извилистые долины пролегали между ними, а вдалеке, за самым отдаленным хребтом, простиралась безбрежная водная гладь, омывавшая восточное побережье острова и тянувшаяся до самого Старого Света и далее в неизвестность.

Все это было неопишимо красиво и, несомненно, достойно восторженного любования, однако мы неотрывно смотрели на вершину скалы — точку соединения всех трех хребтов, — ибо на ней, как и говорил индеец Чиapas, высилось огромное дерево, одинокое и могучее, раскинув в сторону неба и моря длинные ветви, которые даже с такого большого расстояния выглядели мертвыми и лишенными листвы. У подножия этого древнего лесного гиганта лежали другие деревья, поваленные ударом молнии, поразившей их с небес, но они почти истлели и развалились на части, источенные насекомыми и заросшие ползучими растениями-паразитами. Конечно, нам все это не было видно с того места, где мы стояли, и прошло целых четыре часа, прежде чем мы достигли основания гигантского дерева, так как сначала нам надо было спуститься, потом пересечь широкую долину с топким болотистым грунтом, где под ногами на каждом шагу лопались

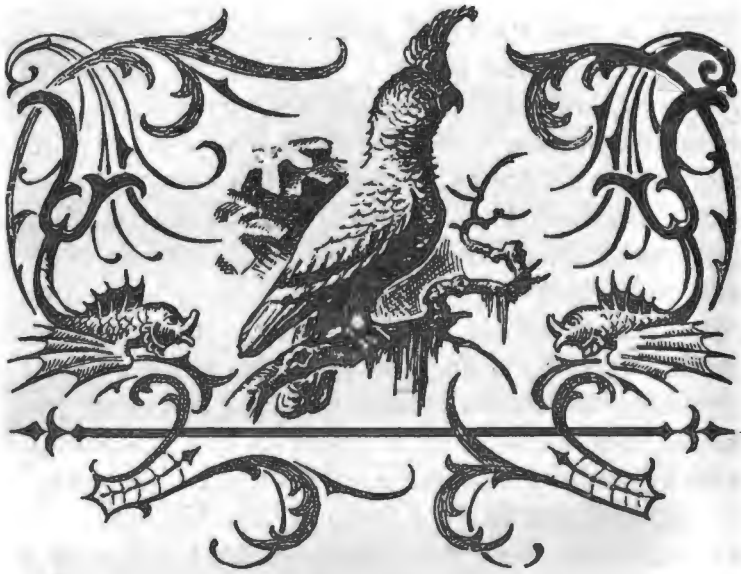
зловонные пузыри, а затем нам предстояло вскарабкаться на ближайший хребет и по нему добраться до цели; но в конце концов мы достигли вершины скалы и остановились, переводя дыхание и озираясь по сторонам.

Это было странное и жуткое место: гигантское дерево возвышалось над нами, опутанное бесчисленными лианами, заканчиваясь развесистым шатром из сухих, мертвых ветвей, лишенных листы. Огромная трещина проходила с одной стороны вдоль его могучего ствола, начинаясь от вершины и заканчиваясь в восьми футах от земли, где виднелось зияющее отверстие, наполовину скрытое, как и сама трещина, растениями-паразитами; дальше трещина не

распространялась, однако дерево издало пустой звук, когда Саймон постучал по его стволу тупой стороной широкого ножа, которым он пользовался при ходьбе по лесу, прорубая себе дорогу в тесном переплетении лиан. Заглянув за край скалы, можно было увидеть далеко внизу бушующие волны прибоя, с грохотом разбивающиеся о каменный берег, оставляя после себя сплошную полосу пены, белоснежной, точно горностаевая оторочка на темно-зеленой мантии моря. Вокруг сейбы на расстоянии в двадцать ярдов лежали жертвы громового удара — истлевшие и превратившиеся в труку стволы деревьев, большие и маленькие, извилистые корни, похожие на змей, и сучковатые сухие ветви, все в одинаковой степени заросшие лианами и вьющимися растениями, — а внизу росли живые деревья, густой лес, простиравшийся к югу плотным непроницаемым пологом, покрывавшим склоны гор и устилалшим долины, сплошная зеленая кровля, сплетенная из бесчисленных ветвей и листьев, мирно и безмятежно покоящаяся под знойным тропическим солнцем. Здесь же, несмотря на могильную тишину и уединенность этого древесного кладбища, нам постоянно приходилось быть начеку, потому что гнилые, трухлявые стволы мертвых деревьев представляли собой отличное укрытие для множества змей, то и дело выскальзывавших у нас из-под ног по мере того, как мы приближались к стволу гигантской сейбы; впрочем, они пугались нас куда больше, чем мы их, поскольку за время нашего путешествия мы привыкли к ним и изучили все их повадки.

Итак, мы наконец добрались до дерева, о котором говорил индеец Чиapas, но, хоть эта удача нас очень обрадовала и воодушевила, мы остановились в растерянности и молча посмотрели друг на друга, потому что индеец не сказал, где был спрятан череп, и мы не знали, надо ли его искать внутри дерева, среди гибких стеблей растений-паразитов или между корнями гигантской сейбы; тем не менее, однако, забредя так далеко и достигнув столь многого, мы не намерены были возвращаться с пустыми руками, поскольку, как отметил сэр Джаспер: «Не похоже, чтобы нога кого-либо из смертных ступала на это место с тех пор, как Чиapas припрятал здесь череп со сверкающими глазами и бесценным сокровищем вместо мозгов!»

ГЛАВА 24

О пустом дереве и о глазах, которые двигались

— По правде сказать, — заявил Саймон, — лучшей копилки для сокровища, чем здесь, не найти. ибо кому придет в голову блажь заниматься кладоискательством в таком безлюдье? Однако как же нам отыскать череп?

По этому поводу мы держали совет и решили начать поиски с самого простого и вероятного места, которое, согласно общему мнению, находилось внутри дерева; мне, как наиболее искусному лазальщику по деревьям, было поручено взобраться по стволу сейбы до отверстия дупла, где заканчивалась трещина, и произвести наблюдения.

Я сразу, не откладывая, приступил к выполнению задания: сбросив с себя все, что могло послужить мне помехой, ухватился за стебли лиан, опутывавшие ствол сейбы, и полез вверх; вскоре я очутился на одном уровне с дуплом, достичь которого оказалось совсем не трудным делом: прочные побеги растений-паразитов обеспечивали отличную опору как для рук, так и для ног, и могли выдержать намного большую тяжесть, чем моя. Очень осторожно я просунул голову в отверстие дупла и сначала из предосторожности посмотрел вверх, поскольку, кем бы я ни был, я все же оставался хитромудрым, как говорят у нас в Файфе.

Итак, как было сказано, я взглянул вверх, но не увидел ничего, кроме пустоты, образовавшейся на месте сгнившей сердцевины дерева, и узкой полосы света, пробивавшегося сквозь трещину в стволе; убедившись, что никакая неожиданность сверху мне не грозит, я обратил свой взор вниз и тут же вздрогнул от неожиданности, непроизвольно вскрикнув то ли от радости, то ли от удивления: на дне дупла сверкали две яркие точки, сияя в темноте, словно два светлячка, — два огонька, расположенные рядом, как и должны были размещаться драгоценные камни в глазницах черепа императора Монтесумы.

Торопясь поскорее удостовериться в том, что это действительно сокровища, я почти до половины протиснулся в дупло и перегнулся, опираясь рукой о край отверстия в теле мертвого лесного гиганта; неожиданно раздался треск, трухлявая древесина, не выдержав столь

непривычной нагрузки, обломилась, и я, лихорадочно пытаясь ухватиться за что-нибудь руками, со сдавленным криком провалился внутрь пустотелого ствола, в мрачный и темный колодец, наполненный запахами гниения и еще чего-то очень неприятного. Я падал с высоты девяти с половиной футов* и свалился на нечто мягкое, но упругое; убедившись, что падение прошло для меня без последствий, я тотчас же попытался встать на ноги.

Но, как только я предпринял эту попытку, то, на чем я сидел, начало двигаться, ускользать из-под меня, плавно и бесшумно, и я, с присохшим к нёбу языком и странным ощущением в корнях волос на голове, увидел, как две сверкающие точки, которые я принял за драгоценные камни в черепе императора, медленно поднялись, блеск их усилился, и затем, одновременно с донесшимся до моего слуха каким-то странным шипением, они стали приближаться ко мне, двигаясь из стороны в сторону, завораживая и притягивая к себе так, что я не в состоянии был ни крикнуть, ни шевельнуть рукой или ногой, бессильно ожидая дальнейших событий. Я слышал, как засмеялись сэр Джаспер и Саймон, затем они стали меня звать, но я не мог им ответить, потеряв дар речи от ужаса перед тем неизвестным, что шевелилось и скользило подо мной, и оцепенев под немигающим взглядом сверкающих глаз, ритмично раскачивавшихся то вправо, то влево в крошечном мраке глубокого дупла.

---

* Около трех метров.

Не знаю, как долго я так сидел, но в конце концов рука моя, безвольно повисшая вдоль тела, случайно коснулась чего-то скользкого и холодного, чего-то живого, задержавшегося в мелких конвульсиях под моими пальцами.

Я быстро провел рукой по этому «нечто» и обнаружил, что оно округлой формы, длинное и лежит — или, вернее, двигается — среди таких же округлых и гладких обрубков, которые шевелятся, скользят, налезая друг на друга, бесшумно, но непрерывно, — и я понял, что это были кольца гигантской змеи, из тех, что, по слухам, водились в самых глухих закоулках тропического леса: огромные, чудовищных размеров удавы, невероятной длины и толщины, носившие название «анаконда».

Теперь, когда я знал, с кем имею дело, мне было легче вернуть себе присутствие духа: я громко закричал, зовя на помощь сэра Джаспера и Саймона, и снова попытался встать на ноги, но едва не поскользнулся на гладкой чешуе, покрывавшей бока исполинского пресмыкающегося. Как бы в ответ на мои крики, из мрачной глубины на тусклый свет, струившийся сверху, из отверстия в стволе дерева, поднялась чудовищная голова с блестящими холодными глазами, огромными изогнутыми зубами и широко раскрытой пастью, в которой мелькал длинный, раздвоенный на конце язык.

Я оторопело уставился на жуткое видение, возникшее передо мной, но затем, опасаясь, как бы злобный взгляд змеи не загипнотизировал меня как кролика, отвернулся и посмотрел наверх: там, в отверстии дупла, виднелось испу-

ганное и озабоченное лицо Саймона, и я понял, что ему известно, в какую передрагу я попал.

В следующее мгновение лицо исчезло, а еще через пару секунд до меня донеслись звуки тяжелых ударов по стволу сейбы, свидетельствовавшие о том, что мои друзья пытаются своими ножами прорубить в дереве дыру и таким образом добраться до меня.

Это открытие прибавило мне бодрости, и я выхватил из-за пояса собственный нож, но по какой-то нелепой случайности он выскользнул у меня из пальцев, и я оказался безоружным. Нагнувшись, я принялся шарить рукой повсюду в поисках упавшего ножа, но все было напрасно: моя рука натыкалась только на шевелящиеся кольца огромного тела гигантской рептилии, разворачивающиеся для борьбы с незванным пришельцем, нагло вторгшимся в ее святая святых.

Лихорадочно ища нож, я внезапно почувствовал легкое прикосновение — что-то скользнуло у меня вдоль спины, и я понял, что это змея, поднявшись надо мной, собирается обвить меня своими кольцами и превратить мое тело в мешок с раздавленными костями и мышцами. Резким движением я отшатнулся, насколько это позволяло дупло, но оступился и упал, едва успев вернуть себе прежнее положение до того, как чудовищу удалось схватить меня.

Вряд ли сознавая, что я делаю, я обеими руками впелся в тонкую и гибкую шею змеи, ощутив под пальцами словно покрытую чешуей стальную пружину; дикая ярость охватила меня, и я вложил все свои силы в борьбу с

анакондой. Голова ее моталась взад и вперед в тщетных попытках сбросить меня, и я чувствовал, как кольца ее могучего тела, извиваясь, стремятся охватить мои ноги, но я то и дело выскользывал из их смертельных объятий, подпрыгивая на скользких боках змеи и продолжая все сильнее сжимать ее шею. Змее было слишком тесно, чтобы развернуться внутри мертвого дерева, где она была упакована, как в футляре, и она жалобно шипела и бросалась в разные стороны, тогда как я прилагал все старания, чтобы удушить ее, мечтая напрочь оторвать уродливую голову чудовища от его тела.

Все это время до меня доносились тупые звуки ударов ножей по стволу, и я прикидывал в

уме, какой толщины могут быть стенки дупла и насколько хватит моих сил; я кричал моим товарищам, умоляя их поторопиться, и они отвечали, подбадривая меня и вселяя во мне надежду.

Тем временем змея, словно осознав, что победа зависит от времени, удвоила свои усилия и принялась кружить внутри дупла, таская меня за собой, а затем сделала попытку подняться до выходного отверстия, и, хотя я принудил ее вновь опуститься, но руки мои онемели от постоянного напряжения, пот заливал глаза, а едкая пыль, поднявшаяся вокруг нас, наполовину ослепила меня, заставляя задыхаться: тяжелый, отвратительный запах гниющего дерева, прелых листьев и еще чего-то острого и омерзительного наполнял мои ноздри. Вскоре я обнаружил, что лихорадка все-таки очень подорвала мои силы, и, хотя я продолжал бороться и ни на йоту не ослаблял своего захвата, тем не менее вялость и утомление начинали меня одолевать, и я в состоянии был только висеть мешком на шее анаконды, моля Господа, чтобы сэр Джаспер и Саймон поскорее пробили дыру в стволе гигантской сейбы.

Периодически сознание мое словно окутывалось туманом, звуки ударов ножей по стволу в моих ушах приобретали четкий, размеренный ритм и мне начинало казаться, будто я танцую со змеей какой-то варварский танец под стук туземных барабанов, пока голова моя не пошла кругом и я не почувствовал обессиливающую дурноту. Затем все потонуло в черном мраке и осталось лишь ощущение, словно меня трясут

в беспредельной черной пустоте, как собака трясет крысу...

Когда я пришел в себя, я обнаружил Саймона, тщетно пытавшегося ослабить мои судорожно стиснутые пальцы на шее мертвой анаконды, что было далеко не просто, ибо в отчаянных попытках удержать голову рептилии подальше от себя я погрузил пальцы в ее тело чуть ли не на целый дюйм!

Что же касается удава, то он лежал на земле; тупоногая голова его была разmozжена, тело во многих местах разрублено и разрезано ножами, а к хвосту было привязано что-то ярко-красное. Когда я присмотрелся повнимательнее, то не смог удержаться от смеха, невзирая на слабость и потрясение от пережитого: это было не что иное, как один из носовых платков сэра Джаспера, которые он все еще продолжал носить под пышным жабо Неда Солткомба!

Впоследствии Саймон рассказывал мне, что произошло после моего падения в дупло, хотя, по правде сказать, у сэра Джаспера было больше оснований излагать эту историю; но, когда Саймон предложил ему взять слово, маленький рыцарь только усмеялся и предпочел лишь изредка вставлять в повествование отдельные шутки и каламбуры.

Его и Саймона немало позабавила картина моего падения, когда край дупла обломился подо мной, и они от души хохотали над моей неудачей, но, услышав призывы о помощи, не на шутку встревожились, предположив, будто я вывихнул ногу или получил травму. Саймон вскарабкался наверх, к отверстию, желая

узнать, что произошло, и увидел в темноте смутные очертания змеиной головы и две движущиеся горящие точки-глаза. Спустя мгновение он и сэр Джаспер уже всю работали ножами, прорубая себе дорогу в стволе, что заняло у них немного времени, ибо дерево было старое, трухлявое и прогнившее во многих местах. Но когда им удалось наконец проделать отверстие, оттуда первым делом показался хвост удава, поскольку для рептилии это было единственной возможностью развернуться и разделаться со мной. Однако змея не учла присутствия снаружи достойной пары моих друзей, и сэр Джаспер, во мгновение ока сорвав с себя носовой платок, привязал его к хвосту, и затем они вдвоем с Саймоном ухватились за него и принялись тянуть, заставив анаконду задом наперед выползать из дерева. Как только змея почувствовала свободу, она тут же попыталась свернуться кольцами, и друзьям пришлось немало повозиться, удерживая ее в вытянутом положении и полосуя ножами. К тому времени, как голова удава приблизилась к дыре, они почти прикончили его, сломав ему хребет и содрав половину чешуи с хвоста, после чего Саймон принялся расширять отверстие в стволе, обратившись к сэру Джасперу: «Ручаюсь, мы найдем нашего Джереми вцепившимся в голову змеи, и я ни за какие сокровища мира не согласился бы быть на ее месте!»

— Клянусь королевой Бесс, Джереми, — сказал маленький рыцарь, — увидев тебя, я уже совсем было вообразил, будто ты наконец отдал Богу душу, и очень огорчился, пока не

заметил, с какой силой твои пальцы сжимают шею этой скотины; и тогда я понял, что бойцовский дух еще не полностью покинул твое укороченное тело! Я возблагодарил Господа и на всякий случай подумал, чем ты намерен заняться теперь, обладая таким удивительным свойством неизменно попадать из огня да в полымя?

— Чем я намерен заняться? — переспросил я, отдуваясь и понемногу приходя в себя. — Как чем? По-моему, надо еще отыскать череп!

Мой ответ вызвал у обоих веселый смех, потому что он убедил их не только в моем физическом благополучии, но и в присутствии духа, поскольку сами они, по правде сказать, совсем забыли и о черепе, и о сокровище, увлекшись борьбой с удавом, размеры которого превосходили все, что любой из нас когда-либо видел и слышал, даже Саймон, несмотря на его многочисленные путешествия.

Длина его составляла полных двадцать четыре фута, а толщина в самом широком месте достигала размеров человеческого туловища. Чешуя на нем была крупная, твердая, и окрашено чудовище было в желтовато-коричневый цвет с широкими, темными, поперечными полосами на спине и тонким, изящным рисунком по бокам, напоминавшим узорчатую решетку на окнах. Когда мы вскрыли его, то нашли внутри полупереваренную тушу небольшого оленя; увидев это, я произнес благодарственную молитву, ведь не будь там оленя, на его месте, несомненно, очутился бы я, поскольку подобного рода пресмыкающиеся, заглотив свою

жертву, становятся вялыми и сонными и теряют значительную часть силы и энергии.

Любопытно было представить себе, как гигантская змея жила здесь год за годом, выползая из дупла в поисках пищи и забираясь снова в это огромное одинокое дерево, чтобы свернуться в нем и проводить время в сонной дремоте среди гнилых древесных обломков и пыли, и Бог знает, что она вообразила, когда я бесформенной грудой неожиданно свалился ей на спину, разбудив для последнего отчаянного сражения. Это сражение могло оказаться последним также и для меня, о чем я молча размышлял, лежа неподвижно на спине и чувствуя зуд и покалывание в скрюченных пальцах по мере того, как судорога покидала их, и мечтал о мирной, спокойной жизни, удивляясь, как я мог когда-то завидовать де Кьюзаку, его делам и приключениям, ибо на голову человека порою сваливается значительно больше того, что он может вытерпеть. Заметив мою слабость и беспомощность, сэр Джаспер и Саймон подняли меня и отнесли в тень широколистных деревьев, которые, как я уже говорил, окружали эту голую и пустынную вершину скалы, что показалось мне особенно приятным, поскольку солнце успело уже подняться в зенит и припекало в полную силу и ни малейшее дуновение ветерка не смягчало нестерпимый зной. Саймон забрался внутрь дерева и приступил к поискам сокровищ, оказавшимся весьма успешными, о чем я узнал по диким радостным воплям, долетевшим до меня. Сначала он не обнаружил никаких следов черепа, но затем, покопавшись в

толстом слое пыли и щепок, нашел его зарытым на самом дне: индеец Чиapas не обманул его ни относительно места захоронения черепа, ни относительно его ценности: два огромных красных рубина все еще сверкали в его глазницах.

Сэр Джаспер тем временем хлопотал над телом мертвой змеи, пытаясь снять с нее кожу, что, впрочем, оказалось пустячным занятием, поскольку она была прорезана ножами во многих местах, и ее пришлось бросить. Зато маленький рыцарь — большой знаток и ценитель кулинарии — обещал угостить нас лукулловским пиршеством, приготовив жаркое из мяса змеи, равного по вкусу которому, по его словам, не было во всем мире.

Саймон принес свой трофей — «это диковинное змеиное яичко», как охарактеризовал его сэр Джаспер, — ко мне, вниз, и мы внимательно рассмотрели находку. Череп, по всей видимости, принадлежал при жизни крупному и сильному мужчине: костные выступы, где некогда крепились мышцы и связки, были четко обозначены, а нижняя челюсть, прикрепленная к верхней части черепа серебряной проволокой, была массивной, тяжелой и сохраняла полный комплект крупных здоровых зубов. Кости подверглись тщательной обработке и полировке, пока не стали белыми и чистыми; правда, в некоторых местах на них виднелись темные пятна, и особенно одно в затылочной части черепа, напомнившее мне почему-то об испанце, которого Чиapas выследил, довел до полупомешательства и затем убил. Однако если сам че-

реп представлял собой огромный интерес, то насколько же удивительнее были два его глаза — два темно-красных камня величиной с голубиное яйцо, в мрачной глубине которых тускло сверкали загадочные огоньки, словно там таилась память о прошлом, о кровавых делах, о героизме и предательстве и о жажде мщения. Камни держались в глазницах благодаря ажурной серебряной оправе, искусно оттеняющей их блеск, а верхушка черепа, как и говорил Чиапас, была срезана и крепилась сзади к нижней части на шарнире, так что могла откидываться наподобие крышки в пивной кружке. Когда Саймон открыл ее, мы не могли удержаться от громких криков восторга, хоть и знали о содержимом черепа, ибо внутри засверкала настоящая радуга ярких и чистых красок от хранившихся там драгоценных камней, значительно меньшего размера, чем глаза черепа, но тем не менее неописуемо прекрасных. Сэр Джаспер, знавший толк в драгоценностях, был совершенно очарован; чтобы разрядить бушевавшее у него в груди волнение, он принялся отплясывать вокруг нас какой-то сумасшедший танец, а затем стал перебирать камни и разглядывать их на свет. Наконец, удовлетворившись, он глубоко вздохнул и тихонько присвистнул про себя.

— Клянусь королевой Бесс, — сказал он, — хотел бы я, чтобы здесь был город Лондон, а вон там, вместо морского берега, река Темза! Ведь на пути у нас столько препятствий: лихорадка, «доны», акулы и штормы, не говоря уже о мастере Джереми Клефане, постоянно попадающем впросак...

— Стоп! — закричал Саймон — А кто это сейчас стал нудным брюзгой и мрачным предсказателем?

Сэр Джаспер рассмеялся и признал, что Саймон взял над ним верх, после чего мы все трое пересчитали камни и взяли их на заметку.

Я уже говорил, что внутри черепа находилось двенадцать камней меньшего размера, чем рубиновые глаза, и в общем так оно и было, однако в глубокой выемке у основания черепа, носящей название «турецкое седло», лежал тринадцатый камень, полностью заполнявший собой впадину «седла», и этот камень был крупнее всех остальных и совершенно на них не похож. Он был округлой формы и довольно тусклой окраски, пока солнечный свет не упал на него, и тогда он заблестел и заиграл всеми цветами радуги, точно маленькая птичка-колибри, поскольку не было ни одной краски, ни одного оттенка, которые бы не светились в нем, — розовые, ярко-алые и багровые, зеленые, синие и золотые цвета — все смешивалось и переливалось в нем, как в перламутровых мантиях огромных тропических раковин, пока глаза не уставали любоваться этой роскошной феерией красок.

— Что это? — воскликнул я, не только ничего не понимая в драгоценных камнях, но даже не зная названий многих из них.

— Опал, — сказал сэр Джаспер. — но ни один христианин не видел еще ничего подобного. Клянусь собственной головой, Саймон, ты не прогадал, спасая того старого мошенника-индейца. И подумать только: с таким приданным

он позволил женщине обвести себя вокруг пальца! У меня просто нет слов!

— «Mon Dieu!», — подхватил я, как сказал бы в данном случае де Кьюзак. Ну а что же остальные камни?

— Вот изумруд, — продолжал сэр Джаспер, выбирая из общей кучки зеленый камень. — А вот эти, голубые, — сапфиры, хотя, на мой взгляд, только один из трех имеет по-настоящему большую ценность; эти четыре прозрачных, словно горная роса, как ты знаешь, алмазы; маленький красный камешек — рубин, как и его родичи снаружи, а вот что это такое — я не знаю! — И он поднял овальный камень цвета зеленого яблока, простенький, как булыжник, но настолько яркой, живой окраски, что именно она и составляла всю его прелесть. Я часто ломал себе голову с тех пор над вопросом, что это был за камень, ибо, как вы узнаете впоследствии, если не бросите читать, опасения сэра Джаспера оказались небезосновательными, и, насколько мне известно, камень так и не попал в руки истинного знатока такого рода вещей*.

Закончив осмотр и оценку камней, мы сложили их снова в череп и, отставив его в сторону, приступили к трапезе, которую приготовил нам сэр Джаспер. Если кто-нибудь полагает, будто я отказался от участия в ней, отягченный страшными воспоминаниями о жестокой схватке в дупле мертвого дерева, то он ошибается: усталость и молодой аппетит взяли свое, тем

---

* Возможно, это был хризопраз? — *Прим. английского издателя.*

более что мясо анаконды действительно оказалось довольно вкусным, похожим на куриное, хоть и отдавало немного мускусом. Во время еды я рассказал своим спутникам о своих ощущениях во время танца со змеей, и Саймон со смехом преподнес мне на память один из огромных зубов, который он вырезал из головы удава. Сейчас, когда я пишу эти строки, я вижу этот зуб перед собой висящим на стене среди прочих диковин и вспоминаю чудовищную голову рептилии, поднимающуюся из полумрака в ответ на мои крики, и дрожь снова пробирает меня, хотя с тех пор прошло уже много лет, и пальцы, сжимавшие шею удава, стали худыми и костлявыми и пригодными лишь для того, чтобы сжимать перо, восстанавливая на бумаге события далекого прошлого...

— Теперь мы обеспечены на всю жизнь, — заявил сэр Джаспер, — остается только доставить сокровище домой; но нам надо быть очень осторожными, и вот что я вам скажу: у меня есть план. Давайте разделим на троих три больших самоцвета — оба рубина и опал, поскольку ценность каждого из них, я считаю, намного превышает стоимость остальных, вместе взятых, — и пусть каждый припрячет свой камень где-нибудь на себе: если мы попадем в руки индейцев или испанцев, они заберут череп и другие камни, но им и в голову не придет обыскивать нас, поскольку они будут уверены, что нашли все!

— А почему бы не разделить все, а череп выбросить? — спросил я.

— Потому, что я очень опасаясь того парня, Сквобблза. Зачем он сбежал на берег в Пор-

ту д'Эспань, если ему ничего не было известно о наших поисках? И помни: он мог где-нибудь услышать легенду о сокровищах мертвой головы. Что скажешь, Саймон?

— Я с вами совершенно согласен: наш приятель Ионас, как вы сказали, знает чересчур много и лучше потерять часть, чем лишиться всего.

— Значит, так тому и быть, — заключил я. — Только обещайте, что какой бы из камней ни достался мне по жребию, череп тоже переходит в мою собственность.

Клянусь собственной головой, — сказал сэр Джаспер, — ты никак решил заняться черной магией? Со змеиным зубом и черепом индейского царя ты сможешь конкурировать с самим Сатаной, тем более что мы находимся поблизости от его владений! Или у тебя распухли мозги и потребовался дополнительный сосуд для их размещения?

Маленький рыцарь рассмеялся своей шутке и весело шлепнул себя по ляжке.

— Увы, — отпарировал я, — если это все, что способны выдать ваши мозги по данному вопросу, то их давно уже пора переместить в сосуд поменьше, а то как бы они совсем не потерялись в таком крупном черепе, как ваш! Однако давайте тянуть жребий!

Саймон протянул нам зажатые в кулаке три палочки, одна из которых была короче и означала «опал»; две других были одинаковы, поскольку рубины ничем не отличались друг от друга и было безразлично, кому какой достанется. Сэр Джаспер тянул первым, я за ним:

конечно, я вытянул короткую палочку, на что маленький рыцарь глубокомысленно заметил: «Мазь идет к масти!»

— Ладно, — сказал я, — но помните: череп остается у меня, как договорились! — После этого мы тщательно и надежно запрятали каждый свой камень, и я аккуратно удалил остатки серебряной оправы из глазниц черепа, причем заметил, что судорога больше не скрючивает мои пальцы. Отдохнув до наступления вечерней прохлады, я вновь почувствовал себя в прежней форме, хотя мышцы рук долго еще продолжали давать о себе знать. Но вот над нами опустился ночной мрак, ведь в здешних краях не бывает сумерек, и мы, установив между собой порядок дежурств, расположились на ночлег. Странное и чарующее зрелище представляло собой при свете полной луны старое дерево сейба, возвышаясь на пустынной вершине голой скалы, точно одинокий часовой, угрюмо и неподвижно смотрящий в беспредельную морскую даль. Ночной ветерок, шелестя листвой деревьев, напевал тихую печальную песенку, словно оплакивал мертвого владыку здешних мест, чьи бранные останки остались лежать между корней истлевшего лесного великана, в дупле которого он прожил столько лет...

С первыми лучами солнца мы покинули это негостеприимное место и направились на запад, обсуждая по пути планы наших дальнейших действий. Нам было ясно, что чем скорее мы доберемся до берегов Англии, тем лучше, однако самый щекотливый вопрос заключался в

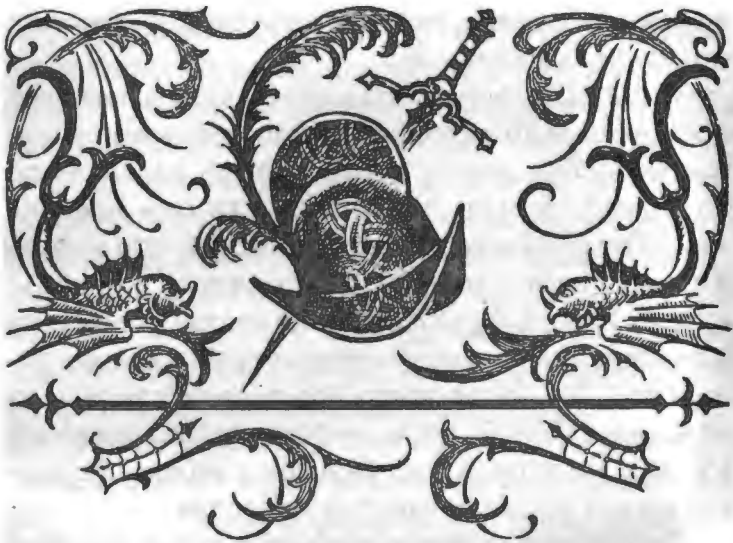
том, каким способом это осуществить; в конце концов мы остановились на варианте, который мог не только помочь нам покинуть остров, но и расквитаться с «донами», ибо ни я, ни сэр Джаспер не забыли кровавой трагедии на «Сан-Фернандо», а что касается Саймона, то он ненавидел «донов», как дьяволов, а может быть, и чуточку больше. Тем не менее, несмотря на всю свою ненависть, Саймон умел при случае перевоплотиться в испанца, да так ловко, что даже пронизательный взгляд отца Мигеля не смог бы распознать в напыщенном и самодовольном «доне» английского разведчика и шпиона, причем одного из лучших в своем деле. В этом ему помогали превосходное знание языка, манер и повадок испанцев, а также густая черная борода и не менее густой загар, покрывавший все его тело.

Именно на его искусство перевоплощения мы возлагали все наши надежды и приняли решение подождать в укромном месте неподалеку от Порт д'Эспань, пока Саймон не разведает, находятся ли в городе люди с затонувшего «Фрэнсиса». В случае положительного ответа он должен будет вместе с ними осуществить наш замысел, который заключался ни больше ни меньше, как в захвате первого попавшегося испанского судна и — «Э-хой, к веселой Англии!» — как говаривал сэр Джаспер. Однако я мечтал о земле несколько более отдаленной, о длинной береговой полосе, омываемой седыми водами благородного залива, и о беспорядочном скоплении уютных домиков маленького городка, где я давным-давно —

во всяком случае, так мне казалось, — служил школьным учителем.

План был достаточно хорош, хотя в нем имелось и немало слабых сторон: так, например, мы не могли знать, добрались ли наши люди до города, а если да, то были ли они все еще там. Трудно было также надеяться, что в гавани нас будет ожидать подходящий корабль, охотно готовый сдаться на милость победителя и беспрекословно отправиться туда, куда мы пожелаем. Но более всего нас тревожила мысль об Ионасе Сквобблзе и о его происках, поскольку, как ни хорош был Саймон в облике испанца, он все равно оставался косоглазым.

Тем не менее иного выхода у нас не было, и мы, пройдя благополучно через столько опасностей и преград, совсем уже было поверили в то, что Госпожа Фортуна не станет напоследок затевать с нами недостойные шутки, хотя сэр Джаспер как-то сказал мне: «Поступки женщины непредсказуемы», — что, как выяснилось впоследствии, в полной мере относилось и к мадам Судьбе.

ГЛАВА 25

О людях с «Санта-Марии»

Нет нужды описывать наше путешествие к побережью, то, как мы обнаружили в заливе стоящее на якоре испанское судно «Санта-Мария» и как его капитан, дон Педро Базан, не без помощи Саймона и по его прямой указке захватил нас в плен вместе с сокровищами; поэтому я начну свое повествование с того момента, когда меня и сэра Джаспера вывели из колючих непроходимых зарослей, в которых мы скрывались.

Во время нашего марша я ни на секунду не сомневался, что в любой момент могу улизнуть от окружавших нас конвоиров, так как это была довольно тщедушная компания молодцов с то-

щими ляжками и впалой грудью, что, однако, мало отражалось на их дыхании, на весь лес благоухавшем чесноком. Однако мысли о бегстве ради спасения не приходили мне в голову. Я был уверен, что Саймон попал в руки испанцев, — иначе откуда бы они узнали не только о нас, но и о том, где мы скрываемся и что скрываем? — но выдать им наши планы он мог только в бреду или окончательно утратив рассудок; в любом случае это означало, что мой друг тяжело и опасно болен и нуждается в помощи. Вспомнив, сколько раз он спасал меня, порой даже рискуя жизнью, я просто не мог безучастно оставить его в руках «донов», независимо от того, болен ли он, ранен или сошел с ума. Точно так же я привязался к веселому маленькому рыцарю и очень бы огорчился, случись с ним подобное несчастье. Поэтому я шагал мирно и спокойно в окружении вооруженного эскорта, ломая себе голову над тем, куда нас ведут, ибо тогда я и понятия не имел, что наши захватчики — люди с «Санта-Марии». Очень скоро, однако, мои сомнения рассеялись, поскольку вместо того, чтобы идти прямо в город, мы свернули направо, к заливу, у берега которого нас ожидали две лодки. Пройдя лишь немного в этом направлении, я услышал сзади крики и шум; миновав поворот дороги, я обернулся и обнаружил, что нас преследует группа вооруженных людей. Как только Базан увидел и услышал их, он приказал поторапливаться и жестом указал на лодки, не обращая внимания на угрозы и требования остановиться. Решив, что среди наших преследователей могут ока-

заться люди с «Фрэнсиса», я стал упираться, стараясь доставить моим конвоирам как можно больше хлопот; убедившись в невозможности справиться со мной по-хорошему, они стали подкалывать меня кинжалами, заставив таким образом двигаться быстрее, но к этому времени догонявший нас отряд уже поравнялся с нами. В конце концов Базан приказал остановиться и выстроил своих людей в две шеренги: первая опустилась на колени, вторая встала за ней в полный рост, держа мушкеты наготове. Тут я увидел, что наши преследователи — отнюдь не люди с «Фрэнсиса», но просто другая группа испанцев и среди них находится наш милейший Сквобблз, громко кричавший и подстрекавший их к нападению на нас. Однако те оказались слишком трусливыми для драки и, увидев перед собой четкий и непреклонный строй людей Базана, остановились в нерешительности, хотя числом и превосходили их вдвое.

Ионас Сквобблз выбежал вперед и, размахивая руками, принялся их уговаривать, на что те, стоя посреди пыльной дороги, лишь переминались с ноги на ногу, никак не реагируя на его призывы. Видя, что ему удалось запугать преследователей, Базан отдал распоряжение медленно отступать к берегу, двигаясь лицом к врагу, и в таком порядке мы приблизились к лодкам. Вот тогда-то, убедившись в невозможности остановить людей с «Санта-Марии» и воспрепятствовать им увести с собой пленников — а вероятнее всего и сокровища, — преследовавшая нас группа набралась храбрости и откры-

ла огонь, убив одного и ранив двоих матросов. Люди Базана ответили дружным залпом, и меня несколько не огорчил вид Ионаса Сквобблза, скачущего на одной ноге, ухватившись за раненое бедро и сыпля яростными ругательствами и проклятиями, тогда как несколько «донов», растянувшись в пыли, по всей видимости, навсегда утратили способность произносить как проклятия, так и молитву. Такой поворот событий разозлил единомышленников Сквобблза, и они набросились на нас, точно стая голодных волков; в течение нескольких минут на берегу кипело настоящее сражение, наполовину в воде, наполовину на суше, но в конце концов люди Базана отбили атаку, потеряв еще двоих убитыми, а трое из берегового отряда плавали в мелкой воде, хотя я не могу сказать, были они ранены или мертвы.

Когда мы отплыли за пределы досягаемости мушкетного выстрела, матросы с «Санта-Мари» разразились торжествующими криками, в ответ на которые с берега донесся нестройный залп, не причинивший нам, впрочем, никакого вреда, как и поток громких ругательств и проклятий; среди последних, кстати, наиболее явственно выделялся знакомый голос Ионаса Сквобблза; подслушивание принесло мало пользы любителю чужих секретов, но зато причинило ему достаточно неприятностей, чтобы отучить от этого занятия навсегда.

Вслушиваясь в яростные и злобные вопли людей на берегу, я подумал, что бедным парням с «Фрэнсиса» теперь, очевидно, придется туго; и действительно, насколько мне известно, ни

одному из них не удалось добраться до Англии, хотя некоторые, возможно, выжили и были спасены Уолтером Рейли, когда тот одурачил «донов», заставив их бесноваться в бессильном гневе на побережье Порт д'Эспань после того, как стало очевидно, что он под покровом ночной темноты проскользнул у них под носом в реку Карони и взял приступом город Сан-Хосе. Но это уже иная история.

Сэр Джаспер находился в другой лодке, и я его не видел, как и понятия не имел о том, где Саймон и что с ним, пока мы не достигли борта «Санта-Марии» — довольно аккуратного суденышка около двухсот тонн водоизмещением, с двенадцатью орудиями и командой из тридцати человек матросов и солдат, не считая тех, кто был убит в схватке на берегу.

Каково же было мое изумление, когда, поднявшись по трапу на палубу судна, я увидел на ней Саймона Гризейла — живого и здорового, если не считать царапины поперек левой щеки и черной повязки на косящем глазу; он стоял, опершись о фальшборт, безучастно глядя на нас, словно видел впервые и не имел с нами ничего общего. Бросив несколько отрывистых фраз дону Педро Базану, он резко повернулся на каблуках и невозмутимо направился в сторону высокой надстройки на полукоте.

У нас не было никакой возможности ни окликнуть его, ни рассмотреть как следует корабль, на который мы попали, ибо меня и сэра Джаспера тут же схватили и потащили вниз, втолкнув в какой-то тесный чулан у самой кормы, где с трудом можно было разместиться

вдвоем и где стоял хорошо знакомый нам отвратительный запах тухлой трюмной воды.

— Клянусь собственной головой, Джереми, — сказал сэр Джаспер, как только избавился от кляпа во рту, — ты не только склонен сам попадать из одной беды в другую, но тебе почему-то обязательно нужно тащить за собой и своих товарищей! Не удивительно, что с тех пор, как я с тобой познакомился, у меня на голове изрядно прибавилось седины — ведь за это короткое время я столько раз был на волоске от смерти, сколько висел на волоске от супружеских уз!

— Тут я ничего не могу поделать, — возразил я, — но хотел бы я знать, что такое произошло с Саймоном?

— Об этом один Бог знает, — ответил сэр Джаспер. — Похоже, он немного тронулся рассудком, хотя трудно предположить, чтобы такое могло случиться с нашим другом Гризейлом, старым воякой! Может, он задумал какойнибудь хитрый трюк и притворяется, играя соответствующую роль?

— Возможно, — с сомнением произнес я, — но если так, то играет он просто гениально. Я опасаясь худшего...

— Клянусь королевой Бесс! — раздраженно прервал меня маленький рыцарь. — Неужели все шотландцы такие зануды? Не унывай, мой широкоплечий друг! Мы с тобой и не в таких передрягах бывали и то выходили сухими из воды; хотя, если говорить откровенно, — добавил он, наморщив нос и принюхиваясь, — такой вонючей воды у нас еще не было!

И он приступил к своей обычной процедуре сморкания, словно для того, чтобы очистить нос от набившегося в него дурного запаха.

Такова была натура сэра Джаспера: чем сильнее опасность ему угрожала, тем больше он оживлялся, и чем мрачнее казалось все вокруг, тем он чувствовал себя веселее; и теперь, вспоминая его неизменные бодрость, оптимизм и присутствие духа, я могу лишь сказать, как если бы он все еще был рядом со мной: «Боже, благослови маленького рыцаря!» — ибо мне мало пришлось встречать на своем пути людей, подобных ему.

Вскоре по усилившейся качке мы поняли, что судно снялось с якоря, и, как не без юмора заметил сэр Джаспер, мы покинули Тринидад такими же пленниками, как и прибыли на него, — только теперь испанскими, а не английскими.

Не могу сказать, сколько времени мы провели в тесном чулане, но прошло немало часов, прежде чем нам было приказано выходить. Нас привели в каюту на ахтердеке и поставили перед доном Педро Базаном — тощим, худым идальго, с высохшего лица которого, казалось, никогда не сходило безразлично-брезгливое сонное выражение: он чем-то напоминал ученого, но больше походил на мошенника. Вместе с ним в каюте находились еще двое: коренастый толстяк по имени Мигуэль и огромный негр, вооруженный тяжелым тесаком. Базан говорил с нами по-английски почти без акцента, и мы рассказали ему нашу историю доволь-

но подробно, только ни слова не упомянули ни о Саймоне, ни, конечно, о крупных самоцветах, надежно припрятанных среди наших скудных пожитков. Он холодно заявил нам, что считает нас своими пленниками, а конфискованные драгоценности — своим трофеем; более того, он намерен был получить за нас выкуп после того, как «Санта-Мария» прибудет в Кадис, куда она направлялась; в противном случае он собирался передать нас в руки Его Католического Величества и Святой Инквизиции. Он подробно расспрашивал нас о том, кто мы такие, и проявил большой интерес к моей фигуре, заявив, что никогда не видел ничего подобного, и всячески пытался уточнить, много ли в Шотландии людей такого телосложения.

Он также интересовался насекомыми и разными представителями фауны, которых мы видели во время поисков сокровищ мертвой головы, и даже снизошел до улыбки, когда сэр Джаспер заявил, что о насекомых мы знаем только то, что они здорово кусаются. Затем дон Базан долго переговаривался на незнакомом языке с Мигуэлем, представлявшим собой полную его противоположность. Это был низенький толстый человечек с самыми маленькими ручками из всех, какие мне доводилось видеть у мужчины, и с узкими, постоянно моргающими глазами, наполовину скрытыми за пухлыми щеками. Пальцы его украшало множество перстней, и речь была торопливой и невнятной, причем он имел гнусную манеру в разговоре постоянно брызгать слюной, что создавало немало не-

удобств для сэра Джаспера, стоявшего к нему ближе всех.

Оба испанца, насколько я мог судить, пребывали в отличном расположении духа, и Базан, казалось, даже временами пробуждался от своего полусонного состояния. В конце нашей беседы он сказал, что в дневное время нам разрешается свободно выходить на палубу, однако предупредил, чтобы мы не вздумали замыслить какую-нибудь каверзу. Затем он отпустил нас, чему мы немало обрадовались, так как в этом человеке было нечто, вызывавшее в нас неосознанную тревогу. Вскоре мы обнаружили, что, будучи свободными на палубе, мы не были свободны от бдительного ока негра, неизменно следовавшего за нами по пятам и повадившегося спать под дверью нашего чуланчика. Звали негра Габриэль, и сэр Джаспер, разумеется, не замедлил тут же окрестить его «архангелом»*, немало при этом потешаясь.

И в самом деле, очень уж зловецким «архангелом» он выглядел: громадный верзила с огромным бесформенным ртом и с единственным глазом — во всяком случае, единственно здоровым, ибо второй представлял собой сплошное беловато-сизое бельмо, придававшее негру жуткий, апокалипсический вид. Но хуже всего было то, что в его пасти вместо языка болтался лишь короткий обрубок, и поэтому речь его походила на нечленораздельное рычание

---

* Габриэль (Гавриил — в русской транскрипции) — архангел, известивший Деву Марию о том, что она родит Иисуса Христа.

зверя из которой мы ничего не могли понять, вот, как я убедился впоследствии, у Педро Вазана был к нему ключ.

Очутившись на палубе, мы огляделись по сторонам, но ничего не увидели, кроме окружавшего нас бескрайнего водного пространства и серебристого сверкания удивительных летучих рыб, стайками взвивавшихся то тут, то там над поверхностью моря. «Санта-Мария» неторопливо разрезала волны носом, несмотря на довольно свежий бриз, гудевший и посвистывавший в снастях, и было ясно, что она далеко не из самых быстрых ходоков.

Подобно большинству испанских судов, у нее была высокая корма, глубокий мидель и низкий фордек, под небольшим углом поднимавшийся вверх до поворотного лафета носового орудия у основания бушприта, под которым красовалась вырезанная из дерева фигура Девы Марии, чье имя носило судно — трехмачтовый барк с косой бизанью. Несчастливая Дева имела весьма плачевный вид: от морской воды и непогоды краска с нее облупилась настолько, что можно было подумать, будто она переболела оспой; правда, как утверждал сэр Джаспер, она выглядела намного приятнее, чем Железная Дева, которую — я, кажется, не упомянул об этом — английские моряки разломали на сотню кусков, обнаружив ее в трюме «Сан-Фернандо» со свежими следами крови на стальных пипах и получив от сэра Джаспера объяснение о причине возникновения этих следов.

Но вернемся к «Санта-Марии»: мы всячески пытались завязать контакт или хотя бы пе-

ремолвиться словечком с Саймоном, однако его нигде не было видно. Я просто не знал, что и подумать, и едва прислушивался к рассуждениям сэра Джаспера, пытавшегося, как всегда, найти наиболее благоприятный ответ и развеять мои тревоги и подозрения. Наш черный «архангел» Габриэль не только не отходил от нас ни на шаг, но и не разрешал нам даже на минуту расставаться друг с другом, словно овчарка, сгоняющая в стадо своих разбегающихся подопечных. Уродливое лицо его было не проницаемо, точно маска, на которой невозможно что-либо прочесть, и общался он с нами только жестами, в основном угрожающими; у него была милая привычка любовно проводить большим и указательным пальцами вдоль острого как бритва лезвия своего палаша, что вызвало у нас необычное и весьма неприятное ощущение в области затылка.

Было бы слишком утомительно описывать по порядку все, что случилось во время нашего путешествия в Испанию, поскольку, как я уже сказал, «Санта-Мария» оказалась изрядным тихоходом и еле тащилась, точно улитка, с трудом пробираясь сквозь плотные заросли морских водорослей, носивших название «саргасы», или вообще неделями замирала без движения под ослепительным солнцем на гладкой, словно стекло, поверхности океана, не тревожимой ни малейшим ветерком.

Мне кажется более рациональным упомянуть о главном, о том, что привело к самой неожиданной и невероятной трагедии из всех, когда-либо разыгрывавшихся на морских про-

сторах, к событию, которое унесло немало жизней и заставило «Санта-Марию» повернуть форштевень на север и плыть дальше под флагом с изображением английских львов вместо замков Испании и, более того, неся на корме еще один, не менее гордый флаг, о чем вы узнаете со временем.

Начну с того, что, к нашей великой радости, мы на третий день после отплытия из Тринидада увидели наконец Саймона. Он стоял на фордеке, разодетый, точно испанский гранд, мурлыкая себе под нос мотив какой-то песенки и делая вид, будто не только не имеет с нами ничего общего, но даже и не желает нас замечать. Мы прошли рядом с ним, не обменявшись ни словом, ни знаком, ибо огромный негр неотступно следовал за нами, постоянно следя за каждым нашим движением, за каждым жестом, страстно желая — я в этом несколько не сомневался, — чтобы мы дали ему повод заподозрить нас в ослушании. Мы даже переговаривались шепотом с сэром Джаспером, опасаясь, что негр понимает по-английски, и, конечно, ни словом не упоминали о больших самоцветах, которые оставались надежно спрятанными.

Что же касается черепа и остальных сокровищ, то мы не видели ни того ни других, хотя дон Педро Базан не раз приглашал нас к себе и охотно беседовал на различные темы. Он свободно владел английским языком и проявлял недюжинные познания во многих вопросах, но особенно его интересовала Англия, ее города и крепости, ее порты и корабельные верфи и мно-

жество других вещей; однако он так хитро и ловко строил беседу, что казалось, будто это он делится сведениями с сэром Джаспером, а не выпрашивает их у него. Тем не менее даже сейчас, восстанавливая в памяти то, о чем наболтал ему сэр Джаспер, я едва могу удержаться от смеха — я, которому приличествует ныне задумываться о других, более высоких, материях, а меньше всего о делах давно прошедших дней. Но как бы там ни было, я улыбаюсь про себя, когда вспоминаю маленького рыцаря, пытающегося с ликом праведника и наивными глазами невинной девицы одурачить чопорного и самодовольного «дона», выдавая ему за святую истину самую откровенную ложь.

Черт побери! Порой мне с трудом удавалось сохранять невозмутимость: ведь даже я знал, что нет никаких двадцати крепостей вдоль побережья Ла-Манша, как нет и дюжины трехпалубных военных кораблей в каждом из крупных английских портов; однако дон Педро Базан всасывал в себя всю эту чепуху, как когда-то в детстве, несомненно, всасывал молоко кормилицы, хотя трудно было определить, что он при этом думал, поскольку его сонное, худое и морщинистое лицо оставалось абсолютно беспристрастным. Впоследствии мы узнали, что он собирал сведения для командования огромной флотилии, чье строительство к тому времени подходило к концу, той самой Великой армады, которая, по милости Провидения и благодаря стараниям Хоурда и сэра Фрэнсиса, превратилась в обильную пищу для огня и беспомощную игрушку для ветра и волн, хоть и

была, как вам, очевидно, известно, наречена «Непобедимой». Только на это и хватило папского благословения и торжественных молебнов со святой водой!

Толстяк Мигуэль был фактически капитаном барка, и мы редко видели его, если не считать случайных встреч на палубе, но и здесь старались держаться подальше от его фонтанирующего рта; что касается остальных членов команды, то черный Габриэль препятствовал всякому общению с ними, не отпуская нас от себя ни на шаг, точно комнатных собачек на поводу.

Некоторое время я подозревал, что Базан знает о Саймоне больше, чем делает вид, однако если на первых порах у него и были определенные сомнения, то спустя месяц они перестали его беспокоить, и он прекратил всякие попытки поймать нас врасплох. И в самом деле, что общего могло быть между нами и надменным испанцем, роль которого превосходно играл Саймон и который едва достаивал нас пренебрежительно-холодным взглядом, проходя мимо по палубе и напевая себе под нос какую-нибудь бравурную мелодию? Я никак не мог объяснить себе причину подобной трансформации и терялся в мучительных догадках, в то время как сэр Джаспер продолжал лелеять надежду, что это не что иное, как хитрая уловка старого разведчика; однако по мере нашего приближения к берегам Старого Света эта надежда и у него постепенно угасала.

— Почему он не воспользовался помощью людей с «Фрэнсиса»? — допытывался я. — Как он попал на «Санта-Марию» и зачем выдал нас

Педро Базану? Неужели в качестве оплаты за проезд до Европы? Нет, он, наверное, сошел с ума!

— Это ты сошел с ума, Джереми! — возмущался сэр Джаспер. — Как ты посмел заподозрить такое? погоди немного, и все разъяснится само собой!

— Сколько же еще ждать? — не сдавался я. — Каждый час приближает нас к проклятой инквизиции. Если мы ничего не придумаем для нашего спасения, то скоро вновь увидим Железную Деву!

Подобные разговоры мы вели глубокой ночью, так как только в это время были избавлены от назойливого присутствия Габриэля, хотя негр спал под нашей дверью, точно сторожевой пес, и по нескольку раз в течение ночи заглядывал к нам, дабы убедиться, что мы никуда не исчезли. Я больше не мог без гнева и отвращения видеть его уродливое лицо со слепым бельмом вместо глаза и с безъязыким ртом, лицо, которое никогда не менялось, но постоянно следило за нами, зорко подмечая любое наше движение.

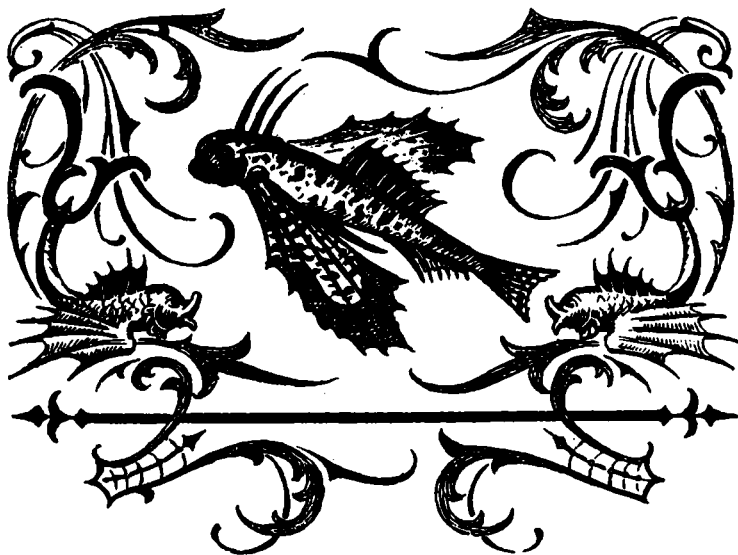
Команда «Санта-Марии» состояла из людей многих национальностей, и объяснялись они между собой на каком-то варварском наречии, совершенно нам не понятном. Среди них было два настоящих моряка из Генуи, находившихся под непосредственным началом Мигуэля, выполняя функции младших офицеров; остальные представляли собой весьма разношерстную компанию, в которой попадались всякие типы, однако я не заметил среди них ни одного благородного лица. Сперва они поглядывали на нас с

любопытством, но вскоре вообще перестали замечать, с полным безразличием относясь и к нам, и ко всему, что их окружало: так, они проявили мало теплоты и сочувствия, когда один из них, молодой матрос, сорвался с реи и на смерть расшибся о палубу, а другой умер от какой-то внутренней болезни. Саймон с безразличным видом прохаживался среди них на фордеке, не заговаривая ни с кем, хотя они, насколько я мог заметить, испытывали какой-то благоговейный страх перед этим высоким худым человеком с черной повязкой на глазу.

И сегодня, спустя столько лет после описываемых событий, я все еще могу вызвать в своей памяти эту картину на борту «Санта-Марии»: тонкая дрожащая струйка дыма над крохотной трубой камбуза на полубаке, группа темнокожих матросов, болтающих на тарабарском языке или пытающихся подцепить пучок водорослей, лениво проплывающих мимо нашего борта, Саймон, расхаживающий взад и вперед по фордеку, напевая про себя мелодию какого-нибудь воинственного марша в то время, как я и сэр Джаспер с грустью и недоумением наблюдаем за ним с кормы, а наш черный «ангел-хранитель» в свою очередь наблюдает за нами. Я могу отчетливо представить себе дона Педро Базана и капитана Мигуэля, мирно беседующих между собой, — одного угрюмого и сонного, точно сова, а второго громко хохочущего над собственной грубой шуткой и брызгающего коричневой от табачного сока слюной на грязные доски палубы; хмурого генуэзца, стоящего за огромным колесом штурвала, внимательно

следуя за наполнением парусов и раскачиванием бушприта, соперничая невозмутимостью с деревянной фигурой на носу судна, настолько неподвижно возвышался он на корме «Санта-Мари», если ветер был попутный и все протекало нормально.

Когда я сижу сейчас здесь, в своем старом кресле, посасывая мою добрую трубку, мне кажется, будто все это происходило лишь вчера и только один день отделяет меня от того времени, когда я был пленником на борту испанского барка; но всякий раз, возвращаясь мысленно в те далекие дни, я вспоминаю одно ясное прохладное утро, когда неожиданно, словно гром с ясного неба, произошел резкий поворот событий, когда сталь зазвенела о сталь и алая кровь потекла в шпигаты под аккомпанемент проклятий и пистолетных выстрелов, — день, коренным образом изменивший многое, в том числе и курс «Санта-Мари».

ГЛАВА 26

О песенке Саймона и о ее последствиях

Дни тянулись за днями, и днище барка все сильнее обрастало морскими водорослями, в результате чего судно еще более замедлило ход; однако все в этом мире рано или поздно приходит к своему концу, и наше путешествие тоже приближалось к финалу, ибо изменившийся цвет моря свидетельствовал о близости суши, а однажды к нам на борт залетела маленькая береговая птичка и некоторое время отдыхала, сидя на рее, что было воспринято как добрый знак и дало повод для устройства молебна в честь всех святых и непорочной Девы Марии.

За все время плавания мы видели только одно судно, но что оно собой представляло, я

не могу сказать, поскольку при первом же отблеске солнца на его брамсеях Габриэль загнал нас в трюм и запер в чулане, а когда нам была предоставлена свобода вновь выйти на палубу, судна уже не было и в помине. Утомительное однообразие нашего путешествия было настолько невыносимо, что, даже зная, какой прием ожидает нас в Испании, я с радостью и нетерпением думал о той минуте, когда снова увижу деревья и зеленые поля, если, конечно, мне удавалось отрешиться от других мыслей: о монашеских рясах, о тюремных стенах и о пытках в тайных подвалах Святой Инквизиции.

Сэр Джаспер, немного приунывший за последнее время, тоже приободрился, особенно когда увидел птичку, и, раздобыв где-то перо и чернила, тут же сочинил оду в честь пернатого путешественника. Признаться, я не помню из нее ни строчки, но зато отлично помню, как она создавалась: маленький рыцарь корпел над ней битых два часа, а я вынужден был торчать рядом с ним все это время, наблюдая, как он дергает себя за бороду, ерошит волосы и подкручивает усы, за которыми он тщательно ухаживал и даже ухитрялся ежедневно смазывать невесть откуда добываемым ароматическим снадобьем.

Настроение команды, однако, за последнее время заметно упало, и я обратил внимание на то, что работу свою они выполняют молча и неохотно и частенько собираются в небольшие группы и перешептываются, причем довольно оживленно, как можно было судить по их лицам и

жестам. Я не знаю, видел ли все это Базан, постоянно возившийся со своей внушительной коллекцией диковинных жуков и исполинских бабочек, но в том, что капитан Мигуэль не замечал ничего, я был совершенно уверен, поскольку, доведя судно до здешних широт, последний счел, очевидно, свою задачу выполненной и поэтому начал активно прикладываться к бутылке, ежедневно нетвердой поступью возвращаясь к себе в каюту с мозгами набекрень и с пылающими багровым румянцем щеками. Я видел, что подобное положение дел устраивало команду, и особенно одного неприятного типа по имени Альфонсо, исполнявшего обязанности командира мушкетеров. Это был низенький человечек, худой и жилистый, с длинными усами и клочком редких волос на подбородке, и, хотя у меня не было для этого никаких оснований, я тем не менее сразу отнес его к категории негодяев, как только впервые увидел; впоследствии, правда, я почти не обращал на него внимания.

Однажды, выйдя на фордек, мы приблизились к нему, когда он громким голосом внушал что-то собравшимся вокруг него матросам. При виде нашего негра он запнулся, но всего лишь на мгновение, после чего снова принялся разглаживать, и хотя я не понимал их наречия, но мог бы поклясться, что он сменил тему. Все это заставило меня задуматься, но я ничего не сказал тогда сэру Джасперу, чтобы не услышал Габриэль, и правильно сделал, как показали дальнейшие события.

На второй день после того, как береговая птица удостоила нас своим визитом, мы с сэром

Джаспером прогуливались по шкафуту, когда мимо, не торопясь, прошагал Саймон, как всегда напевая про себя какую-то бодрую песенку. Он трижды прошелся туда и обратно, и я, помнится, еще подумал, что вид близкого берега, возможно, вернет ему рассудок и вынудит к активным действиям; однако на третий раз содержание песенки неожиданно привлекло к себе мое внимание, ибо в ней были следующие слова:

*На мачту, рыцарь и простак,
когда споет труба,
тогда войну затеет враг,
и закипит борьба!*

Как я уже сказал, он трижды прошел мимо нас, и сэр Джаспер вполголоса пробормотал: «Бедняга Саймон!» — но тут я вздрогнул и едва удержался от крика, потому что, когда старый разведчик продефилировал мимо в последний раз, я заметил, что его указательный палец легонько касается носа знакомым мне жестом, о котором я уже упоминал прежде. Словно молния, сверкнувшая в темноте, меня осенила догадка, и я понял, что в течение этих долгих недель Саймон дурачил нас всех и его острый ум не только не ослабел, но продолжал напряженно работать, обдумывая план нашего спасения, очевидно, уже созревший. Все эти мысли мгновенно пронеслись у меня в голове, но Саймон уже ушел, прежде чем я успел подать ему ответный знак; да это, пожалуй, было и к лучшему, так как наш негр Габриэль не пропускал мимо своего внимания ни малейшего движения, жеста

или слова, хотя он вряд ли обратил внимание на положение указательного пальца Саймона, поскольку у «желтокожих» не было привычки приставлять палец к носу перед тем, как выкинуть какую-нибудь шутку или проказу. Я не могу описать радость, которую доставил мне этот незамысловатый жест, но мне пришлось удерживать ее при себе, пока нас не заперли в чулане, и тогда я рассказал обо всем сэру Джасперу. Он мне не поверил и высмеял то, что посчитал плодом моего пылкого воображения.

— Опомнись, Джереми, — сказал он. — Что это еще за знак такой? Всего лишь случайность, наверное, да и, кроме того, какой смертный сможет так долго притворяться и не выдать себя?

— Саймон не простой смертный, — возразил я, — и у него голова получше, чем обе наши, вместе взятые; что вы скажете, например, о его пении?

— Не кощунствуй! Разве это пение? Больше похоже на хрюканье дикого кабана! У бедняги Саймона совершенно отсутствует слух!

— Хрюканье или нет, — горячо настаивал я, — но что касается слов...

— Слов! — воскликнул сэр Джаспер.

— Ну да, слов, — продолжал я. — Разве вы их не слышали?

— Ничего я не слышал, кроме невнятного бормотания, и, конечно, не придал ему никакого значения!

— Тогда что вы скажете об этом:

*На мачту, рыцарь и простак,
когда споет труба,*

*тогда войну затеет враг,
и закипит борьба!*

— Чтоб мне пропасть, если здесь не таится некий скрытый смысл! Однако кто знает, Джереми? Как и твой пресловутый жест, все это может ничего не означать.

— Ну да, или означать слишком многое! — не унимался я. — Впрочем, время покажет...

— Верно, о достойный сын скоттов*, — согласился маленький рыцарь, — и, как я где-то читал, «хватает зла для дня сущего!»**

— Дай-то Бог, — согласился я, ощущая в себе новый прилив сил и надежд, — только в данном случае следовало бы написать «добра» вместо «зла».

— Аминь, — сказал сэр Джаспер, слегка прочищая нос. — Однако заметь, Джереми: если ты прав относительно Саймона, то план в его светлой голове, несомненно, означает «зло» для определенных людей, и я смею надеяться, что в их число попадет и наш безъязыкий черный приятель, ибо он уже давно мне надоел и, по-моему, будет отлично выглядеть на конце пики!

— Кто знает? — пожал я плечами. — Я уже держал одного там; возможно, будет и другой. Но что вы скажете про стишок?

— Не очень складный, но вполне понятный, поскольку ты — простак, а я — рыцарь и, ка-

* Скотты — группа кельтских племен, в древности населявших Ирландию и Шотландию.

** «Довлеет днєви злоба єго» — старинное библейское изречение; в переводе на современный язык означает: «Хватает дню его забот».

жется, нам почему-то надо залезть на мачту; во всяком случае, стишок нас о чем-то предупреждает.

— Очень хорошо; а как насчет трубы?

— А, труба! Да, наверное, сигнал, вне всякого сомнения. Клянусь королевой Бесс, задал же он нам загадку! Однако — тсс!..

Он замолк, потому что в замке заскрежетал ключ и в следующее мгновение в дверях показалась уродливая физиономия Габриэля, положив конец нашей беседе; тем не менее в голове у меня продолжали звучать слова песенки Саймона, и, хоть я не мог пока полностью разрешить их загадку, меня не покидала уверенность в том, что скоро все прояснится и встанет на свои места.

В ту ночь, очевидно инстинктивно заподозрив неладное, негр следил за нами так пристально, что дальнейшее обсуждение проблемы оказалось невозможным, поскольку нам не было известно, знает ли он английский язык, и поэтому мы в его присутствии всегда принимали крайние меры предосторожности, боясь проговориться о наших спрятанных самоцветах, которые, как мы решили, ни при каких обстоятельствах не должны были попасть в руки «донов».

На следующий день после того, как Саймон прошествовал мимо нас, распевая свою песенку, смысл загадки разъяснился, и мне, пожалуй, до гробовой доски не забыть то утро, тем более что я храню его в памяти вот уже более пятидесяти с лишним лет. Оно было прохладным и солнечным, когда, сопровождаемые на-

шим вооруженным тесаком стражем, мы поднялись из кормового трюма и вышли на шкафут. Бодрящий ветерок дул с кормы в полрумба к нашему курсу, и барк грузно переваливался с волны на волну, шлепая днищем по воде и оставляя за собой пенящийся кильватерный след.

Небольшие зеленые волны с белыми гребнями наперегонки гонялись друг за другом по широкому морскому пространству, и утреннее солнце ослепительно сверкало на их спинах, отбрасывая вокруг бесчисленные россыпи ярких «зайчиков». Очень скоро я заметил на формарсе впередсмотрящего и понял, что он там для того, чтобы первым обнаружить на горизонте далекий берег Испании; однако никаких признаков земли до сих пор не было видно, и горизонт со всех сторон оставался чист, как и в течение многих долгих дней до сих пор.

Базан находился на ахтердеке и, по своему обычаю, вежливо поздоровался с нами, сопроводив пожелание доброго утра изящным поклоном. У него был весьма довольный вид, и улыбка пересекла его морщинистое лицо, когда он поздравил нас с приближающимся благополучным окончанием нашего путешествия.

— Может быть, может быть, — беспечно возразил ему сэр Джаспер, — однако у нас в Англии имеется поговорка: «Хоть путь невелик между ложкой и ртом, — сперва донеси, похваляйся потом!»

Базан вздрогнул и быстро взглянул на негра, но через мгновение вернул себе прежнее самообладание.

— Вы, англичане, осторожные люди, — сказал он, — и поговорка очень вам соответствует! — С этими словами он повернулся на каблуках и направился к Мигуэлю, беседовавшему с одним из гемуэзцев, прислонившись к бульварку. Второй гемуэзец вместе с матросом-помощником стоял у штурвального колеса, с трудом удерживая судно на курсе: ветер, хоть и благоприятный, дул короткими сильными порывами, так что «Санта-Мария» постоянно рыскала из стороны в сторону и требовала большого внимания и аккуратности при управлении.

— Здоровенную блоху запустили вы «дону» за шиворот, — сказал я сэру Джасперу, и маленький рыцарь лукаво подмигнул мне. Но ничего не ответил.

Мы медленно прогуливались по шкафуту с черным «архангелом», следовавшим за нами словно тень, и я заметил, что на палубе совсем мало народу, не более шести человек в общей сложности, тогда как по утрам здесь обычно бывало, как правило, вдвое больше. Я все еще продолжал размышлять над этим странным феноменом, ведь на море обращаешь внимание на всякую мелочь, когда из носового люка показалась голова Саймона, а за ней и его объемистые плечи; заметив нас, он тотчас же указал жестом на грот-мачту — раз, затем другой, — и в это время откуда-то спереди прозвучал резкий сигнал горна, разнесшийся по всему судну, — совершенно необычный звук посреди безбрежной водной пустыни. Увидев жест Саймона и услышав звук трубы, сэр Джаспер метнулся к вантам.

— На мачту, Джереми! — закричал он. —
Вспомни стишок! Стишок!

— Сейчас! — откликнулся я, хотя прежде должен был вмешаться в естественный ход событий, потому что Габриэль одним прыжком достиг моего товарища и уже занес над ним свой ужасный тесак; однако опустить его он не успел, поскольку я бросился ему под ноги и, применив всю свою силу и ловкость, сшиб огромного негра на палубу. В следующее мгновение маленький рыцарь и я уже карабкались по вантам с поспешностью, достойной двух заправских обезьян!

Мы не останавливались ни на секунду, пока не очутились в относительной безопасности на узкой площадке в месте соединения второго и третьего колен мачты, и здесь мы некоторое время переводили дух, прежде чем оглядеться по сторонам. Посмотрев вниз, я убедился, что на палубе все перемешалось, точно по волшебству, и от души порадовался нашему укромному месту на салинге. Фордек и шкафут кишели вооруженными людьми, возбужденными и злобно орущими на тех, кто стоял на корме. Базан, Мигуэль, оба гемуэзца, рулевой и негр, успевший подняться на ноги и присоединиться к ним, составляли жалкую кучку, противостоявшую осатаневшей толпе. Отсюда мне видно было, как Мигуэль пытался что-то сказать, обращаясь к взбунтовавшейся команде, но шум и гам на палубе стояли такие, что слова его до нас не доносились.

Саймон стоял на фордеке, несколько в стороне от остальных, размахивая своими длин-

ными руками, точно ветряная мельница крыльями, и явно подстрекая толпу, ибо всякий раз, когда шум несколько затихал, я слышал его громкий бас, после чего крики и вопли вспыхивали опять с удвоенной силой.

— Господь Всемиловитый! — воскликнул сэръ Джаспер. — Видел ли кто когда-нибудь нечто подобное? Однако у меня голова идет кругом, как у совы!

— Держитесь за ванты, — ответил я ему. — Ручаюсь, мы с вами окажемся свидетелями серьезного кровопролития!

— Bravo, Саймон! — закричал маленький рыцарь. — Клянусь честью, Джереми, ты свалил проклятого черного «архангела», как если бы тот был сражен пулей из мушкета! Но взгляни-ка, что там еще?

С нашего высокого насеста открывался вид почти на всю палубу, хотя предметы и люди выглядели отсюда довольно странно — низенькими и кургузыми, словно два враждующих племени пигмеев выстроились в боевой порядок друг против друга. Некоторое время из-за шума ничего нельзя было разобрать, но затем я услышал голос Базана, перекрывавший крики толпы:

— Назад, грязные псы! — кричал он по-испански. — Прочь в свою конуру! — После чего слова его вновь потонули в очередном взрыве гневных возгласов и проклятий, хотя я до сих пор так и не мог постичь причину всей этой кутерьмы.

Внезапно из толпы вперед выскочил человек и обратился к остальным с призывом к

нападению. Это был Альфонсо, капитан мушкетеров, и лучше бы ему не высовываться, потому что капитан Мигуэль выхватил пистолет из-за пояса, раздался громкий треск, и Альфонсо, подпрыгнув на месте, свалился ничком на палубу. Мятежники — поскольку таковыми они, несомненно, являлись — при виде случившегося в ужасе отпрянули назад, но, как только дикие крики Саймона достигли их ушей, с яростными воплями бросились на ахтердек, размахивая палашами и саблями.

Я перегнулся через плетеную ограду «вороньего гнезда», как принято называть площадку между стеньгой и брам-стенъгой, с любопытством ожидая, что будет дальше, когда сэр Джаспер потянул меня за рукав и указал вперед и вниз. Я посмотрел в указанном направлении и увидел Саймона, торопливо взбирающегося по вантам на фок-мачту; впередсмотрящий на фор-марсе тоже заметил его и явно был до смерти напуган видом этого странного одноглазого испанца, с каждым мгновением приближавшегося к нему. Мы видели, как он выхватил нож, метнулся туда-сюда и затем замер в ожидании у места крепления снасти, по которой поднимался Саймон. Однако не успел старый разведчик приблизиться к нему и на шесть ярдов, как вся решимость парня улетучилась, и, когда Саймон, подтянувшись, взобрался на площадку марса, отважный впередсмотрящий скользнул вниз по вантам противоположной стороны со всей скоростью, на какую были способны его руки и ноги. Поднявшись на марсе, Саймон обернулся и пома-

жал нам рукой; затем, приставив ладони рупором ко рту, он прокричал:

*На мачту, рыцарь и простак,
когда споем труба,
тогда войну затеет враг
и закипит борьба!*

С этими словами он указал вниз, на палубу, и расхохотался.

— Клянусь собственной головой, Джереми, — сказал сэр Джаспер, лихорадочно сигналив ему в ответ, — разве не прав я был относительно нашего доброго старого Саймона? Однако провалиться мне, если там, внизу, не разгорается веселое дельце!

И действительно, на палубе завязалась отчаянная битва за овладение кормовой частью судна. Трех мятежников постигла участь Альфонсо, но и сторонники Базана потеряли одного из генуэзцев, а у капитана Мигуэля бесполезно свисала вдоль туловища раненая рука. Вместе с тем в тот самый момент, когда мы взглянули вниз, негр-исполин спрыгнул сверху на ступеньки трапа, ведущего на полуют, и с такой бешеной энергией набросился на нападавших, что двое из них тут же свалились бездыханными; впрочем, через мгновение толпа вновь оттеснила его и расчистила себе путь на ахтердек. С торжествующими возгласами мятежники полезли на трап, однако Базан, Мигуэль и негр оказали им такой яростный отпор, что те откатились назад, на шкафут. И снова нападавшие с громкими криками устремились в атаку; маленькая кучка людей на корме от-

важно встретила их лицом к лицу, но защищавшиеся уже были обречены. Некоторое время слышался звон металла о металл, и люди падали или пятились назад, но затем мы увидели, как был сражен Мигуэль, как пронзили саблей насквозь генуэзца, и остались только Базан, негр и рулевой. Последний, могучего телосложения детина в красном вязаном колпаке, внезапно оставил штурвал и присоединился к сражающимся, и эти трое настолько умело и ловко обрабатывались с оружием, что трусливая команда мятежников снова беспорядочно отпрянула назад.

— Bravo! — закричал сэр Джаспер. — Чем больше они перебьют друг друга, тем лучше для нас! Дай Бог, чтобы они не успокоились до черной зари!

— Боюсь, так не получится, — возразил я, ибо в этот момент лишенное управления судно развернуло лагом к ветру; огромные паруса барка с треском прижались к мачтам и стеньгам, заполоскав под дуновением свежего бриза, затем снова раздулись, попав под ветер, и «Санта-Мария» начала вести себя, словно пьяный бродяга, то дергаясь вперед, то шарахаясь назад, то раскачиваясь из стороны в сторону так, что концы мачт чертили по безоблачному небу широкие окружности, а нос пересекал подряд все компасные румбы. На узкой площадке салингга было трудно удержаться и еще труднее наблюдать за сражением. Крепко уцепившись за растяжки брам-стеньги, я лег на живот и взглянул на палубу, однако некоторое время ничего не видел из-за огромного грота, болтавшегося на рее, точно простыня, вывешенная на

веревке для просушки, и скрывавшего от меня все, что творилось внизу, хотя звуки ударов, крики и ругательства совершенно явственно раздавались в моих ушах.

Наконец судно встало кормой под ветер, грот наполнился, и я отчетливо увидел палубу. Базан и рулевой матрос все еще стояли на ногах, но негр исчез, и, как ни странно, на палубе нигде не было ни его, ни его мертвого тела. Я поспешно огляделся, опасаясь, как бы он не последовал в погоню за нами, однако на вантах никого не было видно; тогда я решил, что его, очевидно, выбросили за борт. Тем временем битва, по всей видимости, подходила к концу, так как силы были явно неравны: двое против почти двух десятков, — и я затаил дыхание в ожидании трагического финала. Мятежники предприняли еще одну атаку на кормовой трап, скользкий теперь от пролитой крови, и я усмехнулся про себя при мысли о том, что глупцам даже не пришло в голову обойти корму по бульварку и взобраться на полуют с тыла, чтобы атаковать противника сзади или хотя бы заставить его разделиться. Я поделился своими замечаниями с сэром Джаспером, и он добродушно рассмеялся.

— Все это лишь нам на пользу, Джереми, — сказал маленький рыцарь. — О, да этот Базан — отличный фехтовальщик! — одобрительно добавил он. — Как ловко он проткнул насквозь вон того бездельника! Гром и молния! А тот здоровяк крушит черепа, словно яичную скорлупу! Хотелось бы мне очутиться там, среди них!

— Смотрите! — закричал я. — А вот и наш черный «архангел»!

И действительно, это был Габриэль, внезапно вынырнувший из двери капитанской каюты*, расположенной под трапом, ведущим на полуют; приглядевшись повнимательнее, я заметил, что в одной руке он держит знакомый мне череп. Мы молча наблюдали, как он высоко поднял череп над головой, чтобы все имели возможность его увидеть, и громко расхохотался в ответ на раздавшиеся вокруг растерянные и изумленные возгласы. Не думаю, чтобы мне когда-либо еще приходилось слышать такой жуткий звук, как этот нечеловеческий дикий хохот, вырвавшийся из безъязыкой пасти голого по пояс огромного негра, который стоял на залитом кровью палубном настиле, держа в руке мертвую голову давным-давно почившего короля. Он смеялся, наслаждаясь зрелищем окаменевших от неожиданности мятежников, затем быстрым движением откинул крышку черепа и высыпал его содержимое себе на ладонь. Толпа увидела сокровища и метнулась к нему в отчаянной попытке предотвратить непоправимое, но, несмотря на то что остановить их никто уже не мог, поскольку рулевой матрос лежал бездыханным, распростершись на шкафуте, а израненный Базан, пошатнувшись, в изнеможении опустился на одно колено, продолжая сжимать в окровавленных пальцах рукоять шпаги, было уже поздно.

---

* Имеется в виду, очевидно, кают-компания.

Какое-то мгновение драгоценные камни лежали в широкой черной ладони негра — сверкающая многоцветная кучка, — но в следующий миг он, под аккомпанемент зловещего хохота, размахнулся и швырнул их за борт. Промелькнув в воздухе крохотными огненными искорками, они исчезли навсегда в зеленой пучине волн, чтобы никогда больше не тревожить человеческие алчность и тщеславие.

С яростным криком Габриэль метнул череп мертвого императора в толпу осатаневших мятежников и, отстегнув свой огромный палаш, принялся разить направо и налево всех, кто попадался ему под руку. Двое упали с черепами, разрубленными до подбородка, но остальные навалились на негра со всех сторон. Он вышался над ними, точно медведь над сворой собак, и казалось, будто он сражается с ними голыми руками, пожертвовав собой ради спасения своего хозяина, которому грозила неминуемая гибель, если бы своим поступком он не отвлек на себя внимание нападавших.

Господи Боже мой! Он словно сейчас стоит у меня перед глазами — черный демон возмездия, размахивающий тяжелым палашом, будто невесомой тросточкой. Я был свидетелем, как он упал, затем поднялся снова — могучая окровавленная фигура, словно изваянная из черного мрамора с красными прожилками, — и вдруг дикий, отчаянный крик вырвался из его безъязыкого рта, и, когда толпа, закончив свое кровавое дело, отхлынула назад, я увидел негра лежащим на покрасневших досках палубы, вцепившись мертвой хваткой в глотку од-

ного врага, и со вторым, неподвижно растянувшимся поперек его ног.

Битва прекратилась, но из тридцати человек, составлявших команду «Санта-Марии», в живых оставалось человек десять, да и то половина из них находилась в весьма плачевном состоянии. Четверо сразу свалились и остались лежать на палубе как колоды, а остальные бросились в капитанскую каюту в надежде отыскать там оставшиеся сокровища; однако в своей неутолимой жадности болваны совсем упустили из виду нас, троих безучастных свидетелей, сидевших высоко на мачтах, наблюдая за развитием событий.

Тем временем спереди донесся резкий свист, и мы, обернувшись, увидели Саймона, спускавшегося вниз по вантам.

— Пришел наш черед, сэр Джаспер, — сказал я. — Спускайтесь с подветренной стороны, а я — по наветренной; нам предстоит собрать целую кучу оружия!

Подождав, когда Саймон, сбросивший наконец надоевшую черную повязку с косящего глаза, присоединился к нам, мы осторожно подкрались к капитанской каюте и захлопнули дверь, подперев ее прихваченной по пути вымбовкой.

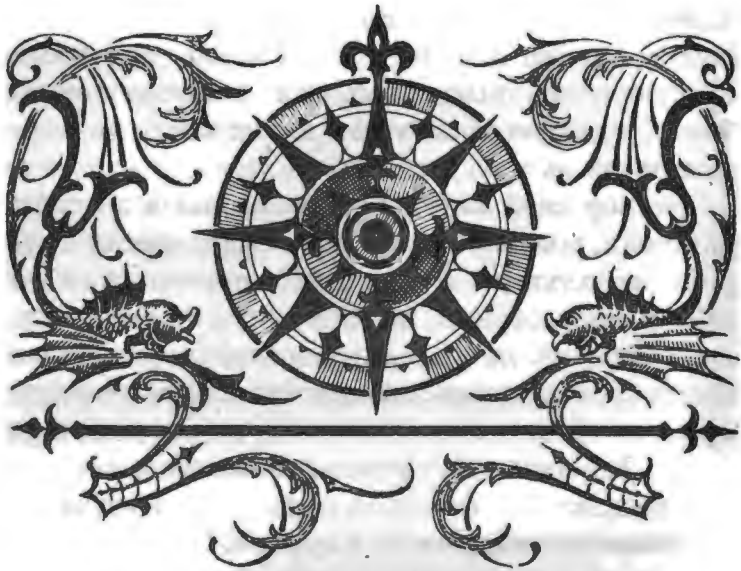
— Быстрее, ребята, быстрее! — скомандовал Саймон, прислушиваясь к тяжелым ударам изнутри и проклятиям попавших в ловушку мятежников, поскольку из капитанской каюты можно было выйти только через эту дверь, а оба окна, расположенные по правому и левому бортам, выходили прямо в открытое море; в

задней же стенке две двери вели в каюту дона Педро Базана и в собственно каюту капитана Мигуэля, которые примыкали к самому гака-борту, так что окна в них находились на кормовом срезе.

Не обращая внимания на стоны и мольбы раненых, мы помчались на фордек, сняли с турели небольшую кулеврину*, перетащили на корму, зарядили, и, когда мятежники наконец вышибли дверь из капитанской каюты, они очутились лицом к лицу с зияющим жерлом орудия, грозящим разнести их на клочки, и со мной, Джереми Клефаном, стоящим у затравки с пылающим факелом в одной руке и с заряженным пистолетом — в другой. Только тогда незадачливые искатели сокровищ вспомнили о трех сидевших на мачтах чужаках, которые теперь, по милости Провидения и благодаря хитрости Саймона Гризейла, стали хозяевами доброго суденышка по имени «Санта-Мария».

---

* Артиллерийские орудия, применявшиеся в европейских армиях и флотах в XV—XVII вв. для стрельбы на дальние расстояния.

ГЛАВА 27

О нашем плавании на север

Подобного взрыва ругательств и таких воплей ярости, как те, что донеслись до меня из дверей капитанской каюты, я еще не слыживал. Несчастные «доны» стенали и плакали, точно лишившись рассудка, да и не мудрено: все утро они сражались не на жизнь, а на смерть, потеряли многих своих товарищей, убили капитана и только ради того, чтобы иметь удовольствие лицезреть направленный на них ствол кулеврины и очутиться во власти двух англичан и некоего коротышки с берегов Файфа.

Одного за другим мы выводили их, жалких и растерянных, из каюты, тщательно обыскивали, обезоруживали и отправляли в трюм,

приказав захватить с собой кого-нибудь из раненых (их оказалось всего четверо среди множества тел, усеивавших палубу «Санта-Марии»). Тут меня ожидал приятный сюрприз: у одного из мошенников я обнаружил мою добрую старую рапиру и от радости даже забыл дать ему пинка под зад, что неизменно проделывал с каждым «доном», провожая его вниз по трапу; этот же спустился самостоятельно, поскольку я был слишком занят осмотром своего вновь обретенного клинка, чтобы обращать на него внимание. Завершив перевод пленных в трюм, мы плотно задраили тяжелую крышку люка, закрепив ее двумя прочными засовами, после чего посмотрели друг на друга и громко расхохотались.

Мы едва могли поверить в свою удачу, хотя если захват прекрасно оснащенного испанского судна с двенадцатью орудиями на борту — по шесть с каждой стороны, — на первый взгляд казался нам невероятным везением, то после некоторого здравого размышления мы начали находить в нем и определенные недостатки. Мы пребывали где-то у западного побережья Испании, в нескольких днях пути от дружеских вод, — и как могли три человека, лишь двое из которых обладали весьма скромными познаниями в навигации, проложить правильный курс к какому-нибудь из английских портов, имея к тому же в трюме под замком десяток обезумевших «донов», не говоря уже о возможной непогоде? Когда подобные мысли возникли у нас в головах, мы с озадаченным видом переглянулись и снова расхохотались.

— Провалиться мне, — сказал Саймон, — если мы опять не попали из огня да в полымя! А тем не менее все прошло почти так, как я задумал!

— Твою руку, старый товарищ! — сказал я, и мы бросились стискивать друг друга в объятиях, пока на глаза у Саймона не навернулись слезы, так как силенок у меня было побольше, чем у старого разведчика.

— Что дальше? — вмешался сэр Джаспер. — Мы загнали команду в трюм, а сами остались без руля и без ветрил...

— Не беспокойтесь, — возразил Саймон. — Карта в капитанской каюте, там же и курсовая прокладка, так что можно легко определиться, где мы находимся...

— Вы находитесь на пути в ад, — внезапно раздался голос откуда-то сверху. Мы как по команде повернули головы и увидели на верхней ступеньке трапа, ведущего на полуют, фигуру Базана — без шляпы, в изрубленной и помятой кирасе, — целившегося в нас из пистолета. В своих хлопотах с мятежниками мы совсем забыли о главном герое дня, чуть не в одиночку сдерживавшего натиск почти двух десятков головорезов! До сих пор он лежал неподвижно на палубе полуюта над нашими головами, и теперь стоял, держась одной рукой за поручень и раскачиваясь в такт резким движениям судна; видно было, что он с трудом держится на ногах и пистолет в его руке описывает сложную кривую. Неожиданный толчок судна заставил его окончательно потерять равно-

весие, и отважный испанец кубарем покатился вниз по трапу, растянувшись у наших ног. Мы все трое склонились на ним.

— Слава Богу, — сказал я Саймону, — старый сморщенный гриб все еще жив. Он потерял много крови, но раны его, кажется, не опасны.

— Что нам с ним делать? — спросил сэр Джаспер. — Бросить вниз, в трюм, к остальным?

— Ну нет, — возразил Саймон. — Во-первых, его сразу убьют. Во-вторых, если ему удастся остаться в живых, то он сумеет договориться с мятежниками и устроит нам какую-нибудь каверзу, ибо у него на плечах умная голова, а не пустая тыква. В-третьих, у меня на него есть кое-какие виды личного характера. В-четвертых...

— Хватит, хватит! — замахал руками сэр Джаспер. — Я вижу, в твоём безумии имеется строгая система! — и он насмешливо подмигнул мне.

— Кстати, о голове, — сказал я. — А где же череп?

— Да вон лежит, на шкафуте; только все камешки пропали, все до единого, — печально произнес сэр Джаспер.

— Ничего страшного: у нас остались большие самоцветы, да еще «Санта-Мария»; поистине, мы далеко не нищие, и если мы благополучно выбрались из всей этой передраги, то я оставляю себе череп «*in memoriam*»*, как говорят латиняне.

---

* «На память» (лат.).

— Вот слова истинного учителя! — сказал сэр Джаспер. — Остается действительно только выбраться отсюда!

— Выберемся, — успокоил его Саймон. — Вода и провизия имеются в изобилии в носовом трюме, там же расположены и камбуз, и арсенал. Между трюмными отсеками сообщения нет, так что мы пока находимся в безопасности. Зато нам придется здорово потрудиться, чтобы добраться до Плимута. Мы с Джереми займемся управлением судном, а вы, сэр Джаспер, будете охранять нас и готовить еду. Что скажете?

— С большим удовольствием! — ответил бывший придворный кавалер. — Такая игра мне по душе. Только сначала я покормлю рыб: им ведь не надо готовить!

Саймон встал к штурвалу, а мы с сэром Джаспером приступили к работе, и я не переставал удивляться, сколько силы таится в с виду тщедушном теле маленького рыцаря, ибо если большинство испанцев были небольшого роста, то Габриэль, хоть и весь исколотый и изрубленный, был далеко не пушинкой, а толстый капитан Мигуэль отнюдь не похудел после смерти.

— Кто бы мог подумать, — отдуваясь и вытирая платком покрасневшее лицо, сказал сэр Джаспер, когда мы покончили со своей печальной обязанностью, — что я собственноручно вышвырну за борт «архангела», не говоря уже о нашем плюющемся приятеле? Поистине, Джереми, времена меняются!

— А вы не боитесь, что они могут перемениться снова? — спросил я.

— Опять ты каркаешь? Ты настоящий Иона* — постоянно навлекаешь на нас какое-нибудь несчастье! Не будет нам покоя, пока мы не выбросим тебя за борт, как того несчастного пророка!

— Только попробуйте! — мрачно возразил я, зачерпывая ведром забортную воду, чтобы смыть с палубы кровь, стекавшую по ватервейсам в шпигаты и застывавшую в них тонкими красными сосульками.

Судно опять слушалось руля, и Саймон крикнул нам, что мы легли на курс к Ла-Маншу; поэтому, так как брать рифы на парусах не было необходимости, я отправился на полубак и принес на корму немного еды для Саймона и сэра Джаспера. Затем мы обмыли и перевязали раны дона Педро Базана, забинтовав его так, что он не мог бы двинуть ни рукой, ни ногой, даже если бы был в состоянии, и перенесли его на диван в капитанской каюте, влив предварительно ему в рот стакан доброй малаги.

Я не собираюсь описывать подробно все, что происходило во время нашего путешествия на север, поскольку дни тянулись тоскливо и однообразно, в сплошных вахтах и ожидании, не представляя ни малейшего интереса для тех, кому не пришлось побывать на борту «Санта-Марии». Ежедневно мы спускали вниз, в трюм, воду и пищу для испанцев, держа их, по совету

---

* Библейский пророк, навлекший беду на моряков из-за того, что он ослушался Бога: как только его бросили в море, буря, грозившая кораблю гибелью, тотчас же утихла.

Саймона, на скудном рационе, ибо он частенько говаривал:

*Пост силу духа укрепляет,
Но телу сил не прибавляет!*

И я всю жизнь потом убеждался в пользе и справедливости этой поговорки. Ежедневно же мы вызывали наверх, в помощь себе, двух добровольцев, и от желающих отбоя не было, потому что мы их дополнительно подкармливали; они были послушны и усердны, выполняя наиболее тяжелые и грязные работы по камбузу, выносили отбросы и нечистоты из трюма и даже стояли за штурвалом, если не было других дел. Рискуя попасть под внезапно налетевший шторм, мы решили не брать рифы на парусах, что, конечно, свидетельствовало о явном безрассудстве, но судьба к нам благоволила, и устойчивый бриз день ото дня непрерывно дул с юга, подгоняя наш неуклюжий барк, медленно ковьялявший по спокойному морю, оставляя за собой милю за милей безбрежного водного пространства, покрытого мелкими ленивыми волнами.

Раны Базана успешно заживали, и, будучи философом, он воспринял свое поражение стоически, хотя я прекрасно понимал, что, ослабев мы нашу бдительность хоть на самую малость, он предпримет все возможное, чтобы вернуть себе «Санта-Марию». Поэтому, несмотря на протесты, возражения и неоднократные попытки оскорбить нас и спровоцировать ссору, мы продолжали его туго бинтовать и держали взаперти в его же собственной каюте, поскольку

не могли позволить себе пойти даже на самую ничтожную долю риска.

Несмотря на то что дела шли довольно гладко, я ни за какие блага мира не согласился бы повторить последнюю неделю нашего плавания, ибо от смертельной усталости, от постоянного недосыпания, от мучительных сомнений в правильности выбранного курса, от необходимости непрерывно быть начеку, опасаясь как запертых в трюме «донов», так и возможной перемены погоды, я едва не заболел нервной горячкой, прежде чем мы достигли юго-западной оконечности Англии, да и сэр Джаспер с Саймоном чувствовали себя не лучше.

Мало-помалу и отдельными урывками мне удалось выведать у Саймона историю его аферы с «Санта-Марией», и я в очередной раз получил возможность подивиться хитрости моего товарища и в не меньшей степени его отчаянной решимости, настойчивости и храбрости, граничащей с сумасбродством, каковые качества он, впрочем, в достаточной мере проявлял и раньше, во время своих прежних походов.

Итак, оставив нас в долине к востоку от Порт д'Эспань, он проделал путь к югу вдоль подножия холмов и вошел в город, словно прибыл из Сан-Хосе или Сан-Фернандо. Вскоре он убедился, что «доны» посадили за решетку всех английских моряков, которые были захвачены врасплох благодаря предательству и содержались теперь в длинном низком деревянном сарае, носившем название «гауптвахта» и расположенном неподалеку от центра города. Им

была обещана свобода, если они согласятся выдать цели и намерения их вожаков, но верные ребята отказались пойти на предательство — да впрочем, они и сами-то не так уж много знали о наших планах, — поэтому их до сих пор держали под замком.

Саймон решил переговорить с ними, однако сделать это оказалось непросто, потому что они весьма тщательно охранялись испанцами, которые, говоря откровенно, изрядно побаивались своих пленников, ибо в те дни один англичанин стоил троих «желтокожих», и «доны» даже не пытались выразить сомнение в справедливости такой оценки. Тем не менее старому разведчику не составило большого труда отыскать возможность передать команде «Фрэнсиса» весточку о том, что помощь близка. Он подпоил большинство сторожей, запер их в караульном помещении и поджег его, словно по несчастной случайности. Воспользовавшись суматохой во время тушения пожара и спасения из огня пьяных «донов», он отыскал отверстие в стене «гауптвахты» и переговорил с узниками. Они сообща поспешно составили план бегства и договорились, что Саймон придет сюда же на следующую ночь, но, к несчастью, на обратном пути он нарвался на Ионаса Сквобблза, несомненно стоявшего у истоков всех этих неприятностей. Негодяй заподозрил неладное, увидев долговязую фигуру незнакомого «дона», околачивающегося возле «гауптвахты», и, очевидно, узнал в нем того, кто постоянно наказывал его за подслушивание у двери, хотя Саймон и постарался изменить свою внешность,

подбрав усы и бородку на испанский манер и нацепив черную повязку на косящий глаз.

Поняв, что он разоблачен, Саймон тут же изменил план, задумав сыграть на самых распространенных из всех человеческих пороков — на алчности и зависти. Отделавшись от соглядатая, он улизнул из города и отправился на «Санта-Марию», где отрекомендовался представителем испанской администрации, наделенным особыми полномочиями. Он предложил дону Педро Базану помочь ему арестовать и доставить в Испанию двух английских эмиссаров, которые затевают заговор с целью поднять восстание местных индейских племен против испанского владычества, для чего обманывают наивных и впечатлительных туземцев, демонстрируя им череп, якобы принадлежавший покойному императору ацтеков Монтесуме, наполненный драгоценными камнями, служащими им средством для подкупа и шантажа. Эти два английских шпиона, дескать, являются важными персонами у себя на родине, и за них можно получить неплохой выкуп, не говоря уже о том, что они обладают весьма ценными сведениями о тайнах английской дипломатии за рубежом. В качестве платы за услугу Саймон предложил Базану взять себе содержимое «череп Монтесумы» и разделить с ним впоследствии сумму выкупа за «английских заговорщиков». Базан, под видом ученого-натуралиста, энтомолога и ботаника, сам не гнушавшийся сбором шпионской информации об английском флоте, охотно клюнул на эту при-

манку и, приставив к Саймону на всякий случай охрану, отправился с отрядом моряков за нами на берег. Все произошло в точности так, как говорил «испанский секретный агент»; более того, когда Сквобблз попытался нас отбить у матросов Базана, тот решил, будто за нас заступаются наши сообщники, и еще более укрепился в доверии к Саймону. Естественно, что после доставки нас на судно он тут же приказал сниматься с якоря, предоставив Саймону отдельную каюту на полубаке, а за мной и сэром Джаспером установил круглосуточный надзор, приставив к нам для этой цели своего верного слугу, черного «архангела» Габриэля.

Саймон не стал торопить события: видя, что с нами обращаются вполне прилично, он, опасаясь соглядатая-негра и боясь, как бы мы по неопытности не испортили ему всю игру, предпочел не посвящать нас в свои планы и держался отчужденно, но выждал время, пока «Санта-Мария» вплотную приблизится к берегам Европы, и исподволь приступил к исполнению своего замысла. Он как бы невзначай в беседе с матросами упоминал о несметных «сокровищах мертвой головы», которые Мигуэль и Базан якобы присвоили себе, завел знакомство с Альфонсо, капитаном мушкетеров, человеком алчным и завистливым, пользовавшимся большим влиянием среди команды, и показал ему свой драгоценный рубин, намекнув, что у Базана с Мигуэлем таких немало и он, Саймон, готов пожертвовать своим сокровищем, если окажется не прав. В дальнейшем спектакль начал развиваться по заранее намеченному сце-

нарию, и мы все стали свидетелями его трагического финала.

Все это и многое другое, о чем у меня нет времени упоминать здесь, рассказал мне старый разведчик, и я видел, что, несмотря на страшное нервное напряжение и тревогу последних дней, ему была по сердцу азартная игра, затеянная им с ненавистными «желтокожими», и удовольствие от возможности лишний раз оставить их в дураках он ставил выше любой опасности и риска. И действительно, он посмеивался, а то и хохотал от души всякий раз, описывая нам ту или иную подробность своих походов, да и не удивительно: в его изложении они выглядели так, что заставили бы лопнуть от смеха самого сурового святого из церковного календаря.

Что касается сэра Джаспера, то ему никогда не надоедало слушать истории старого моряка, и он клялся, что при случае расскажет королеве Бесс о каждом его трюке, поскольку Ее Величество, по его словам, любила в компании приятных кавалеров — таких, как он сам, например, — посмеяться над забавными проделками, особенно если они направлены против «донов», но только при условии их благополучного окончания или если развитие событий в них позволяло надеяться на подобный исход.

По милости Провидения целую неделю с небольшим стояла настолько хорошая погода, что даже самый привередливый брюзга не мог бы пожелать себе лучшей, и нам почти не приходилось менять паруса или вращать штурвал.

Когда в конце концов на горизонте появился «Конец света», как обычно называют юго-западную оконечность Англии, мы вывели Базана на палубу, чтобы доказать ему тщетность всяких надежд на реванш. Он воспринял сей факт достаточно хладнокровно и невозмутимо пожал своими узкими плечами, насколько ему это позволяли руки, прибинтованные к туловищу.

— Признаю себя побежденным, — сказал он, — однако прошу не считать меня круглым дураком. У меня были сомнения относительно подлинности фальшивого испанца, ибо прошу меня извинить, но наша благословенная земля никогда ещё не производила на свет людей с такой отвратительной рожей. Я специально предоставил вам двоим свободу передвижения по палубе и специально приставил Габриэля наблюдать за вашей игрой. Бедняга Габриэль!

— А каким образом вы заполучили негра себе в услужение? — полюбопытствовал сэр Джаспер, обожавший всякие ужасы и поспоривший со мной относительно обстоятельств, при которых Габриэль потерял язык.

— Это длинная история, — ответил Базан, — но если в двух словах, то мне удалось спасти его из лап черных дьяволов, отрезавших ему язык ради развлечения и собиравшихся пытать его дальше. И — карамба! — никогда в жизни я не совершал более выгодного поступка, потому что он верно и честно служил мне до конца своих дней; а теперь он мертв, будьте вы прокляты!

— Полегче-полегче, — возразил Саймон. — Его прикончили ваши собственные люди.

— Но благодаря вам! — огрызнулся испанец, снова вернувший самообладание после неожиданной вспышки ярости. — Вы отлично провели свою игру, однако я с вами еще поквитаюсь, хотя — клянусь непорочной Девой! — мне следовало перерезать вам глотки сразу же, как только я вас увидел!

— Благодарю за откровенность, — поклонился сэр Джаспер.

Базан не обратил внимания на насмешку.

— Помните, — усмехнулся он, — у вас, англичан, имеется поговорка насчет ложки и рта; оказавшись справедливой в одном случае, она может оказаться таковой и в другом!

С этими словами испанец невозмутимо повернулся к нам спиной и отправился в свою каюту.

— Крайне неблагодарная личность, — сказал сэр Джаспер. — Если вспомнить, что нам пришлось перетерпеть от «донов», то, похоже, мы совершаем преступление, оставляя его в живых! Надеюсь, однако, что его слова ничего не означают.

— Не знаю-не знаю, — озабоченно проговорил Саймон. — Горизонт выглядит не так, как обычно, а с юга надвигается тяжелая туча.

— Думаешь, будет шторм? — спросил я.

— Все может быть, приятель; поэтому слазай-ка наверх и убери паруса на всякий случай. Надо быть готовыми к любой неожиданности, хоть мы и потеряем скорость.

В течение следующего часа я был по уши занят непривычной работой и нашел ее довольно кропотливой и утомительной, скатывая в

тугие рулоны тяжелые полотнища парусов и подвязывая их сезенями к реям. Часа через полтора я закончил работу, сохранив лишь верхний марсель на фокке и небольшой треугольный кливер на носу, чтобы судно продолжало слушаться руля, и «Санта-Мария» осталась с голыми мачтами и реями, сильно замедлив ход. Я спустился на палубу, потный и измученный, и нашел здесь сэра Джаспера, который крепил и задраивал все, что разболталось, было недостаточно прочно привязано и ненадежно укрыто, и Саймона, передававшего пленникам в трюм воду и пищу, поскольку, как он заявил: «Не известно, когда у нас будет время накормить их в следующий раз, так что лучше все предусмотреть заранее».

— Значит, ты опасаясь шторма? — спросил я.

— Боюсь, поднимется сильный ветер, Джереми: взгляни на вон ту черную тучу на горизонте; видишь серебристую полосу между нею и морем?

Я кивнул утвердительно.

— Это неспроста, приятель, и, хотя ветер стих, поднялось неприятное волнение и поверхность моря стала маслянистой, что мне очень не нравится. Я не большой знаток в морском деле, однако повидал достаточно, чтобы понимать: это затишье неспроста!

— Обидно было бы потерпеть кораблекрушение после того, как мы почти дошли до цели! — сказал я.

— Кто здесь болтает о кораблекрушении? — вмешался сэр Джаспер, оказавшийся поблизости.

сти. — Как, старый ворчун, ты опять за свое? Вот уж поистине: хочешь испортить свадьбу — пригласи шотландца! Но что это там такое?

Низкий рокочущий звук, словно отдаленный грохот тяжелых орудий, докатился до нас, и, обернувшись назад, мы увидели, что светлая линия на горизонте приобрела тусклый желтоватый цвет и все вокруг неожиданно померкло.

— Гром, — сказал Саймон. — А вот и молния!

Огненный зигзаг расчертил черное покрывало тучи, затянувшей полнеба, и снова раздалось зловещее громыхание; редкие тяжелые капли дождя со стуком упали в наступившей тишине на сразу потемневшие доски палубы. Сумерки быстро сгущались, пока едва заметная полоска земли слева по борту не слилась с мрачной чернотой небес и солнце не прекратило тщетных попыток борьбы с грозowymi тучами и не скрылось за ними, оставив едва заметный мерцающий отблеск на маслянисто-свинцовой поверхности моря. Дождь перестал, и в наступившей тишине слышалось лишь поскрипывание рангоута да позвякивание талей, и мы неожиданно поймали себя на том, что стараемся разговаривать шепотом и с тревогой поглядываем за корму.

— Мне все это напоминает тот день, когда «Морская фея» отстала от флотилии, — сказал я.

— Да, очень похоже, — согласился сэр Джаспер. — И как странно, что мы трое снова вместе после всех передряг, через которые мы прошли! Поистине, мне с трудом верится, что когда-либо существовали наяву такие чудовищ-

ные кошмары, как Железная Дева или Гигантская Змея!

— Сходите на полубак, и череп вам подтвердит, что это был не сон; но, кажется, начинается ливень!

Крупные капли забарабанили и заплескались по палубному настилу, и вместе с ними возникло первое дуновение ветра, теплое и нерешительное; за ним последовали короткие резкие порывы, заставившие барк тяжело зарыться носом в плавно вздымающуюся волну, в то время как из-под его кормового подзора пошла по воде круговая рябь, окаймленная с обеих сторон рядами пенистых пузырьков. Так продолжалось примерно с полчаса, а затем на гребнях волн начали появляться белые барашки и ветер принялся срывать с них клочья пены, посвистывая в такелаже и гоня перед собой водяную завесу дождя. Становилось все темнее и темнее, и воздух, казалось, наполнился какой-то мрачной желтизной, чем-то вроде удушливого тумана, окутавшего нас со всех сторон и закрывшего от нас море. Перегнувшись через высокий фальшборт барка, можно было подумать, будто смотришь в черную бездну без четких очертаний и границ, откуда то и дело поднимаются залитые кипящей пеной крутые валы, чтобы вновь исчезнуть в глубине с глухим ворчанием, словно расстроившись из-за неудачной попытки хлынуть на палубу и смыть за борт все, что на ней находится.

— Боже мой! — пробормотал я. — Ну и денек! Я не видел такого с той поры, как погибла «Сова», а де Кьюзака выбросило на берег!

— Упаси нас Господь от этого! — сказал сэр Джаспер. — Счастье наше, что мы далеко от берега, а то бы ты уж непременно накаркал нам несчастье!

Снова послышалось глухое бормотание грома, сопровождавшееся яростной вспышкой молнии, и огромная волна накрыла нас с кормы, с громким шипением захлестнув палубу; барк некоторое время, точно отчаянный наездник на дикой лошади, несся вперед на ее пеностом гребне, затем медленно сполз в глубокую ложбину между двумя исполинскими валами, истекая водой, заливавшей его палубу и фонтанами струившейся из всех его шпигатов. К этому времени мы плотно задраили все трюмы, и нам оставалось лишь следить за тем, чтобы удерживать судно на курсе. Саймон и я стояли за штурвалом, а сэр Джаспер отправился на нос впередсмотрящим, так как в здешних водах нетрудно было напороться в темноте на встречное судно или обломки кораблекрушения. Уже глубокой ночью буря набросилась на нас с полной силой, и наш прочный маленький барк несся вверх по Ла-Маншу, дрожа каждым бимсом, когда тяжелые волны нагоняли его с кормы и подбрасывали на свой крутой гребень, точно пустую ореховую скорлупу. Ночь была черна как сажа, если не считать вспышек молний, после которых тьма казалась еще более непроницаемой, и мы вслепую, наобум, сломя голову неслись сквозь мрак, изо всех сил стараясь удержать судно на ветре и напряженно прислушиваясь к предупреждающим крикам сэра Джаспера. Казалось, день никогда не наступит,

но, когда это все-таки произошло, он не принес нам облегчения, ибо, хоть ветер немного поутих, огромные водяные горы, налетая сзади, заставляли судно опасно зарываться носом в волну, так что в конце концов мне пришлось подняться на фок-мачту и попытаться поставить один из марселей; меня едва не сдуло с реи как пушинку, но я тем не менее справился с задачей и спустился вниз.

Мы продолжали нестись вперед в тучах пены и соленых брызг, промокшие и промерзшие до костей, все дальше и дальше, пока снова не наступила ночь; тусклый, серенький дневной свет погас, и сэр Джаспер, весь мокрый и дрожащий, снова занял свое место на носу, хоть и не видел в кромешном мраке ни судов, ни земли. Время от времени до нас доносились вопли и молитвы пленных испанцев, запертых в трюме, не ведавших, какая судьба их ждет в следующую минуту; собственно говоря, мы тоже этого не знали, однако находиться на свободе, лицом к лицу с грозой, вовсе не одно и то же, что сидеть взаперти и пассивно ожидать своей участи.

Так или иначе, но миновала вторая ночь, и буря постепенно утихла, хотя она занесла нас в опасное место, поскольку в нашей бешеной гонке мы проскочили Дуврский пролив*, и теперь на востоке нам открылись страшные песчаные мели Гудвина, где, вслед за великим эрлом, немало моряков отдали Богу душу. И в самом деле, стоило рассвету начаться чуть позже, нас бы тоже вынесло на эти предательские пески и

---

* Па-де-Кале.

разбило в щепки; однако мы вовремя свернули на север и, миновав в опасной близости Кентские утесы, подошли к устью Темзы в самом начале прилива, воспользовавшись которым, благополучно поднялись против течения, проплывая мимо низких топких берегов и многочисленных мелких суденышек, благодаря Господа за спасение, а Саймона Гризейла — за знакомство с местным фарватером.

Как только мы очутились в спокойных водах, сэр Джаспер первым делом принялся приводить в порядок свой туалет, и после обильной трапезы, устроенной нам в честь прибытия, ничто не могло доставить ему большего удовольствия, чем вывесить на грот-мачте английский флаг над приспущенным флагом Испании; правда, во время этой процедуры его постигло несчастье: он оступился на выбленках и свалился с вант, вывихнув себе лодыжку, которая распухла и болела.

Оказавшись свидетелем подобного героического проявления патриотизма, я отправился в форпик и, найдя там большое синее полотнище без всяких эмблем и гербов, перекрестил его из угла в угол двумя белыми полосами и вывесил этот флаг на корме, ибо я недаром был рожден к северу от Твида* и счел недопустимым для шотландца, чтобы флаг святого Георгия развевался над «Санта-Марией», не разделяя компанию со святым Андреевским флагом. Сэр Джаспер попытался было сорвать флаг, но Саймон усмехнулся и одобрительно кивнул.

---

* Т в и д — река в Шотландии.

— Ты прав, приятель, — сказал он. — Этот крест — символ отважных, и он с честью прошел по всем морям! Дай Бог, чтобы оба флага когда-нибудь соединились, и горе тогда их врагам!

— Аминь, — отозвался я, — хоть я и боюсь, что для этого мало шансов!

И вот в такой торжественной и горделивой манере мы поднялись с первым утренним приливом вверх по реке. Я приготовил на носу большой якорь, проследив, чтобы все было в полном порядке, и по сигналу Саймона бросил его за борт; никогда еще до моего слуха не доносился более приятный звук, чем грохот якорной цепи, прочно соединившей нас с английской землей.

---

* Флаг Великобритании состоит из прямого Георгиевского креста и косою Андреевского (эмблема Шотландии).

ГЛАВА 28

Об ударе шпагой и о лице в толпе

Мы бросили якорь с южной стороны, напротив небольшой деревушки под названием Гринвич, которую Саймон знал, как собственную ладонь, и вскоре заметили, что наше прибытие вызвало на берегу немалое замешательство. Видно было, как люди сбегаются к воде и целая толпа собирается у большого продолговатого здания, одного из королевских дворцов, как объяснил Саймон, и мы отсалютовали ему выстрелом из пушки и приспустив наши флаги.

Убрав паруса, мы с Саймоном спустили на воду маленькую лодку, избежавшую повреждений во время шторма, и, поскольку сэр Джаспер не мог сойти на берег из-за своей больной

лодыжки, а Саймон не хотел оставлять его одного с пленными испанцами и Базаном на борту, пришлось мне отправляться с новостью о нашем призе, чтобы зарегистрировать его в судовом реестре, ибо я давно понял, что все дела следует исполнять «аккуратно, честно и со старанием», как говорится в Писании. Сэр Джаспер был ужасно огорчен необходимостью оставаться на борту, так как он очень любил находиться в центре внимания и быть первым глашатаем новостей, однако я сказал, что так ему и надо и что Бог наказал его за попытку сорвать мой флаг; в конце концов маленькому рыцарю пришлось смириться с неизбежностью и извлечь из нее как можно больше выгоды. Саймон подробно объяснил мне, что я должен делать и куда пойти, а сэр Джаспер, прежде чем я оттолкнулся от борта, вручил мне небольшой кошелек с деньгами, который он нашел в ящике стола в капитанской каюте.

— Ради Бога, Джереми, — взмолился он, — раздобудь мне, если сможешь, коробку ароматизированной помады, потому что эти варвары-испанцы при завивке усов обходятся лишь собственными слюнями и больше ничем, а мои прежние запасы уже кончились!

Я рассмеялся и пообещал доставить ему все, что он пожелает, после чего вставил весла в уключины и направился к широким каменным ступеням на берегу, спускающимся к самой воде. Подплыв поближе, я, к моему немалому изумлению, увидел рядом со ступенями большую черную барку, пышно декорированную шелковыми тканями, сверкающую позолотой

и украшенную тонкой резьбой; подле нее были пришвартованы еще две, поменьше и не так богато разукрашенные. Роскошный балдахин из плотной пурпурной материи прикрывал корму барки, на которой находились всего два человека: один из них, хмурого вида здоровенный увалень, стоял на носу с тяжелым веслом в руке, следя за тем, чтобы барка не колотилась о нижнюю ступеньку причала. Когда я подошел сюда лодку и зацепил швартовый конец за врезанное в гранитный парапет кольцо, он сердито обернулся ко мне.

— Эй, держись-ка отсюда подальше, деревенщина! — окликнул он меня.

— Сам катись отсюда подальше! — огрызнулся я.

Он замахнулся на меня веслом, но я вовремя перехватил его и, дернув на себя, заставил парня потерять равновесие и кубарем свалиться в реку. Он поднялся из воды, отплеываясь и ругаясь на чем свет стоит, но я больше не обращал внимания ни на него, ни на других, а, привязав лодку, шагнул из нее на широкие ступени лестницы. Но, пока я занимался всем этим, а злополучный лодочник выбирался из воды, промокший до нитки и проклинаящий меня почем зря, где-то поблизости раздались звуки фанфар, и, к моему ужасу, на верхней площадке лестницы появилась яркая красочная процессия. Едва я успел отступить в сторону, толпа окружила меня так, что на широком спуске к воде просто некуда было деться от нарядных дам и кавалеров, среди которых я, обросший щетинистой бородой, грязный, нечеса-

ный, в разорванном платье, выглядел последним бродягой.

— Дорогу! Дорогу королеве! — слышался крик, сопровождаемый очередным трубным звуком фанфар. Вперед вышли два герольда, и за ними потянулась длинная цепочка людей; однако я был настолько ошеломлен и захвачен врасплох, что стоял неподвижно посреди широких ступеней, точно каменный истукан, пока до меня не донесся резкий голос:

— Что это значит, сударь? Так-то вы обращаетесь с моими верными слугами?

Я поднял глаза и понял в ту же минуту, что нахожусь в присутствии Елизаветы, королевы Англии. К счастью, у меня хватило присутствия духа, чтобы прийти в себя и низко поклониться, после чего я прямо взглянул на нее, так как знал, что не совершил никаких поступков, которых мог бы стыдиться. Королева была женщина высокая, очень величественная и красивая к тому же, однако в глазах у нее не было ни капли милосердия или сострадания; взгляд их был гордый и высокомерный, что очень шло ее удлиненному и суровому лицу и соответствовало представлению о женщине, руководившей государством. Лоб у нее был высокий, нос прямой и четко очерченный, губы тонкие, а подбородок маленький, острый и выдающийся вперед. Она была явно рассержена, и яркие пятна гневного румянца выступили на ее щеках, когда она, стоя на ступенях причала, нетерпеливо постукивала по камню ногой в изящной туфельке. Я не могу сказать, как она была одета, но вспоминаю огромный веерообразный ворот-

ник, окружавший ее шею, и сверкание усыпанной драгоценностями застежки, придерживавшей спереди ее плащ. Я глядел на нее в оцепенении, пока она не нахмурилась и не повторила вопрос более суровым тоном.

— Умоляю простить меня, Ваше Величество, — сказал я, ибо время, проведенное вместе с сэром Джаспером, не прошло для меня даром и я имел представление о том, как подобает вести речь с коронованной особой. — Но здесь свободная страна, а вон тот парень попытался помешать мне высадиться на берег.

— И тут вы решились на самоуправство?

Не зная, что ответить, я промолчал.

— Откуда вы здесь появились, сударь?

— Мы только что бросили здесь якорь, — сказал я, обернувшись и указывая на «Санта-Марию», стоявшую посреди реки.

— Что такое? — воскликнула королева. — Судно с английским флагом, поднятым над испанским?

— Совершенно верно, Ваше Величество.

— А что это за флаг на корме?

— Крест святого Андрея, с позволения Вашего Величества.

— Перестаньте доносить меня загадками, сударь! — сердито сказала она. — Извольте объяснить все по порядку! Нет-нет, — добавила она в ответ придворному кавалеру, что-то тихо проговорившему ей на ухо. — Я хочу услышать обо всем здесь, и немедленно!

Стараясь по мере сил, я, запинаясь, вкратце изложил историю, начиная с того момента, когда нас захватили в плен в Тринидаде, и кончая

штормом, едва не погубившим «Санта-Марию» у берегов Англии; однако я предусмотрительно не стал называть сэра Джаспера по имени, чтобы не навлечь на него неприятности; он как-то признался мне, что не слишком уверен в благосклонном приеме при дворе.

— Как! — удивленно сказала королева, выслушав меня до конца. — Вы хотите уверить меня, будто с двумя товарищами захватили хорошо вооруженное и оснащенное испанское судно и привели его сюда?

— Именно так, Ваше Величество, — с упавшим сердцем виновато проговорил я.

— Поистине, — сказала она, — эту историю следует выслушать со всеми подробностями! Как ваше мнение, джентльмены?

Одобрительный ропот пронесся по толпе, тесно сгрудившейся вокруг, поскольку каждому хотелось придвинуться поближе, чтобы лучше меня рассмотреть.

— Ваше имя, сударь? — спросила королева.

— Джереми Клефан, — ответил я.

— Ничего подобного! — возразила она.

Я с удивлением взглянул на нее.

— Ваше Величество ошибается, — осмелился я заметить.

— Ничего подобного! — снова повторила она, загадочно улыбаясь уголками очаровательных губ.

Я уставился на нее, не понимая, к чему она клонит, а толпа придворных захохотала над моим испуганным и озадаченным выражением.

— На колени, сударь!

Я повиновался, не зная, что и подумать, а она вытащила шпагу у одного из кавалеров и довольно сильно огрела ею меня по спине.

— Встаньте, сэра Джереми Клефан! — произнесла она громким голосом, чтобы все могли ее слышать.

Я поднялся на ноги, с трудом веря в то, что это не сон, который сейчас развеется как дым, и я очнусь на палубе «Санта-Марий», заснув от усталости на вахте, уцепившись за рукоятки штурвала. Но нет! Все это оказалось явью, ибо тот же голос проговорил:

— Жду вас завтра при дворе, сэра Джереми, так как хочу подробнее услышать о ваших подвигах, и не забудьте захватить с собой и ва-

ших товарищей. А теперь потрудитесь пропустить меня. Помните, однако, что если вы солгали, то потеряете титул и голову в одно и то же время!

— Н-но, Ваше Величество... — запротестовал я, пораженный внезапной мыслью.

— Ну, что еще? — нетерпеливо спросила королева. — Или рыцарское звание вас чем-то не устраивает?

— Это честь, о которой я не смел и мечтать, — решительно ответил я, — но, с позволения Вашего Величества, я шотландец.

Мой ответ вызвал громкий хохот собравшихся, и королева снова улыбнулась своей загадочной улыбкой.

— Ах! — сказала она. — И это все? Вы хотите уверить меня, будто шотландцы не умеют лгать? Или считаете, что английский дворянский титул недостаточно хорошо для вас? Что ж, мы попросим нашего племянника в Шотландии подтвердить наше решение, вы — как в Шотландии называют упрямцев?

Высокий мужчина в черном, с седыми волосами и умным, пронизательным лицом быстро подсказал:

— Они их называют занудами, Ваше Величество!

— Вот-вот, вы — занудливый шотландец; так что не забудьте явиться ко двору, иначе узнаете, как мы наказываем тех, кто обижает наших верных лодочников!

Я отвесил низкий поклон, что вызвало новый взрыв смеха, и отступил в сторону, и каждый из длинной вереницы проходивших мимо

людей неизменно оборачивался и с удивлением глядел на меня.

Я молча отвечал им тем же, поражаясь их ярким нарядам и надменным, заносчивым манерам, и вдруг сердце мое на мгновение перестало биться, а голова пошла кругом; я даже засомневался было, в своем ли я уме, ибо мимо меня на расстоянии вытянутой руки прошла Марджори Бетьюн, слегка повзрослевшая, более женственная, быть может, но все та же прелестная маленькая хохотушка, посмеявшаяся надо мной и оставившая меня в дураках тогда, у волшебного колодца в лесу. Я уставился на нее, онемев от неожиданности; как ни странно, вместо стремления отомстить ей, оскорбить или унижить, что я частенько проделывал в своих мечтах, я замер, как соляной столб, страстно желая, чтобы она обернулась и я смог уловить хотя бы один взгляд ее прекрасных глаз, поймать один лишь отблеск ее лучезарной улыбки, увидеть снова очаровательную ямочку на ее подбородке. Увы, она прошла мимо, оживленно разговаривая с высоким сутулым мужчиной, шагавшим рядом с ней, и даже не взглянула в мою сторону. Я почувствовал, что на всю жизнь возненавидел того человека, но затем мне в голову пришла неожиданная мысль, и я, потянув за рукав рядом стоявшего соседа, указал ему на Марджори и спросил, кто она такая.

— Которая? — уточнил он. — Ах, эта леди! Это мадам де Шольц, новая придворная красавица. У вас глаз наметан, сэр, на хорошеньких дам — как и у меня, ха-ха, как и у меня!

— Что такое? — пробормотал я. — Как вы сказали, мадам...

— Господи Боже мой, — ну да, жена де Шольца, вон того долговязого типа из Нидерландов. Да вы, должно быть, слышали о нем; впрочем, вы новичок при дворе, самый кроткий, говорят, во всем королевстве! Пойдемте, сэр, пойдемте — мы должны выпить с вами по стаканчику! — с этими словами он схватил меня за рукав и принялся тащить за собой вверх по ступенькам.

Я, к его очевидному неудовольствию, сердито стряхнул его руку со своего плеча и молча застыл на причале, точно громом пришибленный, перестав обращать внимание на шумную толпу, следовавшую за королевской свитой. В течение всего нескольких минут я получил дворянский титул и известие о том, что Марджори навеки утеряна для меня...

«Mon Dieu!» — как сказал бы де Кьюзак. Приходилось ли когда-нибудь еще кому-либо до такой степени становиться игрушкой в руках шаловливой судьбы?

Марджори — жена другого! Как ни удивительно, но, несмотря на обстоятельства, сопутствовавшие нашему разрыву, мне никогда в голову не приходило, что такое может случиться. Я никогда не думал о том времени, когда, по выражению сэра Джаспера, я снова начну планомерную осаду ее крепости; но крепость вдруг оказывается уже захваченной, и мне ничего не остается, как только покорно смириться с этим фактом.

Я молча стоял в каком-то тупом оцепенении, из которого меня вывел резкий толчок в спину, и чей-то голос произнес:

— Эй, недомерок, прочь с дороги: дай пройти!

Я обернулся и увидел себя в окружении компании молодых повес — задиристых юнцов, разодетых в яркие наряды, напомаженных и нарумяненных, в шляпах с лентами, перьями и прочей мишурой. Тот, кто обращался ко мне, похоже, был у них вожаком; он задрал вверх подбородок с видом крайнего презрения и небрежным жестом отстранил меня, словно представлял собой важную персону, а я был последним нищим. Щуплые, свисающие вниз усики у него под носом выглядели так же нелепо на розовощеком мальчишеском лице, как и клочок редких светлых волос под нижней губой, и по всему было видно, что за последнее время он вёл далеко не тот образ жизни, который превращает юношу в мужчину.

— Ты что, не слышишь меня, невежа? — процедил он сквозь зубы, поскольку я не обращал на него никакого внимания, так как места вокруг вполне хватало, чтобы пройти.

Я был настолько огорчен, настолько озабочен и взволнован всем происшедшим после того, как покинул барк, что даже не заметил его угрожающего тона, и он, посчитав меня трусом и желая покрасоваться перед товарищами, ударил меня по лицу маленьким прутиком, который держал в руке. Я могу вытерпеть многое и довольно спокойно отношусь ко всяким синякам и царапинам, но удар по лицу — это, пожалуй, единственное, что мгновенно выводит

меня из себя, а в ту пору, Бог свидетель, мне не много надо было, чтобы утратить контроль над собой. В одно мгновение я очутился перед обидчиком и зажал его бородку между большим и указательным пальцами; когда я его оставил, на месте бородки красовалась лишь розовая ссадина, быстро набухавшая кровью.

С яростным воплем боли и гнева юнец набросился на меня, но я спокойно отступил в сторону и очень медленно принялся засучивать рукава от запястья до локтей, не спуская глаз с лица молодого хулигана. Его взгляд упал на мое предплечье, и я мрачно усмехнулся, поняв, что мужество окончательно покинуло его. Я не сказал ни слова, но оставил юного задиру и его друзей размышлять над преподанным уроком, а сам отправился в судовую контору, чувствуя себя немного спокойнее после этого небольшого инцидента. Закончив дела в конторе, я возвратился на «Санта-Марию» и был встречен громкими нареканиями сэра Джаспера, потому что я совсем забыл о его помаде, да и не удивительно, принимая во внимание события, приключившиеся со мной на берегу.

— Из всех бестолковых посыльных, Джереми, — сказал он, — ты самый бестолковый!

— Сэр Джереми, если вас не затруднит, — возразил я.

— Что такое? — воскликнул тот в крайнем замешательстве.

Тут я рассказал ему о моей встрече с королевой и о том, чем она завершилась.

— Клянусь собственной головой, — проговорил бывший придворный кавалер, — и поду-

мать только, что я упустил такой шанс! Мы заметили какую-то суматоху на берегу и видели барку, прошедшую на веслах вверх по течению, но, чтобы ты встретился с королевой, — этого нам и в голову не могло прийти. Да еще чтобы она с ходу посвятила тебя в рыцари! Господи Боже мой! Я в жизни не слыхивал ничего подобного, хотя, как я частенько говорил тебе, Ее Величество страшно любит приключения такого рода. Сэр Джереми! Ну что ж, это подходящий финал для всех наших отчаянных перепряг; однако ты, несмотря ни на что, выглядишь так же мрачно и уныло, как наши пленные «доны». В чем дело?

Когда я рассказал о госпоже Марджори и о том, как она оказалась навеки потерянной для меня, друзья удивились еще сильнее и стали проявлять ко мне сочувствие, принявшись наперебой болтать на разные темы, лишь бы отвлечь меня от тяжелых мыслей; но у меня не было ни малейшего желания выслушивать шутки сэра Джаспера или далеко идущие планы Саймона, и я погрузился в пучину печальных размышлений о несбыточном и о моей несчастной судьбе. Сидя в углу, обхватив ладонями голову, я вдруг почувствовал прикосновение к моему плечу и, подняв глаза, увидел перед собой добродушную физиономию Саймона.

— Джереми, приятель, — сказал он, — я знаю, что мои слова вряд ли смогут тебя утешить, но, видишь ли, кроме женщин на свете существует еще множество вещей, ради которых стоит жить и сражаться. Ты вернул себе титул, и ты уже не безродный бродяга, но шот-

ландский дворянин! К тому же, приятель, у тебя еще остались друзья; так что выше голову, старый товарищ!

— Спасибо тебе, Саймон, — ответил я. — Ты настоящий друг, и я тебе обещаю, что скоро приду в себя, но сейчас оставь меня одного! Я сумею трезво взглянуть правде в глаза и справиться со всем этим!

Целый час я сидел молча, размышляя над странными поворотами моей судьбы, и приветливые слова Саймона во многом утешили меня, да еще мысль о том, что не берегу Файфа вновь появился дворянин, носящий имя Клефан, и, хотя мой добрый отец ни во что не ставил подобного рода предрассудки, я тем не менее, сколько себя помню, мечтал заслужить рыцарские шпоры и стать сэром Джереми подобно тому, как мой дед был сэром Роджером; правда, я до сих пор не признавался в этом никому, за исключением одного человека, и человеком этим был не Саймон, хотя он, возможно, и догадывался обо всем.

К счастью, времени для размышлений над моими собственными проблемами оказалось не так уж много, потому что вскоре к нам на борт прибыл отряд пехотинцев и испанцев переправили на берег. Мне редко приходилось видеть настолько удрученных и подавленных людей, как эти «доны», и, если бы человеческие взгляды обладали способностью убивать, мы все лежали бы бездыханными на палубе «Санта-Марии». Затем с помощью лоцмана и присланной нам вспомогательной команды матросов мы подняли якорь, поставили паруса и с первой

приливной волной поднялись вверх по реке до города Лондона.

К тому времени, когда мы прибыли на якорную стоянку, было уже совсем темно, и я с восторгом и удивлением любовался многочисленными огоньками на берегу, отражавшимися в воде, стремительно пронесившейся мимо наших бортов благодаря быстрому течению. Отдаленный гул, словно от множества голосов, доносился до меня, и время от времени то тут, то там раздавался неясный звон колокола; я было снова впал в меланхолию, однако Саймон вовремя позвал меня в капитанскую каюту на корме, где мы с сэром Джаспером стали держать совет. У маленького рыцаря уже был готов для нас план. Ему были известны дома с меблированными комнатами, расположенные неподалеку от дворца, в которых мы могли бы остановиться и привести в порядок себя и свой туалет перед аудиенцией у королевы, и бывший придворный кавалер пребывал в весьма оживленном настроении, предвкушая посещения всех своих прежних знакомых значных мест, да еще в ореоле известности и славы.

— Правда, надо будет действовать осмотрительно, — заметил он. — Итак, поскольку моя нога благодаря искусству Саймона и холодным примочкам перестала болеть, я сегодня же вечером отправлюсь на берег и узнаю у своего старого друга, Уилла Неттерби, кем и какие мне предъявляются обвинения, — и вообще, как обстоят дела. Кстати, Джереми, что слышно о папистском заговоре? Пожалуй, тебе тоже надо держаться в тени до поры до времени.

— Черт побери! У меня все это давно уже из головы вылетело! — ответил я. — Я отправлюсь с вами, если не возражаете. А ты, Саймон?

— Нет, приятель: теперь, когда мы дома и в полной безопасности, я наконец выплусь как следует. Ведь я почти глаз не смыкал с того самого дня, как на нас налетел шторм!

Сэр Джаспер и я подгребли на ялике к маленькой лодочной пристани на берегу, где и причалили; затем, завернувшись в плащи по самые уши, мы углубились в запутанный лабиринт кривых узких улочек, пропитанных отвратительным зловонием.

— Клянусь собственной головой, — заметил маленький рыцарь, — воняет, как и в прежние времена! У нас однажды произошла веселенькая драка с ночной стражей на этой самой улице. Боже мой! Ведь с тех пор прошло уже пять лет! Осторожнее, Джереми: дорога плохая, смотри, не оступись!

Наконец, после длительного блуждания по темным закоулкам, сэр Джаспер остановился у двери небольшого домика и трижды постучал в нее двойным ударом. Спустя некоторое время дверь отворилась, и на пороге показался мужчина с фонарем в руке; увидев маленького рыцаря, мужчина издал приглушенный возглас удивления и сделал нам знак следовать за ним. Мы вошли, и мужчина провел нас в комнату, где в камине весело пылали дубовые поленья, а на столе красовались остатки обильного ужина с вином. При свете свечей я подробнее рассмотрел нашего хозяина — толстого

лысого весельчака с маленькими блестящими глазками, которые, похоже, видели в жизни только приятную ее сторону.

— Дьявол меня поberi! — произнес он, разглядывая сэра Джаспера. — Откуда ты свалился? Когда флотилия вернулась без тебя, я решил, что больше тебя не увижу и денежки переходят в мою собственность...

— И конечно, от них ничего не осталось, я полагаю, — с грустью сказал сэр Джаспер.

— Фи! Фи! — возмущенно запротестовал толстяк. — Все в целости и сохранности с того самого дня, как мы с тобой расстались! Я ведь знал твою привычку выходить сухим из воды и представлял, каково мне придется, если ты вдруг вернешься и узнаешь, что я позволил себе самовольничать. Однако кто это с тобой?

— Это, — ответил сэр Джаспер, — один из тех, кто сегодня утром проснулся «джентльменом удачи», а к вечеру стал сэром Джереми Клефаном, шотландским дворянином.

— Черт поberi! — проворчал Неттерби. — Слишком большой кусок, чтобы проглотить за один раз! Но, я вижу, у вас есть что рассказать мне, так что подождите, пока я наполню стаканы, а потом буду весь в вашем распоряжении.

Наш радушный хозяин засуетился, приготовив напитки, после чего уселся у камина, чтобы выслушать историю сэра Джаспера, и задолго до ее окончания у меня чуть живот не разболелся от смеха при виде забавной сменны выражений на добродушном лице толстяка, старавшегося не упустить ни единого слова

из повествования маленького рыцаря, которое тот обильно сдабривал многочисленными шуточками и остротами.

— Клянусь всем святым! — произнес ошеломленный Неттерби, когда сэр Джаспер закончил свой рассказ. — Возможно ли нечто подобное? Королева сойдет с ума от этой истории! Поистине, тот, кто побывал в дальних морях, встречал немало чудес. С этими твоими Железными Девами, акулами, змеями и сокровищами у меня самого чуть череп не треснул пополам. Либо ты повидал больше, чем многие другие, Лавдей, либо ты даже больший лгун, чем я тебя считал до сих пор!

— Тысяча благодарностей, как говорят «доны», — ответил сэр Джаспер. — Но ты лучше скажи, Уилли, как обстоят мои дела?

— Превосходно! Биверли отправился в Ирландию и умер там четыре месяца тому назад, и, честно говоря, при дворе так и не нашли достойного шута после того, как ты исчез. Ха-ха! Там до сих пор еще вспоминают твои проделки!

— Ты так же несносен, как и прежде! Но теперь скажи мне: ты слышал что-нибудь о папистском заговоре?

— Пс-ст! — зашипел Неттерби, вскакивая со стула. — Ради Бога, будь поосторожнее! Что тебе известно о нем?

— Очень немного, — ответил сэр Джаспер, — но вот мой друг, сэр Джереми, некоторое время тому назад впутался в это дело больше, чем ему хотелось бы.

— Тогда ему лучше сидеть тихо и не высываться, если ему дорога своя шея, потому

что, между нами говоря, все уже раскрыто и Уолсингэм* только и ждет подходящей минуты, чтобы вытянуть заброшенную сеть целиком, не упустив ни одной рыбки. Однако, сэр, — обратился он ко мне, — какое вы имеете отношение к этому заговору?

Когда я рассказал ему о де Кьюзаке и о моих похождениях в Эдинбурге, он тихонько присвистнул про себя.

— Так-так, значит, вот с чего все началось! Однако нынешний заговор совсем свежий. Если пообещаете не проронить никому ни слова, я расскажу вам о нем все, что знаю.

Мы дали слово, и он рассказал нам о том, что теперь давно уже стало достоянием истории, а именно о заговоре Энтони Бабингтона и тюремного священника с целью освободить Марию и убить Елизавету. Мы слушали, затаив дыхание, едва замечая, как быстро проходит время.

— Эге! — протянул сэр Джаспер. — Дело становится довольно щекотливым! Я имею в виду топор палача, который может пощекотать прелестную шейку Марии Стюарт, если она посвящена в этот заговор.

— Нет никакого сомнения в том, что она понесет наказание, — сказал Неттерби, — хотя королева до сих пор колеблется, как с ней поступить; во всяком случае мне так кажется... Впрочем, — добавил он, с сомнением поглядыва-

---

* Уолсингэм, Фрэнсис (1532—1590) — государственный деятель, первый организатор процесса над Марией Стюарт.

вая на меня, — вы шотландец и мне, пожалуй, не следовало бы так откровенничать перед вами...

— Я дал слово, — возразил я, — но в любом случае вам не следует ничего опасаться. Я протестант и, как вам известно, решив раз и навсегда ставить на первое место благополучие своей страны, до сих пор не менял своей точки зрения, что вовсе не означает, заметьте, будто я желаю смерти королеве Мэри!

— Хорошо-хорошо; может быть, ей удастся избежать плахи, хотя я лично в этом сомневаюсь... Но вы находитесь в полной безопасности. Помнится, был какой-то шум в свое время, но все было проделано шито-крыто, и первый заговор, несомненно, сейчас уже прочно забыт

— Рад слышать это, — ответил я, — ибо мне уже хватит всяких приключений до конца моих дней!

— Могу себе представить, — рассмеялся Неттерби, вставая и дружески прощаясь с нами. — Однако смотрите, не кричите от радости прежде, чем выберетесь из леса!

— И не собираюсь, — отозвался я в ответ, и мы вдвоем с сэром Джаспером как можно скорее вернулись к реке, каждый слишком погруженный в свои думы, чтобы обратить внимание друг на друга.

Два матроса, оставшиеся сторожить лодку, немного поворчали из-за того, что мы вынудили их так долго ждать, но сэр Джаспер успокоил их, пообещав хорошо заплатить за причиненные неудобства, после чего один из матросов вручил мне небольшую записку, которую,

по его словам, ему дал какой-то мальчишка, во что бы то ни стало желавший попасть на испанский барк, чьи мачты возвышались среди множества мелких судов и суденышек на реке. Оказалось, что у него имеется письмо для сэра Джереми Клефана, и, когда ему объяснили, где я нахожусь, он после недолгих колебаний оставил записку у них. Немало заинтересованный, от кого бы она могла быть, я с нетерпением ожидал, пока мы подойдем к борту «Санта-Марии», и затем, поднявшись по веревочному трапу на палубу, поспешил в кормовую каюту, где расправил записку перед собой на столе

ГЛАВА 29

О том, что я увидел в колодце во второй раз

Первый же взгляд, брошенный мною на записку, заставил меня вздрогнуть, поскольку я сразу узнал, кто написал маленький стишок, в который я с недоумением вчитывался. Исходя из полученных мною накануне сведений, было странно, что он вообще был написан, да еще адресован мне, ибо в записке стояло следующее:

*Когда закат падет на мирные долины,
приди на улицу Марии Магдалины,
и той, кто дальше твой укажет путь,
послушен и непрекословен будь.
Но если совершишь ошибку снова,
то случая не будет уж другого!*

«*Mon Dieu!* — пробормотал я, так как мысль о госпоже Марджори заставила меня вспомнить де Кьюзака и его излюбленное выражение. — Что бы это могло означать?»

В этот момент в каюту вошел сэр Джаспер, слегка прихрамывая, но насвистывая веселую песенку.

— Ну-с, сэр Джереми, — воскликнул он, — что ты думаешь о моем друге Уилли? Я же говорил тебе: он знает о делах королевства больше, чем кто-либо другой, потому что он доверенное лицо Уолсингэма и возглавляет его секретную агентуру. Но главное, он снял тяжкий груз забот с моих плеч!

— Почему-то я не замечал такого груза за все долгие месяцы, проведенные нами вместе, — возразил я. — Однако что вы скажете об этом? — я протянул ему записку. — Написано госпожой Марджори, я хорошо знаю ее почерк; вероятно, она заметила меня там, на ступеньках причала.

Сэр Джаспер с озабоченным видом прочел записку и покачал головой.

— Судя по твоим рассказам о ней, — медленно проговорил он, — я никогда бы не поверил, что она способна на такое! Послушайся моего совета, Джереми: держись подальше от мадам де Шольц! Поверь мне, я на собственной шкуре испытал последствия интрижек с замужними женщинами; да и Саймон скажет тебе то же самое.

Тем не менее, как ни странно, Саймон отнюдь не придерживался мнения сэра Джаспера, когда на следующее утро услышал от меня историю с запиской.

— Ничего дурного нет в том, чтобы узнать, чего от тебя хотят, — сказал он, — и я думаю, Джереми, у тебя хватит здравого смысла не натворить глупостей. С другой стороны, хотя здесь может быть какая-то ошибка, не возлагай слишком больших надежд на некий счастливый исход, если именно это имеется в виду под «мирными долинами»!

— Можешь не сомневаться, — угрюмо заверил я его, — но уже семь часов, и нам пора на берег.

Мы все трое уселись в наш небольшой ялик, взяв с собой череп, тщательно завернутый в плащ, драгоценные самоцветы, запрятанные в складках нашего платья, и увесистый мешок с дукатами из личных сбережений дона Педро Базана. Приближаясь к лодочной пристани, мы увидели, что на ней начинает собираться толпа народу, и, когда мы проплывали мимо, оттуда, к нашему немалому изумлению, стали доноситься приветственные возгласы, и народ стал тесниться, чтобы получше нас разглядеть; многие оживленно переговаривались друг с другом, указывая то на нас, то на «Санта-Марию».

— Могу поклясться, — сказал Саймон, — что эти добрые люди уже прослышали о наших похождениях. Боюсь, нас ожидают немалые трудности!

И действительно, своеобразные трудности нам пришлось претерпеть, поскольку толпа следовала за нами всю дорогу, крича и восхваляя нас, и, когда мы добрались до меблированных комнат сэра Джаспера — к счастью, оказавшихся свободными, — вокруг нас собралось

человек сто; я до сих пор помню, как по-разному воспринимал каждый из нас эту торжественную встречу. Саймон, например, не глядел по сторонам, но шагал прямо, опустив голову, словно чувствуя за собой какую-то вину, и я знаю, что он молился про себя о том, как бы поскорее добраться до укрытия. Сэр Джаспер, напротив, был на вершине славы. Он гордо шествовал, раскланиваясь направо и налево, размахивая руками, сияя так, словно он сам, в одиночку захватил целый флот Его Католического Величества Филиппа Второго, короля Испании.

Что касается меня, то я был слишком погружен в свои собственные заботы, чтобы обращать особое внимание на восторги толпы, но все же, должен признаться, это зрелище отнюдь не было мне неприятно, ибо оно убеждало меня в том, что англичане любят свою страну и ненавидят «донов», и я, хоть и будучи шотландцем, разделил тем не менее их чувства и был заодно с ними.

Ничто не могло удержать сэра Джаспера от удовольствия выступить с речью перед толпой, что он и сделал прямо из окна нашей комнаты, к огромной радости собравшихся и к собственному удовлетворению; прошло не меньше часа, прежде чем толпа, наконец, рассосалась, настолько потрясающей оказалась сенсационная новость о захвате «Санта-Марии» двумя англичанами и одним шотландцем.

После этого сэр Джаспер отбыл с секретной миссией, сняв предварительно с нас все мыслимые и немыслимые размеры, так как по-

клялся, что шагу не ступит с нами, пока мы не будем подобающим образом одеты. Вернувшись, он привел с собой портного и попытался нарядить меня в пурпурный камзол, такого же цвета плащ и шляпу и короткие бриджи из белого сатина, отделанные желтыми лентами, не говоря уже о всяких мелких щегольских атрибутах.

— Боже великий! — ужаснулся я. — Да вы никак хотите сделать из меня птицу колибри! Нет-нет, господин портной, ничего этого я не надену!

Достопочтенному мастеру ножниц и иглы пришлось потратить немало времени и сил, прежде чем он сумел удовлетворить меня, предложив отличного покроя светло-серый костюм, окаймленный по шву серебряной тесьмой, с белым кружевным отложным воротником, потому что я наотрез отказался носить жабо. Костюм в сочетании с плоской широкополой шляпой, украшенной большим пером, придал мне поистине изысканный и щеголеватый вид, хотя, конечно, я был просто серенькой птичкой по сравнению с сэром Джаспером, который сверкал всеми цветами радуги, ничем, впрочем, не погрешив против хорошего вкуса, потому что всегда утверждал: «Пусть я буду не в состоянии сделать что-нибудь другое, но зато всегда сумею прикрыть свою наготу достойным образом, так, чтобы не оскорбить ничьего взгляда!»

Саймон, со своей стороны, не захотел иметь дела с портным и его коллекцией платьев, что, пожалуй, было к лучшему, ибо к тому времени, когда сэр Джаспер закончил наряжаться,

мы уже немного опаздывали и вынуждены были торопиться изо всех сил.

Я не намерен описывать детально обстоятельства нашей аудиенции у королевы Бесс, поскольку придворные летописцы в свое время, несомненно, отметили в своих хрониках все ее подробности, и намного искуснее, чем это мог бы сделать я даже с помощью добрейшего мастера Фразера. Достаточно сказать, что хотя с тех пор я много путешествовал по разным странам света, видел много пышных дворов и могущественных монархов, но мне никогда больше не приходилось наблюдать такого величественного и странного зрелища, как при дворе Елизаветы. Здесь были все — солдаты и моряки, ученые, поэты, государственные деятели и авантюристы, придворные кавалеры и последние бедняки — пестрая смесь могущества и глупости, мудрости и лести, честолюбия, зависти и жадности — настоящий калейдоскоп человеческих добродетелей и пороков, собранных вместе властью одной гордой женщины, с помощью железной воли управлявшей всеми этими людьми и распоряжавшейся ими по своему усмотрению. Я видел многих знаменитых людей и известных красавиц, хотя последние далеко не относились к числу фавориток королевы-девственницы, но так и не обнаружил двух лиц, которые тщетно искал, а именно госпожи Марджори и доброго сэра Фрэнсиса. Адмирала не было при дворе, о чем я очень сожалел, так как предвидел, насколько ему понравится моя история; правда, он впоследствии много раз слышал ее от меня, так что потерял он не так уж много.

Королева приняла нас весьма любезно и была немало поражена, обнаружив сэра Джаспера в числе «троих отважных», как нас обозвал один из местных остряков; маленький рыцарь был на верху блаженства и, ничуть не смущаясь, поведал всем о наших приключениях в той же форме и в тех же выражениях, что и Уиллу Неттерби, чем очень развеселил Ее Величество. Она также была настолько удовлетворена своей проницательностью, с первого взгляда — по ее утверждению — признав во мне человека благородного происхождения, что распорядилась все расходы по нашему содержанию отнести на ее счет; правда, она тут же не преминула заявить свои права на солидную часть стоимости «Санта-Марии» как военного приза.

Нас сразу же окружила атмосфера доброжелательности, приветливых лиц и дружелюбных улыбок, и, как предсказывал Уилл Неттерби, никто не вспоминал ни о неприятностях сэра Джаспера, ни о папистском заговоре; тем не менее, несмотря на общее веселье и благодушие, кое у кого на лицах нет-нет, да и проскальзывало выражение растерянности и тревоги, да и у самой Елизаветы, как нам сообщили, частенько наблюдались приступы угрюмой и мрачной меланхолии, во время которой никто не смел показываться ей на глаза. В ту пору у нее было множество врагов, немало забот и тревог, и мне кажется, что появление «Санта-Марии» она восприняла как добрый знак, поскольку это событие привело всех в хорошее настроение, а мне повезло в особенности, ибо в дальнейшем

королева была уже далеко не так щедра на присвоение с ходу дворянских званий, но зато, как твердили злые языки, оказывала чрезмерную благосклонность льстецам и ничтожным людям.

Один лишь Саймон был недоволен поднявшеюся вокруг нас суматохой, так как старый солдат и разведчик ничуть не годился на роль придворного кавалера и частенько выходил за рамки вежливости, осаждаемый толпой любопытных, пытавшихся вытянуть из него историю всей его жизни и пристававших с вопросами о том, что он ест и пьет, и действительно ли у него имеется родимое пятнышко на левой лопатке.

— Ради Бога, Джереми, — взмолился он, отведя меня в сторонку, — я больше не могу терпеть! Избавь меня от всей этой белиберды!

Мы порядком устали к тому времени, когда вернулись в наше скромное жилище, но, несмотря ни на что, я намерен был немедленно отправиться в одиночку на улицу Марии Магдалины, расположенную, как я узнал, неподалеку от Королевских ворот и в непосредственной близости от Темзы. Саймон и сэр Джаспер даже и слушать об этом не хотели.

— Если ты меня любишь, — сказал сэр Джаспер, — дай мне сначала немного поесть, и потом я пойду с тобой хоть на край света, да и Саймон тоже. А одного мы тебя не отпустим, потому что ты заблудишься в лабиринте лондонских улиц, да и времени у нас еще вполне достаточно.

Признав справедливость его слов, я призвал на помощь всю свою выдержку и терпеливо подождал, пока сэр Джаспер переоденется и проглотит солидный обед; затем, вооружившись, мы отправились навстречу новому приключению, и сердце мое, помнится, колотилось в груди так, как никогда еще не билось с того дня, когда я стоял у волшебного колодца. Но таково уж человеческое безрассудство, и объяснения этому нет!

Несмотря на обуревавшие меня чувства, я тем не менее помню, как удивлялся поразительному количеству людей, заполнявших улицы, с деловитым видом сновавших между лавок и магазинов, точно трудолюбивые пчелы, — одни с рулонами тканей и прочих товаров, другие в кожаных фартуках, как те, что носят кузнецы и оружейники, а третьи и вовсе бездельники, занятые, казалось, лишь беззаботной прогулкой на свежем воздухе и демонстрацией своих нарядных костюмов, сшитых по последней моде. Впрочем, описывать все, что я видел, заняло бы слишком много времени; однако, хотя здесь было много интересного и необычного, сам город показался мне скучным и некрасивым по сравнению с шотландской столицей, и, за исключением постоянно меняющейся реки, высокой башни Тауэра, многочисленных дворцов и домов правосудия, ничем не привлекал меня, видевшего Замок из неотесанного гранита, темную воду залива Нор-Лох, Львиный холм и крутые улочки и переулки старого «Дендина», как некоторые называют Эдинбург.

Пройдя быстрым шагом расстояние, отделявшее нас от цели нашей прогулки, мы вышли на тихую, заросшую травой улочку — самое подходящее место, как любезно заметил сэр Джаспер, которое только можно пожелать, если вам вдруг захочется сунуть кому-то нож в спину, не оставив при этом свидетелей. Дома здесь окружали высокие стены и сады, простиравшиеся до самого речного берега. И местность была довольно пустынной, если не считать тощей худой собаки, сидевшей на корточках и не известно, по какой причине, тоскливо лаявшей и подвывавшей в пустое пространство, чему сэр Джаспер положил конец, удачно попав камнем по ребрам незадачливого солиста. Саймон и маленький рыцарь укрылись в начале улицы, а я медленно пошел по ней, размышляя о смысле странного стихотворения, если в нем вообще скрывался какой-то смысл. Однако не успел я прошагать таким образом и нескольких ярдов, как ворота в некотором отдалении от меня отворились, и из-за них выглянула пожилая женщина. Серебряные волосы ее были аккуратно заправлены под чепец, а розовые щечки напоминали два спелых файфширских яблочка; и вообще, от нее веяло такой материнской добротой, что я, хоть и видел ее впервые в жизни, не задумываясь, пересек улицу и направился к ней. Она смерила меня взглядом с ног до головы, словно оценивая товар по его внешнему виду, а я с любопытством вглядывался в ее полную фигуру и веселое добродушное лицо.

— Хорошая женщина, — сказал я, — я пришел в ответ на послание...

— Ну и стой там, где стоишь, — сказала она странным писклявым голосом, — пока не докажешь мне, что говоришь правду!

По счастью, я захватил с собой записку и протянул ее почтенной матроне.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Сэр Джереми Клефан, — не без некоторой гордости отрекомендовался я.

— Ты женат?

— Боже упаси! — пылко возразил я.

В ответ на это она слегка прыснула в кулак, не удержавшись от смеха, и жестом предложила мне следовать за собой, после чего провела в сад и закрыла ворота.

Мы обогнули невысокий уютный домик и вышли в более обширный сад, который простирался от истинного фасада здания до берега широкой реки и изобиловал роскошными куртинами, живописными зарослями кустарников и великолепными поздними цветами; на аккуратно подстриженной травяной лужайке перед самым домом журчал и плескался внушительных размеров фонтан. Вокруг дома росли фруктовые деревья, гибкие побеги дикого винограда и прочих ползучих растений оплетали замшелые камни древней полуразрушенной изгороди, а тишина и покой, царившие вокруг, делали это место похожим скорее на сельскую глубинку, чем на лондонскую окраину. Я обернулся, чтобы спросить мою проводницу, зачем она привела меня сюда, но, к моему немалому удивлению, она исчезла, оставив меня одного.

Опасаясь какой-нибудь ловушки, я выхватил рапиру — тот самый добрый клинок, что в

прежние времена служил мне верой и правдой на суше и на море и висит сейчас на стене перед моими старыми глазами, стоит мне только поднять их от письменного стола, — итак, я выхватил свою шпагу и внимательнее пригляделся к дому. Это было деревянное двухэтажное строение с крыльцом, у которого росла высокая груша; из трубы на крыше вился легкий прозрачный дымок, но, кроме этого, никаких других признаков жизни не было заметно; все было тихо, если не считать мерного плеска воды в фонтане и пения малиновки, усевшейся на ветку рядом со мной.

— Mon Dieu! — пробормотал я про себя. — Что все это значит? — И, держа шпагу наготове, осторожно двинулся по широкой тропинке, усыпанной опавшими осенними листьями, поперек которой уже начали ложиться вечерние тени.

Неожиданно я натолкнулся на зрелище, показавшееся мне любопытным и заставившее меня остановиться. На тропинке передо мной сидели две жабы — толстые неуклюжие существа с бородавчатыми спинами и блестящими выпученными глазами, — находившиеся в довольно затруднительном положении. Они поймали большого дождевого червя, и каждая тянула добычу в свою сторону, стараясь выдернуть ее из пасти соперницы: то одна подтягивала слабинку, то другая, ни в чем не желая уступать друг другу, изо всех сил упираясь вывернутыми передними лапками с крохотными перепончатыми пальчиками. Затем обе жабы потянули добычу одновременно на себя, так что

несчастный червяк стал тонким посередине, но когда они увидели, что он вот-вот готов разорваться на две половинки, то сразу прекратили совместные усилия и вновь принялись тянуть червяка поочередно, продолжая свою игру во «все или ничего». Они не обращали на меня ни малейшего внимания, и я с острым любопытством следил за их соревнованием. Внезапно все прекратилось. Одна из соперниц широко раскрыла пасть, чтобы получше ухватиться за свой конец добычи, и — хоп! — червяк моментально выскользнул у нее изо рта, извиваясь и пытаясь освободиться. Незадачливая жаба тупо уставилась перед собой, словно недоумевая, что произошло, но затем, глянув искоса на извивающийся конец червяка, прыгнула вперед; но было уже поздно. Ее более счастливая соперница оказалась чересчур расторопной, во мгновение ока проглотив червяка, после чего невозмутимо уселась, глядя на свою менее ловкую сестру, и я готов поклясться, что на ее физиономии была лукавая усмешка!

— Bravo! — воскликнул я. — Все или ничего, такая игра по мне! — И, с трудом распрямив затекшую от неудобного положения спину, неожиданно увидел перед собой мадам де Шольц.

Она стояла, глядя на меня с удивленной улыбкой, и я заметил — в критические моменты человек замечает всякую мелочь, — что на ней было то же платье, в котором я впервые увидел ее, или, во всяком случае, похожее по цвету и покрою. Я уставился на нее долгим испытующим взглядом: по-моему, она еще более

похорошела, фигура ее еще более округлилась, ее изящная головка еще более грациозно сидела на плечах, — короче говоря, из молоденькой девушки она превратилась в юную женщину, и очаровательную к тому же! Она, не смущаясь, вернула мне мой взгляд и заговорила первой.

— Я вижу, вас развлекают даже такие мелочи, — сказала она.

— Мадам, — со всей серьезностью ответил я ей, — если бы вы видели те кошмарные ужасы и чудовищную жестокость, которым я был свидетель, вы тоже, поверьте, стали бы находить удовольствие в самых ничтожных житейских мелочах!

Мне показалось, будто она смотрит на меня как-то странно и нижняя губа ее слегка дрожит, словно от сдерживаемого смеха или слез.

— Вы получили мою записку? — спросила она.

— Да, мадам, и поспешил явиться сюда, как вы того хотели.

— Я очень признательна вам, сэръ Джереми, — сказала она. — Кажется, ваше имя стало немного длиннее после того, как мы расстались, и, насколько мне известно, теперь оно более соответствует вашим заслугам.

Я ничего не ответил, слишком увлеченный, по правде сказать, красотой ее прелестного лица, чтобы обращать внимание на ее слова.

— Ты не помнишь, как мы расстались?

— Мадам, — поморщился я, вновь ощутив тупую боль в груди, — надеюсь, вы избавите меня от повторения того, что давно забыто. Я не затем сюда пришел, чтобы вновь подвергаться насмешкам!

Неожиданно ее манеры претерпели неуловимое изменение, и она весело рассмеялась.

— Боюсь, Джереми, — сказала она, — что ты большой дурак!

Я вздрогнул, услышав, как она назвала меня «Джереми», и вспомнил, что впервые она обратилась ко мне по имени, когда я приготовился подраться из-за нее с Ханиманом; тем не менее я постарался сохранить невозмутимость.

— Возможно, так оно и есть, мадам, — спокойно сказал я, — однако вы, конечно же, пригласили меня сюда не для того, чтобы сообщить об этом?

— Верно, — кивнула она, все еще продолжая смеяться. — Ты еще более глупый, чем я думала! Смотри, будь осторожен, ибо помнишь последние строчки записки:

*Но если совершишь ошибку снова,
То случая не будет уж другого!*

Итак, зачем, по-твоему, я пригласила тебя сюда?

— Не знаю, — пробормотал я, озадаченный ее словами. — Может быть, чтобы рассказать мне об отце...

— Ничего подобного, хотя должна с прискорбием сообщить, что твой отец, увы, умер.

— О, этого я и боялся! — печально сказал я и замолк, погружившись в воспоминания о моей прежней спокойной жизни в Керктауне и о последних днях, когда я видел своего старика.

Когда я вновь пришел в себя, то обнаружил, что стою с обнаженной шпагой перед мадам де Шольц, и та смотрит на меня со странной улыбкой на пунцовых губах.

— У тебя, кажется, были необычные приключения, — сказала она, — вроде тех, что ты мне когда-то рассказывал и мечтал пережить? Не поделишься ли со мной воспоминаниями о них?

— Охотно, — ответил я, смущенно пряча рапиру в ножны, и поведал ей часть моих походов.

Она слушала с живым интересом, прерывая меня, задавая вопросы и настаивая на подробностях; во время моего рассказа о Железной Деве и о танце с анакондой щеки ее побелели, а

глаза, казалось, стали еще огромнее. Когда я закончил свою историю, она долго молчала, отвернувшись, с погрустневшим лицом; однако вскоре она снова рассмеялась.

— Поистине тебе пришлось немало пережить, — сказала она. — И стоило из-за подобных неприятностей покидать Керктаун?

— Мадам, — с горечью возразил я, — я бы предпочел не касаться этой темы. Ваш отец здесь?

— Здесь. У нас был очень неблагоприятный год, и мы остались почти совершенно без средств, вот отец и решил явиться ко двору в надежде вернуть себе состояние; однако он слишком стар и измучен недавними хлопотами и невзгодами, и я боюсь, что мы никогда больше не увидим Крукнесс...

Голос ее задрожал, словно она вот-вот готова была заплакать — то, чего я никогда не мог выносить у женщин, — и тут внезапная мысль осенила меня. Я остановился и огляделся по сторонам.

— Видите ли, мадам, — сказал я, — становится темно, и мне больше нельзя с вами оставаться; я и без того чересчур замешкался здесь. Однако послушайте! За время моих странствий я приобрел значительные сокровища, совершенно бесполезные для меня теперь. Я предоставляю их безвозмездно в распоряжение вашего отца ради памяти о... о прежних днях, ушедших в прошлое. Будь ситуация несколько иной, — с грустью добавил я, — я бы сделал это предложение в другой форме, но раз уж так случилось, Марджори, — прошу прощения, мадам де Шольц, — то

так будет лучше. Мне не нужно благодарности, ибо ваш отец был добр ко мне как никто другой, кроме одного человека... А теперь прощайте, потому что я не смею дольше здесь оставаться.

Не глядя на нее, я с тяжелым сердцем повернулся, чтобы уйти, но она легонько коснулась моего плеча.

— Послушай, Джереми, — сказала она, и я заметил, что она пытается выглядеть строго и независимо, несмотря на слезы, переполнявшие ее большие черные глаза; однако ни крохотная ямочка на подбородке, ни пухлые розовые губы, ни гладкий овал ее нежных щек, ни длинные, загнутые вверх ресницы ее никак не способствовали этому. — Послушай, — сказала она, — и хорошенько подумай над тем, что собираешься сделать. Ты хочешь отдать эти деньги отцу мадам де Шольц?

— Да, — устало ответил я, — поскольку у меня нет другого выбора.

— О! В таком случае, — с легкой усмешкой проговорила она, глядя куда-то в пространство над моей головой, — боюсь, что подобная щедрость не принесет никакой пользы моему отцу.

— Но почему же? — удивился я, не понимая, что она имеет в виду.

— Потому что, — ответила она, глядя мне прямо в глаза, — потому что, Джереми, он не отец мадам де Шольц!

— Не отец мадам де Шольц... — пробормотал я. — Значит...

— Да, — сказала она, слегка кивнув своей очаровательной головкой, — он отец Марджори Бетьюн и всегда им был, во всяком случае, с

тех пор, как на свет появилась некая девица по имени Марджори. Тебе нравится это имя?

— Да помогут мне Святые Небеса! — воскликнул я. — Новости за последнее время слишком быстро валяются на мою бедную голову! Однако ясно, если вы — не мадам де Шольц, то, значит, вы — не жена того голландского типа?

— В общем, — усмехнулась она, — пока нет, но...

— Никаких «но»! — закричал я. — Где была моя голова? Чтоб он пропал, тот парень на ступенях причала! Я сверну ему шею, попадись он мне только под горячую руку!

— Ничего такого вы не сделаете, сэр Джереми, так как, по-моему, с момента нашей последней встречи вы только тем и занимались, что сворачивали чужие шеи, едва не свернув при этом своей собственной; но прежде чем продолжить разговор, я бы хотела вам кое-что показать.

Она поспешила указать палец и подержала его перед собой, определив таким способом силу и направление ветра.

— А теперь, — сказала она, — идите за мной!

Я последовал за ней в отдаленный укромный уголок сада, где находился небольшой каменный колодец, очень похожий на памятный мне круглый водоем в густых лесных зарослях неподалеку от Керктауна.

— Станьте здесь, — сказала она, жестом приглашая занять место подле себя, и мы вместе взглянули на спокойную поверхность воды в колодце, повторив то, что проделали когда-то давно, перед моим бегством из дома. Она улы-

балась своей особенной, только ей присущей очаровательной улыбкой, которую я считал самым прелестным зрелищем в мире, и чистая водная гладь отражала всю ее солнечную теплоту и искренность. Но тут налетевший порыв ветра слегка поморщил поверхность воды в колодце, и улыбка внезапно изменилась, превратившись в насмешливую гримасу, как и в прошлый раз; однако когда я поднял глаза, то убедился, что улыбка осталась прежней, и более того, что она предназначалась только для меня и что я был слепым дураком и вовсе не заслуживал того счастья, которое теперь открывалось передо мной, — ведь если любимая улыбается тебе, то можно ли желать большего счастья?

Когда в небольшой беседке на берегу реки мы закончили обсуждение проблем, интересовавших только нас обоих, мне стало известно, что не только я страдал от своей роковой ошибки, но моей любимой пришлось претерпеть значительно больше. В то время она весело смеялась над моим заблуждением, но обнаружив, что я исчез бесследно, не сказав никому ни слова, сменила смех на слезы, хоть и не переставала надеяться на мое скорое возвращение. По мере того как время шло, а от меня не было никаких известий, она серьезно заболела из-за бесконечных тревог и ожидания, а тут еще одна беда свалилась им на голову: ее отец запутался в сомнительных спекуляциях и утратил почти все свое состояние.

Поскольку всем известны были его заслуги перед гугенотами, старый джентльмен отправился к английскому двору в надежде получить

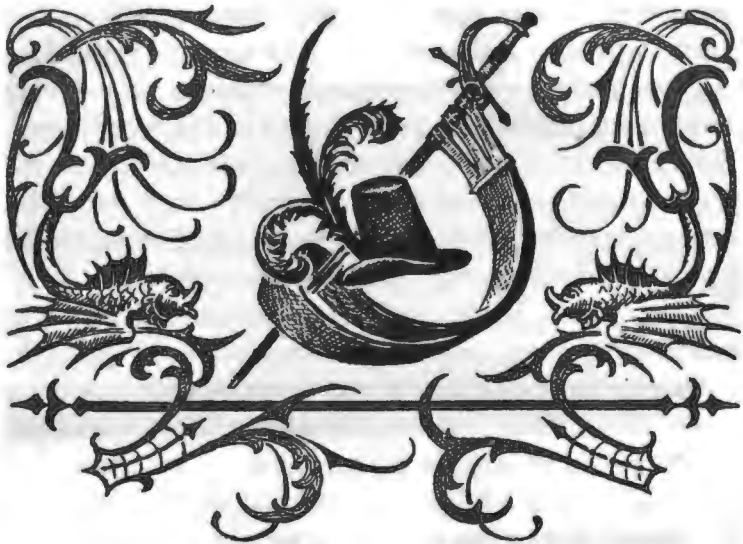
какой-нибудь пост или должность, позволившие бы ему свести концы с концами, но он был иностранец, да еще старый и всеми забытый, так что ожидания его оказались напрасными. Госпожа Марджори имела возможность сразу поправить дела, потому что у нее было множество серьезных ухажеров, однако она ни одного из них видеть не хотела и не оставляла надежды на мое возвращение.

Представьте же ее удивление, когда в оборванном бродяге на ступенях речного причала она узнала человека, бежавшего от нее, человека, верность которому она хранила все эти долгие и томительные месяцы. Как бы там ни было, она постаралась ничем не выдать своих чувств, ибо зрение у королевы отличалось особой остротой, а веселый двор был далеко не подходящим местом для любовных сцен, и поэтому она, сделав над собой усилие, прошла мимо меня, словно не заметив. К счастью, задуманный ею план успешно завершился, в чем я не преминул убедить ее всеми доступными мне — и, как оказалось, весьма эффективными! — доводами. В дальнейшем я также узнал, что при дворе действительно была некая мадам де Шольц, в связи с чем я оставил намерение свернуть шею моему осведомителю, поняв, что он ввел меня в заблуждение по ошибке и, несомненно, без злого умысла. В конце концов я обнаружил, что, пока мы беседовали, стало уже совсем темно и что я совсем забыл об ожидавших меня Саймоне и сэре Джаспере. Осознав это, я заторопился уходить, но Марджори не отпускала меня, пока я не повидаяюсь со старым

джентльменом; тот, в свою очередь, потрясенный пересказом моих приключений, поклялся, что не даст мне ни шагу ступить за порог, пока я не разопью с ним флягу доброго хереса. Наконец, нам столько еще надо было сказать друг другу на прощание у ворот сада, что над нами уже стали проноситься летучие мыши, прежде чем я распрощался с Марджори.

— Ну что, Джереми, — прозвучал из темноты нежный голос моей любимой, — обрел ли ты наконец свою «мирную долину»?

— Поистине, так, — ответил я, — однако боюсь, — добавил я со смехом, — что вскоре обрету нечто совершенно противоположное, когда сэр Джаспер и Саймон возьмутся за меня. Покойной ночи!

ГЛАВА 30

О последней битве и о том, чем все кончилось

Я с трудом припоминаю, как я добрался до дома, поскольку не нашел своих достойных приятелей на том месте, где мы расстались. Поэтому мне пришлось самостоятельно отыскивать путь, бредя как сквозь сон по темным улицам и переулкам Лондона, размышляя над тем, был ли когда-либо простой смертный столь счастлив и весел, как я, и насвистывая про себя мелодию знакомой песенки, чего я не делал с того самого дня, когда отправился пешком из Гозпорта в Плимут, избежав с помощью Саймона веревочной петли.

У меня сохранились смутные воспоминания о встрече с двумя подвыпившими компаниями

мастеровых парней, усердно обрабатывавших черепа и ребра друг друга, и я, просто от переполнявшей меня радости, тоже принял посильное участие в потасовке; тем не менее, как бы там ни было и что бы со мной ни случилось по дороге, я с первыми лучами утренней зари явился домой и встретил на пороге Саймона и сэра Джаспера, собравшихся идти меня разыскивать.

— Святые Небеса! — воскликнул последний, увидев в дверях мою фигуру. — А вот и наша заблудшая овечка! Где вас черти носили, сэр рыцарь, и откуда у вас такой шикарный синяк под глазом? Клянусь собственной головой, Саймон, он где-то напоролся на изрядную выпивку. Признавайся-признавайся, хитрый шотландец! Где наклюкался?

— Что случилось, Джереми? — спросил Саймон. — Когда ты исчез за воротами и в течение целого часа о тебе не было ни слуху ни духу, мы решили отправиться домой, потому что за час ты вполне мог бы расправиться со своими недоброжелателями либо дать нам знать, если там тебя ожидала ловушка; но рассказывай же поскорее и пойдем спать, так как ни один из нас, похоже, не смыкал глаз этой ночью!

Когда я рассказал им все, сэр Джаспер не удержался и достал из буфета бутылку отличного канарского, которым предусмотрительно запасся впрок; однако, прежде чем позволить нам хотя бы понюхать вино, он взобрался на стол и произнес речь, содержание которой я, к сожалению, запомнил, но помню, что даже

Саймон хохотал до колик в животе, а я вообще был еле жив от смеха. Так мы смеялись до тех пор, пока не заметили, что сэр Джаспер между делом потихоньку прикладывается к бутылке и уже приговорил бóльшую половину ее содержимого; теперь настала его очередь смеяться, глядя на наши вытянувшиеся лица, когда мы обнаружили, что в бутылке осталось всего лишь по глотку на брата.

Я с грустью вздыхаю, вспоминая то веселое время, но даже и сейчас я не могу удержаться от улыбки, когда представляю себе сэра Джаспера, заплетающимся языком распевающего песню собственного сочинения, припев которой я запомнил:

*Запевай-ка, друг, ведь окончен путь,
и тревоги все позади,
может, вспомним их мы когда-нибудь,
и откликнется сердце в груди!*

С этого дня для меня началась новая жизнь, и весьма приятная к тому же. Я позаботился о том, чтобы освоить и довести до совершенства некоторые навыки, необходимые в моем нынешнем положении, и вскоре я уже умел ездить верхом с удобством для себя и, что не менее важно, для животного, на чьей спине я восседал. Более того, я снова начал отрабатывать приемы фехтования и с удовлетворением обнаружил, что не только не забыл хитрого трюка де Кьюзака, но еще и освоил несколько новых, весьма для меня полезных, поскольку я всегда был немного слаб в нападении. Сэра Джаспера ничто так не радовало на первых порах, как наши

совместные посещения его излюбленных таверн; однако после того, как я стал свидетелем пьяной драки, во время которой были убиты двое парней, а мне пришлось перевернуть стол на трех осатаневших подонков, жаждавших моей крови, я сказал маленькому рыцарю, что с меня довольно таких развлечений. И я не очень удивился, когда ему самому наскучило подобное пустое времяпрепровождение, ибо после месяцев, проведенных под необъятными Божьими небесами, вдыхая чистый и свежий морской воздух или шагая днем и ночью у костра под зеленым пологом тропического леса, пьяные ссоры, шум и крики, спертый воздух, винные пары и бессовестные азартные игры, царившие в тавернах, в конце концов показались и ему отвратительными.

Поистине, как утверждал Уилл Неттерби, сэр Джаспер во многом изменился, и к лучшему, чему он и сам радовался, так как был, в сущности, неплохим парнем, хоть и немного чересчур, пожалуй, увлекался подогретым хересом с пряностями.

Но когда я вспоминаю о тех днях, мои мысли возвращаются не к пышным приемам и веселым сценам при дворе, не к достопримечательностям Лондона, но к тем тихим вечерам, когда я спешил на улицу Марии Магдалины на свидание с моей любовью. Множество воспоминаний о старом саде приходят ко мне, когда я слежу за тонкой голубоватой струйкой дыма, поднимающейся из чубука моей трубки, и я вновь слышу веселый смех Марджори и вижу вновь ее солнечную улыбку. Я вспоминаю, как

ветер играл ее каштановыми локонами, которые ничто не могло удержать в порядке, и как мы сидели вдвоем и говорили, говорили целыми часами, пока ворчливый, но сердечный голос старого джентльмена не звал нас на ужин и вечернюю молитву. Я с удивлением обнаружил, что практически не знал Марджори до сих пор и что печаль и грусть в значительной степени изменили ее; будучи достаточно веселой и жизнерадостной, она временами неожиданно впадала в тихую задумчивость, молча глядя далеким, отсутствующим взором на широкую речную гладь, и я не знаю, какой она мне нравилась больше, потому что если ее смех и шалости радовали меня, то молчаливая печаль очень гармонировала с моим душевным настроением, поскольку некоторые вещи я не мог забыть, а некоторые далекие приглушенные голоса не в силах был перестать слышать; покинув Керктаун всего лишь юношей, я повидал и совершил больше, чем иные за многие годы, и порой мне даже не верилось, что сэр Джаспер намного старше меня.

Прошел месяц с тех пор, как «Санта-Мария» бросила якорь в Темзе. Драгоценные самоцветы были удачно проданы, и мы все трое не испытывали никаких материальных затруднений. Сэр Джаспер и я с удовольствием предавались безмятежному отдыху, однако Саймону надоело праздное ничегонеделание, и я с горечью замечал, как старый разведчик и воин, не желая расставаться с нами, в то же время тоскует по жизни на широком просторе, подалее от тесноты и сутолоки больших горо-

дов. Видя, как он страдает, я вдруг напомнил себе, что мы не выполнили молчаливого обета, данного нами бедняге Джеку Роджерсу и молодому мастеру Трелони, и решил немедленно отправиться в Западную Англию.

Когда Саймон услышал об этом, он хлопнул себя ладонью по ляжке и с трудом удержался от радостного возгласа; но с госпожой Марджори дело обстояло совершенно иначе. Она ни за что не хотела отпускать меня и проявляла такой страх и тревогу, что я даже поразился ее странному упорству.

— Послушай, Марджори, — уговаривал я ее, — ведь это же последнее желание наших верных и храбрых товарищей и не выполнить его я не могу. Тем более что путешествие недолгое, совершенно безопасное и со мной рядом будет Саймон. Что же тревожит тебя, милая?

Долгое время она не хотела мне ничего говорить, но наконец призналась, что ее постоянно преследуют какие-то типы на улице и она боится, как бы не случилось чего дурного.

Я не смог удержаться от смеха, частью потому, что причина оказалась столь будничной и тривиальной, а частью из-за ее наивной простоты.

— Брось, Марджори! — сказал я. — С тобой твой отец, не говоря уже о старой Джоан, и хотя я, конечно, могу поверить, что тебя преследуют парни на улице...

Она шутливо ущипнула меня за мочку уха и, покраснев, не сказала больше ни слова; таким образом, проблема была решена, и одним морозным утром, когда туман низко стелился

по земле, мы с Саймоном выехали из Лондона и направились по дороге в Портсмут. Что касается нашего путешествия, то здесь едва ли уместно его описывать, хотя я вспоминаю его с удовольствием, несмотря на то что протекало оно без всяких приключений: свежий и чистый деревенский воздух, аромат увядающей листвы деревьев и кустарников, тихая грусть уходящего года — все это создавало неповторимую прелесть мирного сельского пейзажа, миля за милюй которого оставались позади под аккомпанемент бодрого перестука копыт и позвякивания уздечек наших двух быстрых скакунов — Ролло и Наварро, — легкой размеренной рысью уносивших нас на запад. Наконец мы прибыли в Плимут и без особых хлопот отыскали Розу Трегартен, сообщив ей печальную новость с предельно возможными тактом и деликатностью. Впрочем, мы могли бы и не утруждать себя подобными церемониями, ибо она оказалась девицей ветреной и непостоянной и, поплакав для приличия некоторое время, тут же начала строить глазки Саймону. Ее чары оказались настолько неотразимы, что старый солдат не устоял перед ними, и, когда пришло время отправляться в Сент-Ив, я поехал один. И здесь мои добрые намерения тоже оказались напрасными, поскольку леди Трелони я уже не застал в живых. Несчастливая мать, узнав о возвращении эскадры, отправилась в Плимут и была настолько потрясена известием о гибели «Морской феи», что слегла в постель и больше не вставала, покинув земную юдоль ради воссоединения с сыном на Небесах.

Вернувшись в Плимут, я убедился, что Саймону так и не удалось завоевать сердце корнуоллской девицы, которая, как мне показалось, была просто обыкновенной вертихвосткой и потаскушкой и забавлялась с ним, как со многими остальными. Однако, когда я намекнул ему на это, мой старей товарищ даже слушать меня не стал, так что мне оставалось лишь пожелать ему успеха в его дальнейших попытках. Поскольку он все еще не терял надежды добиться благосклонности ветреной красавицы, он решил задержаться в Плимуте, а поскольку я не мог задерживаться здесь из-за ожидавшей меня госпожи Марджори, то пришлось мне возвращаться в Лондон в тоскливом одиночестве, без моего доброго товарища. Все шло хорошо до тех пор, пока я, проделав обратный путь с запада на восток, не добрался наконец до маленького городка Гилфорда, где остановился в довольно дрянной гостинице. Я намеревался выехать утром на рассвете, с тем чтобы к вечеру оказаться в Лондоне.

Однако на следующий день, выехав из гостиницы, я почувствовал себя дурно: кости мои ломило, голова болела, и сильный озноб постоянно бросал меня то в жар, то в холод. В довершение ко всему погода испортилась, небо заволочило тяжелыми тучами и к полудню разразился сильный ливень; тем не менее я не стал искать укрытия, но продолжал упорно стремиться вперед, потому что меня не покидало какое-то тревожное ощущение надвигающейся беды, и, вспоминая страхи Марджори, я чувствовал себя раздраженным и подавленным. С каждым

часом недомогание и слабость все сильнее охватывали меня, тем более что непрекращающийся проливной дождь отнюдь не улучшал моего самочувствия. Я ехал словно в густом тумане, частью из-за насыщенного влагой воздуха, частью оттого, что от мокрой шерсти моей лошади валил пар, и задолго до наступления сумерек на мне уже не было сухой нитки, а зубы мои выбивали частую дробь от холода и сырости. Я понимал, что у меня начинается приступ тропической лихорадки, которую я подцепил в мангровых болотах Тринидада, и поэтому я пристально вглядывался в затянутый серой мглой горизонт в надежде найти какое-нибудь жилье, где я мог бы обсушиться и обогреться. Однако ничего подобного вокруг не было видно: местность была пустынная и безлюдная, и лишь изредка то тут то там попадались небольшие участки, поросшие вереском, да жалкие рощицы чахлых деревьев, уныло прозябающих среди многочисленных илистых болот и окаймленных камышами и тростником мелких озер со стоячей водой. И на все это лил нескончаемый дождь, и дорога, хоть и довольно приличная, вскоре обещала превратиться в жидкую грязь, и мой добрый конь уже с трудом вытаскивал ноги из вязкой глины, опустив голову и тяжело дыша, с каждым выдохом выпуская из ноздрей двойное облачко пара, и белоснежная пена хлопьями покрывала его мощную грудь.

«Черт побери, — подумал я про себя, поскольку ночь уже была не за горами, — так ведь не может дольше продолжаться, Джереми!» — и я еще внимательнее стал вглядываться в быст-

ро сгущавшиеся сумерки, наклонившись вперед в седле; но впереди ничего не было видно, и ни один звук не доносился до моих ушей, кроме чавканья копыт Ролло да резкого, тревожного крика болотной выпи, жутко разносившегося над пустынной равниной.

Мне с каждой минутой становилось все хуже, пока я, вконец обессилив, не обвис в седле мокрым безвольным грузом, с тоской вспоминая теплые ночи Тринидада, легкий игривый ветерок, напоенный пряными ароматами этого далекого острова, тихие вечера, проведенные с Саймоном и сэром Джаспером под кронами пальм, лоснящуюся обнаженную кожу индейцев, не знающих, что такое теплая одежда, — и, не будь госпожи Марджори, я готов был бы тут же поменять здешний холод, слякоть и тоскливую природу на те сказочные места, даже несмотря на обилие в них змей, «донов» и кровососущих насекомых.

Мы медленно тащились мимо одинокой рощи шотландских сосен, которые в любое другое время могли бы развеселить мое сердце своим разлохмаченным видом, напомнив о севере и о стране овсяных лепешек, но сейчас они лишь усилили ощущение одиночества и заброшенности, стоя под дождем, черные и угрюмые, и я слышал, как вода стекает с их тяжелых лап, когда они, раскачиваясь под ветром, скрипят и стонут, словно жалуясь на свою печальную участь. Но едва мы миновали рощу, как далеко впереди я разглядел слабый свет, тускло мерцающий сквозь туманную мглу, — всего лишь жалкую искорку, однако источник

огромной радости для меня, — и я рукой и голосом направил Ролло в ту сторону. Доброе животное, отлично понимая, что впереди ждут отдых и спасение от всех невзгод, с новой силой энергично бросилось бежать, разбрызгивая жидкую грязь из-под своих копыт.

По мере приближения свет становился все ярче, и я наконец определил, что он падает на дорогу из окна маленького домика, стоявшего немного в стороне.

Это было небольшое уединенное строение без малейших признаков наличия другого жилья поблизости, и поэтому я решил действовать с осторожностью: спрыгнув с седла и удерживая коня на поводу, я приблизился к дому, оказавшемуся при более детальном рассмотрении довольно ветхим деревянным сооружением, грубо сколоченным из бревен и крытым соломой, почерневшей от солнца и непогоды. Маленький сарай, пустой, если не считать стожка сена, примыкал к дому, и здесь я привязал Ролло к столбу, предоставив ему лакомиться сеном, сколько его душе угодно. Накинув ему на спину мокрый плащ вместо попоны, чтобы ничто не мешало руке, если придется обнажить шпагу, я осторожно подкрался к освещенному окошку и, найдя его, к моему удивлению, неплотно прикрытым, услышал приглушенный говор голосов, доносившийся изнутри.

Стараясь не шуметь, я поднял голову и с трудом удержался от удивленного возгласа: в центре комнаты за маленьким столом сидели

двое, друг против друга, и мне достаточно было одного взгляда, чтобы узнать обоих. Более крупный из этой пары был Ханиман, хоть уже далеко не тот молодой задира и забияка, какого я знавал, однако, несмотря на остроко-нечную бородку и отвислые щеки, я узнал в нем того самого человека, которого я так час-то загонял в тупик. Другого я тоже знал: это был знакомый мне бандит, чью руку я едва не сломал в ту памятную ночь под балконом на Хай-стрит в Эдинбурге, — гнусный и подлый негодяй с бледным испитым лицом, пытав-шийся убить меня исподтишка по наущению Дика Ханимана и ползавший передо мной на коленях в маленькой комнатушке под крышей в Лакенбутсе, умоляя сохранить ему его бес-полезную жизнь.

Как ни странно, но я вовсе не удивился, уви-дев их в таком необычном месте, и ни на мгно-вение не задумался над тем, что их присутствие здесь может иметь для меня дурные послед-ствия. Мне только показалось странным, что таким отъявленным злодеям, как эти, до сих пор удавалось избежать руки палача или кара-ющей десницы Господа, ибо, как вы уже успе-ли убедиться, большинство известных мне не-годяев постигла суровая, но справедливая кара, чему примером могли бы послужить печальные судьбы Бартлоу и Солткомба.

Комната была невелика, с лестницей в углу, ведущей на чердак, и с дверью в противополож-ной от меня стене. Мебель в комнате состояла из стола, двух табуретов, грубой полки с посу-

дой, массивного комода в одном углу и плетеной кушетки, покрытой оленьей шкурой, — в другом. Все это я успел заметить с первого же взгляда, после чего обратил свое внимание на достойную пару за столом, прислушиваясь к их беседе. Они играли в кости, азартно трясая стаканчиком, ругаясь и подсчитывая выпавшие очки, видимо, не очень довольные друг другом; я так увлекся наблюдением за ними, что почти совсем забыл о промокшей насквозь одежде и лихорадочном ознобе, от которого у меня зуб на зуб не попадал.

— Будь ты проклят! — расслышал я слова Кроуфорда. — Я достаточно потрудился на тебя: настала пора подумать и о себе!

— Перестань скулить, пес! — ответил Ханиман. — Разве я не платил тебе за все? А ты только и умел, что портил любое дело, за какое бы ни брался!

— Портил? — в ярости воскликнул Кроуфорд. — Портил! Где бы ты был сейчас, если бы не я? Служил бы пищей для ворон вместо того, чтобы самому держать маленькую птичку вон там, в клетке. — И он кивнул в сторону двери в противоположной стене, о которой я упоминал. — У меня такие же права на нее, как и у тебя, и клянусь вечным спасением, если костяшки выпадут в мою пользу, она будет моей!

— Ты, жалкий трус... — начал было Ханиман.

— Трус? — заорал Кроуфорд, хлебнув из бутылки, стоявшей на столе. — Я — трус, да? А ты кто такой? Хотелось бы мне посмотреть на

тебя, если бы тот чертов коротышка, убить которого ты меня когда-то посылал, пронюхал, каким образом ты заманил в ловушку госпожу Марджори!

— Mon Dieu! — пробормотал я, вспомнив опасения Марджори и то, как я к ним отнесся.

Боже, каким я был дураком! Если бы не слепой случай, она могла бы стать жертвой одного из этих подонков! При мысли об этом пальцы мои стиснули рукоять шпаги, но тут я почувствовал такую слабость, что внутренне простонал от досады. Двое против одного, и этот один — больной, измученный, насквозь промокший и трясущийся в жестоком приступе лихорадки. И тем не менее я знал, что Ханиман и Кроуфорд смогут добраться до госпожи Марджори только через мой труп; приняв такое решение, я немного пришел в себя и продолжил наблюдение. Оба негодяя снова замолчали, бросая поочередно фишки на стол, причем я заметил, что Кроуфорд непрерывно прикладывался к бутылке, постепенно распалаясь и багровея; Ханиман, в свою очередь, бросал кости аккуратно, с застывшей ухмылкой на лице, не сводя, однако, глаз со своего партнера, следя за каждым его движением, точно кот, следящий за птичкой, или, скорее, птичка, следящая за котом, когда она видит аппетитного червя и своего врага одновременно.

Короткое тарыхтение и сухой стук костяшек по столу... Снова тарыхтение и сухой стук — игра продолжалась, и я пришел к убеждению, что соперники условились об определенном количе-

стве очков и приз получит тот, кто первым их наберет. Видно было, что счет у обоих примерно равный и что игра приближается к концу.

Я продолжал наблюдать за ними точно замороженный, прижав лицо к окну и чувствуя, как холодный дождь стекает мне за воротник. Трижды каждый из них бросил фишки, и затем настал черед Кроуфорда. Даже на таком расстоянии мне было видно, как дрожат его руки. Наконец он бросил, и лицо его вытянулось, когда он подсчитал очки. Ханیمان негромко рассмеялся и долго тряс стаканчик, после чего осторожно перевернул его на стол; взглянув на костяшки, он небрежно отодвинул табурет и встал из-за стола.

— Игра была честной, — сказал он, — и теперь мне причитается выигрыш. Ты бы лучше сидел тихо и не дергался, мастер Кроуфорд!

Однако тот, вопреки совету, вскочил на ноги, опрокинув табурет, на котором сидел, и разразился длинной руладой витиеватых проклятий.

— Клянусь дьяволом! — кричал он. — Ты ее не получишь! Я сделал всю черную работу, я рисковал, — а ты, умник, собираешься собрать плоды? Говорю тебе, ты ее не получишь!

— Ах вот как? — насмешливо произнес Ханیمان. — В самом деле? И кто же, интересно, мне помешает?

— Я! — громко сказал я, распахивая окно и вскакивая в комнату, потому что дольше уже не мог оставаться снаружи под проливным дождем, где каждая минута отнимала у меня последние остатки сил; кроме того, мне пока-

залось, будто я расслышал короткие сдавленные рыдания за дверь в противоположной стене.

Выпрямившись и взглянув на обоих злодеев, я не смог сдержать усмешки, настолько велики были ужас и замешательство, отразившиеся на их физиономиях. Дик Ханيمان, с отвисшей челюстью, остолбенел, выпучив на меня глаза, где удивление и растерянность боролись с чисто мистическим страхом. Что касается Кроуфорда, то он издал испуганный вопль, уцепившись обеими руками за стол, затем схватил бутылку и единым духом осушил ее, уронив пустую посуду на пол.

«Теперь настал мой час», — подумал я, обнажив рапиру, и шагнул к ним, не произнося ни слова; оба молча попятились назад, строго придерживаясь ритма моих шагов, словно в каком-то странном танце. Ханيمان наполовину вытащил шпагу из ножен и уставился на меня как на привидение — по-моему, он действительно сомневался, живой я человек или дух.

В такой манере мы совершили круг по комнате, и я не пытался приблизиться к ним, поскольку намеревался внезапным толчком распахнуть дверь в стене и выпустить Марджори, после чего проводить ее до наружной двери и удерживать бандитов на пороге до тех пор, пока она не доберется до Ролло и не уедет благополучно из этого разбойничьего вертепа; что будет со мной потом, меня уже не интересовало.

Замысел казался вполне реальным, но, к сожалению, ему не суждено было осуществиться,

потому что, как только я приблизился к двери на стене, чердачный люк над моей головой открылся и оттуда показалась сначала одна нога, за ней вторая, а за ними и все туловище здорового верзила, медленно и тяжело спускавшегося вниз по лестнице. Когда он достиг ее подножия, я заметил в его руке увесистую дубину, а на рябом лице с жесткой щетиной черных волос печать злобы и порока.

— Что здесь творится, во имя Сатаны? — хриплым басом проговорил он. — Кому взбрело в голову устраивать скандалы в моей гостиной? Ты кто такой? — рывкнул он, заметив меня.

Я ничего не ответил, но, видя, что дело принимает скверный характер, прижался спиной к внутренней двери и встал в позицию.

— Черт бы тебя побрал! — заорал верзила. — Убери прочь свою булавку! А вы, два дурака, — обернулся он к Ханиману и Кроуфорду, — не могли уладить свое дельце без шума? Да ты никак глухой, — обратился он ко мне, видя, что я не обращаю на него внимания. — Убери шпагу, кому сказал!

— Ради Бога! — воскликнул Кроуфорд. — Не подходи к нему! Это вурдалак с того света!

В ответ здоровяк замахнулся дубиной и готов был броситься на меня, когда Ханиман схватил его за руку и что-то прошептал ему на ухо.

— Пусть будет так, — проворчал верзила, судя по всему, хозяин притона. — Но смотри, не испорти также и это дело!

— Положись на меня, — уверенно сказал Ханیمان и шагнул ко мне с обнаженной шпагой в руке.

— Итак, — осклабился он, — нам, похоже, выпала судьба встретиться снова, мастер Клефан; но вот что я тебе скажу: на сей раз расстанемся мы не так, как прежде!

Я не ответил ему ни слова, но, как только он стал в позицию, яростно атаковал его, ранив в руку, ибо понимал, что если не справлюсь с ним в ближайшие секунды, то мне будет конец. Спустя мгновение я ранил его вторично, но тут остальные два, опасаясь, как бы я не вышел победителем, набросились на меня. Верзила с дубиной налетел справа, а Кроуфорд — слева, и я приготовился подороже продать свою жизнь, потому что, конечно же, не надеялся одолеть сразу троих. Отведя шпагу назад, когда здоровяк замахнулся на меня дубиной, я прыгнул вперед, нырнул под его поднятую руку и с налета вонзил ему клинок в подреберье. В ту же секунду Ханیمان метнулся ко мне: я почувствовал острую боль, словно докрасна раскаленная спица прожгла мне грудь с правой стороны, и понял, что серьезно ранен. Но в то время я был поистине невменяем: не обращая внимания на боль, я выдернул шпагу из тела верзилы, который с тяжелым стуком грохнулся навзничь, и с гневным возгласом повернулся к Ханیمانу.

Испуганный моим решительным видом и, несомненно, выражением моего лица, Кроуфорд бросился бежать и выпрыгнул в окно, а Ханیمان, считавший меня уже мертвецом,

попятился назад с отчаянием в глазах и сдавленным криком, застрявшим у него в горле. Я настиг его и вонзил в него шпагу по самую рукоять; он рухнул безжизненной массой на пол, а я остался стоять один посреди комнаты, глядя на двух человек, которых я убил. Но тут я услышал, как дверь за моей спиной открылась, и, обернувшись, увидел Марджори, появившуюся на пороге. Я не произнес ни слова, потому что не мог говорить, так как в груди у меня хрипело и kloкотало и я чувствовал, как горячая волна поднимается к горлу, грозя затопить меня.

— Так-так, сударь, — услышал я ее голос, — вы поистине галантный кавалер и верный рыцарь, однако во всем виноваты вы, поскольку...

Больше я ничего не слышал, ибо горячая волна поднялась уже к самому моему рту, мешая дышать: меня охватили дурманящая слабость и головокружение, глаза заволкло розовым туманом... Я закашлялся, и кровь алыми струйками начала просачиваться сквозь мои стиснутые зубы, стекая по подбородку. Я едва стоял, раскачиваясь на нетвердых ногах как пьяный, и тут я увидел страх — дикий, беспредельный ужас, вспыхнувший в глазах госпожи Марджори; в следующее мгновение я рухнул ничком на залитый кровью пол, прямо к ее ногам...

Рассказывать осталось немного, и все же, будь у меня время, я с удовольствием задержался бы на тех событиях, которые сопутствовали моему возвращению к жизни. Меня буквально вырвали из цепких лап смерти, и весна уже была в са-

мом разгаре, прежде чем я смог снова встать на ноги, а к тому времени, когда я вернулся в Керктаун, боярышник уже стоял в полном цвету и древесные почки набухали и трескались, превращаясь в крохотные зеленые листочки. Саймон рассказал мне об этом, Саймон, мой верный спутник, вновь оказавшийся рядом со мной в нужную минуту, Саймон, лишь один-единственный раз опоздавший прийти мне на помощь.

После того как я оставил его в Плимуте, он долго не мог успокоиться, предчувствуя недоброе, и вскоре, убедившись в истинном характере девицы Розы Трегартен, поспешил последовать за мной. И хорошо сделал, потому что, почти нагнав меня в Гилфорде, он не стал там задерживаться, но, наткнувшись на постоялый двор у лондонской дороги, обнаружил в нем Марджори, сидевшую на окровавленном полу в компании двух мертвецов, держа на коленях, как показалось Саймону с первого взгляда, голову третьего, которым был я. После этого я целый месяц отчаянно боролся за свою жизнь, постоянно ощущая рядом с собой присутствие любящего существа, безотказно исполнявшего все мои желания. И может быть, нам повезло, что в то время нас не оказалось в Лондоне, так как королева после казни Марии Стюарт обратила свой гнев на сановников и министров, подтолкнувших ее на этот шаг, и весь двор пребывал в панике и смятении.

Как я уже говорил, жизнь постепенно возвращалась ко мне, и вскоре я узнал, как Кроуфорд, по поручению Ханимана, с помощью поддельного письма, якобы написанного мной, заманил

в ловушку мою бесценную госпожу Марджори, но, когда я попросил у нее прощения за то, что насмеялся над ее страхами и опасениями, она и слышать ничего не захотела и только весело рассмеялась, хотя в глазах у нее стояли слезы.

— Нет-нет, Джереми, — сказала она, — хоть ты частенько не понимал меня и во многом ошибался, то насколько же я была неправа, когда упрекала тебя, раненого, едва живого, в ту страшную ночь. Мы оба получили хороший урок, и давай сделаем из него правильный вывод, поблагодарив Бога за то, что Он был милостив к нам!

— Аминь, — очень серьезно сказал я, почтительно снимая шляпу.

Таким образом, мы оба вернулись в Файф; старый джентльмен и Саймон составили нам компанию, а также и сэр Джаспер, ибо маленькому рыцарю опять пришлось поспешно покинуть двор. По его настоянию донна Педро Базана отпустили на свободу под честное слово, за что сей последний оплатил ему тем, что похитил документы милорда Лестера и под покровом ночной темноты исчез вместе с приличной суммой в золотых монетах; мы его больше не видели до самого года Непобедимой армады, когда вновь встретились с ним при довольно странных обстоятельствах; впрочем, это уже другая история.

Я вспоминаю также, что именно в тот год я обнаружил наконец секретное укрытие де Папильона. Огромный испанский галеон выбросило на берег у того самого рифа, где погибла «Сова» и с которого мы с де Кьюзаком ловили

рыбу. Саймон и я посетили это место с инспекторской проверкой, ибо я к тому времени был уже коронным судьей и человеком с положением. Мы оба промокли до нитки, обследуя корабль в надежде обнаружить среди обломков что-нибудь достойное внимания, и развели огонь, желая обсушиться. По несчастной случайности ветром занесло искру в чашу сухого кустарника у подножия скалистой стены, и, когда пламя погасло, я обнаружил в ней сквозную нору, вход в которую был искусно замаскирован ветками и травой; таким образом, тайны де Папильона больше не существовало.

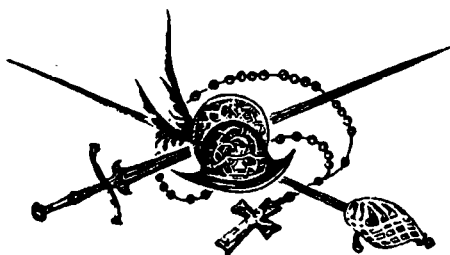
Я должен сообщить вам также, что установил каменное надгробие над местом последнего упокоения моего отца в старом церковном дворе и резной деревянный крест над одинокой могилой, где были погребены смертные останки странного человека, жившего на берегу в те холодные зимние месяцы.

Я хотел бы много еще рассказать вам о наших дальнейших похождениях с Саймоном и о мужестве любящей женщины, моей жены, с которым она защищала меня на громком судебном процессе, сфабрикованном моими недругами, но я вынужден заканчивать, потому что слышу, как эти два маленьких негодяя, Саймон и Джаспер, мои внучата, зовут своего деда, чтобы тот вновь поведал им множество раз уже пересказанные истории, которые они так любят слушать; особенно им нравятся рассказы о Железной Деве и о битве с гигантской змеей в дупле мертвого дерева. Они спрашивают меня и требуют все новых и новых подробнос-

тей до тех пор, пока наконец моя старая голова не пойдет кругом и я с напускным гневом не прогоню их прочь. Но прежде чем я отложу перо и оставлю чернила высыхать в чернильнице, я должен отметить, что благодарен Господу за многое, но за три вещи в особенности, а именно: за любовь госпожи Марджори, за дружбу с Саймоном Гризейлом и, наконец, за ловкий прием де Кьюзака, без которого никогда не были бы написаны эти строки.

Конец

Краткий словарь морских терминов

АБОРДАЖ — подход враждебных судов вплотную для рукопашного боя.

АХТЕРДЕК — задняя (кормовая) часть палубы, обычно с надстройкой.

БАК — носовая часть палубы корабля от форштевня до фок-мачты.

БАКБОРТ — здесь: левый борт.

БАКШТАГ — курс судна, составляющий тупой угол с направлением ветра.

БАНКА — здесь: скамья на шлюпке.

БАРК — трех- или четырехмачтовое судно с прямыми парусами на передних мачтах и косыми — на задней (бизани).

БАРКА — речное мелкосидящее судно без парусов, которое ходит под буксиром либо на веслах.

БАРКЕНТИНА — трехмачтовое судно с прямым парусным вооружением на фок-мачте (первой от носа) и косым — на грот-мачте и бизани.

БЕЙДЕВИНД — курс корабля под острым углом к ветру.

БИЗАНЬ — задняя, ближайшая к корме мачта.

БИМСЫ — поперечные брусья, служащие основанием для палубного настила или подволока (потолка) каюты.

БИТЕНГИ — швартовые тумбы на судне.

БОМ-КЛИВЕР — второй косой парус на бушприте.

БРАМ-РЕЯ — третья снизу рея на мачте.

БРАМСЕЛЬ — третий снизу парус на мачте с прямым парусным вооружением.

БРАМ-СТЕНЬГА — третье снизу колено мачты (бом-брам-стеньга, соответственно — четвертое).

БРАСЫ — снасти, служащие для вращения рей в горизонтальной плоскости.

БРИГАНТИНА — двух- или трехмачтовое судно с прямым парусным вооружением (квадратные паруса) на передней мачте и с косым (треугольные паруса) — на задней.

БРИЗ — прибрежный ветер с суточной периодичностью. Дневной бриз дует с моря на сушу, ночной — с охлажденного берега на море.

БУЛЬВАРК — высокий и прочный фальшборт на военных судах, служащий для укрытия команды и палубных орудий от пуль и шрапнели.

БУШПРИТ — горизонтальный или наклонный брус, выступающий за форштевень парусного судна. Служит главным образом для крепления носовых парусов.

ВАНТЫ — растяжки из прочных смоленых канатов и тросов для крепления мачт в вертикальном положении.

ВАТЕРВЕЙСЫ — деревянные брусья, соединяющие палубу с бортами судна.

ВАТЕРЛИНИЯ — черта, указывающая уровень погружения судна в воду.

ВОДОИЗМЕЩЕНИЕ — объем судна ниже ватерлинии.

ВЫБЛЕНКИ — веревочные перемычки между вантами, образующие веревочную лестницу для подъема на мачту.

ВЫМБОВКА — рукоятка для вращения ручной лебедки; имеет вид палки длиной около двух метров и толщиной на одном конце около пяти сантиметров, а на другом — около трех сантиметров.

ГАКАБОРТ — кормовой борт судна, кормовые обводы.

ГАЛЕОН — большое трехмачтовое судно особо прочной постройки, снабженное тяжелой артиллерией. Эти суда служили для перевозки товаров и драгоценностей из испанских и португальских колоний в Европу.

ГАЛЕРА — крупное гребное (обычно военное) судно.

ГАЛС — курс судна относительно ветра (левый галс — ветер с левого борта, правый галс — с правого). Менять галсы — значит идти зигзагообразным курсом при встречном ветре.

ГАНДШПУТ — увеличенная вымбовка, служащая для работы с большими тяжестями.

ГАФЕЛЬ — наклонная часть рангоута, прикрепленная одним концом к мачте и служащая для растягивания верхней стороны трапециевидных парусов.

ГИГ (гичка, вельбот) — легкая быстроходная шлюпка; командирский катер.

ГИК — такое же бревно для крепления или растягивания нижней шкоторины косых парусов.

ГРАПНЕЛИ — трех- или четырехконцовые стальные «кошки»; используются в качестве шлюпочных якорей, а также как абордажные крючья.

ГРОТ-МАРСЕЛЬ — второй снизу прямой парус на грот-мачте.

ГРОТ-МАЧТА — средняя (вторая от носа), самая большая мачта.

ГРОТ-СТЕНЬГА — второе снизу колено грот-мачты.

ДРЕЙФ — «лежать в дрейфе», «дрейфовать», остановить ход судна и держаться на месте, не отдавая якоря, расположив паруса так, чтобы одни тянули судно вперед, а другие, соответственно, — назад.

«**ЖЕЛТЫЙ ДЖЕК**» — название тропической лихорадки на жаргоне английских моряков.

ЗАРИФИТЬ ПАРУС (ВЗЯТЬ РИФЫ) — уменьшить поверхность паруса.

КАБЕЛЬТОВ — здесь: морская мера длины, равная 0,1 мили.

КАБЕСТАН — ручной ворот для поднятия якоря.

КАБОТАЖ — плавание вдоль берегов без захода в заграничные порты.

КАМБУЗ — кухня на судне.

КАНАТНЫЙ ЯЩИК — помещение для хранения запасных тросов, канатов, парусов и прочего инвентаря. Обычно располагается в форпике — самом узком месте трюма в носу судна.

КАПЕР — частное судно, имеющее официальное разрешение воюющей державы (каперское свидетельство) на захват торговых судов противника, а также судов нейтральных государств, поддерживающих торговые связи с неприятельской стороной.

КАЮТ-КОМПАНИЯ — общее помещение для командного состава судна, служащее столовой, местом собраний и отдыха.

КВАРТЕРДЕК — приподнятая до линии фальшбортов кормовая палуба.

КИЛЬ — продольный брус, проходящий посередине днища судна от носовой до кормовой оконечности и служащий основой всей его конструкции.

КИЛЬВАТЕР — след в воде за кормой идущего судна.

КИЛЬВАТЕРНАЯ КОЛОННА — строй кораблей при следовании один за другим по линии курса.

КЛИВЕР — треугольный парус между фок-мачтой и бушпритом.

КЛИВЕР-ШТАГ — снасть, крепящая спереди фок-мачту; к ней же крепится один из косых парусов на бушприте.

КЛОТИК — закругленное окончание мачты в виде плоского шара или яблока.

КЛЮЗ — круглое отверстие в борту для пропускания швартовых или якорных канатов (якорный клюз).

КОК — корабельный повар.

КООРДИНАТЫ — величины, определяющие положение точки на земной поверхности.

КРАМБОЛ — кронштейн на носу судна для подвешивания якоря.

КРЕНГОВАНИЕ — очистка корпуса судна от налипших на него водорослей и ракушек.

ЛАГ — здесь: борт корабля.

ЛЕЕРНОЕ ОГРАЖДЕНИЕ — веревочные перила.

ЛЕЖАТЬ В ДРЕЙФЕ — см. **ДРЕЙФ**.

ЛИГА (морская) — равна трем морским милям или 5,556 километра.

ЛИСЕЛИ — добавочные паруса, ставящиеся на боках прямых парусов для увеличения их площади.

ЛОТ — приспособление для измерения глубин и поднятия образцов грунта со дна моря.

МАРСЕЛИ, ФОР-БРАМСЕЛИ, СТАКСЕЛИ, ФОК, ГРОТ — названия парусов.

МАРСОВЫЙ — вахтенный матрос, наблюдающий за горизонтом со специальной площадки на мачте (марса).

МАЧТА — вертикально установленное рангоутное дерево, служащее для крепления парусов. На крупных судах формируется из двух или трех составных частей: нижней, или собственно мачты, средней — стеньги и верхней — брам-стеньги. У мест соединения этих частей расположены площадки: нижняя — марс, верхняя — салинг.

МИДЕЛЬ — средняя часть судна.

МОРИСТЕЕ — «располагаться мористее чего-либо», находиться в море на определенном расстоянии от данного объекта.

МОРСКАЯ САЖЕНЬ — см. **ФАТОМ**.

НАВИГАЦИЯ — искусство судовождения (или период нахождения судна в плавании).

НОК — любой свободный конец рея, гафеля или гика (горизонтального или наклонного рангоутного дерева).

ОБСТЕНИТЬ ПАРУСА — повернуть их или судно так, чтобы ветер ударил в обратную сторону парусов.

сов и они прижались к мачтам и стенам. При об-
стененных парусах судно получает задний ход.

ОГОНЬКИ СВЯТОГО ЭЛЬМА — холодный раз-
ряд на концах высоких предметов, обусловленный
чрезмерным накоплением статического электриче-
ства при высокой напряженности электрического
поля (например, перед грозой).

ПАКЕТБОТ — судно, совершающее регулярные
рейсы для перевозки почты, грузов и пассажиров.

ПЕРЕБОРКА — стенка на судне (каюты, трюм-
ного отсека и т. п.).

ПЛАНШИР — здесь: деревянный брус с гнезда-
ми для уключин, идущий по бортам шлюпки.

ПОДВОДОК — потолок в любом внутреннем по-
мещении судна.

ПОЛУБАК — палубная надстройка на баке, где
обычно расположены помещения для команды.

ПОЛУЮТ — возвышенная часть палубы на юте,
где обычно располагаются каюты для командного
состава.

ПОМПА — насос для откачки воды.

ПОРТЫ — здесь: отверстия для пушек в борту
судна.

ПРИВАТИР — судно, которое судовладелец сда-
вал пиратам в аренду за определенный процент до-
бычи (обычно довольно высокий).

ПРИЗ — корабль или иное имущество, захва-
ченное в морском сражении.

РАНГОУТ — совокупность надпалубных частей
судового оборудования (мачты, реи, гафели и пр.),
предназначенного для крепления парусов и подъ-
ема грузов. Изготавливался прежде из дерева осо-
бых пород, поэтому части рангоута получили общее
название «рангоутного дерева».

РАНДЕВУ — здесь: сбор войск или кораблей в
назначенном месте.

РЕЙ (РЕЯ) — поперечный брус, подвешенный к мачте за середину, к которому крепится один из прямых парусов.

РЕЙД — относительно защищенное от ветров водное пространство перед входом в залив.

РУМБ — $\frac{1}{32}$ часть картушки компаса (кружка, прикрепленного к магнитной стрелке), разделенной на 360 градусов; следовательно, румб равен 11,25 градуса.

РУНДУК — ларь для хранения имущества.

САЛИНГ — решетчатая площадка в месте соединения стеньги с брам-стенгой (второго и третьего колен мачты); служит для наблюдения за горизонтом, фарватером и т. п.

СВАЙКА — круглый железный стержень, заостренный с одного конца. Используется при такелажных работах.

СЕЗЕНЬ (ШЛЕЙКА) — короткая плетенка или кусок троса, служащие для крепления убранных парусов.

СКЛЯНКИ — песочные часы. Отбивать склянки — отмечать время ударами в корабельный колокол.

СНАСТИ — совокупность всех тросов и канатов, служащих для управления парусами.

ТАКЕЛАЖ — совокупность всех снастей на судне. Бегучий такелаж — подвижные снасти, служащие для маневров с парусами. Стоячий такелаж — неподвижные снасти, служащие для крепления рангоута, т. е. мачт, стеньг и пр.

ТАЛИ — то же, что полиспаг, т. е. канат, пропущенный через систему блоков для облегчения тяги.

ТВИНДЕК — пространство между верхней и нижней палубами у двухпалубных судов.

ТОПЕНАНТ — снасть, поддерживающая свободные концы (ноки) рей, гафелей, гиков и т. п.

ТОПСЕЛИ (ВЕРХНИЕ МАРСЕЛИ) — верхние паруса на судах с прямым парусным вооружением.

ТРАВЕРЗ — перпендикулярное расположение объекта относительно курса судна.

ТРАП — любая лестница на судне.

ТРЮМ — внутреннее помещение судна, служащее для укладки груза.

ТРЮМСЕЛИ — самые верхние паруса.

УЗЕЛ — условная мера скорости, соответствующая одной морской миле в час (морская миля равна 1852 метрам).

ФАЛЫ — снасти в виде специальных талей, служащих для подъема рангоута (рей, грузовых стрел и пр.).

ФАЛЬШБОРТ — продолжение бортовой обшивки над палубой в виде сплошного ограждения. Служит для предохранения людей и грузов от падения в море во время шторма или сильной качки.

ФАРВАТЕР — безопасный в навигационном отношении проход по водному пространству.

ФАТОМ — морская сажень; равна шести футам (1,8288 метра).

ФОК-МАЧТА — передняя (первая от носа) мачта.

ФОРДЕВИНД — курс, совпадающий с направлением ветра. Поворот через фордевинд — перемена галса, когда судно пересекает линию попутного ветра.

ФОРДЕК — передняя открытая часть палубы.

ФОРПИК — треугольный отсек в носовой части трюма.

ФОРШТЕВЕНЬ — вертикальный брус, образующий острие носа и соединяющийся внизу с килем судна.

ШВАРТОВ — трос, с помощью которого подтягивают и крепят суда к причалу.

ШКАНЦЫ — часть палубы между грот-мачтой и бизанью, самое почетное место на судне.

ШКАФУТ — часть палубы между фок- и грот-мачтами.

ШКЕРТ — короткий отрезок тонкого троса.

ШКОТЫ — снасти, натягивающие нижние углы парусов. «Выбрать шкоты» означает втугую натянуть их, так, чтобы паруса не полоскали по ветру («обтянуть паруса»).

ШЛЮП — одно- или (редко) двухмачтовое судно с косым парусным вооружением.

ШПАНГОУТЫ — деревянные изогнутые брусья, формирующие остов судна.

ШПИГАТЫ — отверстия для стока воды в борту судна.

ШТУРВАЛ — рулевое колесо, снабженное рукоятками для удобства вращения.

ШХУНА — двух-, трех- или четырехмачтовое судно с косым парусным вооружением (редко с прямыми парусами на фок-мачте).

ЮТ — часть палубы от задней мачты (бизани) до конца палубы (гакаборта).

ЯЛ — небольшая, относительно короткая и широкая судовая шлюпка с транцевой (плоской) кормой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Об обстоятельствах моего рождения, роста и воспитания	5
Глава 2. О странном человеке, поселившемся на берегу	9
Глава 3. О голом купальщике и о следах костра	26
Глава 4. О втором незнакомце, о коричневой шкатулке и о помешательстве, охватившем весь Керктаун	41
Глава 5. О девице Марджори и о нападении дикого стада	55
Глава 6. О том, что я увидел в колодце	68
Глава 7. О драке в таверне	74
Глава 8. О смерти де Папильона и о находке сундучка	86
Глава 9. О прогулке по крыше, о заговоре и о контрзаговоре	101
Глава 10. О команде галеры и о косоглазом незнакомце	119
Глава 11. Об особенностях штурманской практики Фила Бартлоу и о битве с королевским военным судном	131
Глава 12. О «Золотом драконе» и о смертном приговоре	148
Глава 13. О том, что я услышал в каминной трубе, и о человеке под аркой	167
Глава 14. О затянутой петле и о появлении Саймона Гризейла	187
Глава 15. О людях, скрывавшихся в зарослях, и о всаднике, ехавшем из Эксетера	200
Глава 16. О взятии «Донны Беллы»	220
Глава 17. О приказе открыть огонь и о кончине «Морской феи»	239
Глава 18. Об испанской Святой Милосердной Деве и о компании акул	261

Глава 19. О разорванных путях, о перевернутой лодке и о прибытии «Золотого дракона»	283
Глава 20. О том, что рассказал мне сэр Джаспер, и о моем ночном заплыве	302
Глава 21. Об асфальтовом озере и о человеке с пикой	323
Глава 22. О судьбе «Донны Беллы» и о подвигах Саймона	345
Глава 23. О поисках сокровищ мертвой головы	365
Глава 24. О пустом дереве и о глазах, которые двигались	386
Глава 25. О людях с «Санта-Марии»	406
Глава 26. О песенке Саймона и о ее последствиях	423
Глава 27. О нашем плавании на север	442
Глава 28. Об ударе шпагой и о лице в толпе	463
Глава 29. О том, что я увидел в колодце во второй раз	484
Глава 30. О последней битве и о том, чем все кончилось	506
Краткий словарь морских терминов	529

Эндрю Бальфур
УДАР ШПАГИ

Ответственный редактор Д. Лобанов
Технический редактор Н. Лакатош
Корректоры О. Новожилова, Н. Старостина
Верстка Т. Макаровой

ЛР № 090078 от 25.02.99

ГС № 77.99.2.953.П.11887.6.00 от 14.06.2000.

Подписано в печать 25.07.2000. Формат 84x108/32.

Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура Школьная.

Усл. печ. л. 28,56. Тираж 10000 экз. Заказ № 111.

ЗАО Компания "Махаон"
123007, Москва, 2-й Хорошевский проезд, 7
тел. (095) 933-76-00, факс 933-76-20
E-mail: amdr01@online.ru

Оптовая и мелкооптовая торговля
На территории Украины «Махаон-Украина»:
01033, Киев, ул. Саксаганского, 6, Дом кино, 4-й этаж
Тел./факс (044) 244-3757, 244-3758
E-mail: machaon@iptelecom.net.ua

КНИГА-ПОЧТОЙ

Читательский клуб «Махаон»
150000, Ярославль, ул. Павлика Морозова, 5
а/я «Махаон»

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ОАО ПП «Наш Современник».
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30.

Махаон

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Библиотека приключений

**Лучшие книги в жанре
приключенческой литературы!**

Кто в детстве не мечтал о далеких странах? Кому не хотелось отправиться в поисках приключений за золотом кровожадных пиратов? Издательство «Махаон» с гордостью представляет «Библиотеку приключений» - самые интересные книги, самые опасные приключения, самые отважные герои ...

- Эндрю Бальфур. Удар шпаги
- Д. Аллан Дани. Знак черепа
- Д. Аллан Дани. Золото мертвеца
- Рафаэль Сабатини. Одиссея капитана Блада
- Дональд Клейтон Портер. Белый индеец
- Дональд Клейтон Портер. Отступник
- Говард Пайл. Рыцари, закованные в сталь
- Джон Уайман. Шпага в честь

**Заказать БЕСПЛАТНО каталог вы можете по адресу:
150000, Ярославль, ул. Павлика Морозова, 5, в/я «Махаон»**

Махаон ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Школьная историческая библиотека

**Исторические события в судьбах
маленьких героев**

В этой увлекательной серии собраны истории детей, живших в далеком прошлом. Судьбы маленьких героев тесно переплетаются с событиями мировой истории: читатель переносится в Афины эпохи греко-персидских войн, великой чумы и Пелопоннесской войны, в Рим, терпящий поражение за поражением от войск великого полководца Ганнибала.

Читая о приключениях главных героев, читатель знакомится с историей тех времен, которая раскрывается перед ним с новых захватывающих и незабываемых сторон.

А. Говоров. Алкамен - театральный мальчик

А. Усова. Маленький гончар из Афин

А. Немировский. Слоны Ганнибала

Заказать **БЕСПЛАТНО** каталог вы можете по адресу:
150000, Ярославль, ул. Павлика Морозова, 5, а/я «Махаон»

Масхаон ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Книги нашего детства

Книги, ставшие классикой

В серию включены книги отечественных и зарубежных писателей, которыми зачитывалось не одно поколение. Описываемые события переносят читателя в разные страны и времена. Немало захватывающих приключений выпадает на долю героев, однако их всех объединяют благородство и преданность, смелость и решительность. Можно с уверенностью сказать, что герои этих книг стали идеалом для многих мальчишек и девочек.

- Г. Мало. Без семьи
- В. Каверин. Два капитана
- Г. Хаггард. Кошки царя Соломона
- М. Твен. Приключения Тома Сойера
- Д. Дефо. Робинзон Крузо
- А. Конан Дойл. Затерянный мир
- А. Грин. Алые паруса
- А. Гайдар. Тимур и его команда
- А. Рыбаков. Кортик
- М. Рид. Морской волчонок
- А. де Сент-Экзюпери. Маленький принц
- В. Лавринович. Падь золотая
- Ж. Верн. Найденыш с погибшей «Цинтия»
- В. Катаев. Беллет парус одинокий

Заказать **БЕСПЛАТНО** каталог вы можете по адресу:
150000, Ярославль, ул. Пальцев Морского, 5, д/я «Масхаон»

Замечательная новость

для всех любителей хороших книг

Книжный клуб издательства «Махаон»

открывает свои двери для всех желающих!

У членов книжного клуба «Махаон» нет абсолютно никаких обязательств, зато у них есть **НОВЫЕ, НЕОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ!**

- Вы сможете покупать книги **ПО ОТПУСКНЫМ ЦЕНАМ** издательства
  - Примете участие в уникальных издательских программах, которые обеспечат вам **ЛЬГОТЫ И СКИДКИ** при покупке наших книг
  - Станете обладателем книг, которых не найдете в магазинах
  - Получите возможность первыми знакомиться с новинками издательства
  - Сможете принимать участие в **КОНКУРСАХ, ЛОТЕРЕЯХ** и выигрывать замечательные призы
  - Станете участником **КЛУБНЫХ ВСТРЕЧ** и приобретете новых друзей
- Вы заинтересовались и хотите присоединиться к нашему клубу?**
Это очень просто!

Пришлите нам информацию о себе, обязательно укажите:

- фамилию, имя, отчество (полностью)
- дату рождения
- почтовый индекс
- точный почтовый адрес

Отправьте эту
информацию по адресу:
**150000, Ярославль,
ул. Павла Морозова, 6
а/я «Махаон»**

Старайтесь писать разборчиво – ваши координаты необходимы нам, чтобы отправить на ваш адрес цветной каталог издательства «Махаон»
БЕСПЛАТНО

Книги, представленные в каталоге, заинтересуют всех членов вашей семьи – мам и пап, бабушек и дедушек, детей и подростков!

- Сказки и красочные обучающие книжки для самых маленьких
- Художественная и познавательная литература для детей всех возрастов
- Энциклопедии, атласы, справочники, словари для школьников
- Книги для семейного чтения
- Художественная литература для взрослых

**Расширяйте свой кругозор
и круг общения в книжном клубе
«Махаон»!**

Machaon

32257

руб 59.0

Рисунки
И Парамонюва

ISBN 5-88215-824-9

9 785882 158247 >